

СКАЗКА О ШУТЕ И ВЕДЬМЕ

ЗИКЕВСКАЯ ЕЛЕНА

Когда твой возлюбленный поставил на кон больше, чем жизнь. Когда сами боги против него. Когда он принял божественное проклятие вместо тебя, а ваши враги не дремлют — что ты выберешь? Снова стать ведьмой любовной магии и скрываться от своих врагов? Или остаться с любимым и идти по своей судьбе до конца? Идти, надеясь на чудо и зная, что вы оба можете проиграть эту Игру.

Сказка о Шуте и ведьме. Ашу Сирай

35. Море

Наше путешествие длилось уже несколько дней.

Джастер почти не разговаривал. Хотя стена между нами исчезла, и он не грубил в разговоре, серые глаза отливали сталью, и я не обманывалась его улыбкой. Больше всего он походил сейчас на того Шута, с каким я познакомилась две луны назад.

Только теперь было намного страшнее, потому что Джастер не выдавал себя за юного бродячего менестреля, и даже за «пса», а я знала, на что он способен на самом деле.

С короткой бородой и усами, одетый как наёмник, с Живым мечом на поясе и фламбергом у седла, молчаливый, хмурый, сосредоточенный и погружённый в себя — это был матёрый «волк»-одиночка, которому любые разбойники на один зуб. С таким типом даже Холисса бы связываться не стала.

По нему же видно, что сначала убьёт, а потом разговаривать будет. Помятуя Чернецы и его «мёртвые не врут», это даже не шутка.

Если он в таком виде к тому ювелиру нанимался, не удивительно, что его жена сразу согласилась, а ювелир десять «роз» без возражений заплатил. А я-то, глупая, удивлялась, почему они молодого «пса» в дурацком наряде слушают беспрекословно...

А такого попробуй, не послушай... Так посмотрит, что со страху сам себе язык прикусишь.

До встречи с наставницей я бы попыталась растормозить Шута, но теперь боялась лишней раз рот открыть.

Джастер не вернул мне оберег с браслетом, словно их никогда и не было. Это пугало меня больше всего остального.

Сначала я думала, что он снова нанижет бусины на нити и завяжет браслет двух судеб на моём запястье, но этого не произошло ни в первый день нашего путешествия, ни в остальные.

Видимо, опять Шут прав. Разбитое не станет целым, даже если осколки найти и склеить...

Если бы он хоть оберег вернул — я бы надеялась, что и браслет снова появится на моем запястье. А так...

Сама разорвала, сама всё испортила.

Думать о деле, а не о постели... Он ведь больше ко мне и не прикоснулся ни разу...

Неужели... Неужели Джастер простил меня и остался только из-за нашего договора? Потому что «по судьбе». Поможет глупой ведьме разобраться с соперницей, так как за ней его враг стоит, а затем уйдёт Играть дальше. Зная, что может не вернуться.

Да и захочет ли?

Бессмысленно жить и бессмысленно умирать... «Я потерял себя...» «От твоей руки умереть не судьба...»

Ага, аж два раза старался, бедненький! Я сама от переживаний чуть не померла тогда, а ему хоть бы хны! Отлежался, и всё! Вон как обрадовался и улыбался счастливо, когда про эту свою Игру узнал! От руки врага умереть в какой-то Игре — вот счастье-то!

Эх, Янига, Янига... Если бы сама не испортила всё с Холиссой, может быть, он бы меня и послушал. А так...

А так останусь одна в Кронтуше, с Микаем, не зная, как мне вообще жить без

Джастера...

Помогла, Янига, молодец... Так помогла, что к его старому ещё и от себя с горкой не один раз добавила...

Думать о том, что я сама разорвала нашу связь, было невыносимо и мучительно больно. Но и без этого хватало поводов для беспокойства.

С каждым днём во мне крепло чувство, что мы уходим от Сурайи, а не приближаемся к ней. Мы шли на восход, а не на юг, сосны мешались с незнакомыми кустами и деревьями, становились ниже, шире в объёме и раскидистей над головой, воздух становился всё прохладней, а земля всё более каменистой. Всё чаще я видела не просто каменное крошево под ногами, а огромные валуны и даже небольшие скальные уступы. Вот и сейчас подковы Ласточки цокали по мелким камням, скрытым в низкой траве.

Кроме того, уже второй день я чувствовала едва уловимый странный запах. Это было похоже на запах большой реки, но только похоже, потому что река не пахнет солью. А ещё над головой постоянно шумел ветер. Этот приятный и ненавязчивый шум меня немного успокаивал.

Джастер шёл впереди меня, ведя Огонька в поводу, и я видела только лошадиный круп и светлую шевелюру, мелькавшую из-за холки. Из-за лошадей Шут выбирал дорогу дольше и тщательней, а не шёл напрямую через непролазные заросли, как обычно.

Я опасалась, что лошади в глухом лесу будут всего бояться, но видимо, у домэров они и в самом деле были особой породы. Ласточка и Огонёк спокойно и послушно шли за нами, лишь изредка фыркая или прядая ушами.

— Джастер...

— Чего тебе, ведьма? — отозвался Шут.

— Мы далеко от людей?

Джастер посмотрел вверх, а затем кивнул. В самом деле, у Шанака спрашивает, что ли?

— Да, достаточно.

— Достаточно это сколько?

Воин хмыкнул в ответ.

— Какая разница, Янига? Ты по людям соскучилась?

Опять отвечает вопросом на вопрос! Но я на эту уловку уже не попадусь!

— По-моему, мы идём в другую сторону.

— Почему?

— Сурайя на юге, а ты идёшь в горы. Разве нет?

— Ты была в горах?

Я пожала плечами.

— Нет. А что там делать-то? Там же не живёт никто. Только на севере рудники есть, там золото и драгоценности преступники добывают. Мне Хо... Все это знают! — торопливо поправила я. Говорить о бывшей наставнице совсем не хотелось.

— Вот как... Что ж, тогда считай, что у тебя познавательная прогулка, — отозвался он, сделав вид, что не заметил моей оговорки. — В мире много таких вещей, которые надо увидеть, Янига. Горы — одна из них.

— И море тоже? — вспомнила я про обещанную невидаль.

— И море тоже.

— А зачем их нужно увидеть?

— Дойдём — поймёшь.

Как обычно, одни отговорки...

— Ты же говорил, что времени мало, а дел много. До праздника урожая меньше луны осталось! А теперь говоришь, что нам надо...

Джастер оглянулся на меня. Улыбка пряталась в короткой светлой бороде и усах.

Я так и не могла решить, каким он мне больше нравится: юным шутком в пёстрой рубахе или вот таким матёрым воином, в одежде наёмника.

— Не всегда самая прямая дорога — самая короткая, ведьма. Если я прав, мы всё успеем.

Опять он загадками говорит. Но как же интересно всё это!

— Зачем мы на самом деле идём в Сурайю?

— Поговорить надо кое с кем, — ответил Джастер после короткого молчания. — И, предупреждая твой следующий вопрос: да, я мог бы сделать это здесь, но легче и проще прийти в замок к этой карге и поорать под воротами, что мы пришли. Ещё вопросы?

— Поняла, — пробурчала я себе под нос.

— Не переживай, Янига, — негромко рассмеялся он. — Тебе понравится. Сурайя — страна суровых обычаев, зато какие там сладости... В жизни таких больше нигде не ел! А какие наряды у женщин...Мммм! Песня, а не наряды!

Сладости ему... лакомка...

— Ты не шутишь? — подозрительно поинтересовалась я. — Они, правда, такие красивые?

— В таких нарядах любая женщина сказочно выглядит. Глаз не оторвать. Век бы смотрел и смотрел...

Судя по голосу, он мечтательно улыбался, но это только усилило мои подозрения. Любая женщина сказочно выглядит...Век бы смотрел...

Да он издевается надо мной!

И ведь после того, что натворила, даже сказать в ответ нечего...

А если он... Если он и в самом деле найдёт себе другую?! Нет, нет, нет! Выброси это из головы, Янига! Как будто мало поводов для волнения.

В своих переживаниях я не заметила, как лес закончился, и мы вышли на открытое всем ветрам место.

Невысокая трава стелилась под ноги, вздыбливалась вверх и резко исчезала в нескольких десятках шагов впереди. По бокам лес наступал на открытое место и растрёпанной зелёной щёткой вздымался в небо, понимаясь по склонам огромного холма. Справа в ложбинке поблёскивало крохотное озерцо.

Очень сильно пахло водой, солью и этот шум... Словно кто-то огромный мерно дышит...

Я замерла и осторожно попятилась назад, под кроны деревьев.

— Ты что, испугалась, ведьма?

Джастер подошёл ко мне и протянул руку за поводом Ласточки. Говорил он спокойно и чуть насмешливо, и я торопливо покачала головой. Вовсе я не испугалась. Он же рядом и чем-то довольный даже...Просто мне не по себе здесь.

— Странное место. Оно похоже на огромную миску.

— Интересное сравнение. — Джастер привязал Ласточку к стволу рядом с Огоньком. — Ну что, готова, ведьма?

— К чему? — я испуганно схватилась за рукоять меча, настороженно оглядываясь по

сторонам, а Джастер вскинул брови вверх и весело рассмеялся.

— Ничего смешного! — я сердито оправляла руками платье, делая вид, что именно это и хотела. — К чему я должна быть готова?

— Неужели ты мне всё ещё не доверяешь, Янига?

Джастер смотрел серьёзно и без улыбки. Его взгляд и вопрос настолько ошеломили меня, что весь запал разом погас.

Я ему всё ещё не доверяю? Разве... Разве это так? Разве я всё ещё сомневаюсь в нём? Конечно, нет! Или... д-да?

Ох, Янига, да что с тобой опять не так?

Это же Джастер! Как ты можешь ему не доверять?!

— Доверяю, — буркнула я в ответ, смутившись и отведя глаза.

— Тогда идём, — он с доброжелательной улыбкой протянул мне руку, словно не заметил моей заминки с ответом.

Я, внезапно робея от неожиданных сомнений, протянула ему ладонь. А в следующее мгновение с души словно упал тяжёлый камень, когда его тёплые пальцы бережно и уверенно сжали мои.

— Идём, — снова улыбнулся он, потянув меня за руку.

— А что это за шум? — я шла за ним туда, где край травяного поля поднимался в небо.

— Увидишь, — Джастер не переставал довольно улыбаться. — Только держись рядом.

И смотри под ноги.

— Хорошо.

Я подобрала подол истрёпанного и окончательно погубленного платья, выполняя его просьбу. Подниматься в горку было не сложно, я смотрела под ноги и наслаждалась тем, что Джастер держал меня за руку впервые за несколько дней. Может, он теперь и на ночь меня к себе позовёт? Конечно, шатёр очень удобный и спать в нём теплее, но я бы с радостью его отдала, чтобы спать с Джастером под его плащом...

— Ну вот, смотри.

Увлечённая мечтами, я подняла голову и не сразу поняла, что земля под ногами закончилась.

Всего в шаге впереди меня была пустота.

А вместо земли...

— Великие боги... что это?!

— Море, — улыбнулся Джастер. Он смотрел вдаль из-под руки и довольно щурился от ярких бликов, играющих на воде. — Красиво, правда?

Я кивнула, не в силах произнести ни слова.

Огромная бескрайняя синяя вода, от нашего обрыва и до дальней дали, насколько хватало глаз, где вода встречалась с таким же безграничным и бездонным небом.

Никогда я не видела ничего подобного.

Я осторожно заглянула вниз и судорожно вцепилась в руку Шута, потому что от такой высоты закружилась голова. Джастер покосился на меня, но ничего не сказал, и я немного успокоилась. Волны накатывались на острые зубья скал и ударяли в каменную стену обрыва очень далеко внизу. То, что я приняла за шум или дыхание, оказалось голосом волн. И запах... это был запах моря. Соль. Лёгкая горечь. Ветер.

И огромный, бесконечный синий и голубой простор под ногами и над головой.

Море и небо.

Они пугали и восхищали меня своей красотой, мощью и безграничностью.

Вот он, Великий Шанак, Отец-Небо. Вот она, Великая Датри, Мать — Море.

Шанак тепло смотрел на меня огненным глазом. Датри ласково улыбалась сотнями солнечных бликов. Ветер, первое дыхание Шанака, друг Датри, их сводник, весело играл солёными брызгами, сверкающими, словно россыпи стеклянного бисера и драгоценных камней.

Старая легенда, прочитанная однажды у ночного костра, вдруг ожила, перевернув мою душу.

Я-то думала, что после всего случившегося уже знаю их силу. Глупая Янига, ничего-то я не знала...

Потрясённая до глубины души, я вдруг очень остро ощутила себя крохотной песчинкой на краю обрыва. Настолько крохотной, что порыв ветра легко может сдуть её в пропасть, а волны навсегда скроют на дне...

Только в следующий миг мне на плечи опустился чёрный плащ, и сразу стало тепло и спокойно.

Волны далеко внизу ударили в камень, вскипели белой пеной, и мне показалось, что я слышу дрожь земли от этого удара.

Ветер доносил снизу солёные брызги, гнал в небе облака и шумел в кронах деревьев. А я понимала, что никогда прежде не чувствовала, насколько мир полон божественной силы...

Удивительным образом на этом обрыве сплетались мощь и величие Божественной Пары.

— Пойдём?

Я покачала головой, закутываясь в надёжное и привычное тепло Шутовского плаща. Мимолётный страх прошёл. И мне хотелось ещё полюбоваться этой красотой и напитаться огромной силой Родителей Мира.

— Хорошо. Как устанешь — возвращайся.

Я кивнула, не в силах оторвать взгляда от игры солнечных бликов на бесконечной водной глади и огромного бездонного неба с редкими белыми облаками. Теперь я понимала, зачем Джастер привёл меня сюда.

«Мир намного больше, чем вы привыкли о нём думать».

Ты прав, Джастер, мир огромен. Невообразимо огромен.

Как же много мы забыли на самом деле... Как вообще люди могли забыть такое величие и мощь?! Как мы могли отказаться от даров Отца и Матери? Почему даже ведьмы и волшебники забыли про это?!

«Нужно вернуть в мир магию. А для этого вернуть богам силу. А для этого вернуть людям память».

«Кто, если не мы, ведьма».

Ты прав, Джастер.

Кто, если не мы, сможет вернуть людям магию и память?!

— Отец, Матушка! — в порыве чувств я сложила ладони вместе, прижимая руки к груди и стараясь не упустить на ветер плащ Джастера. — Обещаю вам, клянусь, я всё сделаю, чтобы магия вернулась в мир!

Ответом был ласковый поток солнечного света, вырвавшийся из-за облака, и новый порыв ветра, принёсший солёные брызги мне в лицо. Две луны назад я бы решила, что это случайность. Но теперь знала, чувствовала всей собой, что моя клятва услышана и принята

Божественной Парой.

Преисполненная решимости, я отошла от обрыва и огляделась в поисках Шута.

Джастер обустроивал лагерь на границе с лесом. Лошадей он пустил пастись у озерца, а сам натягивал верёвки для шатра.

Опять мне спать одной... Я оглянулась на сверкающее в лучах солнца море и закусила губу от неожиданного понимания.

«Неужели ты всё ещё мне не доверяешь...»

Доверяю ли я ему? Сколько раз я уже натыкалась на этот вопрос? Сколько раз сомневалась в нём и переступала через сомнения, чтобы потом снова сомневаться, но уже по другому поводу?

Нельзя быть с тем, кому не веришь и не доверяешь, да?

Не будет удерживать, если... точнее, когда я захочу уйти.

И ведь не стал. Дважды, в Пеггивилле и Шемроке, разозлившись, по своей глупости, я прогнала его по-настоящему. И он действительно уходил. Только вот я, осознав свою ошибку, догоняла его, прося дать мне шанс начать всё снова, потому что...

Потому что...

Потому что верила и не верила ему.

Датри решала, хочет ли она быть с Шанаком, а он ждал её решения. Она решала, довериться ему или нет.

Значит... Значит, я в самом деле не доверяю Джастеру, и из-за этого он опять отстранился от меня? Поэтому не вернул мне оберег и браслет? Но почему? Почему я ему не доверяю?! Он же столько для меня сделал! Я же хочу быть с ним! Хочу, чтобы он остался со мной! Я же его...люблю?!

Шанак, Датри, я же его люблю?! Правда?!

Отец и Мать молчали, только ветер насмешливо бросил мне в лицо прядь моих волос.

«Нужно вернуть в мир магию...»

Может, дело в этом? Я нужна ему только для этого? А когда он это сделает, то всё... Всё закончится?

Я решительно сжала кулаки, намереваясь выяснить истину немедленно.

— Джастер!

— М? — он даже головы не повернул, расправляя полог.

— Что нужно сделать, чтобы вернуть людям магию?

Шут отвлёкся и с прищуром посмотрел на меня.

— Ты что, ведьма, на солнце перегрелась? Так здесь родник есть, сходи...

— Джастер, я не шучу! Ты говорил, что мы должны вернуть в мир магию! Или ты соврал?

— Говорил, — хмуро ответил он, снова вернувшись к своему занятию. — Я много чего говорил. Почему ты именно это вспомнила?

— Потому что я хочу это сделать. — Я решительно сложила руки на груди. — И я хочу знать, что для этого нужно.

— Ишь ты, какая... — он отошёл от готового шатра к сложенным у сосны вещам. — Если бы я знал, давно б сделал, тебя бы не ждал.

— То есть как... — я ошеломлённо смотрела на него. — Ты... не знаешь?

— Если ты думала, что память людям можно вернуть по щелчку, одним заклинанием, то ты глубоко ошибаешься, ведьма, — хмуро ответил он, доставая котелок. — Это тебе не

сказка, где пойдешь туда, не знаю куда, найди волшебную вещь, и всё сразу — хоп! — и расколдуется. Ломать — не строить, знаешь ли. Это дело долгое. Что ты так на меня смотришь? Люди живут мало, и у них очень короткая память. Самая короткая из всех разумных, кто жил в этом мире. Люди умеют забывать даже самые ужасные или прекрасные вещи в своей жизни. Через несколько поколений они уже наполовину забывают то, что знали их предки. С Битвы богов прошла тысяча лет. Честно говоря, я удивлён, что люди вообще про неё ещё помнят.

— Но... как же тогда... — я растерянно смотрела на Шута. — Ты же говорил, что мы должны...

— Делай, что можешь, Янига, — он ответил без улыбки. — Ты уже идёшь по своей судьбе. Значит, всё сложится, как надо. А теперь не стой столбом, принеси хвороста для костра. Сегодня переночуем здесь, а завтра будем на месте.

Он взял котелок и зашагал к озерцу, где паслись лошади. Мне ничего не оставалось, как оставить его плащ и отправиться в лес.

Не всегда самая прямая дорога — самая короткая? Завтра будем на месте?

Опять одни вопросы и никаких ответов.

И ведь бесполезно спрашивать, снова отговорится загадками или вовсе отвечать откажется.

Как я должна ему доверять?!

Шанак, Датри, как мне ему доверять?!

Ответом мне был только шелест листвы над головой.

Когда я вернулась с охапкой хвороста, Джастер стоял на краю обрыва и разговаривал с Игвилем. Дракса прижимал крылья к спине и смущённо упирался чешуйчатым лбом в бок Шуту. Длинный хвост метался из стороны в сторону, острым концом срезая и без того низкую траву. Я бросила хворост возле шатра и подошла к ним.

— Ну, давай, попробуй. Тебе понравится, обещаю. Чего ты боишься? — Джастер ласково гладил Игвиля по шее. — Глядишь, ещё и нам ужин поймаешь.

Дракса жалобно заскулил и спрятал голову за спину хозяина.

— Что ты делаешь? — я остановилась в нескольких шагах от них.

— Уговариваю, как видишь, — Джастер всё также ласково гладил Игвиля по шее. — Раз уж у него крылья выросли, надо учиться летать. А он боится.

Я понимающе кивнула, а Шут улыбнулся.

— Иди сюда.

Жестом свободной руки он предложил встать с другой стороны от него. Я подошла, стараясь не смотреть вниз и держаться подальше от края, а Джастер неожиданно обнял меня за талию, притянув к себе.

Далеко внизу волны с шумом накатывались на торчащие из воды скалы, и бессильно опадали, омывая их пеной. Жуть-то какая... И зачем он на самом краю встал?

От огромной высоты голова кружилась, и было страшно упасть в кипящие волны. Хорошо, что Джастер меня держит...

— А ты бы хотела летать, Янига? — Шут смотрел в небо и мечтательно улыбался. — Подняться до самых облаков и даже выше, навстречу солнцу, ветру... Почувствовать настоящую свободу... Испытать ни с чем несравнимое чувство полёта...

Я перевела взгляд с лица Джастера на небо. Нежная голубизна над головой переходила в

невероятную синь, и мне вдруг показалось, что в такое небо можно упасть, как в... в море. Захлебнуться с головой и утонуть в неведомой глубине.

«Конь коню — рознь, а этому только крыльев не достаёт...»

Не равна птица по полёту, да?

— Я не птица, — сердито нахохлилась я, обидевшись на давно сказанное Даэ Нану. — У меня нет крыльев.

— А я бы хотел, — Шут по-прежнему крепко обнимая меня, мечтательно улыбался, не обратив внимания на мою обиду. — А вот Игвиль может, но не хочет.

Дракса виновато выглянул из-под хозяйской руки, а кончик хвоста заметался ещё быстрее, вырывая траву и раскидывая мелкие камни. Часть из них перелетела за край обрыва, и я ухватилась за Шута обеими руками, проследив их полёт в пенное море.

Летать как птица... Да разве человеку такое по силам?! Вот так вот, камнем на дно только.

— Экие вы оба, — вздохнул Джастер. — Ладно, пойдём кашу варить, раз летать не хотите.

Я не успела ничего ответить, как он развернулся в сторону драксы, по-прежнему не отпуская меня. В следующий миг я поняла, что земли под моими ногами нет. Ужас от развернувшейся под ногами пустоты и утопающих в пене скал пронзил насквозь, дыхание перехватило, я вцепилась в Шута ещё крепче...

И Джастер не удержался.

В одно короткое мгновение всё опрокинулось навзничь, и мы полетели в пропасть. В безмолвном ужасе я только смотрела, как удаляется от нас край обрыва, где жалобно закричал дракса. Спиной я чувала, что вода и скалы всё ближе и ближе...

— ИГВИЛЬ!

Джастер призывно вскинул к нему руку, и дракса не выдержал.

Голубое пламя метнулось с обрыва за нами. В следующий миг я ощутила под собой чешуйчатую спину, сверху придавил Шут, выбив из меня дыхание, а падение прекратилось.

— Всё, всё, не бойся, ты молодец, всё хорошо. Сейчас поможем.

Джастер обращался не ко мне, а к драксе, который неровно, рывками поднимался вверх и снова проваливался вниз. Перепончатые крылья с заметным усилием били воздух, а Шут посмотрел на меня.

— Д-джа... — ко мне вернулся дар речи.

— Мы не там сидим, поэтому ему тяжело и неудобно. — Он не улыбался и не шутил. — Давай, перевернись на живот и доберись до его шеи. И быстрее, ведьма, а то все упадём, а под нами море.

Я испуганно моргнула, сглотнула комок в горле, и, осторожно перевернувшись на живот, поняла, что Шут прав.

Море было близко. Прямо говоря — Игвиль едва ли не брюхом волны задевал. Я могла бы опустить руку и коснуться воды.

— Не спи, ведьма!

Не сплю я, не сплю! Вот, уже ползу... Великие боги, как же неудобно это делать в платье!

— Дальше! — снова поторопил меня окриком Джастер.

— Да куда дальше?! Я и так почти на шее!

— Ещё немного, я же за тобой сяду.

Так бы и сказал сразу...

Обхватив шею драксы руками, я боязливо опустила ноги вниз, надеясь, что туфли с меня не свалятся.

— Садись прямо, Янига, — насмешливый голос привёл меня в чувство. — Не бойся, я тебя подержу.

Угу, не бойся... Подержит он...

— Сядь, ведьма. Хватит трястись как заячий хвост.

Рассердившись, я выпрямилась, собираясь высказать ему всё, что думаю, и ахнула, забыв обо всём.

Мы летели.

Даже не так.

ЛЕТЕЛИ!

Игвиль уверенно поднимался всё выше и выше, волны становились мелкой рябью, а море под нами всё не кончалось.

Насколько хватало глаз, вокруг было небо и море.

Солнце, ветер, простор и... удивительное, ошеломительное чувство детского восторга, от которого сладко щемило под ложечкой, потому что это было...

Неописуемо прекрасно!

Летать как птица? Да! Я хочу стать птицей! Раскинуть руки, расправить крылья и!..

— Лучше держись, ведьма. Навернёшься же.

Горячие ладони легли мне на бока, и я тут же опустила руки и испуганно ухватилась за шею драксы. До воды было намного дальше, чем на краю обрыва. Джастер за моей спиной даже не хмыкнул.

— Игвиль, давай обратно. На первый раз хватит.

В следующий миг небо накренилось, сердце и желудок ухнули куда-то вниз, к горлу подкатил удушающий комок, и я даже вздохнуть не могла от испуга. Если бы Джастер меня не держал, точно бы навернулась. Но почти сразу дракса выровнялся, и я увидела, что море и небо теперь разделяет тонкая тёмная черта. Фух, слава Богам...

— Это берег? Мы так далеко?

— Да, — Шут по-прежнему говорил немногословно. — А справа горы. Видишь?

Я пригляделась и поняла, что странные тёмные облака далеко впереди и в самом деле не двигаются, в отличие от своих белых собратьев.

Игвиль уверенно держался в воздухе, Джастер удерживал меня за талию, и я уже без страха смотрела, как быстро приближалась тонкая полоска берега, открывая моим глазам невиданное прежде зрелище.

Деревья казались не выше скошенной травы. Обрыв и скалы под ним — обычной ступенькой. Наши лошади возле крохотного сверкнувшего пятнышка воды — меньше мышей.

Но не только это поразило меня.

Земля впереди напоминала огромный живой ковёр, который чем дальше, тем больше бугрился холмами, пока далеко справа не превращался в огромные каменные горы, внизу покрытые зеленью, а наверху сверкающие белым. Влево стена обрыва тянулась, насколько хватало глаз. Неровные пятна леса, где-то темнее, где-то светлее покрывали всё обозримое пространство, и ничего похожего на Сурайю или то место, куда мы должны завтра прийти, я не видела.

Дракса начал снижаться, и я с сожалением подумала, что чудеса закончились. Вряд ли

ещё когда мне придётся прокатиться на Игвиле. Это сейчас всё так сложилось, что он меня вместе с Джастером спас. А если бы не это...

Игвиль завис над травой, поднимая крыльями ветер, а затем разом приземлился на обе лапы. Сидя на его шее, я почти доставала ногами до земли.

— Слезай, ведьма, — холодно поторопил меня Шут. — Дай ему отдохнуть.

Я торопливо спрыгнула и, оглянувшись, поняла, что Джастер прав. Игвиль лёг на траву, распластал крылья и выглядел заметно уставшим. Шут сел рядом с ним на землю, дракса положил голову ему на колени и закрыл глаза, пока хозяин ласково гладил его по чешуйчатой шкуре.

— Займись ужином, ведьма, — не глядя на меня, бросил Шут. — Не стой без дела.

Я сердито поджала губы, но мне ничего не оставалось, как отправиться к нашему лагерю, а Джастер что-то негромко и неразборчиво говорил драксе.

Пока я варила кашу, Шут так и сидел в обнимку с Игвилем, наглаживая Живой меч.

«Маленький он ещё, испугался...»

Испугался... Опять испугался из-за одной глупой ведьмы, которая чуть дважды... Нет, теперь уже трижды едва не отправила его хозяина в сады Датри. И не важно, то Джастер тогда сам хотел умереть. Сейчас-то он умирать не собирался...

Хотя Игвиль и подрос, но, наверное, по своим волшебным меркам по-прежнему оставался маленьким. Вон как он боялся летать и Джастер его уговаривал... Если бы Шут не упал с обрыва, кто знает, захотел бы дракса полететь спасти глупую ведьму... Это за своего хозяина он в огонь и в воду, а я...

Игвиль ведь так и не простил меня за Шемрок. А теперь к моим проступкам добавился ещё один...

И что я запаниковала? Не уронил бы меня Джастер, в самом деле. У него силы хватит меня одной рукой удержать...

Только в тот момент я об этом совсем забыла. Потому что решила, что сейчас упаду вниз.

По-прежнему не доверяю я им, так выходит...

Но почему? Почему?!

Когда каша сварилась, я наполнила наши миски и отнесла Шуту, так и сидевшему в обнимку с драксой. Игвиль спал, положив голову на колени хозяина, а сам Джастер смотрел на разливающийся над морем закат и о чём-то думал.

Миску с кашей он взял не глядя и ел молча. Я села в нескольких шагах от них и, пока ела, тоже любовалась удивительной красотой вечерней зари над бесконечным и изменчивым морем, частенько забывая донести ложку до рта.

Хотя каша остывала на ветру, это было не важно. Завтра мы уйдём отсюда, и навряд ли я когда-то снова увижу подобное. Как Джастер мне сказал на нашей прогулке: очень красиво, хочу запомнить...

Теперь я понимала его. Я тоже хочу запомнить эту удивительную, божественную красоту...

Когда последние лучи солнца погасли, почти сразу вокруг сгустилась тьма. Только над головой сверкали бесчисленные звёзды, да теплился вдалеке наш костёр.

Край обрыва исчез в этой черноте, и я теперь боялась встать и пойти обратно, чтобы случайно не повернуться, как выразился Шут. Хотя я не на краю сидела, да и костёр видно,

но всё равно боязно...

— Пойдём.

Перед моим лицом появилась ладонь, и я благодарно ухватилась за неё, как за спасение. Игвиль по-прежнему спал. Кажется, полёт с нами и в самом деле не простое занятие...

В молчании мы дошли до костра, и, пока Джастер ходил к озерцу мыть наши миски и проверить лошадей, я думала, что же мне делать.

Потому что дальше так жить я не могла.

Когда Шут вернулся и достал из сумки очередную веточку для игрушки, я не выдержала.

— Джастер... Почему ты сказал, что я тебе не доверяю?

— А разве это не так? — он придирчиво рассматривал веточку. — Ты не доверяешь сама себе. Как ты можешь доверять кому-то другому?

Не доверяю себе?! Что за глупости?! Конечно, я себе доверяю!

— С чего ты?!...

— Ты помнишь своего отца и свою мать? — невозмутимо перебил он меня. — Любишь их? Уважаешь? Что ты вообще знаешь про них?

Люблю? Уважаю? Тех, кого не помню, и в сознательной жизни никогда не видела?

— При чём здесь это?! — я изумлённо уставилась на него. — Какое отношение...

— Самое прямое, ведьма. — Спокойно ответил он, обстригивая кору. — Отец и мать — это врата, через которые душа приходит в мир. Они — главная опора в жизни каждого человека, через них ты получаешь силу и поддержку от своего рода. Как родник наполняет ямку в земле, чтобы потом течь дальше ручьём и рекой, так и род наполняет человека, чтобы через него продолжиться в будущем. Глядя на мать и отца, девочка учится быть женщиной и доверять мужчинам, а мальчик учится быть мужчиной и доверять женщинам. Это основа, краеугольный камень, чтобы построить свою жизнь. Не веря в себя, не веря другим не создать семьи, не вырастить детей. Можно, конечно, только получаться будет плохо, и счастливыми в такой семье никто не будет. У ведьм и вовсе не принято заводить семью. Вспомни, когда мы встретились, ты не верила в себя как женщина и как ведьма. Ты постоянно сравнивала себя со своей наставницей и во всём стремилась ей подражать. Сейчас ты немного узнала о своей силе и стала уверенней в своём даре, но не в том, что можешь быть интересна как женщина, а не как ведьма. Мужчины для тебя по-прежнему всего лишь развлечение, прислуга и любовники, которых легко прогнать и легко вернуть. И ко мне ты относишься так же. Но я — не все, ведьма. Моё терпение кончилось. Дважды я прощал тебя. В третий — не стану. Можешь потом хоть со скалы с разбегу прыгать, дело твоё.

Я только молча тискала юбку, потому что сказать на справедливые упрёки было нечего. Стыдно, горько и очень больно... От последних слов в душе и вовсе вдруг поднялся такой глухой комок неожиданной обиды и страха, что даже дыхание перехватило, а в глазах стало мокро.

— А как же тогда эта самая твоя судьба?! Ты же го...

— Моя судьба — не твоя забота, ведьма. — холодно срезал Шут. — Лучше думай о своей. Я предупредил.

Я молча глотала слёзы, понимая, что всё. Никакие мои уговоры на него больше не подействуют. Он не лгал. Никогда не лгал. И всегда исполнял обещанное. Значит, мне больше нельзя так ошибиться.

— П...прости...

Джастер даже бровью не повёл. Что ему от моих извинений...

Сидит вон и игрушку вырезает, как ни в чём не бывало... А я опять реву, как девчонка...

— Кто тебя воспитывал до того, как тебя забрала твоя ненаглядная Холисса? Кто тебя любил и баловал? — внезапно спросил Шут, перебивая моё настроение.

Я вытерла мокрое лицо рукавом, задумавшись над неожиданным вопросом. Кто меня любил и баловал...

Холисса заменила мне мать, но никогда не была ей. Она воспитывала меня, растила, кормила и учила, и всегда говорила, что я — будущая ведьма и её ученица. Она учила меня быть ведьмой, а не женщиной. И обходится с мужчинами учила как... как ведьма. Напоила зельями, развлеклась и бросила ненужное. И я... я старательно повторяла это за ней. Повторяла, даже понимая, что так делать не стоит. Уж не с Джастером точно.

Любила ли она меня...

После случившегося в Шемроке я уже не была уверена ни в чём.

«Помните, вы говорили, что она вам как матушка почти»...

— Я никогда не думала об этом, — тихо пробормотала я, не поднимая головы. — Я не помню родителей. А теперь даже не знаю, любила ли меня Холисса...

— Любила и любит, — негромко ответил он. — Можешь не сомневаться. Она за тебя даже мне голову оторвёт. По крайней мере, попытается.

Я невольно улыбнулась, вспомнив «обидишь мою девочку — прокляну так, что ни одна ведьма не поможет».

— Значит, она для меня стала матерью? Мне надо делать, как она? Но ты же говорил...

— Ты очень много твердила мне о традициях, ведьма. Но ничего не знаешь про то, как они появились. Дар ведьмы передаётся по праву крови, от матери к дочери. Так сохранялась и приумножалась сила рода и сила дара, так передавались и приумножались знания. Здоровое дерево даёт обильные урожаи. Но когда дереву обрубают ветви — оно истощается и однажды умирает. После Битвы богов ведьмы встали на защиту людей от демонов и прочих тварей, выживших после битвы. Ведьмы погибали в сражениях, а их дети, если выживали, оставались необученными сиротами, чей дар не помогал людям, а вредил. Это породило ненависть среди простых людей, во многом утерявших свой дар. Детей с тёмным даром начали преследовать и убивать, а их отцов клеймили и изгоняли из деревень и городов. Тогда ведьмы решили поступать иначе. Ради безопасности близких и сохранения дара они отказались от мужей и семьи, и стали отдавать своих детей на воспитание чужим людям. А чтобы ребёнка не убили и не обижали за ведьмовскую кровь — оставляли ещё и деньги. Когда у ребёнка прорезался дар — его забирала в обучение любая ведьма, оказавшаяся поблизости, и учила тому, что умела сама, невзирая на способности ученика. Но отрезанная ветвь плохо приживается на чужом дереве. Ребёнок, не знающий своих корней и своих предков, вырастал слабее, чем мог бы. Дар мельчал. Знания терялись. Демоны были побеждены, но традиция уже прижилась и осталась. Так вырождались сила и магия. Ради сиюминутной выгоды ведьмы отказались от поддержки своего рода, но в итоге сделали только хуже. Это традиции, которые ты так ценишь и защищаешь. Твоя Холисса учила тебя быть ведьмой, как учили её. И ты шла по её стопам, пыталась ей во всём подражать, имея совсем другой дар. Вспомни, куда это тебя привело, ведьма.

Я молча глотала горькие слёзы. Мне и так было скверно от всего услышанного, а от последних слов я и вовсе вздрогнула, невольно обняв себя руками. Помню. Очень хорошо помню все его «не по своей судьбе идёшь»...

Срезанная ветвь плохо приживается на чужом дереве... И в самом деле — плохо. За примером даже ходить далеко не надо, вот она я, ведьма не любовной магии...

Магия вырождается...

«Сколько у вас неделов?»

Двенадцать. Или тринадцать. Было до того, как появилась Вахала. А теперь ещё меньше. И если я не остановлю эту каргу, то она всех оставшихся ведьм перебьёт. С ней даже Холисса не справится, потому что... потому что дар другой.

— И что теперь делать? — я подняла хмурый взгляд на Шуга. — Предлагаешь мне начать ненавидеть ХолиССу?

Джастер крутил в руках обструганную веточку и смотрел в огонь. Он не улыбался, в тёмных глазах плясали язычки костра.

— Предлагаю простить. У тебя есть настоящие родители, ведьма. Через них ты можешь наладить свою связь с родом. Это поможет тебе укрепить веру в себя и научиться доверять другим людям.

Другим людям... Доверять тебе, так бы и сказал!

— Ты предлагаешь поехать их искать? Это глупо! Я даже не знаю, где они живут и живы ли вообще!

— Нет, — он качнул головой, не сводя взгляда с огня. — Ехать никуда не нужно. Связь с родом и родителями у человека всегда в крови и в сердце. Достаточно открыть его для любви.

Открыть сердце для любви к тем, кого не знаю и не помню? Странно это.

— Я не понимаю, Джастер.

— Для начала прости свою наставницу. — Он по-прежнему не смотрел на меня. — Очисти своё сердце от того, что ты накопила, ведьма.

— И... и как мне это сделать? — не стала отпираться я.

— Очень просто. — Шут убрал недоделанную игрушку в торбу и взял лютню. — Я буду играть, а ты говори всё, что у тебя на сердце, не думая ни о чём. И не бойся. Она об этом не узнает, я не услышу. Начни со слов: а ещё я хочу тебе сказать.

— То есть я должна говорить это... тебе? Но...

Вместо ответа Джастер застучал пальцами по лютне, всё громче и громче. Струны загудели, а быстрый и ритмичный бой настолько не был похож на всё привычное, что мои возражения пропали сами собой. Вместо этого внутри поднималась какая-то тревога, словно что-то опасное приближалось, и надо было спешить...

— Если не знаешь с чего начать, говори «а ещё я хочу тебе сказать, Холисса», — мельком взглянул на меня Шуга. — И держи ритм.

— А ещё я хочу тебе сказать, Холисса, — послушно и торопливо повторила я, чувствуя, что под гулкой и тревожный ритмичный бой мысли начинают куда-то исчезать, а вместо этого поднимается что-то очень глубокое, тёмное и неведомое. В следующий миг раскатистый бой заполнил собой всё вокруг. Гул струн напоминал рёв бури, тревога на душе становилась всё сильнее, а Шут не смотрел на меня, продолжая играть...

— А ещё я хочу тебе сказать... — повторила я, чувствуя, что и в самом деле хочу высказать наболевшее, и радуясь, что никто меня не услышит. — Я хочу тебе сказать... Зачем ты это сделала, Холисса?! Зачем ты так поступила со мной?! Зачем?!...

Я бы не смогла сказать, сколько длилось это безумие. Ритмичный гулкой грохот держал меня в напряжении. Я кричала, рыдала, обвиняла, жаловалась, вспоминала детские обиды и

радости, просила прощения...

Дважды Джастер вырывал меня из этого безумия, протягивая чашку с водой, и снова возвращал назад, давая выплеснуть всё, что мне так давно хотелось сказать...

А затем в какой-то момент тревожная гроза сменилась плавной и нежной мелодией, уносящей тревоги и ласкающей душу.

— Обними себя за плечи, Янига, — мягко сказал Шут, — как если бы она обнимала тебя. Почувствуй любовь к ней в своём сердце.

Я обняла себя за плечи и покачивалась из стороны в сторону, чувствуя не любовь, а внезапную усталость и опустошение. Что-то во мне очень сильно изменилось. А Джастер перебирал струны и тихо напевал странную песню:

— Верните каждому своё, отдайте каждому своё, пусть все идут своим путём, приобретя утраты...

Верните каждому своё... Пусть все идут своим путём...

Грустно такое слышать, и в то же время... это было правильно. Каждый должен думать о своей судьбе и идти своим путём.

Джастер молча играл, а я не осмеливалась нарушить эту тишину и внутреннее удивительное ощущение внезапной пустоты. Эта пустота не пугала, наоборот, у меня было чувство, что я избавилась от чего-то давно ненужного, и внутри сразу стало просторно и легче дышать...

Я не заметила, как Шут перестал играть и просто сидел, глядя на огонь. Мне очень хотелось подойти и сесть рядом, но я не осмелилась на это.

— Джастер... — негромко окликнула я его. — А ты... Ты любишь своих родителей?

Струны под пальцами Шута жалобно звякнули.

— У меня нет родителей, ведьма. Говорил уже. — Он холодно и мрачно взглянул на меня. — И дома у меня тоже нет. Я наёмник и бродяга. Доброй ночи, ведьма.

С этими словами он поднялся и пошёл туда, где спал Игвиль. Мне оставалось только смотреть, как Джастер уселся на краю обрыва, а затем ветер донёс музыку.

Быстрая, неровная мелодия напоминала бегущий по камням ручей. Я обняла колени руками и смотрела на тёмный силуэт, заметный на фоне неба только потому, что он закрыл собой звёзды. Лишь долетавшие звуки музыки да Игвиль, разделявший с хозяином его одиночество, показывали, что Джастер ещё здесь.

Меня разбудил холод. Костёр погас, а я поняла, что так и уснула возле него, убаюканная мелодиями Шута. Оглядевшись в темноте в поисках Джастера, я не сразу поняла, что в шум прибоя по-прежнему вплетается музыка. Совсем не похожая ни на что, прежде слышанное мной, словно играло множество разных инструментов. Даже не думала, что лютня может издавать такие звуки.

Я посмотрела в сторону обрыва и тихо ахнула. В небе, там, где оно встречалось с морем, словно текла звёздная река. Выше неё, среди крупных, бесчисленных звёзд сиял месяц. И мне вдруг показалось, что это сама Датри ласково улыбается музыканту, играющему на обрыве.

Нет родителей и нет дома... Поэтому так и живёт, один, без семьи и без друзей. Надеюсь только сам на себя и не доверяя никому, кроме...

Кроме глупой ведьмы, дважды не сумевшей оправдать его доверие. И тех, для кого он сейчас играл.

Я закуталась в плащ и забралась в шатёр.

Доверяю ли я ему? В ответ на эту мысль из глубины души пришло не сомнение, а удивительное спокойствие. И даже мысль о Холиссе не принесла знакомых страхов и переживаний. Это перестало меня волновать. К бывшей наставнице я чувствовала только тепло и благодарность за моё воспитание.

Вместо всех прежних тревог и сомнений в душе появился невидимый стержень и теперь надёжно поддерживал меня изнутри.

Хватит сомневаться, Янига. И в себе, и в нём.

— Я доверяю тебе, Джастер, — негромко прошептала я, закрывая глаза. — И себе я теперь тоже доверяю.

Под голос моря и удивительную музыку Шута, с чувством удивительного освобождения и умиротворения на душе я и уснула.

36. Древний город

Утро наступило от холода. Проснувшись, я попыталась плотнее закутаться в плащ, но поняла, что он влажный от просочившегося в шатёр тумана. Придётся встать и греться у костра.

Откинув полог, я ахнула. Всё вокруг было залито белым молоком. Я не видела даже своих пальцев, когда вытянула руку вперёд. Промозглый воздух сразу пробрал до костей, и пришлось торопливо выбираться из шатра, чтобы идти хотя бы до соседнего дерева. Но стоило встать на ноги, как я вынырнула из молочной пелены в обычную утреннюю дымку.

Это было удивительно: стоять по грудь в белом молоке, смотреть, как над головой гаснут звёзды и слушать первый робкий щебет просыпающихся птиц. Если бы не холод и сильное желание облегчиться, я бы с места не сдвинулась, любуясь зарёй.

Пока я занималась насущными делами, с моря задул лёгкий ветер. Он приносил с собой запах соли и горечи, прогоняя молоко тумана глубже в лес, как пастух загоняет овец в хлев.

В ложбинке у озера ещё стоял туман, но край обрыва уже был виден на фоне светлеющего неба. Повинуясь внезапному порыву, я подхватила юбку и направилась на берег моря встречать рассвет.

Мне хотелось увидеть и запомнить эту удивительную, божественную красоту во всём её великолепии.

Море лежало под ногами, тихое и тёмное. Едва заметные волны трогали водную гладь, и она переливалась серыми мягкими цветами, как речная раковина внутри. Было в этом что-то очень глубокое, нежное и томное, словно сама Датри сладко дремала, ловя последние минуты утренней тишины на супружеском ложе. А Шанак ласково и нежно целовал её перед тем, как явится в мир во всём своём великолепии.

Небо наливалось зарёй, море под ним светлело, розовело и волновалось, как женщина от нежных и настойчивых любовных ласк.

А я обнимала себя за плечи, кутаясь в плащ от свежего ветра, и вспоминала «доброе утро», случившееся у меня так давно.

Джастер... Как же я хочу, чтобы каждое моё утро с тобой было таким добрым...

И зачем я пыталась вести себя как Холисса? Мне ведь нужно совсем другое...

Оглянувшись, я увидела, что белое молоко оставалось только в ложбине, скрывая озерцо. Остальной туман ветер согнал в лес, открыв наш лагерь. Джастер спал рядом с лошадьми, привязанными к дереву с его стороны костра. Живой меч он обнимал как ребёнка.

Глядя на спящего Шута, я впервые ощутила незнакомое прежде щемящее чувство. Это была какая-то смесь из нежности, благодарности, любви... Я даже не знала, как описать то прекрасное и удивительное, что поднималось у меня в душе.

Великие Боги, как я могла в нём сомневаться? Как я могла сомневаться в себе?

— Я верю тебе, Джастер. Я верю себе и тебе.

Яркий свет ударил по глазам, и я обратила внимание на восход.

Над морем показалось солнце.

Зрелище огромного огненного шара, поднимающегося из воды там, где небо только что нежно целовало море, заморозило меня. Мир вокруг стремительно наливался светом и цветом. Вода сияла бесчисленными солнечными искрами, словно крошечные капельки

божественного семени остались на нежной коже Датри после любовных игр... .

И мне тоже захотелось отдаться этой божественной силе солнца. Закрыв глаза, я стояла и впитывала всей собой тепло и свет, которые Шанак щедро дарил всему миру.

Хорошо... Великие боги, как хорошо...

— Любишься?

За плечи обняла знакомая рука, и я, не открывая глаз, кивнула и прижалась к Джастеру. Он проснулся. Он пришёл. Это правильно. Он со мной. Он должен быть рядом со мной. Его место рядом со мной. А я...

Моё место рядом с ним. Я хочу быть рядом с ним. Всегда.

— Джастер... Прости меня. Ты был прав. Я наделала очень много глупостей. Я больше не сомневаюсь в тебе. Я тебе верю. И доверяю. Я пойду с тобой до конца.

Открыв глаза, я посмотрела на Шута.

Джастер молчал, внимательно заглядывая мне не в глаза, а в самую душу. Но меня это не смущало. Я больше не сомневалась ни в чём.

В следующий миг серые глаза озарились солнечными искрами искренней и тёплой улыбки.

— Рад это слышать, Янига, — Джастер обнял меня и привлёк себе. — Очень рад.

Тепло... Как же тепло и хорошо, когда он со мной...

Я обняла его в ответ, вдыхая запах клевера, мешавшийся с запахом моря и утра, а в душе словно распускался удивительно нежный и прекрасный цветок, наполняя меня теплом, светом и... любовью, которой до этого я не знала. Это было очень тонкое, чистое и прекрасное чувство.

Любовь или есть, или нет.

Есть. Теперь я точно знаю, что она у меня есть.

Не знаю, сколько мы так стояли, но в какой-то момент Джастер отстранился, давая понять, что пора возвращаться к делам и заботам.

— Пойдём, ведьма, — подтвердил он мою догадку. — Время поджигает. Нам сегодня нужно многое успеть сделать. Позавтракаем и поедем.

— Далеко?

— Не очень. К полудню доберёмся до места, а вечером, надеюсь, будем в Сурае.

Я только молча кивнула, принимая его слова. Джастер покосился на меня.

— Ничего не хочешь спросить, ведьма?

В ответ я только пожала плечами. Вопреки всему, на душе было спокойно и очень... мирно. А ещё было понимание того, что я должна сделать.

— Ты всё равно скажешь, что я сама всё увижу. Знаешь... Думаю, я должна извиниться перед Игвилем.

— Это хорошая мысль. — Шут согласно кивнул. — Поговори с ним. А я пока веток соберу, а то вчерашнего для костра не хватит. К воде только не ходи, пока туман стоит. Там сейчас зверьё на водопой может прийти, ни к чему рисковать. Я вернусь и сам схожу, заодно лошадей напою.

— Хорошо.

Я остановилась у кострища, глядя, как Шут, насвистывая какую-то мелодию, исчезает между деревьями. Вечером будем в Сурае... Какой же он удивительный...

Наши лошади тоже проснулись и щипали траву. Котелок чистый и пустой, хвороста нет, к озеру не ходить. Так как никаких других дел мне не оставалось, я присела возле Живого

меча.

— Игвиль...

Я осторожно коснулась пальцами серой стали клинка. Дракса не ответил, только по лезвию проскользнула тень. Когда-то давно я могла принять это за обычную тень от ветки дерева или облака, но сейчас чувствовала и понимала, что Живой меч на меня сердится.

— Игвиль, прости. — Я села рядом, обняв колени. — Я на тебя наругалась ни за что и обидела просто так. Это было неправильно, ты ничем это не заслужил. Я тогда была очень злая и поэтому наделала много глупостей. Ещё и вчера тебя напугала...

Сверкнуло синим, и дракса, во всей своей красе, появился передо мной. На голубой чешуйчатой шкуре красовались золотые и серебряные узоры, крылья сложены на спине, а чёрные глаза с узкими жёлтыми зрачками смотрели так же внимательно, как умел его хозяин.

— Ты стал очень красивый, — я неловко улыбнулась. — Прости, что обидела и напугала. Я не хотела, правда. Ты мне очень нравишься. Я... Я люблю и тебя, и его.

Дракса неотрывно смотрел на меня несколько мгновений, решая, что ему делать с такой глупой ведьмой, а затем неожиданно шумно вздохнул и боднул меня головой в плечо.

— Игвиль... — чувствуя, что в глазах стало неожиданно мокро, я шмыгнула носом, а дракса подлез мне под руку и положил голову на колени, прикрыв глаза.

Я гладила тёплую чешую и понимала, что очень рада прощению волшебного змея.

— Спасибо, что ты вчера меня спас, — я ласкала Игвиля, как огромного пса. — Я очень испугалась.

«Я тоже» — вдруг раздалось у меня в голове.

Дракса приоткрыл глаз и посмотрел на меня.

«Не делай так больше».

— Н-не буду, — изумлённо пробормотала я вслух, поражаясь происходящему и явно прозвучавшим интонациям Шута. — Ты умеешь говорить?

Вместо ответа Игвиль поднял голову, посмотрел в сторону обрыва, а затем снова на меня. Весь его вид выражал предвкушение.

«Тебе понравилось летать?»

— Д-да, но...

«Идём!» — огромный змей подтолкнул меня головой, побуждая встать и отправиться за ним к краю обрыва.

— Игвиль, подожди! Ты хочешь полетать ещё? Может, подождём Джастера?

Вместо ответа дракса расправил крылья и возбуждённо переминался с лапы на лапу.

«Садись» — Игвиль оглянулся на меня.

— Что? Ты уве...

«Садись!» — дракса нетерпеливо подтолкнул меня головой.

Не веря тому, что делаю, я забралась на шею Игвиля. В следующий миг спину обдал порыв ветра от распахнувшихся крыльев, дракса неловко разбежался, и мы ухнули с обрыва навстречу волнам.

От неожиданности я взвизгнула, обхватив шею драксы руками и ногами, но тут же поняла, что Игвиль набирает высоту, а не падает вниз вместе со мной. Осмелев, я выпрямилась, подставляя лицо солнцу и ветру.

Хорошо...

— Игвиль, как хорошо! Мы летим!

Дракса оглянулся, чёрные глаза шурились от удовольствия. И я отдалась этому восторгу от пьянящего чувства свободы, полёта, простора наверху и под нами...

Я смеялась в голос от переполнявшего меня счастья и раскидывала руки, словно крылья, не боясь «навернуться», потому что знала, что Игвиль меня поймаёт...

Полёт был прекрасен. Но в какой-то миг я вспомнила, что нас ждёт Шут, и поняла, что пора возвращаться.

— Игвиль, нам пора! — прокричала я драксе. — Джастер ждёт!

Дракса согласно склонил голову и развернулся в сторону берега. С замирающим сердцем я смотрела, как приближается тонкая сизая полоска, становясь всё темнее и ярче. И вот уже видела на краю обрыва тонкую чёрточку, которая всё больше и больше походила на светловолосого мужчину в одежде наёмника.

Игвиль закладывал круги, снижаясь, а Джастер смотрел в небо из-под руки, шурился на солнце и улыбался. Бороды и усов у него больше не было, и он снова выглядел очень молодо и совсем не опасно.

Даже наряд наёмника не спасал. Так, молодой «щенок» приделся посolidнее и пробует себя в первом деле.

Наконец, дракса приземлился, и я спрыгнула с его шеи на землю.

— Джастер! Игвиль сам меня позвал! Мы с ним...

— А говорила, что не птица, ведьма! — он рассмеялся в ответ, опустив руку и подходя к нам. — Я же говорил, что вам понравится.

Довольный Игвиль завалился на спину, задрал лапы в небо, и Джастер снова рассмеялся.

— У меня рук не хватит тебе пузо чесать! Вон ты какой вымахал уже!

Вместо ответа дракса вытянул шею, подставляя для ласки горло. А я подумала, что Игвиль и в самом деле опять подрос. Ведь на его шее я сидела почти как на лошади...

— Ладно, ладно, уговорил! — светло улыбался Шут, глядя довольного драксу. — Хорошо полетали, ведьма?

— Это... это удивительно, — я смущённо стояла рядом, не зная, куда себя деть. — Я не ожидала, что он...

— Всё хорошо, Янига, — Джастер неожиданно обнял меня и привлёк к себе. — Я рад, что вы помирились.

Вместо ответа я только снова прижалась к нему, чувствуя тепло горячего тела и наслаждаясь этой близостью, которой мне так не хватало.

— Займёшься завтраком, а? — негромко спросил Шут. — Я тоже полетать хочу.

Услышав это, дракса тут же перекатился на лапы и встряхнулся всем телом, выражая готовность лететь с хозяином хоть на край света.

— Хорошо! — улыбнулась я в ответ, понимая их обоих. — Только не долго.

— Каша остыть не успеет, — рассмеялся Джастер. — Игвиль, догоняй!

Я думала, что он оседлает драксу, но, к моему изумлению, Шут побежал в сторону обрыва. Игвиль, возбуждённо приоткрыв пасть, последовал за ним, и под мальчишеский восторженный вопль Джастера парочка с разбега сиганула вниз.

На мгновение я испугалась, но почти сразу из-за края обрыва показался дракса, уверенно набирающий высоту. А Шут висел у него в лапах под брюхом и довольно хохотал, подзадоривая Игвиля.

Мальчишки... Великие боги, да они оба ещё такие мальчишки...

Шанак, Датри, как же я рада, что встретила их обоих...

Сдерживая счастливую улыбку, я покачала головой и отправилась готовить нам завтрак.

Оказалось, что пока мы с Игвилем летали, Джастер успел разжечь костёр, принести воды, позаботился о лошадях и даже собрал мой шатёр. И в самом деле — позавтракать и в путь. Всё, что мне оставалось — сварить нам кашу. Когда я подошла к сложенным у сидел вещам, чтобы найти мешочек с крупой, то заметила на ветке дерева двух зайцев.

Привязанные за задние лапы, они безжизненно висели вниз головой. Странно, что Джастер про них ничего не сказал. И когда он их поймать успел?

Я протянула руку, чтобы отвязать одну тушку для готовки, но становилась, не коснувшись серого меха.

Шут говорил про кашу. Значит, эти зайцы нужны ему для чего-то другого. Хм, может, это наш обед и ужин? Ладно, спрошу потом.

Найдя мешочек с крупой, я вернулась к костру и стала готовить завтрак.

Каша уже была готова, а Джастер с драксой не возвращались. Я сняла котелок с огня, поставила на землю, проследив, чтобы он ненароком не опрокинулся, и отправилась на обрыв. Конечно, я понимаю, что летать — это чудесно, но он же сам сказал, что у нас дел сегодня много...

Оглядывая небо из-под руки, я не сразу разглядела высоко в синеве крохотную точку.

Далеко же они улетели. Оттуда, наверно, и берег не разглядишь, не то, что меня на берегу. Интересно, мы с Игвилем так далеко были?

— Сказал, каша остыть не успеет, а сам удрал и не докричишься, — проворчала я, наблюдая за чёрточкой в глубокой синеве.

Дракса же приближался. Из чёрточки он стал росчерком, и скоро уже был почти надо мной. Запрокинув голову, я с прищуром прикрывала глаза от солнца ладонью, стараясь не потерять Игвиля из виду.

Как же он высоко... Наверно, даже выше облаков. Мы с ним так высоко не поднимались.

От росчерка вдруг отделилась точка и стремительно полетела вниз. Я не успела даже ахнуть от испуга, как следом вниз полетел и дракса. В следующий миг я поняла, что они оба падают в море.

Великие боги, что с ними случилось?! Шанак, Датри, помогите!

Падающие приближались. Я уже могла рассмотреть летевшего вниз головой Шута и сложившего крылья драксу. Море стремительно приближалось им навстречу.

Нет-нет-нет-нет! Они же разобьются! Шанак, Датри, что же делать?!

— Джастер!!! Игвиль!!!

Шут перевернулся в воздухе и раскинул руки в стороны, словно это могло замедлить падение, а ещё через миг лапы драксы ухватили хозяина, и Игвиль расправил крылья, снова набирая высоту.

Весело хохочущий Джастер чиркнул подошвами по волнам, а у меня подкосились ноги от резкой слабости. Я опустилась на землю, держась за сердце, пока по лицу текли слёзы облегчения.

Вот ведь, забавы у них... Дурацкие...

Показавшийся над обрывом довольный Игвиль отпустил смеющегося и счастливого Шута на землю и приземлился сам.

— Эй, Янига, каша готова?! Мы успели? Что случилось, ведьма?

Встревоженный Джастер в два шага оказался рядом и опустился возле меня на траву.

— Почему ты...

— Вы меня напугали до смерти! — я вцепилась в его рубаху и разрыдалась от чувств, уткнувшись лицом в грудь Джастера. — Я дду-ду-мала вы... вы...

— Прости, — виновато выдохнул он, обняв меня и глядя по голове. — Я учил Игвиля пикировать. Это самый быстрый способ спуститься. Я не думал, что это тебя напугает.

— Напугало и сильно! — я сердито отстранилась от него. — И ты тоже хорош! Могли бы и нормально спуститься! Я бы подождала, ничего страшного!

Игвиль переглянулся с хозяином и виновато опустил голову.

— Не сердись, Янига, — Джастер снова притянул меня к себе, баюкая как ребёнка. — Все же хорошо.

Да, всё хорошо, потому что они оба живы и здоровы.

— Не делайте так больше, ладно? — я прижималась к его рубахе, мокрой от слёз и воды, пахнувшей морем и ветром. — Пожалуйста.

Вместо ответа Шут вздохнул и поцеловал меня в макушку. С другой стороны я почувствовала, как дракса легко подтолкнул меня под локоть головой, тоже извиняясь за шутку.

— Там к-каша г-готова, — я вытерла лицо рукавом истрёпанного платья. — Наверно, остыла уже.

— Тогда пошли завтракать и поедем.

Джастер встал, помогая мне подняться на неокрепшие ноги. До костра мы так и дошли с ним в обнимку. Игвиль поддерживал меня с другой стороны, а я думала о том, что, оказывается, ближе и дороже, чем Живой меч и его хозяин, у меня никого нет.

Наверно, это и называется семья...

Завтракали мы молча. Меня всё ещё потряхивало от пережитого, и Джастер сам отправился мыть посуду. Дракса же обвился вокруг меня, и я сидела в его кольце, словно в кресле, чувствуя себя под защитой.

Конечно, никакой опасности рядом не было, но меня очень успокаивала эта молчаливая поддержка Живого меча.

— Спасибо, — сказала я Игвилю, когда Шут ушёл к озерцу. — Я уже в порядке.

Дракса прикрыл глаза и, в последний раз потеревшись головой об мою руку, исчез, оставляя меня в коротком одиночестве. Я обняла себя за плечи, собралась с силами и встала на ноги.

Шут возвращался, значит, и мне хватит расслаживаться. Пора седлать лошадей и ехать.

— Ты зайцев на обед поймал? Или на ужин? Разве они не испортятся по такой погоде?

Обе тушки болтались у передней луки седла Огонька. Джастер коротко покосился через плечо.

— Нет, они для другого дела. Обедать нам сегодня не придётся. Поужинаем в Сурае.

— И как мы туда попадём? — не выдержала я. — Ты говорил, что к полудню будем на месте, солнце давно над головой. А мы...

— А ты посмотри внимательней, Янига. Ничего не замечаешь?

Я огляделась, стараясь понять, о чём говорит Джастер. Лес давно стал выше, деревья

обрели свой нормальный вид, многие были обвиты плющом. Подковы Ласточки привычно негромко цокали по камням, в щелях между которыми пробивалась трава...

В щелях между камнями?! Я присмотрелась и ахнула. Камни были правильной формы, лежали по несколько в ряд, а значит, это явно дело чьих-то рук. В то же мгновение с моих глаз словно упала пелена.

Тут и там я увидела каменные блоки, явно обработанные человеческими руками. Вот остатки колонны, увитые плющом, вот обрушенная стена, вот кусты, выросшие в стенах бывшего дома...

Лес пытался захватить это место, но чем дальше, тем плотнее и крупнее становились постройки. Вот уже и остатки башни среди сосен, а вон и кусок городской стены.

— Что это? — я прищпорила Ласточку, догоняя Джастера.

— Остатки города, как видишь. — Он спокойно ехал по заросшей дороге. — Я же говорил, что древние города кое-где уцелели. Вот и этот Великую Битву пережил, но потом жители его покинули и ушли жить в долины.

— А почему покинули?

Вместо ответа Джастер широким жестом повёл перед собой. Я посмотрела и ахнула.

Мы действительно оказались в разрушенном городе. Только вот разрушен он был не временем, а...

— Тут были те самые демоны, о которых ты говорил?

— Угу.

Джастер спокойно ехал по мощёным улочкам, объезжая ямы и груды камней. Мимо каменных зданий, чьи толстые стены были расплавлены, как воск, щеголяли огромными дырами, были покрыты копотью...

Насколько я могла видеть, в городе не осталось ни одного целого здания. Всё было разрушено, растоптано, сожжено... Трава, кустарники и редкие деревья не смогли за столько лет скрыть ужасные последствия далёкой войны.

На некоторых стенах мне даже мерещились силуэты, но я предпочла не задерживать на них взгляд.

И без того было не по себе. Солнечный день, разгар лета, а тут мороз по коже... Так и кажется, что неведомые демоны просто затаились и выжидают.

Очень хотелось потрогать коготь кхвана, чтобы убедиться, что оберег холодный. Только вот оберега у меня больше не было.

— Ты уверен, что здесь безопасно?

— Сейчас да, — Джастер завернул за угол очередного полуразрушенного дома, и перед нами открылась просторная площадь. Посреди залитой солнцем пощади стояла высокая каменная арка, наполовину увитая плющом, наполовину скрытая серебристым мхом. Слева от арки была огромная яма, на краю которой крепко цеплялась за камни раскидистая сосна.

— Но оставаться тут на ночь я бы не стал.

Вот уж успокоил — так успокоил... Если даже он тут ночевать не хочет, то всем остальным и вовсе надо ноги уносить, пока светло.

Шут же остановил Огонька и спешил в нескольких шагах перед аркой, укрытой полупрозрачной тенью старой сосны. Вблизи стало видно, что камень украшен искусной резьбой.

Я тоже спешила и посмотрела на Джастера.

— Мы на месте, Янига. — без слов понял он мой вопрос. — Здесь начинается короткая

дорога в Сурайю. Но прежде, чем мы отправимся, ты должна кое-что узнать о традициях этой страны. Они не такие, как в Эрикии. Сильно не такие.

— И какие же? — начало его речи было неприятным.

— Начать с того, что там всё решают только мужчины. Любая женщина принадлежит какому-то мужчине — сначала отцу, потом мужу. Женщины обращаются к мужчине «мой господин» или просто «господин», и не иначе. Даже если это муж, отец, брат или сын. Это первое.

Я хмуро смотрела на Джастера, ожидая продолжения. Услышанное мне уже не нравилось.

— Во-вторых, — невозмутимо продолжил он, — в Сурайе любой человек за нарушение закона или за долги может стать ширахатон. Это означает, что его продают на рынке как животное, и тот, кто его купит, может посылать ширахатон на самые грязные и чёрные работы и обращаться почти как с животным. Даже если это женщина или ребёнок. Мужчины отдают детей и женщин как обещание выплатить долг тому, кому должны деньги. И если долг не возвращён в срок, то заложников продают на рынке. Все попавшие в плен к солдатам или разбойникам тоже становятся ширахатон. Это понятно?

Я молча кивнула, думая, что совсем не хочу ехать в страну с такими ужасными обычаями. Отдавать женщин и детей как обещание выплатить долг... Это какими нелюдями надо быть!

Никогда торговцы о таком не рассказывали.

— Хорошо. Кроме того, женщины не выходят из дома без сопровождения слуги или мужчины. Женщина без сопровождения считается ничьей, и её могут забрать в любой дом как джихайен.

— Джихай...ен... что это значит? Мне не нравится, как ты это сказал. Звучит ещё хуже, чем эти шири... шира...

— Ширахатон. Всё верно, ведьма. Джихайен означает, что женщина становится вещью. С ней могут обращаться как угодно: избивать, унижать, насилловать, мучить. Могут убить или продать для забав другому хозяину. Это не жена, не мать, не сестра, не служанка и даже не ширахатон. Мужчины-ширахатон могут выкупить себя из долга и снова стать уважаемыми людьми. Женщину может выкупить любой мужчина и жениться на ней, и она снова станет уважаемой свободной женщиной. Но джихайен по законам Сурайи — это вещь. Обратной дороги для этих женщин нет. Понимаешь?

Ничего себе — традиции! Это же совсем дикость какая-то!

— Ты... ты не шутишь? Разве так можно поступать со свободным человеком?! А если она замужняя или чья-то невеста?! Или дочь?!

— Поэтому ни одна женщина даже под страхом смерти не выйдет из дому без сопровождения мужчины. Даже ширахатон, если не хотят, чтобы их постигла такая участь. Хозяин дома обязан заботиться обо всех, кто живёт в его доме. Это закон. Но. Джихайен сюда не относятся. За такой женщиной не придут её родные, за неё не заступится закон, она считается лайри, то есть прогневавшей Тёмноокого Сурта и умершей по его воле.

Короткий рассказ Шута не укладывался у меня в голове. Это было слишком... Слишком дико.

Он что, серьёзно предлагает ехать в этот ужас?!

— И как я должна там...

— Переоденешься в это. — Он достал из своей торбы свёрток светлой ткани и протянул

мне. — И тебя никто не тронет. Даже близко не подойдёт без моего разрешения.

— Что это?

Я удивлённо развернула странное платье. Хотя нет, не платье. Это была большая и очень свободная белая накидка, похожая на плащ и затканная крохотными серебряными полумесяцами. А в неё оказались завёрнуты...

— Это что?!

Я двумя пальцами подняла тонкую до прозрачности и очень короткую рубашку. Богатая вышивка с бусинами едва прикрывала грудь. В пару к этому откровенному бесстыдству шли широкие штаны из такой же прозрачной ткани и с богато расшитым поясом.

И он хочет, чтобы это... Это!.. Да на это смотреть без стыда невозможно!

— Это шатари и парн. — Также невозмутимо ответил Джастер. — Одежда джихайен-маат.

— Что?!!! Ты издеваешься?! Ты хочешь, чтобы я это надела?! Это же бесстыдство! Может, мне проще голой ходить?!

— Можешь и так, — Шут с едва уловимой усмешкой смотрел на меня. — Но тогда я не буду уверен в твоей безопасности.

Да он надо мной издевается!

— И как же это... эти... меня защитят? — я сердито смотрела на него. — Ты их заколдуешь?

— Нет. — Он легко улыбнулся. — Этого не нужно. Джихайен-маат неприкосновенны, ведьма. Никто не захочет рисковать не только жизнью, но и посмертием своей души ради сиюминутной выгоды.

Перед глазами вдруг ярко встал танец Шута в мёртвой деревне и туманные огни, собирающиеся на его призыв. Души, уходящие в Сад Датри, и те, кого ждал подземный мир Шанака. Тогда это решали Великие боги, но...

— Что значит «маат»? — поинтересовалась я, подозревая, что ответ мне сильно не понравится.

— «Бездушные», — невозмутимо ответил воин, глядя мне в глаза. — Их души принадлежат мастеру смерти. Это живые куклы своего хозяина. Хуже, чем быть живой вещью — это быть джихайен-маат, Янига.

— Живые кук...лы... Бе... бездушные?

Меня неожиданно пробрал озноб от жуткого понимания того, что душа на самом деле может быть удержана чужой колдовской волей. Ведь он же рассказывал, как делали в древности Живое оружие.

«А может, мы его мёртвого допросим?» — вдруг вспомнилось мне. — «Мёртвые не врут...».

Выходит, он не пугал и не шутил тогда. Он и в самом деле это может.

И не только он. В Сураие есть и другие мастера смерти. И они не постесняются взять себе то, что пожелают.

Например, чужую душу.

— Это чудовища какие-то... — я бессильно опустила руки. — Так же нельзя с живыми людьми...

— Если ты поедешь, тебе придётся научиться кое-каким правилам поведения. — Джастер решил окончательно меня добить.

— И каким? — сердито буркнула я.

— Очень простым, ведьма. Джихайен-маат не имеют права голоса. Совсем. Можно только отвечать «слушаюсь, господин», «да, господин», «нет, господин». Ну, и вести себя соответствующе положению.

— То есть изображать твою служанку?

— Вести себя, как джихайен-маат, ведьма, — невозмутимо парировал Джастер. — Быть живой безмолвной игрушкой своего хозяина, не имеющей права ни на имя, ни на свою жизнь, ни даже на свою душу. Делать только то, что тебе скажут. Молчать, когда тебя не спрашивают. Отвечать, как я сказал. Никто не должен заподозрить, что ты другая. От этого зависит очень многое. Понимаешь?

— Это хуже, чем быть служанкой, — мрачно буркнула я в ответ, а Джастер неожиданно рассмеялся.

— Тебе так трудно несколько дней просто помолчать, ходить за мной следом и ничего не делать, Янига? Или ты хочешь поиграть в ширахатон? Боюсь, это у тебя не получится. Ты слишком многого не знаешь.

Вот ведь, язва! И возразить нечего...

Просто помолчать, ходить следом и ничего не делать... Он же совсем не так это сказал...

— Нам обязательно туда ехать? — хмуро решила я уточнить очевидное.

— Мне нужен храм Сурта, — спокойно ответил он. — Но ты можешь подождать меня здесь. Это не займёт много времени. Дня через три вернусь. Или чуть дольше.

Подождать здесь? В этом месте, где он сам ночевать не хочет?! Чтобы меня тут какие-нибудь демоны или звери съели, пока он по храмам разгуливает?!

Нет, лучше с ним в Сурайю.

— Это обязательно?

Я хмуро смотрела на брошенную к ногам одежду. На парн и шатары.

— Это всего лишь одежда, Янига. Считай, что это игра. Или ты так привыкла привлекать к себе внимание, что в тени боишься перестать быть госпожой ведьмой? — усмехнулся Шут.

— Я не боюсь! Просто... Ты не оставляешь мне выбора! — сердито покосилась я на него. — Это не честно!

— У тебя всегда есть выбор. Но ты предпочитаешь не помнить об этом.

Джастер смотрел холодно и сурово, сразу напомнив вчерашний разговор на берегу моря.

— Из тени видно многое, что не доступно, пока ты на виду. Я пойду, переоденусь, а ты подумай.

Он развернулся и пошёл в сторону ближайших развалин, ведя Огонька в поводу, и в самом деле оставляя меня размышлять в одиночестве.

Я же мучилась в сомнениях. С одной стороны, Джастер прав. В этой одежде меня никто не посмеет даже пальцем тронуть. И я смогу увидеть то, чего никогда не увижу и не узнаю без Шута.

«Я везде за своего сойду...»

Да, он это мог. Джастер без труда становился наёмником, менестрелем, слугой и управляющим при госпоже ведьме. С его-то даром и силой он не чурался гнуть спину и называть меня «госпожой», не теряя достоинства и чести при этом. Даже с Холиссой он повёл себя так, как должен был повести любой бродячий шут и менестрель на его месте,

хотя легко бы смог противостоять её проклятиям. Но он ничем себя не выдал. И сумел простить мне все глупости, которые я из-за этого натворила.

Из тени многое видно... Поэтому он так любит прикидываться безобидным шутом и трубадуром, которого никто не воспринимает всерьёз?

Но что же он видит из этой «тени», чего не вижу я, оставаясь «госпожой ведьмой»?

Мужчина с тёмным даром, из забытого народа, из края, куда пришёлся удар богов, наёмник, менестрель, мастер смерти...

Это только то, что он захотел мне показать. Сколько ещё загадок он скрывает в этой своей тени?

Навряд ли я когда-то это узнаю, да и, положив руку на сердце, не уверена, что хочу знать. Мне без того тайн и забот хватает.

С другой... Вести себя так, словно не имею права на собственную жизнь... Как живая кукла...

Смогу ли я справиться с такой задачей?

Молчать и говорить только «да, господин... нет, господин...»

И носить такую одежду, в которой всё равно, что без неё...

Я коротко покосилась на брошенную у ног одежду, в один миг ставшую не просто знаком несвободной женщины, но и пугающим предупреждением о страшной участи, и кивнула сама себе.

Джастер прав. Никто не захочет рисковать своей душой ради «бездушной» игрушки.

И он всегда будет рядом для моей же безопасности. Так чего я испугалась, глупая?! Джастер будет рядом! И сколько всего нового и удивительного я увижу рядом с ним...

Только... Ох, Янига... трудно же тебе придётся. Это тебе не травницу деревенскую в простом платье изображать.

Молчать, ходить за ним следом и ничего не делать...

Очень надеюсь, что именно так всё и будет.

Великие боги, во что я опять ввязываюсь?!

Вздыхнув, я решительно начала расшнуровывать потрёпанный корсет.

Я успела надеть штаны и рубашку, удивляясь необыкновенной прозрачности ткани и стараясь не думать о том, как неприлично выгляжу, когда из-за угла развалин показалась высокая фигура.

Забыв обо всём, я ахнула. Таким Шута я ещё не видела. Точнее, видела один раз, в Чернецах, глубокой ночью, когда он был далеко, и мне было не до его наряда.

Зато сейчас я могла рассмотреть всё в деталях.

На плечах — всё тот же плащ. Под ним чёрная мантия, расшитая по подолу и обшлагам серебром и перехваченная широким поясом с серебряными накладками. На поясе кинжал и Живой меч. На груди, на серебряной цепочке, золотой месяц рогами вниз. У седла Огонька красовался сучковатый посох тёмного дерева с прозрачным кристалльным навершием.

Я не понимала, как ему это удалось, но Шут в этом наряде был красив и грозен одновременно.

Джастер спокойно и неторопливо шёл ко мне. Капюшон плаща скрыл в тени верхнюю часть лица, оставив на свету только губы и гладкий, как у юноши, подбородок, но я всей кожей чувствовала его взгляд, ставший из внимательного очень горячим.

В ответ изнутри окатило жаркой волной, а колени дали предательскую слабость.

Великие Боги! Он специально меня так одел, а я поверила в его сказочки...

— Не смотри на меня!

От внезапного смущения я отвернулась и постаралась прикрыться руками.

— Почему? — негромко и с заметной хрипотцой спросил Шут, вдруг оказавшись рядом. — Тебе очень идёт. Даже размер почти твой.

— Ты специально это сделал! — Я сердито развернулась, но не могла рассмотреть его лицо в магической тени. — Ты меня обманул!

— Зачем мне тебя обманывать, ведьма? — Джастер вдруг неприятно ухмыльнулся. — На твою наставницу это точно не налезло бы, а тебе даже чуть великовато. Вот, видишь? — Он беззастенчиво подёргал вырез, едва прикрывавший мою грудь.

Я открыла было рот, чтобы по привычке возмутиться, как вдруг с удивлением поняла, что возмущения внутри нет. Даже мимолётная обида мелькнула и пропала, как тень от облачка. Ну что я, в самом деле, разве его не знаю?

Вон и уголок губ едва заметно подрагивает, готовый как изогнуться в улыбку, так и скривится в неприятную усмешку.

Неймётся ему всё...

— Ты опять шутишь, да? Хочешь меня разозлить?

Шут улыбнулся и привлёк меня к себе, зарывшись лицом в волосы.

— Хотел убедиться, что ты действительно изменилась. А, дьявол! Больно же ведьма!

— Ты это заслужил! Это была плохая шутка!

— Ладно, ладно, не кипятись, Янига! — отступивший Джастер примиряюще выставил вперёд одну руку, второй потирая бок, в который я его ткнула кулаком. — Больше не буду так шутить. Как ты опять в это место попала-то? У тебя что, с прошлой жизни такой удар поставлен? И кто тебя этому научил, хотел бы я знать...

Я смерила его хмурым взглядом, но вид ворчавшего Шута, с досадливой гримасой потиравшего бок, куда однажды пришёлся мой памятный удар кинжалом, настолько не вязался с нарядом грозного мастера смерти, что мне стало смешно.

Какой же он иногда мальчишка...

— Тебе, правда, нравится?

Джастер перестал дурачиться, выпрямился и в один миг привлёк меня к себе, жарко прошептав почти в губы:

— Это красиво и соблазнительно, ведьма. Даже очень.

Великие боги, что он со мной делает...

— Джа...

Глубокий и неожиданно властный поцелуй пронзил меня насквозь и в один миг прогнал все мысли из головы. Всего лишь поцелуем он взял и овладел мной до самой глубины, заставляя трепетать и жаждать...

Я чувствовала жар сильного тела, его горячие руки, горела в ответ сама и желала только одного — чтобы он не останавливался.

Ещё чуть-чуть...

Вот так, одним поцелуем и до самого конца.

— Как ты откликаешься, Янига... — вдруг жарко и хрипло прошептал Джастер, крепко обняв меня и прервав волшебный поцелуй. Его прерывистое горячее дыхание обжигало мою кожу, а сердце в груди гулко и часто билось. — Я же не удержусь...

— Почему? — я тщетно пыталась разглядеть его лицо. — Почему ты...

— Успеется, ведьма, — сказал он, отстраняясь от меня. — Потерпи. Не сейчас и не здесь. Это не самое лучшее место, чтобы задерживаться. Нам нужно ехать.

— А когда?

Даже заглядывая под капюшон плаща, я видела только его губы и подбородок, и мне очень хотелось протянуть руки и снять этот капюшон, зарыться пальцами в мягкие пшеничные кудри и тонуть, тонуть в его глазах...

— В Сураие. — Он легко улыбнулся и нежно провёл по моей щеке ладонью. — Не забывай, что ты там для всех моя живая кукла. Поэтому я могу делать с тобой всё, что хочу.

— И что ты хочешь? — сердито буркнула я. Напоминание о моей новой роли, как и прерванный поцелуй, совсем не обрадовало.

— А как ты сама думаешь, ведьма? — Он снова улыбнулся, лаская пальцами моё лицо и волосы. — Что может хотеть здоровый мужчина, когда перед ним молодая красивая женщина, да ещё в таком наряде?

— Джастер...

— Ты против?

Великие Боги... Конечно, я не против!

Я покачала головой и крепко обняла его.

— Вот и договорились, — он бережно расцепил мои руки, сунул руку в торбу и достал низку бусин со знакомым когтем кхвана. — Давай, надену.

— А...

Я не успела ничего сказать, как мне на грудь легло ожерелье, а Джастер убрал руки от моей шеи.

— Не снимай его больше. Прошу тебя. Это очень важно.

Я торопливо закивала, не веря своему счастью, и гладила пальцами изменившийся оберег. Коготь кхвана теперь открыто лежал на груди, и под платье его уже не спрячешь. А Шут наклонился и поднял парн.

— Давай, помогу.

Пока Джастер помогал мне надеть накидку джихайен-маат, я думала о том, что очень хочу приехать в эту Сурайю.

И не на три дня, а как можно дольше.

Парн оказался удивительным. Он скрыл меня полностью, от макушки до пят. Даже лицо было закрыто прозрачной тканью. На голове он удерживался тонким обручем, пришитым изнутри. Ещё у парна оказались широкие рукава, которые застёгивались на запястьях на маленькие серебряные пуговицы.

— Джастер... Когда ты это купил?

— В Кронтуше, по случаю, — беспечно откликнулся он. — Торговец уверял, что это одежда очень знатной дамы.

Я фыркнула, а Шут посмотрел на меня. Было очень странно чувствовать его взгляд, но видеть только губы и подбородок.

— В общем, он не особо ошибался. Парн на улице носят все женщины, но белый носят только джихайен-маат. И ещё. Забыл сказать, Янига. Язык Сураии тоже отличается от вашего. Не бойся, не так сильно, как обычаи. Сэйраз тебе поможет понимать. Но говорить придётся самой. Поэтому запомни: «сай» — это «да», «лос» — это «нет», «слушаюсь, господин» — «энисма, рати». И обязательно поклонись. Вот так. Если забудешь — мне

придётся тебя наказать, таков закон Сурайи. Запомнила?

Я только тихо выдохнула сквозь зубы от неожиданности. Ещё и кланяться теперь...

Хотя... Джастер, с его-то силой и умениями, не гнушался перед глупой деревенской ведьмой даже на колени вставать, когда «пса» и слугу изображал. У меня тем более спина не переломится ему поклониться.

— Э...Энисма... рати? — под одобрителный кивок ответила я, изображая неглубокий поклон, как показал Джастер. — А что такое сэйраз?

— Магическое ожерелье на твоей шее. А теперь помолчи, держи вещи и отойди вон туда, на солнце, не в тень! Мне нужно кое-что сделать.

Мне в руки упали наши сумки, и сверху на них Джастер умудрился пристроить лютню и фламберг. Но не успела я открыть рот, как Шут грозно сверкнул глазами из-под капюшона, и я мигом вспомнила, какую роль теперь играю.

— Сай, — пикнула я, изобразив поклон и стараясь не уронить доверенное, а затем торопливо направилась к указанному месту возле одного из домов.

Джастер же встал в тени сосны между Огоньком и Ласточкой, положил ладони на холки и лошади застыли, как статуи. А Шут извлёк откуда-то свирель и поднёс к губам.

Резкий, неприятный звук тревожно вонзился в воздух, а я от неожиданности вздрогнула и чуть не уронила всё доверенное. Джастер же продолжил играть, словно был учеником и впервые взял в руки свирель. Некрасиво, страшно, резко. Рваные трели взвивались в воздух и падали вниз, обрываясь в самый неожиданный момент.

И на этот странный, тревожный звук к нему стекались тени. Сэйраз на груди нагрелся, и я с замирающим от страха и волнения сердцем только крепче прижалась к стене, понимая, что впервые вижу по-настоящему тёмное и опасное колдовство так близко.

Тени же собирались вместе, сливались в тёмные пятна, начинали клубиться, понимаясь над каменной площадью. Я с ужасом наблюдала, как перед играющим Шутом появлялись жуткие создания, словно сотканные из живого чёрного тумана. Они походили на лошадей, но их глаза полыхали рубиновыми угольями, из-под верхней губы торчали клыки, а сами они навевали настоящий ужас, словно явились из этой самой Бездны или из мира демонов.

Последняя резкая и высокая трель взвилась в воздух, и Джастер опустил свирель. Пять туманных ужасающих тварей смотрели на него, а Шут вдруг резко взмахнул руками и два убитых зайца полетели навстречу тварям.

Кошмарные создания вскинулись, наперебой торопясь ухватить кровавую добычу. Злобные голоса, похожие на ржание, клацание зубов, и окровавленные морды, облизываясь в ожидании, уставились на кормильца.

— Мне нужны двое. — спокойно сказал Джастер. — Ты и ты.

Два чудовища послушно шагнули вперёд, в то время как остальные истаивали, растворяясь в тенях, словно их и не было.

Хорошо, что я на солнышке стою...

Шут вытянул руки, и избранные твари протянули морды, касаясь его пальцев. В следующий миг два чёрных облака окутали наших лошадей и впитались под их шкуры.

Чёрные, как смоль, лошади переступили копытами, встряхнули гривами и недовольно зафыркали, жуя удила. Их глаза отливали красным, а зубы показались мне не совсем лошадиными.

Но Джастер спокойно взял поводья и посмотрел на меня.

— Иди сюда, Янига. Нам пора ехать.

— К-кто это? — от страха у меня зуб на зуб не попадал.

— Наймары, — Джастер забрал у меня лютню и меч, устаивая их у своего седла. — Одни из последних выживших созданий Сурта в этом мире. Они живут в тени, потому и уцелели от истребления. Но без тёмного волшебства людей и поддержки богов им приходится туго. Здесь их поддерживает магия врат. Обычные кони не способны ходить по дорогам магов, а эти могут. К тому же, они намного быстрее обычных лошадей. Так что нашим лошадкам придётся побыть немного одержимыми.

— А они нас не съедят?

— Я же их покормил, так что не съедят, — невозмутимо ответил он, повесив торбу через плечо. — Садись и поедем.

Сурт... опять он это имя поминает.

— Кто такой этот Сурт? — спросила я, забираясь в седло с помощью Шута.

Сесть верхом в шатари было намного проще, чем в платье, но с непривычки я запуталась в широких полах парна. Да и вселившийся в Ласточку наймар меня пугал.

— Держи повод крепче, он должен понять, что ты хозяйка. И не бойся, а то он тебя сбросит, и это будет очень скверно.

Я кивнула и натянула повод, не давая воли вселившемуся в Ласточку наймару. Я — госпожа ведьма, и Ласточка — моя лошадь. Наймар оскалил зубы, но послушался.

— Так кто такой этот...

— Сурт Тёмноокий — один из тёмных богов, Сурайя — его страна, как понимаешь. Там ему поклоняются все, от мала до велика. В его храмах служат мужчины с тёмным даром.

— Мастера смерти?

— Именно. Те, у кого дар светлый — становятся целителями и тоже служат Сурту, потому что он ведаёт вопросами жизни и смерти людей.

— А женщины?

— У женщин Сурайи нет дара магии.

Я молчала, пытаюсь уложить в голове услышанное. У женщин нет дара магии, а мужчины поклоняются тёмному богу...

Теперь понятно, почему там традиции такие ужасные.

Джастер же, не выпуская повод из руки, взял посох и направил его в сторону арки. Кристалл навершия полыхнул холодной зеленью, плющ и мох на камне почернели и осыпались пеплом, а внутри арки всё заволкло серой пеленой.

— Держись за мной, Янига, и не позволяй ему никуда сворачивать. — Шут оглянулся на меня. — Это дороги магов, и с тропы лучше не сходить. И учти: скачка будет очень быстрой и довольно долгой.

— Поняла, — я крепче сжала поводья, сдерживая фыркающего наймара, готового сорваться в галоп.

— Поехали, — Джастер взмахнул посохом, навершие которого ярко светилось, и скрылся в серой пелене арки. Пришпорив своего наймара, я поспешила за зелёной искрой.

37. Ашу Сирай

Дорогу магов я запомнила, как место, скрытое в сумерках и окутанное туманом. Джастер оказался прав: наймар мчал с такой скоростью, что обычный галоп казался неспешной прогулкой. Смотреть по сторонам было просто невозможно. Все мои силы уходили на то, чтобы удержаться в седле и не отстать от яркой злёной искры впереди. Копыта наймара то глухо ударяли по земле, то звонко по камням. Мимо пролетали силуэты, напоминавшие то лес чёрных мёртвых деревьев, то голые скалы, то перила моста, то каменные столбы. Иногда мне чудились алые и жёлтые огоньки чьих-то глаз, иногда я ощущала внезапные порывы воздуха за спиной, словно кто-то пытался напасть на нас и промахивался. Неведомым тварям за наймарами было не угнаться.

Сэйраз на груди сильно нагрелся, давая понять, что опасность вокруг не шуточная.

Но зелёный огонёк впереди дарил надежду, и я только крепче сжимала поводья, прильнув к шее наймара.

Не знаю, сколько длилась эта скачка. Сумерки не становились ни днём, ни ночью, и я поняла, что на дорогах магов так всегда. Признаться, я сильно устала и боялась, что скоро не выдержу и упаду с седла, когда заметила впереди серую пелену выхода, к которой и направлялся Джастер. Собравшись с силами, я подстегнула наймара, и жуткая тварь прибавила ходу, тоже чуя конец пути.

Даже не знаю, что я ожидала увидеть за серой пеленой между двумя каменными столбами, но точно не сплошную черноту. Резко натянув поводья, я заставила разгорячённого наймара остановиться, по едва слышному шелесту внизу и неровной походке чудища понимая, что под копытами у него что-то мягкое.

— Джа...

— Тс.

На мою руку опустилась горячая ладонь, и на душе сразу стало легче. Глаза привыкли к темноте, и я поняла, что вокруг царит ночь. Месяца не было и чёрное небо над головой мелким сверкающим бисером усыпали звёзды. Очень много звёзд спускалось до самой земли, представляющей собой сплошное чёрное покрывало, и ничто вокруг не мешало любоваться ими.

Если бы я не видела моря, то, наверное, этот вид вызвал бы у меня восторг. Но я пока слишком хорошо помнила, как играл Джастер на берегу звёздной реки, и как нежно улыбалась ему сама Датри, слушая его необыкновенную лютню...

Ночная прохлада уже проникла под парн и быстро остужала разгорячённую кожу после долгой скачки, возвращая меня с небес на землю. Тонкая ткань бесстыдной одежды ничуть не спасала от холода.

В следующий миг я поняла, что тишину ночи нарушают гортанные голоса. Женские и мужские.

И сэйраз на моей груди по-прежнему горячий. Но я не успела даже рот открыть, как Джастер заговорил.

— Ни звука. Ни вдоха. Ни жеста без моего разрешения, ведьма. Помни, кто ты теперь, — тихо и очень холодно сказал он.

«Бездушная» игрушка мастера смерти. Такое забудешь...

— Э...Энисма?

— Рати.

— Рати. Энисма, рати.

— Хорошо. Поехали.

Я только постаралась неслышно вздохнуть. Кажется, эта роль всё-таки сложнее, чем молчать, ходить за Джастером и ничего не делать.

Всадник, словно созданный из самой тьмы, взял повод моего наймара, и мне ничего не оставалось, как проглотить все вопросы, смотреть и волноваться, потому что сейраз на моей груди и не думал остывать.

Джастер ехал рядом и вёл моего наймара в поводу. Оба чудовища ступали неслышно. Посох Шута больше не светился, лицо полностью скрылось в тени капюшона. Джастер и наши лошади просто растворились в ночи. Если бы не мой белый парн, слегка мерцающий серебристым шитьём, то...

— Вот же безмозглые...

Шут негромко выругался себе под нос, но я всей собой ощутила его неудовольствие. Далеко впереди горели отсветы пламени на каких-то полуразрушенных постройках. Отсветов, как и голосов, говорящих на непонятном гортанном языке, было много.

Я не успела подумать, кто это, как Джастер что-то прошипел настолько неразборчиво, что стало ясно: он не просто недоволен присутствием людей в этом месте, он сильно зол.

На какое-то мгновение стало страшно, но этот страх был не за себя, а за тех, на кого обрушится гнев Шута. Он ведь настоящий мастер смерти, в этом я уже убедилась.

«Я сам убью кого нужно» — вдруг вспомнилось мне, и беспокойство прошло. Джастер, в самом деле, никогда не убивал тех, кто этого не заслужил своими мерзкими делами.

Я верю ему. И доверяю во всём.

Поэтому всё сделаю, как он сказал. Буду изображать эту самую «бездушную» живую куклу.

Стараясь не ёжиться под парном от ночного холода, я решительно уняла любопытство и набралась терпения. В конце концов, это всего лишь на три дня.

Посмотрю теперь, что видно из этой самой «тени», про которую он говорил...

Первый костёр, разведённый возле обрушенной городской стены, приближался. Возле него сидели двое бородатых мужчин в непривычных просторных одеждах. Их головы были покрыты пёстрой тканью, которую удерживал плетённый шнур. Лица в свете костра отливали тёмной бронзой. Один из них что-то рассказывал, второй смеялся, но в какой-то момент он повернул голову в нашу сторону. Я чуть не вздрогнула от неожиданности и волнения, но тут же увидела, как с лица мужчины сползает улыбка, а вместо неё появляется страх.

— Д...Джай-на! — закричал он, вскакивая и трясущейся рукой указывая в мою сторону. — Джай-на!

Злые духи? Где?!

В следующий миг Шут вскинул руку, напоминая о моём обещании молчать, и я поняла, что за злого духа мужчина принял меня.

Его приятель с не меньшим ужасом уставился на нас, а затем оба с громкими криками «Джай-на!» побежали в сторону остальных костров.

Я посмотрела на Джастера и сама чуть не вскрикнула от неожиданности и страха.

Вместо лица под капюшоном была белая равнодушная маска. Только вот прорези глаз этой маски полыхали холодным изумрудным огнём.

Отблески костра играли кровавым пожаром на сбруе, серебре отделки и полумесяце на груди Шута, отражались в горящих глазах чёрного, как ночь, наймара, и, не зная я Джастера, сама бы сейчас неслась следом за мужчинами в полном ужасе от явившегося из темноты злого духа.

Хотя... мой наймар наверняка выглядел так же страшно, а белый парн с серебряным шитьём тоже не добавлял доверия и миролюбия...

Но маска? Откуда у Джастера эта маска? Зачем она ему? И глаза... Этот цвет... Я видела его однажды, когда Шут накормил меня снежнягодником. И потом, в зеркале также ярко горели глаза того мальчишки... Но тот мальчишка умер и он был совсем не похож на Шута. А снежнягодник...

Ох, Джастер тогда, конечно, проучил меня за несдержанность и любопытство, но почему-то я всё больше была уверена, что та его шутка была не просто шуткой.

Великие боги, сколько же я всего ещё не знаю...

По-прежнему не говоря ни слова, Джастер направил наймара к горящим кострам, где весёлые разухабистые голоса сменились тревожными криками. Голоса людей и животных мешались, между кострами металась тень, женщины кричали, мужчины хватались за оружие.

А ещё вкусно пахло едой. Я сглотнула, надеясь, что в животе не будет громко урчать от голода.

Блики костров озаряли что-то вроде остатков широкой площади, когда-то окружённой домами. Теперь от многих из этих домов оставались только полуразрушенные стены. Но один большой дом был цел, в его окнах и дворе горели светильники, ворота в высокой стене были распахнуты. За ними я видела край загона, в котором стояли странные длинноухие животные, похожие на маленьких лошадей. Во дворе мелькали полуголые мужчины в одних штанах, слышались испуганные женские голоса.

Но что это за город, и почему Джастер так разозлился?

Под копытами моего наймара глухо отозвалась утоптанная земля. Наймар Шута по-прежнему ступал бесшумно, но нас уже заметили.

Около двух десятков таких же бородатых и тёмнокожих мужчин, каких мы видели у сторожевого костра, в широких подпоясанных одеждах и с покрытыми головами, вооружённых кривыми широкими мечами, выстроились цепью, закрывая собой ворота. Теперь я увидела, что во дворе дома под вооружённой охраной сбились в кучку женщины в разноцветных парнах и около десятка мужчин без оружия. Почему-то их вид мне показался странным, но я не могла понять, что там не так.

— Стой! Не смей приближаться, проклятый джай-на! Я — Сафар из Гаруди, прославленный своей доблестью и удачей, чья сила подобна карающему удару Тёмноокого, а быстрота — молнии, приказываю тебе остановиться! У меня есть амулет, который уничтожит тебя и все твоё племя! Сам благословенный Верховный Взывающий Онферина Ёзеф дал мне его, да пошлёт Тёмноокий ему долгие годы!

Один из вооружённых мужчин выступил вперёд, выставив перед собой руку, сжатую в кулак. Он говорил громко и вызывающе, но в гортанном голосе я слышала скрываемый страх. Только теперь я осознала, что сейраз и в самом деле позволил мне понимать чужую речь.

— Моё племя, говоришь? — Джастер ответил низким незнакомым голосом. — Ты сможешь уничтожить меня и моё племя, человек?!

Растерянный Сафар не успел ничего ответить, как ночь разорвал хохот. Маска открыла рот, на её лице отражалось веселье, только было в этом смехе что-то такое, отчего по спине пробрало холодом.

«Моё племя между богами и демонами»...

Для того, чьё ремесло — убийство и у кого магия Бездны в крови — конечно, такая угроза — это смешно.

Только вот я никогда не слышала, чтобы Шут смеялся так страшно.

Стоявшие люди встревоженно переглядывались. Они уже поняли, что имеют дело не со злым духом, но пока не знали, что им делать дальше.

— Сам благословенный Верховный Взывающий храма Онферина Ёзеф дал тебе амулет, значит... — Джастер без малейшего признака веселья смотрел на предводителя, который заметно побледнел. — Так ты поэтому осмелел настолько, что устроил в моём городе своё логово, Сафар-Шакал?

Что?! Это разбойники? Снова?! Великие боги, да за что мне это...

Лицо Сафара потемнело от ярости, пальцы на рукояти меча сжались.

— Следи за своим языком, незнакомец! Иначе я отрежу тебе его и заставлю съесть сырым за твои похабные речи!

— И скольких ты уже убил, м? — Джастер знакомо приподнял голову, словно прислушиваясь к чему-то. Глаза маски были прикрыты. Угрозы, как и сами разбойники, его ничуть не волновали.

Краем глаза я заметила движение. Один из мужчин, охранявший женщин во дворе, подбежал к предводителю и что-то зашептал ему на ухо.

— Что?! А...Ашу Сирай? — глаза Сафара расширились, а гнев сменился недоверчивостью. Забыв о нас, он ухватил шептуна за ворот.

— Ты лжёшь, Иншал!.. Всем известно, что нет такого храма, где бы не прокляли имя Безликого! На этом отступнике гнев самого Тёмноокого! Никто не способен укрыться от гнева всеведующего Сурта! Ашу Сирай давно сдох в пустыне, а его кости растащили шакалы! Я сам это слышал! Этот негодяй просто дурачит нас своей глупой маской!

Что?! Проклят во всех храмах самим Суртом?! Джастер?! Он... он отступник?

И он так спокойно в храм этого самого Сурта едет?!

Великие боги, я ничего не понимаю...

— Без... бездушная, мой господин, — хрипел в ответ доносчик. — Смотрите, у него бездушная! И полумесяц! Он точно Взывающий!

— Кто ты такой?! — Сафар, оттолкнув говорившего, снова обратился к нам. — Отвечай немедленно, негодяй! Иначе я и мои люди!..

— Двести мужчин... — неторопливо протянул в ответ Джастер, не открывая глаз. — Сорок девять мальчиков и девочек. Больше сотни женщин... Замучены, изнасилованы и жестоко убиты тобой и твоими людьми. И ещё несколько сотен невинных душ проданы в рабство и принесены в жертву Сурту. Ты пытался постичь искусство Тёмноокого. Но тебе это не удалось, ведь для этого нужен дар, а Сурт не благословил тебя им. И правильно сделал, должен сказать. Так ответь, с каких пор сам Верховный Взывающий Ёзеф стал помогать таким мерзавцам, как ты, Сафар из Гаруди, прозванный Шакалом за свою подлость и хитрость, и прославленный на всю страну жестокими грабежами и убийствами?

Сафар в ярости зарычал и взмахнул своим кривым мечом, но в ночное небо взметнулся посох, навершие которого горело зелёным огнём. Глаза маски в гневе распахнулись и

полахали живыми изумрудами.

— Зная о запрете, ты посмел не просто прийти сюда, — загремел голос Шута. — Ты устроил в моём городе своё логово! Ты скрывался от правосудия, прикрываясь страхом перед моим именем! А теперь ты спрашиваешь, кто я такой и смеешь мне угрожать?!

С наверх сорвалась молния и ударила в землю перед Сафаром. Тот попятился, но не выронил оружие. Остальные побросали мечи на землю и упали на колени, склоняясь перед Джастером до земли.

— Помилуй, Ашу Сирай! — разноголосица голосов взлетела вверх. — Помилуй, о величайший из величайших!

— Вставайте, трусливые псы! — Сафар яростно пнул ближайшего разбойника. — Это обманщик, разве вы не видите! Ашу Сирай никогда не интересовался женщинами, а у этого плута есть джихайен-маат! Вставайте, трусы, и деритесь! Ни один преданный Взывающий добровольно не придёт сюда и не станет прикрываться именем того, кто прогневал Тёмноокого! Сам Сурт привёл этого глупого нечестивца в наши руки! Раскройте ваши глаза, презренные собаки! Вставайте и убейте этого лживого сына шакала!

Разбойники переглядывались и, неспешно поднимаясь с оружием в руках, недобро зыркали в нашу сторону. Я же только благодарила Шанака за то, что под парном не видно моего испуганного лица.

Конечно, Джастер справится с ними, но он ведь не бессмертный, в самом деле...

Шут спешил, оставив посох у седла. Губы маски изгибались в насмешливой улыбке.

— Значит, говоришь, что ты доблестный и удачливый, Шакал Сафар, — Джастер положил ладони на холки наймаров. — И, как я погляжу, много знаешь о том, кого называют Безликим. Что ж. Давай проверим твою удачу и мою правоту.

Разбойник не успел ответить, как два облака тьмы окутали руки Шута и между ним и разбойниками появились настоящие наймары, оставляя Ласточку и Огонька в их изначальном облике.

Создания Сурта жадно принюхивались, скалили зубы и в нетерпении переминались с ноги на ногу. Даже мне было ясно, что они голодны после скачки и совсем не против закусить стоящими перед ними людьми.

И что-то мне подсказывало, что оружие и даже тот амулет, которым угрожал Сафар в самом начале, не поможет разбойникам защититься от этих тварей.

— Ты прав, ни один из преданных Сурту Взывающих не станет называться именем Ашу Сирай и приходить сюда. И нет никого из людей, кто совершит такую глупость, рискуя своей жизнью и посмертием. И нет никого из Взывающих, могущих подчинить себе этих милых созданий самого Сурта, о которых ты, без сомнения, слышал с самого детства. Также ты прав в том, что я не служу Тёмноокому, хотя владею искусством его Взывающих. Так какой же вывод ты сделаешь из моих слов, прославленный своей изворотливостью Сафар?

— Э-э... почтенный Ашу Сирай... — разбойник заметно побледнел. — Прости нашу неучтивость и негостеприимство! Я уже не так молод, и мои глаза могут меня обмануть! Прошу тебя, Ашу Сирай, не гневайся! Проходи в дом, отдохни с дороги, выпей вина, отведай молодого ягнёнка, услади свой взор танцами прекраснейших женщин во всей Сурае!

— Танцами? — переспросил Шут.

— Да, о трижды премудрый, да будут благословенны твои глаза! — Сафар совсем позабыл страх. — Да будет тебе известно, что я захватил караван с богатыми товарами и невольницами, достойными услаждать взор самого Тёмноокого! Они искусны в танцах и

учтивы в беседах! Любую красавицу я отдам тебе, Ашу Сирай! Любая согреет твою постель и усладит твой взор своей красотой! В своей щедрости я даже подарю тебе целый сундук с парчой и шелками из самого Самарикана! Проходи в дом, прошу тебя!

Разбойники хмуро переглядывались, но перечить предводителю никто не посмел. Значит, одна невольница и сундук с подарками были небольшой платой за жизнь и свободу.

— Видно, ты, в самом деле, стал слишком стар, Шакал. — холодно и весомо ответил Джастер. — Иначе твоя так называемая доблесть не затмила бы твой разум окончательно. Ты забыл одну простую вещь, Сафар. Ты забыл, почему Локашан называют проклятым местом. Иначе ты никогда бы не пришёл сюда и не стал бы безмерно дерзить, приглашая меня гостем в мой же дом, который ты посчитал своим.

Предводитель разбойников мрачно смотрел на Джастера. Судя по его лицу, вину, которую предъявлял ему Шут, он ничуть не признавал.

Я же слушала с раскрытым ртом, забыв про холод и голод. Витиеватая речь сбивала меня с толку, но даже так я поняла главное: Джастера здесь знали под другим именем — Ашу Сирай, Безликий. Значит, он всегда носил эту маску в Сурае. Но почему? Что произошло между ним и Тёмнооким Суртом? Что это за проклятие, о котором Джастер ни разу не упомянул? Почему разбойники хоть и боялись его, но не оказывали ему уважения как мастеру смерти? Почему он называет этот разрушенный город своим домом?

— О чём ты говоришь, почтенный Ашу Сирай? Я не понимаю тебя!

— Локашан — это мой город. Любой Взывающий любого храма Сурта знает это. Всё здесь — принадлежит мне. Абсолютно всё, Сафар. Поэтому твоя добыча — теперь моя добыча. Твои люди — теперь мои пленники. Тот, кто приходит в чужой дом тайно, пока нет хозяев — нарушает законы не только человеческие, но и небесные. Однако я не хокмон, чтобы судить других. Я поступаю проще. Любой, кто приходит в Локашан без приглашения — платит за это своей жизнью и своим посмертием. Поэтому я убью всех вас. И не надейтесь на посмертную милость и суд Сурта. Тёмноокый не накажет вас и никогда не подарит вам даже самой захудалой нити новой жизни после искупления вашей вины в Эльжахиме. Он отвернулся от вас и предал вас в мои руки. Я оборву нити ваших жизней, и ваши души будут прокляты. Они останутся здесь, навечно, моими рабами, чтобы охранять мой город и те богатства, которые вы награбили. А тебя, о доблестный и удачливый Шакал Сафар, прославленный жестокостью, хитростью, изворотливостью, грабежами и убийствами, я убью последним, чтобы ты успел вдоволь насладиться криками и страданиями твоих соратников. Так тебе понятно, Сафар?

Разбойники в таком ужасе внимали словам Шута, что я невольно вспомнила историю о проклятии некроманта, которую однажды упомянул Джастер. Даже Сафар проникся угрозой: его руки заметно дрожали, а лицо отражало испуг.

Значит, это и в самом деле возможно: заточить души навечно, сделать их рабами без малейшей возможности на спасение... И новую жизнь.

Я судорожно вцепилась в луку седла, не сомневаясь в том, что Джастер исполнит эту страшную угрозу. Его не волновали награбленные богатства и наложницы, но он никогда не щадил разбойников, а на этих был особенно зол. Тысячи невинных, проданных в рабство, и сотни убитых мужчин, замученных детей и изнасилованных женщин...

Нет, Джастер такое никогда не простит.

Но такое проклятие... Это слишком суровое наказание. Он ведь может их просто убить, как сделал с бандой Врана, и пусть этот Сурт сам с их душами разбирается!

Шанак, Датри, почему, ну почему из-за этой одежды я не могу ему этого сказать?!

— Ты... ты, несомненно, так пошутил, Ашу Сирай? — дрогнувшим голосом произнёс Сафар. — Я... мы столько пленников продали храмам и Взывающим! Я никогда не скупился на подношения в храмах! Тёмноокий не мог отвернуться от меня и лишиться своей милости! Я ничем не мог вызвать его гнев!

— Тогда почему ты и твои люди здесь и прогневали меня, Сафар?! — громыхнул Джастер. — Тёмноокий отдал вас в мои руки, и ваши души будут принадлежать мне!

— Помилуй, о великомудрый! — разбойники снова побросали оружие и упали на колени, умоляюще простирая к Джастеру руки. — Не проклинай, Безликий! Не лишай надежды на новую жизнь! Пощади, Ашу Сирай!

— Пощади! — Сафар последовал примеру остальных. — Всем известно, милость твоя выше небес! Мудрость твоя глубже самого моря! О справедливости молю тебя! В невежестве своём я раскаиваюсь! — Он ударился лбом о землю. — Если бы всемогущий Сурт одарил меня такой мудростью и разумением, разве бы я посмел нарушить границы твоих владений, о могучий Ашу Сирай?! Разве бы мой язык посмел дерзить тому, кто не побоялся гнева самого Тёмноокого?!

Не побоялся гнева самого Сурта... Да, в это я могла поверить. Шут на такое вполне способен. Он, по-моему, вообще ничего не боялся.

Однако, не смотря на все льстивые слова и поклоны, я не верила Сафару даже на пол-«шип». Как там Джастер его назвал? Шакал, который прославился своей жестокостью, хитростью и подлостью?

Вот уж и в самом деле — мерзкий человек...

— И какой же справедливости ты хочешь, Сафар? — Джастер ничем не выдал своих чувств по поводу услышанного. И я не сомневалась, что губы маски едва заметно изогнуты в насмешливой улыбке, хотя ничего смешного в сказанном не было.

— Отпусти меня, о великий Ашу Сирай! — разбойник сложил ладони над головой. — Клянусь, что с восходом солнца я раскаюсь в своих неправедных делах и направлю стопы свои по праведному пути своей жизни! И никому более из своих людей не позволю встать на путь порока! Да будет сам благословенный Взывающий Ёзеф свидетелем моим словам! Отпусти меня, Ашу Сирай, и я буду до конца жизни восхвалять твои милосердие и мудрость!

— Простить тебя и помиловать, говоришь? — судя по голосу, у маски едва приподнялась одна бровь. — Даже самого Ёзефа в свидетели призываешь? Хорошо. Ты получишь это при одном условии.

— Любое условие назови, о мудрейший из мудрых, да будут благословлены дела твои Тёмнооки! Я исполню всё, что ты пожелаешь!

Разбойник поднял голову и глазами жадно шарил по бесчувственной маске, пытаясь понять, подействовали его слова или нет.

— Мудрые люди говорят, что каков предводитель, таковы и те, кто идёт за ним. У тебя нет милости Сурта, чтобы призывать его благословение, Сафар. Однако ты похвалялся своей удачей, силой и скоростью. Я дам тебе возможность доказать это. Локашан не велик. Если твои ноги сумеют пересечь границы его стен прежде, чем мои голодные наймары доберутся до тебя — то, так и быть, я сочту это милостью Тёмноокого и отпущу тебя и твоих людей, чтобы вы могли исполнить данную тобой клятву. Но если нет — пеняй на себя. Твоё тело станет кормом для моих наймаров, а твоя душа познает такие мучения, которые не ведала до сих пор. Ты принимаешь условие, Сафар?

Разбойник встал с колен, переводя взгляд с Джастера на наймаров, а затем за пределы освещённой кострами площади. Даже отблески огня не скрывали того, как побелело его лицо.

— Н-но, Ашу Сирай... Всем известно, что наймары — это создания самого Сурта, и они быстрее самых лучших лошадей на земле! Как же я смогу обогнать их?

— Я буду считать до сорока. А затем отпущу их. Поспеши, Сафар. Два.

Разбойник облизнул губы, подхватил меч и, больше не раздумывая, кинулся в темноту.

— Три, — невозмутимо уронил Джастер. — Четыре.

Возбуждённые и испуганные, разбойники переглядывались, смотрели в ту сторону, где скрылся их предводитель, и я видела на лицах неподдельное волнение. Они искренне переживали за Сафара и желали его победы, от которой зависела их участь.

— Двенадцать. Тринадцать, — ровно и спокойно продолжал считать Джастер. — Семнадцать.

— Ты пропустил «четырнадцать, пятнадцать и шестнадцать», о почтенный Ашу Сирай! — внезапно раздался голос одного из разбойников.

— Двадцать, — невозмутимо продолжил Шут. — Двадцать два. Двадцать четыре.

Разбойники заметно заволновались.

— Ты случайно ошибся в счёте, о премудрый Ашу Сирай! — поднялся один из них. Кажется, тот самый, который и нашептал имя Шута своему предводителю. — Так у Сафара не будет нужного времени, чтобы выполнить твоё условие!

Остальные согласно закивали, поддерживая своего приятеля.

— Ты умеешь считать? — Джастер покосился на говорившего. — Тогда продолжай. Я послушаю.

— Четырна... — под взглядом маски разбойник прикусил язык, не договорив.

— Двадцать шесть. — сверкнул глазами Шут.

— Двадцать семь, двадцать восемь, двадцать девять, — послушно забормотал заступник под сердитыми взглядами своих приятелей. — Тридцать... Тридцать и один, тридцать и эээ... два, тридцать и... три...

Шут держал ладони на холках наймаров и кивал на каждое слово, словно не замечая, что разбойник тянет время, как может. Считай Джастер правильно, уже досчитал бы до пятидесяти.

— Тридцать и эээ... шесть... Тридцать и...

— Тридцать восемь, — на губах маски появилась не улыбка, а предвкушающий оскал, и никто из разбойников не посмел перечить. — Тридцать девять. Сорок. А теперь, мальчики, принесите мне его душу.

Джастер хлопнул ладонями по угольным холкам. Наймары сорвались с места, в мгновение ока пересекли площадь, и, мелькнув на границе костров, растворились в темноте. Я замерла, прислушиваясь к ночным звукам. Лишь треск дров да движения длинноухих животных в загоне нарушали опустившуюся на площадь тишину. Люди молчали, сдерживая дыхание и напряжённо ловя каждый шорох.

Только выражение маски Джастера оставалось совершенно равнодушным. Шут стоял прямо, сложив руки на груди, и казалось, его ничуть не волновала эта напряжённая тишина.

— Успел? — вдруг выдохнул кто-то из разбойников. — А, Иншал? Удалось?

Иншал, выступивший счетоводом, опасно покосился в сторону невозмутимого, как статуя, Джастера, и осторожно кивнул.

— Удалось! Мы спасены! Сурт смилостивился над нами! — разбойники вскочили на ноги и радовались, обнимая друг друга и хлопая по плечам и спинам. — Тёмноокий с нами! Слава Тёмноокому! Слава вели...

Страшный крик разорвал ликование, как порыв ветра — ночной туман. Разбойники замерли. На счастливых лицах медленно проступали отчаяние и ужас.

Крик повторился и больше не замолкал. Где-то далеко человек, которого рвали заживо, кричал не переставая. Наконец, последний мучительный вопль оборвался, и наступила тишина, прерываемая только треском догорающих костров.

— Твои уловки не помогли, Иншал, — изумрудный огонь в прорезях маски обратился к разбойникам. — Сурт не дал вам своей милости. Ваша участь решена.

Разбойники с ужасом смотрели на бесчувственную маску. Потрясённые тем, что свобода и жизнь ускользнули от них в последний момент, эти мужчины без сил опускались на землю. Кто-то, не стесняясь, зарыдал, кто-то проклинал свою судьбу и Сафара, кто-то просто молча сидел, в отчаянии обхватив голову руками.

Джастера ничуть не трогали эти страдания. Он подошёл к Огоньку и взял посох. Белая маска была равнодушна и холодна, как камень.

По-прежнему не говоря ни слова, Шут вышел на середину площади и, словно огромным пером, начал рисовать посохом по земле. Навершие посоха горело зелёным, с конца стекал магический изумрудный огонь, оставляя на утоптанной земле тонкие светящиеся линии. Разбойники затихли, явно боясь своими стенаниями вызвать гнев Ашу Сирая и усугубить свою участь ещё больше.

А я... Я не знала, что мне делать. Конечно, я обещала Джастеру изображать эту самую «безддушную», но всё-таки он выбрал слишком суровое наказание для этих бедолаг. Нет, я им не сочувствовала и не жалела за те преступления, которые они совершили! Но ведь он сам же сказал, что какой предводитель, таковы и те, кого он ведёт! Сафар уже заплатил за свои зверства страшной смертью! Разве этого не достаточно?!

Но если я сейчас вмешаюсь, то он наверняка разозлится так, что мало никому не покажется. В конце концов, здесь он не скрывал свою силу мастера смерти. И даже гнев самого Тёмноокого Сурта ему нипочём...

Нет, Янига, раз уж обещала молчать и ничего не делать — то прикуси язык и терпи. Сама же говорила, что веришь и доверяешь Джастеру, и пойдёшь с ним до конца, так доверяй на деле, а не только на словах...

Тем временем, Шут закончил рисовать. На земле красовалась звезда, окружённая кольцом с непонятными письменами. В центре звезды тоже был круг с надписями по внешнему краю.

— В центр его.

Наймары соткались из теней бесшумно, и я невольно вздрогнула от неожиданности. К счастью, этого никто не заметил: разбойники подались назад, сбиваясь в кучку, с откровенным ужасом глядя на двух чудовищ с окровавленными мордами. В клыкастых пастьях они держали то, что когда-то было живым человеком. Один из наймаров мотнул головой, и в центр звезды глухо упало окровавленное тело Сафара.

Точнее, то, что от него осталось.

— Встань. — холодно приказал Джастер.

Звезда полыхнула зелёным огнём. От мёртвого тела отделилось нечто туманное, а в следующий миг над растерзанным окровавленным телом стоял полупрозрачный Сафар. Я

видела через него и узор волшебной звезды, и затухающие огни костров.

— Дух... дух... — тихо зашептались разбойники, а я только стиснула луку седла покрепче и старалась не застучать зубами от охватившего ужаса.

Конечно, Джастер говорил, что умеет поднимать мёртвых, но я всегда предпочитала думать, что он просто пугает или шутит... И совсем не хотела увидеть такое воочию! Как же это страшно на самом деле, оказывается...

— С возвращением, Сафар. — по-прежнему ровно и спокойно прозвучал голос из-под маски.

Дух Сафара огляделся и упал на колени, погрузившись в собственные окровавленные останки по бёдра. Зрелище было настолько отвратительным, что меня замутило, и я поспешно отвела взгляд.

Как же хорошо, что под парном лица не видно...

— О, я несчастный! — завопил призрак, срывая с головы покрывало и хватаясь за волосы. — О, несчастная судьба моя! Тёмноокий прогневался на меня и отказал в своей милости!

— Как далеко ты успел убежать, Сафар из Гаруди, чья скорость была сравнима с молнией? — Джастер не собирался выслушивать эти вопли. — Поведай нам.

— Моя нога уже коснулась стены этого проклятого города, когда эти исчадия Эльжахима настигли меня! — завопил Сафар. — Одного шага не хватило мне, чтобы сорвать твои гнусные планы, Ашу Сирай! Если бы Сурт Тёмноокий лишь на мгновение кинул на меня свой милостивый и всеведущий взор, то я был бы жив и свободен, и нить моей жизни не прервалась бы так мучительно и позорно!

— Но Сурт решил иначе, Шакал. — маска сохраняла свою невозмутимость, а голос был суров и холоден. — Это мой город, и даже он это признаёт, поэтому и отдал нить твоей жизни в мои руки.

— Будь ты проклят, Безликий! — Сафар вскочил на ноги и попытался кинуться на Джастера, но наткнулся на стену из зелёного огня. — Будь проклят ты и всё твоё племя на веки веков! Пусть!..

Джастер вскинул ладонь, и злобный дух замолчал, не в силах произнести ни звука и только яростно вращая глазами.

— Как я и обещал тебе, Сафар, я проклиная тебя, — голос Шута громом разносился над площадью. — Отныне ты не будешь знать ни сна, ни покоя, ибо останешься здесь и будешь вечно охранять этот город от любого, кто без моего позволения дерзнёт пересечь его границы. Будь то мужчина, женщина или ребёнок, любого рода и племени, любой веры или безверия, ты убьёшь его. Если же нарушитель сумеет ускользнуть от тебя, то наймары будут терзать твою душу до появления нового нарушителя и твоя смерть покажется тебе приятным сном по сравнению с этими мучениями. Ты хочешь что-то сказать?

Призрак умоляюще сложил руки. Его лицо выражало такую муку, что разжалобился бы даже камень.

— П...помилуй, повелитель... — хрипло провыл он. — Пощади!!! Сними проклятие! Самим Тёмноокиим клянусь, что искуплю свою вину в новой жизни! Любые мучения приму!

Разбойники в безмолвии смотрели то на своего бывшего предводителя, то на невозмутимого Джастера. На их лицах отражались ужас, страх, паника...

— Клянёшься самим Суртом? Что ж. Раз твоя нога всё же коснулась стены моего города, я дам тебе возможность снять проклятие и искупить вину, не дожидаясь новой

жизни.

— Приказывай, господин! — призрак снова упал на колени, рьяно склоняясь в поклоне. — Всё исполню!

— Если ты сам, по доброй воле,пустишь из моего города столько людей, сколько сгубил душ, ты получишь свободу и отправишься в чертоги Сурта, Эльжахим, чтобы обрести новую нить жизни. Но. За каждого отпущенного тобой наймары будут заново разрывать тебя на части и растаскивать твою душу по всему городу. Да будет так!

Посох гулко ударил о землю, магическая звезда полыхнула изумрудным огнём, и потрясённый услышанным Сафар исчез, не успев ничего сказать или сделать.

Вместе с ним исчезла и волшебная звезда. Наймары, словно получив разрешение, накинулись на окровавленные останки того, кто совсем недавно был Сафаром. От вида их пиршества меня замутило снова, и я поспешно отвела глаза, стараясь не обращать внимания на отвратительные звуки.

Есть проклятие ведьмы, а есть проклятие некроманта, да? Х-ха, да любое проклятие ведьмы по сравнению с этим — детские невинные шуточки...

— Теперь вы, — Джастер развернулся к оставшимся разбойникам. Наймары его ничуть не волновали.

— П-по... помилуй, Ашу Сирай! — с них спало оцепенение, и они снова попадали на колени, кланяясь до земли. — Пощади, о великий!

— Сафар вас не спас. Ваши уловки не сработали. Я обещал вам ту же участь, что и ему. Какой милости вы ждёте?

— Справедливости, о мудрейший из мудрых! — Иншал на коленях выполз вперёд. — Ты подарил Сафару возможность снять проклятие, подари же в своей великой щедрости и нам, ничтожным, возможность раскаяться и вступить на путь исправления наших поступков!

— Умоляем, Ашу Сирай! — разбойники дружно подхватили просьбу. — Позволь в этой жизни, а не в посмертии, раскаяться в несправедных делах! Суртом клянёмся, что на праведный путь встанем! Помилуй, Ашу Сирай!

Джастер снова поднял руку, и голоса смолкли, как один.

— Я устал и хочу есть. Завтра я подумаю, что с вами делать. До утра вы останетесь здесь, — он взмахнул рукой, и разбойников окружило горящее зелёным кольцо. Такая же светящаяся черта появилась перед распахнутыми воротами во двор дома. — Кто пересечёт эти линии, пойдёт на корм наймарам. Или встретится с вашим ненаглядным Сафаром. Он сейчас быстрее и злее, чем был при жизни. На вашем месте я бы не стал рассчитывать на его милосердие.

Больше не обращая внимания на ошеломлённых разбойников, Джастер подошёл к Огоньку и взял её повод.

— Идём.

Я вздрогнула, поняв, что этот равнодушный приказ был обращён ко мне.

Легко тронув пятками Ласточку, я последовала за Джастером во двор дома, всё ещё находясь под сильным впечатлением от случившегося.

Не так я представляла себе наше путешествие в Сурае... Совсем не так!

Разбойники в защитном круге жались к центру, и никто не хотел оказаться к опасной границе ближе, чем на шаг.

Во дворе нас встретили заметно перепуганные люди. Возле загона с животными

всхлипывающие от страха женщины сбились в пёструю стайку в самом дальнем углу, а вот мужчины разделились на три группы. В одной сбились вместе оставшиеся разбойники, в другой около десятка мужчин в хорошей и богатой одежде, а в третьей опустив бритые головы вниз, стояло много полуголых и босых людей.

Джастер остановился посреди двора и повернул голову в их сторону.

— Вы кто такие? — хмуро и недовольно спросил он.

Разбойники испуганно переглядывались и вытолкали вперёд одного. Бедняга заметно бледнел и трясся.

— Г-г...го... — он не мог выговорить даже слова, но Джастер не собирался ждать.

Шут вскинул руку, и разбойник замолчал, словно язык проглотил.

— Я не вас спрашиваю. С вами мне давно всё понятно. — Шут недовольно отмахнулся от остатков банды Сафара. — Отвечай ты.

Палец Джастера указал в одного из богатых мужчин, с заметным брюшком. Лицо, круглое и плоское, как лепёшка, украшала длинная тонкая борода. Человек испуганно оглянулся на своих товарищей, но справился с собой и чуть выступил вперёд.

— М-моё имя Ш-шальмахази, о почтенный А...Ашу С-сирай, — запинаясь, произнёс он. — Этот караван принадлежит м-мне и моим д-друзьям, и я в-выража...

— Ты ошибаешься, Шальмахази. — Джастер говорил сухо и холодно. — Этот караван и все вы теперь принадлежите мне. Вы прекрасно слышали и видели всё, что было. Но вы здесь против вашей воли, поэтому любого из вас, за кого в Онферине заплатят выкуп в две сотни таланов, я отпущу. Остальных продам на рынке, как невольников.

Судя по изумлённым лицам торговцев, цену за свободу Джастер попросил немалую. У этого самого Шаль-как-его-там даже лицо вытянулось. А ещё торговцы испуганно хватались за бороды и головы, и с ужасом косились в сторону босых и бритых людей. Так вот, значит, кто это...

Те самые ширахатон. Невольники. Люди, попавшие в плен или проданные за долги.

— Д-двести таланов? Н-но, госпо... — торговец замолчал, остановленный жестом Шута.

— Ещё один звук и цена за вашу свободу вырастет вдвое. Эй, вы, — Джастер обратился к невольникам, понуро стоявшим возле женщин. — Кто из вас умеет ухаживать за лошадьми?

— Я, господин, — вперёд выступил один из людей. Он не поднимал головы и ничем не отличался от остальных ширахатон.

— Как твоё имя?

— Мирам, господин.

— Я назначаю тебя старшим над этими невольниками, Мирам. Позаботься о моих лошадях. А ещё позаботься о том, чтобы мне принесли вина и поесть. После ужина приведёшь ко мне всех женщин.

По стайке закутанных в парны красавиц словно прошелестел ветер. Некоторые даже пошатнулись, но их поддержали испуганные товарки.

— Слушаюсь, господин. — низко поклонился невольник, а следом за ним и остальные ширахатон. И хотя они не поднимали глаз, я чувствовала, как эти люди радовались, поняв, что живыми страшному Безликому они нужны больше, чем мёртвыми.

Но... женщины?! Зачем ему после ужина все женщины? Что он ещё задумал?!

Джастер бросил невольнику повод Огонька, который Мирам с поклоном принял.

— Идём. — новый холодный приказ и я послушно спешила, едва не упав, потому что ноги затекли и меня слушались плохо. Но Джастер, не оглядываясь, шёл к дому, и мне ничего не оставалось, как поспешить за ним, оставив Ласточку на попечение Мирама.

Только сейчас я обратила внимание на дом. Высокий, в три этажа, но ската крыши не видно. Внизу — галерея с нишами, между колонн горят масляные светильники. Окна и двери полукруглые, ставни и створки из толстого дерева, украшены резьбой. Стены на вид не каменные и не деревянные. Проходя мимо колонны, я украдкой коснулась её пальцами. Чуть шершавая и тёплая...

Джастер легко толкнул створку двери, распахивая её в темноту. В следующий миг он щёлкнул пальцами и внутри вспыхнул светильник. За ним ещё и ещё, пока весь дом не оказался освещён.

За широкой спиной Шута я не успела увидеть, что там внутри, как Джастер вдруг зарычал и резко развернулся, смахнув меня в сторону, как пылинку.

— САФА-А-АРРР!!!

Это был не крик, это был грозный рёв, полный ярости. Чёрное пламя плясало вокруг фигуры Шута, и я испуганно вжалась в колонну, понимая, что сейчас ему под руку и на глаза попадаться точно не стоит.

Воздух посреди двора задрожал, и зеленоватый туман соткался в фигуру призрака, согнувшегося в поклоне.

— Гос...

— ТЫ... — Джастер шагнул к Сафару, и плащ за его спиной взвился от пляшущей тёмной силы.

Призрак попятился и упал, судорожно продолжая отползать от надвигающейся опасности. Его губы и подбородок затряслись, он хватал ртом воздух, а глаза распахнуты настолько, что, ещё немного и вот-вот выпадут.

Мне же казалось, что Джастер весь объят чёрным пламенем, в котором мелькают коричневые искры, и с каждым шагом становится всё больше похожим на то чудовище, что мне привиделось однажды у костра.

А может, и не привиделось? Может...

Додумать мысль я не успела.

Призрак замер, не в силах двинуться с места. Он судорожно хватался за грудь и глотал воздух и будь Сафар живым, наверняка бы...

— Ты посмел не просто прийти в мой город... ТЫ ПОСМЕЛ ВОЙТИ В МОЙ ДОМ ТЫ ПОСМЕЛ ВЗЯТЬ ТО, ЧТО ПРИНАДЛЕЖИТ МНЕ!

— Простите, господин! — Сафар сжался в комок, стараясь защититься одной рукой. — Пощадите!

— ПОЩАДИТЬ?!

В следующий миг на Сафара обрушился удар чёрного пламени. Туманную фигуру орущего от боли разбойника просто смело и вынесло за ворота, с размаху швырнув на площадь. От ног Джастера и до середины площади расплавленная земля дымилась, кипела и шипела как масло на сковородке, а камни плавилась словно лёд. Орущий призрак Сафара в корчах полыхал в конце этой жуткой канавы.

В один миг я поняла, что до этого было просто представление. Страшное, кровавое, но представление, подобное тому, что Шут устроил на Гнилушке.

А сейчас в центре двора стоял, подавшись вперёд после удара, настоящий Ашу Сирай,

мастер смерти, при имени которого наверняка вздрагивали все остальные служители Сурта.

Чёрный ужасающий призрак с белой оскаленной маской ярости вместо лица. Пальцы ударившей руки скрючены, словно когти, между ними пляшет чёрный огонь, узкие щели глаз полыхают алым. Плащ за спиной взметнулся, словно крылья атакующего коршуна...

Я забыла, как дышать. Меня трясло и хотелось отвернуться и бежать, бежать куда угодно, но как можно дальше от этого чёрного призрака, в котором не было ничего человеческого. Только ноги отказывались слушаться, в ушах шумело, а сердце бухало так, что мне казалось, это слышно на весь двор. Не в силах пошевелиться, я лишь крепче вжалась в колонну, боясь хоть чем-то привлечь внимание Безликого. Джастер всегда сдерживал свою ярость, но сейчас...

Мне никогда не было так страшно.

Ужаснее проклятия некроманта — только его гнев.

Люди с другой стороны двора, застыв, как статуи, взирали на происходящее с не меньшим ужасом. Я вдруг подумала, что если бы не страх привлечь внимание хозяина этого города, то они бы кинулись врассыпную, невзирая на наймаров, и прочие опасности...

Ашу Сирай медленно выпрямился. Плащ опустился на плечи, оскал на маске исчез, но прорези по-прежнему горели огнём. Чёрное пламя опало, вскипевшая земля застывала чёрным льдом. Обожжённый призрак на другом конце площади зашевелился, с охами и стонами пытаясь подняться. Теперь это был не человек, а скелет с остатками плоти и кое-где уцелевшими лохмотьями. Один глаз у него вытек, живот вместе с внутренностями спёкся в чёрный ком, а левый бок был вырван. На руках и ногах виднелись кости в остатках мяса.

Зрелище было отвратительным и в то же время — правильным. Сафар стал таким, каким был в момент смерти.

В полной тишине раздался звук, напоминавший сразу кашель и воронье карканье, разрывая наваждение потустороннего ужаса и возвращая в реальность.

Не сразу я поняла, что это смеялся Шут.

— А ты не солгал про свою удачу, Сафар. — хрипота пропала, и с каждым словом голос Джастера набирал прежнюю силу. — Тебе очень, очень повезло, что отделался такой лёгкой смертью, а моё проклятие сейчас спасло твою мерзкую душонку. Но если ты думал, что на этом всё для тебя закончилось, ты сильно ошибся.

Джастер, а теперь это снова был он, не собирался останавливаться. Он вскинул руку, и между его пальцами и шеей призрака появилась тонкая светящаяся нить.

— П...пощади... — донёсся до меня сиплый голос. — Пощади, хозяин...

— Ты всегда считал, что можешь безнаказанно брать чужое, — Джастер медленно наматывал нить на палец. — Но никто не смеет брать то, что принадлежит мне, Сафар. Никто и никогда.

— Пощади, господин! — отчаянно взвыл призрак, потому что нить натянулась и его шею плотно охватила петля, заставляя привстать на цыпочки. — Никогда больше чужого пальцем не трону, самым Суртом клянусь!

— Разумеется... — губы маски исказились в оскале, изображающем улыбку. — Ты жил, как шакал, и сдох, как шакал. Так и оставайся шакалом, пока не научишься быть человеком!

Джастер коротко и резко взмахнул рукой. Светящаяся нить полыхнула тёмным огнём, взметнулась змей и ударила Сафара в грудь.

Призрак, охваченный колдовским пламенем, упал на колени, воя и скуля от боли и ужаса. Его лицо вытягивалось в звериную морду, руки и ноги превращались в тощие лапы,

одежда исчезала, становясь клочковатой и полосатой шерстью...

Я не успела даже вздохнуть, как вместо человека светящаяся нить обвивала шею костлявого и уродливого пса, с горбатой спиной и поджатым под живот хвостом.

— Ауоооу... — жалобно проскулил призрачный пёс, падая на брюхо. — Ууууоооу...

— Заткнись. Дважды тебе повезло. Третьего раза не будет. Я уничтожу не только твою душу, но и саму твою суть.

Светящаяся нить туго натянулась, и призрачный пёс... нет, шакал, тут же замолчал, униженно распластавшись на земле и закрыв уцелевший глаз.

— Убирайся с глаз моих.

Прорези маски пронзительно сверкнули изумрудной зеленью, и Шакал исчез, словно его и не было.

В полной тишине Джастер развернулся и посмотрел на дом.

— Шксссааа... — раздражённо прошипел он, а затем обратил изумрудный взгляд недовольной маски на меня. От неожиданного страха сбилось дыхание и снова заколотило сердце. Неужели и я его чем-то рассердила? Великие боги...

— Встань там.

Короткий властный жест и я, торопливо поклонившись, поспешила отойти к ограде.

Великие боги, он на меня не сердится! Хорошо-то как... Как гора с плеч...

Джастер же опустил голову, развёл руки в стороны и сжал появившийся в правой ладони посох. В следующий миг уже знакомый изумрудный огонь полыхнул сначала на навершии посоха, а затем по земле, окружая дом. Шут негромким речетативом произносил незнакомые и певучие слова, каждое из которых заставляло огненное кольцо вспыхивать и искрить. В какой — то момент в зелени появились золотистые искры, а Джастер резко и с силой опустил посох.

Мне показалось, что от этого удара вздрогнула земля под ногами.

Кольцо огня, в котором смешались зелень и золото, взметнулось вверх, окатив дом, подобно огромной волне. Снова и снова.

С каждым разом зелени становилось меньше, а золотых искорок больше. В последний раз дом окатила искрящаяся золотистая волна и всё погасло.

Джастер опустил руки и посмотрел в сторону невольников. Мирам так и стоял как столб, между Огоньком и Ласточкой, вцепившись в поводья. Его лицо застыло маской ужаса. Удивительно, что наши лошади, как и незнакомые мне животные в загоне, всё это время стояли совершенно спокойно, словно ничего не происходило. Видимо, колдовство Джастера, позволившее наймарам вселиться в наших лошадей, подействовало и на этих длинноухих.

— Я жду еду и вино, Мирам. — негромко сказал Шут, но невольник вздрогнул, захлопнул рот и торопливо и низко поклонился. Его заколотила крупная дрожь, и мне показалось, что он еле стоит на ногах.

Вместе с Мирамом оцепенение спало со всех остальных. Животные зашевелились, кто-то из пленников упал в обморок, а в воздухе сильно запахло мочой и...

— И приберитесь здесь, — брезгливо скривилась маска. — Воняете хуже свиней...

Не обращая внимания на новые поклоны Мирама и других невольников, Джастер, опираясь на посох, прошёл через двор и скрылся в доме.

Под сдержанные приглушённые рыдания женщин, негромкие горестные стенания бывших купцов и едва слышные проклятия разбойников я поспешила за Шутом.

Дом внутри ничуть не походил на привычное мне. Дверь вела в широкий зал, пол которого возвышался над входом высокой ступенькой. Всё выложено цветной узорчатой плиткой, окна и дальняя стена завешаны тонкими и плотными тканями. Широкие, украшенные узорами, чаши светильников свешивались с потолка на тонких цепочках или стояли на высоких витых подставках далеко от занавесей.

Шут наклонился и что-то поднял со ступеньки, отряхнул, прижимая к себе и пряча под плащом. Посох из его руки исчез, Джастер прошёл через зал и отдернул одну из плотных занавесей. За ней оказалась лестница на второй этаж.

Мы поднялись и прошли по коридору мимо закрытых дверей в одну из комнат. Внутри комната была поделена стенами и занавесями на несколько частей. Окна закрыты ставнями. Напротив входа — возвышение, где стояла длинная низкая и широкая скамья с узорной спинкой. На скамье и на полу — пёстрые ковры и подушки.

Шут отдернул плотную узорчатую ткань одной из занавесей, и я увидела комнатку, большую часть которой занимала низкая и очень широкая кровать. В изголовье лежали необычные длинные подушки, похожие на короткие брётна из блестящей ткани, украшенные вышивкой и кистями. Сама кровать была застелена большим красивым покрывалом, а её углы возносились вверх витыми столбиками под самый потолок. Между столбиками тоже красовались многочисленные тонкие занавески, подвязанные лентами. Но даже если все их опустить, всё равно будет видно, пуста кровать или нет.

— Здесь ты можешь ходить без парна. — Джастер жестом обвёл спальню. — Во всём доме, в общем, тоже, но не при посторонних, как понимаешь.

Я только вздохнула, снимая парн и сумку, которая под ним скрывалась. Не найдя, куда убрать вещи, я сложила всё у изголовья кровати. Заодно растёрла пальцами виски и лоб, потому что обруч заметно надавил голову.

В коридоре раздались шаги, и Джастер вышел в главную комнату, оставив меня в спальне. Я чуть отодвинула занавесь и осторожно выглянула в щёлочку.

Удобно... С дверями бы так легко подглядывать и подслушивать не получилось.

— Вещи господина.

Двери открылись, и в комнату с поклоном вошёл один из невольников. Он заметно дрожал, но принёс всю нашу поклажу, навьюченную на лошадей. Я не могла понять: Мирам это или кто-то другой. Тёмнокожие, полуголые и бритые, невольники все были для меня на одно лицо.

— Оставь здесь. — Шут полулежал на лавке, опираясь на подушки. — Где мой ужин?

— Сейчас принесут, господин, — дрогнувшим голосом ответил невольник и снова низко поклонился, сложив вещи перед возвышением.

— Приведите ко мне всех женщин. Немедленно.

Новый поклон и невольник, пятясь, вышел из комнаты.

Хотя я очень устала и переволновалась, у меня язык чесался выглянуть и спросить Джастера, что происходит. Что это за город, почему он так взъярился на Сафара, что он поднял с пола, почему называет этот дом и город своими, зачем ему эти женщины...

Но глядя на хмурую маску, я прикусила язык и затаилась в ожидании.

Гроза миновала, но Джастер ещё не успокоился. И случайно рассердить его сейчас хотелось меньше всего на свете.

Дважды он прощал мои глупости.

Третьего раза не будет.

Женщины не заставили себя ждать. Я не успела бы сосчитать до десяти, как за дверью снова раздались шаги, на этот раз многочисленные, и дверь распахнулась, пропуская целую толпу местных красавиц в разноцветных нарядных парнах. Их приход сопровождался тихим мелодичным перезвоном.

Под мрачным взглядом маски женщины сбились испуганной стайкой возле входа, стараясь спрятаться друг за другом.

— Ужин для господина.

Голос невольника заставил женщин прыснуть по обе стороны от двери. Двое невольников, склонившись, поставили перед возвышением невысокий столик, а на него несколько полных блюд и кувшин. Один из невольников наполнил из кувшина кубок и, не разгибая спины, подал Шуту. Второй в это время отошёл к дверям и сел возле них на колени, ожидая новых приказов.

Джастер поднёс кубок к губам и неторопливо выпил.

— Ещё вина.

Пока невольник снова наполнял кубок, Шут поднял руку и сделал замысловатый жест.

Замершие в испуге женщины заволновались и пришли в движение. Это было похоже на вдруг ожившие цветы. Их парны, яркие и нарядные, зашелестели, как листва на ветру. Я не знала, что означал жест, но судя по всему, делать то, что приказал таким способом Джастер, женщины не хотели или боялись.

— Я жду. Или мне научить вас выполнять приказы? — к холоду в голосе добавилось раздражение, и женщины заметно вздрогнули.

Переглядываясь, они выстроились полукругом в нескольких шагах перед возвышением и начали снимать парны.

Когда яркие одеяния упали на ковры, я поняла, что Сафар не соврал про красоту этих женщин. Конечно, они не были похожи на меня или Холиссу, но тоже оказались очень привлекательными.

Тонкие и гибкие, они были одеты в такую же бесстыдную одежду, как у меня. Жёлтые, голубые, розовые и алые наряды, сверкающие вышивкой с камнями и бусинами, ярко оттеняли очень смуглую гладкую кожу и длинные чёрные волосы, заплетённые во множество тонких косичек, на концах которых красовались яркие ленточки и крохотные колокольчики. Щиколотки и запястья украшало множество тонких браслетов. На шеях — ожерелья из серебристых круглых монеток. Густые чёрные брови врзлёт и пушистые ресницы подчёркивали необычный длинный разрез тёмных глаз, подведённых яркими красками.

Если тут все женщины такое носят, понятно, почему он бы смотрел и смотрел... Да и не только смотрел.

Девушки — а они все были не старше меня, испуганно кусали губы и опускали глаза, боясь взглянуть на того, кто медленно и неторопливо потягивал вино.

Очень красиво и соблазнительно, да?.. Неужели... неужели он для этого их позвал?

Только вот вопреки моим горьким мыслям, белая маска не выражала ничего.

— Вы танцовщицы?

Девушки переглянулись и дружно кивнули. Джастер поставил кубок на столик и сел, подобрав ноги под себя.

— Кто из вас умеет танцевать «Пчёлку»?

Даже в неверном свете огня я увидела, как потемнели от румянца нежные щёки красавиц.

— Ни... никто, господин, — испуганно ответила одна из девушек, не поднимая глаз. — Пощадите...

— Жаль. — Джастер заглянул в кувшин, вылил остатки вина в кубок и, не глядя, протянул его невольнику. Тот с поклоном забрал пустой сосуд и торопливо скрылся за дверь.

— Одевайтесь. Вы мне не нужны.

Шут снова вытянулся на скамье, задумчиво взбалтывая вино в кубке и не обращая внимания на девушек, взволнованных таким ответом.

— Гос... господин... — вперёд выступила та же красавица. — Что... что с нами будет?

Одна бровь на маске приподнялась, и Джастер выразительно покосился на смелую девицу.

— А что вы хотите, чтобы я с вами сделал?

«Хуже, чем быть джихайен, это быть джихайен — маат» — вдруг вспомнилось мне.

И не только мне.

— Пощадите! — девушки задрожали и упали на колени, молитвенно протягивая руки к Джастеру. Браслеты и колокольчики мелодично зазвенели. — Пощадите, господин!

— Хорошо, — спокойно ответил Шут. — Я продам вас на базаре вместе с остальными. А теперь уходите, пока я добрый. Молча и быстро. Считаю до трёх. Два.

Я не успела даже удивиться такому ответу, а девушки, радостно улыбаясь, в одно мгновение накинули парны, и пёстрая стайка вылетела из комнаты, едва не сбив с ног невольника, принёсшего новый кувшин с вином.

Как же мало им было надо для счастья... Всего лишь узнать, что они станут обычными невольницами, а не бесправными джихайен и тем более, не бездушными игрушками ужасного Безликого...

— Оставьте меня.

Небрежный взмах рукой — и оба невольника с поклонами исчезли за дверь. Шут щёлкнул пальцами, и я ощутила знакомую волну его защиты.

Значит, можно выходить.

— Спасибо, Янига. — Джастер скинул плащ, а затем и маску.

Хмурый, недовольный и сильно уставший. Я вдруг обрадовалась этому, поняв, что случившееся с разбойником не доставило Шуту ни капли удовольствия. Джастер, которого я знала, умел и любил убивать, но предпочитал это делать в честной драке, а не... не... не так.

Игрок всегда играет на равных, так, кажется, он говорил?

А здесь была... казнь.

— За... — в горле от долгого молчания заметно пересохло и я невольно сглотнула. — За что?

— Что сдержала слово и не вмешивалась. Сильно напугал?

Я неопределённо дёрнула плечом, невольно обняв себя руками. Сильно — это не то слово...

— Прости, — он покосился на меня и устало потёр лицо ладонями. — Демоны побери этого Сурта! Не мог своих шакалов подальше отсюда держать?! Ладно, давай поедим. Вино здесь вполне неплохое.

Так как мисок с ложками на столике я не увидела, да и второго кубка не наблюдалось,

то пришлось нести своё.

— Что... что ты хочешь делать дальше? — я благоразумно решила не обсуждать Сафара и откровенное богохульство.

Ни разу не слышала, чтобы он хоть кого-то из богов ругал, но сегодня Джастер не переставал меня пугать и удивлять.

— То же, что и собирался. Завтра поедем в Онферин и навестим храм Сурта. Хотя теперь ещё надо от этих приبلудных избавиться. Вот же морока свалилась на голову... Возни теперь столько...

Он вздохнул, окунул руки в чашу с водой, где плавали пожухлые лепестки цветов, достал из торбы ложку и миску, устроился возле столика и стал накладывать себе с большого блюда.

— А может, их просто отпустить?

Шут хмуро посмотрел на меня и криво усмехнулся.

— Мысль хорошая, но не могу, Янига. Если я их просто отпущу, кто знает, сколько трупов здесь будет в следующий раз? Потому что найдутся дураки, которые захотят поживиться сокровищами Ашу Сирая, надеясь, что им повезёт, и он их пожалует. Нет уж. Хватит с меня сегодня. Я не Ёзеф, мне здесь некрополь не нужен. Но и прощать я никого не намерен.

— Поэтому ты сделал Шакала сторожевым псом, а не просто убил его? — я охнула и зажала рот ладонью, но было поздно.

— Ты знаешь, что такое репутация, ведьма? — Джастер воткнул ложку обратно в миску, не донеся до рта. Взгляд серых глаз был холоден, и я почувствовала, как по спине пробежал внезапный холодок.

Третьего раза не будет.

Хоть со скалы потом в море прыгай.

— Я... Я... прости...

— Репутация — это вес твоего имени среди людей. Если бы твоя наставница начала вдруг жалеть всех воров и разбойников, раздавать зелья бесплатно и страдать из-за каждого любовника, как обычная баба, как думаешь, люди бы продолжили считать её сильной ведьмой?

«Госпожа Лира уже на что к матушке моей расположена была, а и то над радостями нашими али бедою и слезинки не уронила».

«Ведьмы не плачут, Михай», — вспомнились мне собственные слова.

Джастер прав. Все ведьмы вели себя как... как ведьмы. Они не обещали попусту, люди знали, чего ждать от любой ведьмы и уважали нас за наше ремесло. Даже вокруг меня успела сложиться эта самая ре... репутация.

Что уж говорить о... об Ашу Сирае, чьё имя в этой стране знал, наверно, каждый.

«Нет такого храма, где бы не прокляли имя Безликого... На нём гнев самого Тёмноокого»...

«Никто не посмеет называться моим именем и приходить в мой город... Любой, кто приходит в Локашан без приглашения, платит за это своей жизнью и своим посмертием».

«Зная о запрете, ты посмел прийти сюда»...

«Ты посмел взять то, что принадлежит мне»...

— Он у тебя что-то украл?

— Почти украл, — Джастер снова хмуро ковырялся в миске. — Его счастье, что мы

вовремя приехали. А то бы так легко не отделался. И проклятие бы не спасло.

Я вспомнила волшебную торбу, в которую без разрешения хозяина руку лучше не совать, и решила больше не спрашивать.

— Я... я поняла, — на Шута я не смотрела, сверля взглядом столик и ругая себя за несдержанность. Могла бы и сама догадаться.

Ашу Сирай не боялся гнева самого Сурта и был самым опасным мастером смерти во всей Сурае. Он не мог безнаказанно отпустить главного вора и разбойника, и устроил тому показательную казнь, до полусмерти запугав всех его подельников. А остальных он продаст на рынке, как невольников. Конечно, здесь так принято, но после расправы над Сафаром такая участь должна казаться пленникам благословением Сурта...

И никто из этих людей не посмеет вернуться в Локашан, рискуя не только жизнью, но и посмертием своей души. Потому что они уже знают, что второй такой милости Ашу Сирай им не подарит.

— Рад за тебя, — буркнул в ответ Шут. — А теперь, раз твои вопросы закончились, давай, наконец, поедим, ведьма. Это называется «пало» — ягнёнок с овощами. А это местные фрукты, — он указал на блюдо с оранжевыми и жёлтыми плодами. — Вполне неплохо под вино. Здесь принято всю еду брать руками, но я так не люблю.

Я только вздохнула в очередной раз, глядя как он наливает в кубок вино из узкогорлого пузатого кувшина. Как он вообще может есть после всего, что случилось?

Но он хотя бы на меня больше не сердится.

— Знаешь, я не так себе это представляла...

— Я тоже, — хмуро буркнул он к моему удивлению. — Здесь никого не должно было быть. Всё, хватит об этом. Я очень устал. Это был длинный день.

Длинный день... Пошутил, что ли? Мне кажется, что с момента, как мы летали с Игвилем и завтракали на берегу моря, целая седмица прошла. А ведь ещё был заброшенный город и дорога магов...

А уж сколько всего я успела увидеть из этой самой его «тени»...

Нет, даже думать об этом больше не хочу. Хватит с меня переживаний на сегодня.

Запах еды дразнил ноздри и желудок, и от вида того, с каким аппетитом ест Шут, в животе забурчало. Вздохнув, я сполоснула руки в чаше с водой, постаралась окончательно выбросить все мысли из головы, и принялась за еду, запивая сочное и горячее пало лёгким приятным вином. Фрукты были не слишком сладкие, с нежной мякотью, крупной косточкой и приятной кислинкой.

Еда и вино окончательно разморили меня. Думать ни о чём не хотелось, усталость и пережитое напряжение дали о себе знать. Доскребая остатки пало из миски, я отчаянно зевала и тёрла глаза. Теперь понятно, зачем на полу так много ковров и подушек. На них так приятно прилечь, не отходя от стола... Так мягко и...

— Янига, потерпи, не спи, — тронул меня за плечо Шут. — Пойдём, искупаемся.

— Что? — я недоумённо заморгала, не веря услышанному. Приснилось, может?

— Искупаемся перед сном. Не хочу грязным ложиться.

— Тогда иди первый, — я потянулась за подушкой, с которой он меня поднял. — Я потом...

— Здесь не Эрикия, ведьма. Забыла?

Забыла.

Со вздохом я поднялась на ноги. Вот же чистоплюй, не потерпеть ему до утра...

— Мне этот... как его... надевать?

— Сверху накинь и хватит. Ночью не жарко.

Но я не успела вспомнить, где оставила свои вещи, когда меня завернули в парн, подхватили на руки и куда-то понесли.

Прижимаясь к груди Джастера, я наслаждалась его теплом и заботой и не хотела ни о чём думать.

Однако неожиданности на сегодняшний вечер ещё не закончились. Я думала, что купальня находится в доме, но Джастер принёс меня в странное место. В слабом свете поднявшегося над головой тонкого месяца я могла рассмотреть только силуэты деревьев и каких-то зарослей. А ещё...

— Это что?

Я с удивлением смотрела на выложенный камнями...

— Пруд. И сад. Маленькие, конечно, но их вполне хватает.

Шут поставил меня на ноги и щёлкнул пальцами. По обе стороны от нас загорелись светильники на каменных колоннах-подставках. В их свете стало видно, что заросли вокруг пруда — это цветы и кустарники. Сам пруд был правильной формы, около двух десятков шагов в длину и с десятков в ширину. Крутые берега выложены ровными и гладкими камнями, между светильниками в воду вели каменные ступеньки. От пруда в сторону дома и деревьев текли два ручья, чьи русла тоже были выложены мелкими камешками.

— На дне родник, так что вода всегда проточная и чистая. — Джастер уже успел снять мантию, поверх которой небрежно был брошен золотой полумесяц, и разувался, оставаясь в одних штанах.

— А нас никто не...

— Нет, это внутренний двор дома. Сюда вход запрещён для всех, кроме хозяев и избранных слуг. А вообще, в этот дом сейчас никто не сможет войти, кроме меня и тебя. Хватит с меня незваных гостей. Давай, Янига, не бойся, тебе понравится. Тут неглубоко. И вода ещё тёплая.

Джастер, минуя ступеньки, с негромким плеском прыгнул в воду, и мне не оставалось ничего другого, как скинуть парн.

Бррр! Холодно...

— Давай, ведьма, — Джастер, довольный и мокрый, протягивал руку и улыбался, поджидая меня у последней ступени. Воды ему было по грудь.

Я сняла шатори и осторожно, чтобы не упасть, стала спускаться по ступенькам в воду, держась за предложенную руку. И правда, тёплая, как парное молоко... А дно у берега оказалось песчаным.

Пока я плескалась у спуска, Джастер с удовольствием несколько раз проплыл вдоль пруда и даже понырял.

Холодный воздух и тёплая вода взбудрили меня и прогнали сон. Вид обнажённого купающегося Джастера и вовсе навевал определённые мысли.

Вот он какой... Красивый, молодой и весёлый бродячий трубадур, с удовольствием поющий о подвигах «госпожи Яниги». Чуткий и ласковый любовник. Грубый и наглый «пёс»-наёмник, готовый защищать незнакомых ему людей. Любящий мужчина, скрывающий глубокую сердечную рану.

Мастер смерти, спасший умиравших — в этом я больше не сомневалась, — детей

в Чернецах.

Ничего общего с тем чудовищем, которое я видела во дворе.

Ашу Сирай — это просто... Маска. Маска и имя с определённой репутацией, нужные ему в этой стране.

Неужели для него это всего лишь игра? Игра, о которой я ничего не знаю, и в которой он успел прогневать Тёмноокого Сурта...

— Что-то ты слишком серьёзная, Янига. Тебе не нравится купание под звёздами? — Джастер с улыбкой стряхивал с волос воду и внимательно смотрел на меня. — О чём задумалась, ведьма?

Под его прямым и откровенным взглядом я вдруг вспомнила, что однажды давно уже видела его таким, под светом звёзд.

— Так, ни о чём, — я поспешно улыбнулась, прогоняя из головы тяжёлые мысли. Думай — не думай, что проку от этого? Сколько я уже придумывала разных историй и ни разу не угадала.

Вот и сейчас не стоит забивать себе голову ненужными придумками. К тому же он так смотрит и так близко...

— Джас...

В два шага он оказался возле меня, закрыв собой тонкий месяц на небе.

— Помнится, я тебе кое-что обещал, ведьма, — тихо выдохнул Джастер мне в губы, притягивая к себе и лаская мои плечи и спину, окончательно прогоняя ненужные мысли из моей головы.

— Ты же говорил, что устал?

— Устал. Но на пару раз меня хватит. Я надеюсь.

— Джастер!

— Что? Не попробуем — не узнаем.

— Джа...

— Я весь день этого хотел. Иди сюда, Янига. Должно же сегодня быть хоть что-то приятное.

Намного позже, засыпая на широкой постели под тонким вышитым покрывалом, я обнимала спящего рядом Джастера, греясь его теплом, и думала, что настоящий Шут именно такой: заботливый и добрый.

А играть роль грозного и страшного Ашу Сирая ему совсем не нравится.

38. Дорога в Онферин

Ш-ш-шшш... Шшшшш-шшш-ш-ш... Ш-ш-ш-шшш...

Волны накатывались на камни и с шелестом убегали обратно. Море шумело далеко внизу, а я куталась в тёплый плащ Джастера и думала, что ещё очень рано, но удивительно тепло.

Шшшшш-шшшш... да, господин... Шшшшш-шшшш... А ты сам... Шшшшш-шшшш.....давно?.. Шшшшшш-ш-ш...

В умиротворяющий шум волн упорно вплетались какие-то голоса, мешая наслаждаться тишиной и покоем этого утра.

Неужели Джастер не слышит этих болтунов?.. Почему он не скажет им замолчать? Джас...

Я открыла глаза и поняла, что берег моря мне только снился. А вот голоса — нет.

— Верно ли я понял тебя, Мирам, караван был гружён тканями, драгоценностями, пряностями и танцовщицами, а твой бывший хозяин пожалел денег на его охрану?

— Да, господин. «Осы» просили по целому талану на одного воина, а мой господин предложил каждому по три дирха. Альсатара был смертельно оскорблён этим и сильно разгневался на моего господина. Он сказал, что отныне мой господин может набирать охрану из рабов, потому что никто из свободных воинов не станет служить ему.

Разбудившие меня голоса из-за плотной занавеси доносились приглушённо, но я не торопилась покидать постель. Опять у меня не то «доброе утро», о котором я так давно мечтаю...

Джастер, точнее Ашу Сирай, уже занимается делами. Если не дышать громко и не шелестеть покрывалом, то разговор можно расслышать и так.

— И ему хватило ума отправиться из Барсама в Онферин без охраны?

— Мой господин сказал, что караван без охраны покажется разбойникам плохой добычей.

— Насколько нужно быть скупым и глупым, чтобы ставить золото выше жизни? Хорошо, танцовщиц я видел. Куда Сафар дел остальное?

— Драгоценности и пряности он забрал себе, господин. Недостойный не знает их дальнейшей судьбы. Ткани в тюках, готовы к продаже. Господин желает взглянуть?

— Да, желает. Приготовьте всё внизу. После завтрака я отправляюсь в Онферин. К тому времени всё должно быть готово. Иди.

— Слушаюсь, господин.

Занавесь у входа в спальню едва колыхнулась, давая понять, что невольник ушёл. Я выбралась из-под покрывала. В комнате было довольно темно и немного душно. В закрытые ставни пробивалась лишь узкая полоска света, в которой танцевали пылинки.

Занавесь резко отлетела в сторону, и я вздрогнула, увидев холодную белую маску и чёрную мантию. Капюшон плаща по-прежнему надёжно скрывал пшеничную шевелюру Джастера и верхнюю половину лица. Золотой полумесяц на груди напоминал, что сейчас передо мной Ашу Сирай, а не просто Шут.

— Проснулась — это хорошо.

Не глядя на меня, он подошёл к окну и едва приоткрыл ставню. В комнате сразу стало заметно светлее, пахнуло жаром и...

И с улицы ворвались голоса людей и пронзительные крики животных.

— Их что, бьют?

— Нет, они всегда так орут. — Джастер снова закрыл окно, возвращая тишину. — Это мулы. Скотина послушная, выносливая и неприхотливая, но когда начинает орать — не заткнёшь. Собирайся, ведьма. Сейчас позавтракаем и отправимся в Онферин.

— А искать пряности и драгоценности ты не будешь? — Я подняла с пола свой наряд и одевалась, стараясь не порвать тонкую ткань.

Шут оглянулся на меня. Верхняя часть маски скрывалась в тени, а на губах была холодная усмешка.

— Нет. Я их уже нашёл. Это всё-таки дом Ашу Сирая, а не Сафара.

Уже нашёл? Неужели я так долго спала?

— Ты же говорил, что у тебя нет дома.

— Нет. — Джастер снова отвернулся. — Дом — там, где тебя любят и ждут, ведьма. Место, которое любишь, и куда хочется возвращаться. А здесь... Здесь я просто иногда ночую, когда бываю в Сурае.

— И хранишь сокровища? — я прикусила язык, но Шут не рассердился.

— Ты видела все сокровища этого дома, ведьма. Остальные комнаты пусты.

Я молчала, не зная, что сказать. Выходит, ковры и подушки в спальне и светильники с занавесями в зале — самое ценное, что есть в доме? Но что же тогда хотел украсть отсюда Сафар? Не за подушку же Джастер так на него взъярился...

Занавесь снова колыхнулась.

— Завтрак для господина готов. Ткани тоже готовы для осмотра.

— Идём, — Шут откинул занавесь и вышел из спальни, не заботясь о том, что я едва успела укрыться под парном.

Завтракали мы вдвоём. В этот раз на столике были фрукты, лепёшки с мёдом и терпкий напиток из неизвестных мне трав, который Джастер назвал «чифе». К пузатому расписному глиняному кувшинчику с горячим чифе прилагались две широкие узорные глиняные чашки, больше похожие на маленькие неглубокие миски.

Джастер снял маску, но его лицо оставалось хмурым и мрачным, несмотря на любимое лакомство. Отдохнувшим он тоже не выглядел.

— Что ты будешь делать с разбойниками? — осмелилась я нарушить молчание Шута.

— Не знаю пока, — Джастер пригубил чашку с дымящимся чифе. — По-хорошему, за все их дела их бы следовало отправить в компанию к этому Шакалу.

— Но? — почувствовала я недоговорённость.

— Но мне здесь эта шакалья стая даром не нужна. Руки о них марать ещё. Других дел хватает.

Скрывая удивление, я уткнулась в свою чашку. Вот же... чистоплюй. Руки ему марать не хочется. Или... Или он не хочет убивать этих разбойников? Но почему?! Вчера он был готов убить их всех, в этом я не сомневалась. Сам же мне про эту ре... репутацию рассказывал. Так почему сегодня передумал?

У меня язык чесался спросить, но Джастер снова помрачнел, погружившись в раздумья, и я не решилась прерывать его размышления.

Кроме неожиданных дел с разбойниками и караваном, он собирался в храм бога, с которым у него явно не самые лучшие отношения.

Остаток завтрака прошёл в молчании, а затем мне снова пришлось изображать «бездушную».

Джастер и в самом деле внимательно осмотрел ткани, которые невольники разложили на первом этаже. Ткани были разные, яркие и не очень, одноцветные и пёстрые от узоров. Мне очень хотелось подойти, потрогать и поприкладывать к себе эту красоту, представляя разные платья, но пришлось стоять у стены в белом парне, изображая бездушную игрушку грозного Ашу Сирая. Несколько раз я ловила на себе короткие взгляды невольников, но ни один не осмелился приблизиться ко мне ближе, чем на несколько шагов.

Джастер оказался прав. Белый парн защищал меня надёжнее любых заклятий.

Только я никогда не думала, что просто стоять, молчать и ничего не делать — настолько тяжело. Всё тело затекло и даже не пошевелиться...

Шут не коснулся ни одного полотна, лишь указывая Мирану и остальным невольникам, какие тюки оставить, а какие отправятся в Онферин.

Когда с этим было покончено, Джастер выгнал всех из дома и посмотрел на меня.

— Устала?

Вместо слов я потянулась, опустилась на пол и с удовольствием вытянула ноги. Даже смотреть оставленные ткани не хотелось. Словно поняв это, Шут спокойно прятал всё в свою бездонную торбу. Значит, он не собирается сюда возвращаться после Онферина...

О чём он думает, какие планы строит? Зачем ему в храм Сурта? Хоть бы намекнул...

Опять одни вопросы и никаких ответов.

— Ты не говорил, что просто так стоять и молчать так сложно.

Губы маски скривились в знакомой усмешке.

— Не переживай. Изображать «бездушную» тебе осталось недолго, только пока мы будем в Онферине. Впрочем, ты можешь оставаться в комнате, если захочешь, а не ходить со мной.

— У тебя там тоже есть такой... дом?

— Нет. Онферин — город Ёзефа. Взывающие живут при храмах, но мы переночуем в доме для путников.

Ёзефа? Того самого, чьим именем вчера пугал Сафар? То есть он не просто в храм Сурта собирается, а ещё и в гости к самому главному мастеру смерти? А как же проклятия этих самых Взывающих?!

Он что, совсем?.. Нет, стоп. Я тряхнула головой, останавливая саму себя. Что за глупости в голову лезут? Джастер всегда знает, что делает. И умирать в храме Сурта он точно не собирается.

У него есть другой враг.

— Что, не согласна ждать взаперти, ведьма? — по-своему понял мой жест Шут.

— Сколько мы там будем? — сердясь на саму себя, хмуро буркнула я в ответ. Не говорить же, что опять чуть не начала сомневаться в нём?

— Как пойдёт. — Он снова посерьёзnel. — Зависит от зависит.

Я только тихонько вздохнула. Снова он говорит загадками, а значит, сама всё увижу и узнаю в своё время.

Но хотя бы понятно, что ожидать в ближайшие несколько дней.

— Отдохнула? Тогда идём. — Джастер не собирался терять время зря. — Нам пора ехать.

Когда дверь во двор открылась, в дом хлынула волна жаркого воздуха, а людские голоса во дворе мгновенно стихли.

Нас ждали. Длинноухие мулы были навьючены оставшимися тюками с тканями, на сбруе висели большие колокольчики, чтобы животные не потерялись. Танцовщицы в парнах и сами торговцы сидели верхом, а невольники переминались с ноги на ногу, держа мулов за поводья. Разбойники во дворе держались особняком, а бедняги за воротами по-прежнему теснились в магическом кругу.

Люди смотрели на Джастера с плохо скрытым страхом.

Никто не посмел пересечь магическую границу, обозначенную вчера Ашу Сираем.

А ещё ровный и чистый двор и половину площади нешуточным напоминанием пересекала чёрная, блестящая стеклом, глубокая рана.

Мирам с поклоном подвёл наших лошадей. На Огоньке и Ласточке уже была навьючена наша скромная поклажа. Выглядели лошади вполне здоровыми. Не похоже, чтобы вчерашнее путешествие по дорогам магов на них как-то сказалось.

Джастер придирчиво осмотрел каждую, проверив не только глаза, пасть и зубы, но и копыта, и даже как они осёдланы. Ласточка терпеливо сносила все его действия, а вот Огонёк фыркала и пыталась цапнуть Джастера за капюшон, явно давая понять, что ей не нравится такой хозяин.

Пока Шут едва заметно уворачивался, ласково похлопывая игривую лошадь то по холке, то по крупу, я думала о том, что в Сурае заметно жарче, чем в Эрикии. Теперь я поняла, почему все здесь носят такие просторные одежды. Хоть под парном и было душновато, но он хорошо защищал от палящего солнца. Даже невольники повязали на головы лоскуты когда-то белой ткани и накинули на плечи серые просторные куртки.

Только Джастеру в чёрном наряде хоть бы что.

— Неплохо. — Удовлетворённый осмотром, Шут довольно кивнул Мираму, обратил внимание на караван, и белая маска нахмурила брови.

— Разве вы наложницы, которым нужно беречь свою красоту, или свободные люди, чтобы ехать верхом?

И без того напуганные торговцы горохом ссыпались с мулов и попадали носами в землю. Склонившиеся головы укрывали свободные полотна ткани, но я вдруг подумала, что седины их в чёрных волосах и бородах за одну ночь заметно добавилось.

— Помилуй, Ашу Сирай! — на разные голоса взвыли торговцы. — Пощади!

— Почтенный Ашу С-сирай... — бывший хозяин каравана, чьё имя я не запомнила, поднял бледное плоское лицо, но смотреть в глаза хозяина Локашана избегал, как и все остальные. — Я и м-мои друзья — почтенные и уважаемые купцы... В своей милости вчера вы обеща...

— Обещал что? — в голосе Джастера настолько отчётливо прозвучал металл, что торговец испуганно уткнулся носом в землю. — Отпустить вас на волю? Или доставить в Онферин со всеми удобствами и почестями? Ты считаешь, что у меня настолько короткая память, что я не помню своих слов? Или ты, жадный глупец, не пожелавший платить за охрану своего же каравана и потому потерявший всё, кроме своей жалкой души и жизни, упрекаешь меня в том, что я не исполняю свои обещания? Это ты хотел сказать, Шальмахази? В таком случае, я повторю тебе свои слова один раз. Вы все принадлежите мне. Вы — мои рабы. Ты и твои друзья — не наложницы и не танцовщицы, чтобы беречь вас от ходьбы и от работы. Тот, за кого в Онферине заплатят выкуп в двести таланов — получит

свободу. Остальные будут проданы как ширахатон. И если я услышу ещё одно слово, вы разделите участь Сафара. Вопросы?

Я только едва покачала головой. Вот кто виноват в том, что караван попал в плен. Неудивительно, что Джастер так рассердился на этого торговца. Он же сам наёмник...

Или, всё-таки, он мастер смерти, который иногда изображает наёмника и... как нелепо сейчас это звучит — трубадура и бродячего шута?

Он ведь, в самом деле, владеет искусством Взывающих...

Бывшие торговцы, не смея вздохнуть, слушали грозную речь Ашу Сирая. В конце они дружно замотали головами, для верности зажимая рты ладонями.

— Мирам, — белая маска не отражала ничего, кроме равнодушия. — Назначаю тебя старшим надсмотрщиком над моим караваном. Работать должны все рабы. Кто будет отлынивать — должен получить двадцать ударов по пяткам. Справишься — получишь свободу. Нет — пеняй на себя. Пощады не будет.

— Слушаюсь, господин, — Мирам склонился в очередном поклоне, пытаюсь справиться с ошеломлением от такой новости. Впрочем, остальные были удивлены не меньше. Бывшие хозяева каравана прекрасно поняли, для кого приготовлено наказание за отлынивание от работы.

Но Джастер ещё не закончил.

Пока понурые торговцы поднимались с земли и присоединялись к невольникам, он обратил внимание на разбойников.

— Теперь вы.

Разбойники вздрогнули, понимая, что их судьба уже тоже решена.

— Я обещал, что вы разделите участь Шакала, — белая маска была холодна и равнодушна.

Только сейчас я заметила, что капюшон больше не отбрасывает волшебную тень. Но вместо изумрудной зелени в прорезях маски была чернота, словно за ней и в самом деле не было лица.

И это оказалось настолько жутко, что, несмотря на жару, меня пробрал озноб.

Джастер умел напугать и при свете солнца...

— Но вы просили дать вам шанс, и я даю вам его, так как вы следовали за Сафаром, подчиняясь его воле.

Разбойники радостно встрепенулись, переглядываясь, улыбаясь и толкая друг друга локтями. Тяжёлая ночь была забыта, и их глаза горели надеждой.

Я только тихонько вздохнула под парном, думая о том, что они слишком рано обрадовались.

Ашу Сирай не отпустит их так просто. Невольников после окончания службы может. Пленников за выкуп — тоже. А этих...

Нет. Джастер не таков. И даже репутация Ашу Сирая тут не при чём.

— Поэтому вы получите свободу при том же условии, что и он. — Шут невозмутимо наблюдал, как сползали счастливые улыбки с разбойничьих рож.

— Когда солнце поднимется ещё на локоть, ваша защита исчезнет. Любой из вас, кто сумеет пересечь границы Локашана — обретёт свободу. А ваш ненаглядный Сафар будет делать свою работу.

Джастер резко и отрывисто свистнул, и в нескольких шагах от него появился призрак Шакала.

— Ты меня слышал, Сафар?

— Оуррр, — ответил бывший глава разбойников, косясь на побледневших людей злобным глазом.

— Прекрасно. — На губах маски появилась холодная улыбка, а на пальце — едва заметная при свете солнца светящаяся нить. — Не забывай, что ты можешь отпустить всех, и каждый спасённый тобой станет шагом на пути обретения свободы и новой жизни. Также не забывай, что за каждого отпущенного тобой или сбежавшего по твоей вине ты будешь сурово наказан. Выбор за тобой, Шакал. Иди.

Джастер коротким жестом сбросил нить с пальца, и она тугим сияющим ошейником обвилась вокруг шеи Сафара. Призрак в последний раз покосился единственным глазом на побледневших разбойников и исчез.

— Едем.

Джастер взобрался в седло и выехал за ворота, не обращая внимания на меня.

За ним неспешно последовал караван бренчащих колокольчиками навьюченных мулов, которых вели под уздцы невольники, возглавляемые Мираном. Несчастные торговцы плелись в конце.

Разбойники, хмурые и мрачные, то смотрели то на небо, то оглядывались по сторонам, прикидывая пути побега.

На меня никто даже не смотрел.

Я снова тихо вздохнула и забралась верхом на Ласточку, радуясь, что в наряде танцовщицы это делать намного удобнее, чем в платье ведьмы.

— Ах да. — Донёсся до меня звучный спокойный голос. — Забыл сказать. Души тех, кто здесь умрёт, я, так и быть, отпущу в Эльжахим на перерождение.

Ответом стал вой шакала, полный досады, обиды, злобы и ненависти. Разбойники вздрогнули, понимая, что вырвать свою жизнь и свободу из пасти бывшего атамана будет очень непросто.

Кому-то наверняка удастся спастись — Шакал один, а разбойников больше двух десятков. А значит, Сафар наверняка получит наказание за тех, кто сможет бежать. Если, конечно, не решит воспользоваться возможностью, которую дал ему Шут.

Только почему-то мне казалось, что Сафар очень не скоро оценит эту возможность, поэтому его охота будет беспощадной.

Джастер в самом деле исполнил обещание и упрочил грозное имя Ашу Сирая, «не марая рук».

Некрополь ему тут не нужен, поэтому души он отпускает... Нарочно подлил масла в огонь ненависти Сафара. Значит... Значит, он не простил разбойника за попытку воровства.

Интересно, а с душами тех двух братьев в Кронтуше он тоже что-то такое страшное сделал? Они ведь тогда украли и его вещи тоже. А он вернулся и всё нашёл...

Нет, не хочу об этом думать. Других забот хватает.

Поправив парн, я пришпорила Ласточку, чтобы перескочить чёрную канаву, и поспешила за ворота догонять Джастера.

Разрушенный Локашан мы миновали довольно быстро.

Джастер ехал впереди уныло бренчащего каравана, я ехала следом за ним. Хотя Миран держался от меня шагах в десяти, я понимала, что разговоров с Шутом в такой компании всё равно не будет и потому просто смотрела по сторонам, стараясь не вертеть головой, хотя

смотреть было особо не на что.

Это и в самом деле оказался небольшой город, окружённый широкой и почти везде осыпавшейся стеной. Всё здесь было цвета песка и сухой глины, и пахло так же. Под ногами лошадей и мулов пылила утоптанная земля, иногда под копытами Ласточки звонко отзывались камни главной улицы. Среди остатков домов кое-где росли кусты, похожие на шары из тонких веток, и высокая трава с узкими серебристыми листьями. В отличие от города в лесу, Локашан выглядел просто заброшенным и разрушенным от времени. Только ворота ещё сохранили свою арку, а не рассыпались на глиняные кирпичи, как всё остальное.

За городскими стенами я поняла, что Джастер снова сумел меня удивить.

До самого края земли, насколько хватало глаз, было ровное как стол, бескрайнее поле, бело-жёлтое от языков песка и той самой серебристой травы. Ветер прокатывал белые и серебряные волны, над песком воздух струился маревом от жары. Я еле сдержалась, чтобы не обернуться и не посмотреть на Локашан, но Джастер словно затылком почувствовал это и коротко бросил:

— Не отставай.

Я послушно приблизилась и поехала рядом.

Молчать пришлось до самого вечера.

Серебристое поле не кончалось. Через какое-то время я поймала себя на том, что от жары и скуки начинаю клевать носом под мерное побрякивание караванных колокольчиков. Никогда не думала, что в поле можно заблудиться, но я не понимала, как Джастер находит дорогу, когда вокруг сплошная трава и ни кустика, ни дерева.

Караван неспешно брёл по жаре, несколько раз мы останавливались на отдых для людей и животных. Оказалось, что мулы были навьючены не только тканями. Среди поклажи была вода и продукты. Джастеру невольники приносили лепёшки, вяленое мясо и фрукты. Мирам поил наших лошадей и кормил их овсом из наших запасов. Мулы жевали траву, чьи листья оказались серебристыми из-за множества мягких волосков. Только вот края листьев были жёсткими, и я едва не порезалась, когда на привале украдкой попыталась сорвать травинку.

Однако Джастер это заметил, и мне хватило одного взгляда белой маски, чтобы вспомнить, как себя вести, пока мы не одни.

Так как поговорить с ним я не могла даже во время отдыха — рядом постоянно был кто-то из невольников, то мне оставалось развлекать себя только размышлениями об увиденном.

Настоящая Сурайя оказалась совсем не такой, как я представляла по рассказам торговцев, которые любила слушать в трактирах, когда мы путешествовали с Холиссой. Они говорили о красоте городов и изобилии товаров, о роскоши и богатстве, но никто ни разу не упомянул о том, что здесь происходит на самом деле.

Тёмноокий Сурт — тёмный и грозный бог, которому тут поклонялись все.

Взывающие — служители этого самого Сурта, мастера смерти, которым ничего не стоило убить человека и захватить его душу.

Женщины, которые принадлежат мужчинам и в один миг могут стать живой вещью, если окажутся на улице без охраны.

Ширахатон, невольники. Люди, которых другие люди продают как скот.

Локашан, построенный из песка и глины...

Про наряды, которые тут носили мужчины и, особенно, женщины — даже говорить не

стоит.

Вынужденная «тень» была тому причиной или нет, но я уже увидела и узнала столько, что в голове укладывалось с трудом.

Но самой главной неожиданностью для меня стал Ашу Сирай и его репутация.

Если Сафар не лгал, то имя Безликого было известно едва ли не каждому в Сурае. И это имя пугало людей настолько, что только безумец или полностью уверенный в своей безнаказанности, как Сафар, мог осмелиться прийти в заброшенный и пустой Локашан.

Что скрывать, я сама напугалась едва не до смерти, когда увидела настоящий гнев Джастера. Его сила ошеломляла до бессильного ужаса, и, положив руку на сердце, я ему и в подмётки не годилась.

Да и кто из ведьм годился?

Холисса ему голову оторвёт, как же... Да она и рта раскрыть не успеет, если он рассердится.

Великие боги, да он при желании наверняка и эту Вахалу прихлопнет, как надоедливую муху.

Её смерть от его руки стоит горы золота... Ещё бы, с такой — то силой и славой руки просто так о какую-то ведьму марать... Чихал он на её демонов. Что они ему? Пальцами щёлкнул и пф! — нет никакого демона...

Это я буду руками размахивать и «изыди» на всё озеро орать, да от каждого болотника шарахаться... Ведьма-защитница... Эх...

Только вот зачем ему храм Сурта? Ведь его прокляли все Взывающие, да и сам Тёмноокий в гневе на Ашу Сирая. Что Джастер хочет делать?

И почему... почему он до сих пор возится со мной? Почему терпел все мои выходки, да ещё и учил глупую ведьму боевой магии против демонов? Это ведь не из-за моего глупого обещания помочь ему? Он же сразу знал, что у меня ничего не получится, но согласился на этот никчёмный договор. Согласился изображать «пса» при глупой деревенской ведьме, возомнившей себя госпожой Янигой...

Вернуть в мир магию и вернуть людям память...

Кто, если не мы? Ха... Сам же сказал, что не знает, как это сделать. Значит, и от меня в этом деле никакого прока нет.

Судьбы наши связаны... Ох, Янига, хоть сама себе, наконец, признайся, что как связались ваши судьбы, так и развяжутся в любой момент.

Он же сразу сказал, что я не его женщина.

Глупо надеяться на то, что он останется со мной.

Как он сказал? Дом там, где тебя любят и ждут, куда хочется возвращаться...

Пустой дом в заброшенном городе и в самом деле сложно назвать таким местом. Но ведь Джастера разные люди столько раз звали к себе! Саризула, Эрдорик, Сидро с женой... Даже Томил и Вольга не отказали бы ему в приюте, реши Джастер остаться! Но он отказывался. Всегда отказывался...

Теперь я понимала, почему.

Джастеру предлагали остаться как гостю или работнику, в благодарность за его добрые дела. А он мечтал о другом.

«Бродяжья у тебя душа, трубадур»...

«Такому коню только крыльев не достаёт»...

Я покачала головой. Нет, не правы были Томил и Даэ Нану. Может, Джастер и любил

«бродяжить», но он мечтал о доме. О том месте, куда хочется возвращаться. Где тебя любят и ждут.

Только в его мечтах не было меня. Хотя я его люблю и жду, даже когда он отдаляется, как сейчас.

Ох, Янига, сама ведьма бездомная, а туда же...

Хотя нет, в Кронтуше меня ждут Холисса и Михай, а значит, у меня будет и дом, в который я буду возвращаться каждую осень. Может, он мне даже понравится, и я его полюблю.

Только вот... Только вот Джастер меня в этом доме ждать не будет.

Кто я ему, простая молодая ведьма, которая без его подсказок и помощи давно бы стала кормом для лесных зверей? Так, игрушка, чтобы не скучно было. Оберег, точнее сейраз, он мне вернул, потому что мы в Сурайю поехали. А вот браслет...

Браслет двух судеб безвозвратно канул в его бездонной торбе.

А значит... Значит... Он уйдёт менять мир.

А я останусь в Кронтуше учить Микая — хотя чему я смогу его научить? — и продавать зелья из «мусора».

Почему-то я была в этом полностью уверена.

Эх, Янига, Янига... То про ребёнка задумалась, теперь про дом... Так, глядишь, ещё и замуж захочется, совсем ведьмой быть перестанешь...

Что бы там он про древние времена не говорил, а для людей ведьма — это ведьма, и не может она жить, как обычная женщина. Традиция не позволяет. Люди засмеют и ходить к ней за ведьмовскими услугами не станут.

— Не грусти, ведьма, — неожиданно вырвал меня из тягостных размышлений негромкий голос. — Завтра будем в Онферине. Тебе там понравится.

Не сказав больше ни слова, Джастер чуть пришпорил Огонька, пуская её рысью, и мне ничего не оставалось, как последовать за ним на Ласточке, оставляя бредущий шагом караван далеко позади.

Я думала, что нам придётся ночевать в открытом поле, но, к моему удивлению, к вечеру мы вышли на дорогу. По ней шли и ехали верхом на мулах люди в разноцветных одеждах; тащились странные двухколёсные гружёные тележки, запряжённые всё теми же мулами. Шёл караван, похожий на наш, только в окружении большого числа воинов в чёрно-жёлтых одеждах и на лошадях. Воины держали в руках короткие копыя, и я поняла, что это те самые «осы».

При виде нас охранники сначала забеспокоились, но разглядев чёрный наряд Джастера и мой белый парн, опустили копыя, и караван двинулся дальше. Я поняла, что Джастера приняли за обычного мастера смерти. Издалека белую маску можно спутать с лицом. К тому же, все знали, что Ашу Сирай не интересовался женщинами...

Однако Джастер не собирался держать бедолаг в неведении. Он пришпорил Огонька и помчался к дороге. Мне ничего не оставалось, как поспешить за ним.

Конечно, такое странное поведение Взывающего не осталось без внимания. Караван снова замер, а путники, которые, как мне казалось, были сами по себе, поспешили под его защиту. Встревоженные «осы» с копыями наперевес отгородили своих подопечных от нас, а двое из них выехали навстречу.

Джастер словно этого и ждал. Он остановил Огонька, и разгорячённая лошадь гарцевала

в высокой траве. Я на мгновение залюбовалась этой картиной: чёрный прямой всадник с опущенной головой, освещённый лучами катящегося к закату солнца, и золотистая лошадь с чёрной гривой и хвостом, танцующая на серебристом с красноватым отливом поле...

Двое всадников в чёрно-жёлтом были на гнедых конях. Они также придержали коней и переглянулись, шагом подъезжая к ожидающему их Шуту. Их копья были наготове, а у поясов я заметила такие же кривые клинки, как были у разбойников.

Они не сводили глаз с Шута, не обращая внимания на меня, пока я украдкой рассматривала этих мужчин. Их лица были закрыты тканью, чтобы не дышать пылью от дороги, как я теперь понимала, а чёрные продолговатые глаза смотрели внимательно и цепко. Белки глаз при этом сильно выделялись на фоне очень смуглой кожи, и всё вместе выглядело очень необычно и даже красиво.

Ещё они носили широкие золотые кольца в ушах, и я вдруг вспомнила, что однажды видела у Джастера на мочке уха шрам, словно с него что-то сорвали. Интересно, он тоже носил такое украшение или нет?

— Меня зовут Альмахаим, о досточтимый Взывающий к Тёмноокому. Чем вызвана твоя поспешная скачка, почему твой караван без охраны и идёт со стороны запретного города? Я вижу, что половина твоих невольников богато одеты. Неужели ваш караван настигли разбойники или на вас напали злобные духи, обитающие в Локашане? Как я могу обращаться к тебе, о проводник воли великого Сур... — начал один из них и осёкся, потому что Джастер поднял голову и посмотрел прямо на воинов.

— Ашу Сирай!

Всадники дёрнули поводья, отшатнувшись, и их кони встали на дыбы, едва не сбросив седоков. Их крик донёсся до дороги, и я увидела, как заметались люди: кто-то упал на колени и молился, а кто-то торопливо настёгивал мулов, спеша убраться подальше от опасности, не надеясь на защиту воинов.

Но «осы» и их предводитель не собирались сдаваться так просто. Всадники перед караваном держали копья, готовые кинуться в атаку по сигналу своего предводителя. Не знаю, сколько это — один талан, но храбрости этим «осам» явно не занимать.

— Я вижу, что моё имя тебе знакомо, Альмахаим, — холодно и весомо произнёс Джастер. — Это хорошо. Также надеюсь, ты и твои люди не будете делать никаких глупостей, потому что мне не нужны ваши жизни, ибо желай я убить вас, вы бы уже были мертвы.

Альмахаим и его соратник справились с конями и теперь настороженно смотрели на Шута, который даже не пошевелился, наблюдая за дорогой. Предводитель «ос» обернулся, поднял руку и сделал короткий резкий жест.

«Осы» переглянулись, но копья опустили.

— Правильно ли я понял, что у Ашу Сирая есть дело к... ко мне? — хрипло спросил Альмахаим.

— Твоя мудрость и проницательность достойны похвалы, как и твоя смелость, — так же витиевато ответил Шут. — Я хочу поручить тебе и твоим воинам охрану своего каравана до самого Онферина. Сколько ты хочешь за эту работу, Альмахаим?

Глаза предводителя «ос» изумлённо расширились, он переглянулся со вторым всадником, который был удивлён услышанным не меньше.

— Трижды прошу прощения, Ашу Сирай, но не подвёл ли меня мой...

— Твой слух тебя не подвёл, Альмахаим. Сколько ты хочешь за то, чтобы проводить мой

караван до Онферина?

Взгляд чёрных глаз предводителя «ос» снова стал пронизательным и серьёзным.

— Мои воины...

— Я не торгуюсь, Альмахаим, — резко оборвал его Джастер, и прорези маски сверкнули знакомым изумрудным огнём. — У меня много дел и я тороплюсь. Поэтому спрашиваю в последний раз. Сколько?

— Четверть талана каждому и три четверти талана мне, — не задумываясь, ответил воин. — Всего...

— Семь таланов, договорились.

Джастер опустил руку в торбу, достал, и в воздухе сверкнули золотом небольшие монеты, пока я удивлялась, как быстро он сумел посчитать число «ос» и нужную сумму.

— Три талана сейчас, остальное получишь завтра в полдень на невольничьем рынке, когда я увижу свой караван.

— В полдень буду ждать вас, господин, — удивлённый Альмахаим ловко поймал плату и убрал куда-то в складки одежды. — Могу я послужить вам чем-то ещё?

— Мирам! — Джастер вскинул руку, подзывая невольника, а я только сейчас поняла, что давно не слышу перезвона колокольчиков. Значит, караван нас догнал, и Мирам всё это время ждал распоряжений Ашу Сирая.

— Слушаю, господин, — невольник склонился в поклоне возле стремени Огонька.

— Я уезжаю. До Онферина вы отправитесь с этими людьми. Альмахаим проводит вас до невольничьего рынка. Я буду ждать вас там завтра в полдень.

— Слушаюсь, господин.

— И скажи всем: кто решит сбежать, уклониться от работы или обмануть меня — позавидует Сафару и его прихвостням. Пощады не будет.

Не обращая больше внимания ни на кого, Джастер извлёк из рукава мантии свирель, и знакомый резкий и неприятный звук рассёк вечернюю трескотню кузнечиков. За несколько мгновений тени наших лошадей налились мраком, и вот уже два наймара стояли, довольно скаля клыки, в ожидании команды хозяина.

Краем глаза я видела, как шарахнулся от них Мирам, отползая на четвереньках подальше от кровожадных чудовищ; слышала, как за спиной прокатился вздох ужаса и снова заорали мулы, и то же творилось на дороге, где люди не ожидали увидеть такое диво. Даже храбрый Альмахаим заметно посерел, а его конь снова встал в свечку, намереваясь сбросить всадника и умчаться прочь от опасности. Спутник предводителя «ос» именно это и сделал. Точнее, он пытался удержаться на несущемся прочь скакуне.

Только Огонёк и Ласточка вновь стояли спокойно, словно ничего не произошло. Джастер протянул руки, и наймары ткнулись мордами в его ладони, как послушные псы. В следующий миг они обратились в чёрный туман и окутали наших лошадей. Я не успела даже вздохнуть, как подо мной появился угольно-чёрный скакун, чьи глаза отливали алым, а зубы не были лошадиными.

А ещё я была уверена, что голодными наймары не были.

— Едем.

Джастер пришпорил наймара и устремился вперёд с такой скоростью, что в воздух взлетели куски дёрна из-под копыт. Куда он так спешит?

Я пришпорила своего наймара, и очень быстро оба каравана остались далеко позади.

Джастер не стал сворачивать к дороге, а мчался через высокую бесконечную траву напрямик, как любил ходить по лесу. Довольно скоро впереди у дороги показался большой дом, окружённый высоким забором. Я думала, что Джастер свернёт туда, но он, напротив, свернул прочь от него.

Наша скачка продолжалась, стали появляться деревья, поле сменилось холмистой равниной, которую пересекало всё больше дорог и тропинок, а также небольших ручьев с мостиками через них. Впрочем, наймары легко перелетали через все преграды, и мне оставалось только крепче держаться, да гадать, куда так несётся Джастер.

Ещё я радовалась, что парн защищает лицо от ветра, потому что скорость была просто дикая. На дорогах магов я такого ветра не ощущала, наверное, там было своё особое волшебство.

Солнце всё стремительней катилось вниз, а Джастер по-прежнему стремился его обогнать. Деревья стали садами, среди которых мелькали небольшие домики. Длинные тени скрадывали дорогу и, наверное, простые лошади давно бы переломали себе ноги. Но наймары мчались в полумраке садов, не обращая внимания ни на что.

Но когда я испугалась, что ещё немного и перестану различать в сгустившихся тенях силуэт Шута, он перешёл на рысь, а затем и вовсе на шаг.

Радуясь, что бешеная скачка закончена, я неспешно поехала рядом с ним. Под копытами наймаров стелилась трава, над головой шумели листья неизвестных мне деревьев. А вот огоньков в окнах не видно.

Значит, мы уехали далеко от людей.

Словно в подтверждение моих мыслей, Джастер снял маску и скинул с головы капюшон.

— Чуешь запах, Янига? — спросил он, с удовольствием вдыхая полной грудью.

Я скинула парн с головы и сразу поняла, о чём он говорит. Вокруг пахло... свежестью и сладостью.

— Идём, — Джастер спешил и подал мне руку, как не делал очень давно.

А ещё он шурился от удовольствия и счастливо улыбался, сразу став похожим на такого знакомого мне Шута.

— Где мы?

Я шла за Джастером, ведя наймара в поводу. К моему удивлению, он не пытался больше вырваться, видимо, признав во мне временную хозяйку, и я этому была только рада.

— Это заброшенные сады Этелле, — Джастер отвёл в сторону свисающие с дерева длинные побеги, и сразу стало светло.

Точнее, мы оказались на обрывистом берегу широкой реки. Другой берег — выше нашего, уже скрыл за собой солнце, но быстрая вода в тёмных берегах оставалась удивительно светлой и даже сверкала рябью, как зеркало или серебро.

— Это Этелле — река, названная в честь супруги Сурта. — Джастер смотрел на открывшийся простор из-под руки. — Сурт — повелитель жизни и смерти людей, он сплетает из их нитей узор жизней, а его супруга — Этелле, — божественная пряжа. Она свивает нить жизни каждого человека, и обрезает эту нить, послушная воле своего мужа.

— А эти сады... — я оглянулась на темнеющие деревья, увитые тонкими побегами.

— Когда-то давно, — Джастер опустил поводья и отошёл в сторону, вытянув руки и выманивая наймаров, — эти сады были священными, и Этелле любила в них гулять. В центре сада люди устроили святилище и приносили дары, прося Этелле спрядать им гладкую

и ровную нить.

Как замороженная, я смотрела на Джастера, который с улыбкой гладил жуткие туманные морды. Впервые меня очаровывал не его рассказ, а то, что я видела. Светлое небо над головой и светлая река. Тёмные, скрывшиеся в сумеречных тенях берега и деревья. А на светлом пятачке травы — почти среброволосый Шут в чёрном и два жутких зверя, сотканных из клубящегося чёрного тумана. Отливающий серебром полумесяц на груди Джастера и серые, едва заметные силуэты наших лошадей только усиливали это странное и удивительное зрелище.

Свет и тьма тесно и неразрывно переплетались в том, что я видела, и это завораживало, прогоняло все мысли из головы, и словно что-то открывалось во мне самой, неведомые прежде глубины и смыслы понимания, о которых я даже не догадывалась...

Я не знала, сколько стояла так, погружённая в это странное состояние и глядя на Шута и наймаров. Мысли скользили где-то далеко, а в голове словно что-то менялось, перестраивалось и расширялось, наполняя меня чем-то неведомым, но очень важным...

Джастер в последний раз ласково потрепал наймаров по холкам, и те исчезли, растаяв в тенях. Почти сразу Огонёк фыркнула, а Ласточка переступила с ноги на ногу и потянулась мордой к короткой траве.

— Пошли, ведьма, — Джастер взял поводья лошадей и улыбнулся. — Поищем место для ночлега.

— А как же Онферин?

— А что Онферин? Завтра там будем, я же говорил. Или тебе хочется снова стать «бездушной»?

— Нет, но...

— Завтра утром там будем, Янига. А пока я хочу отдохнуть по-человечески. Ты не представляешь, как я устал от всего этого.

— Тебе не нравится быть Ашу Сираем? Но ведь ты...

— Никогда, — палец Джастера оказался на моих губах так резко, что я чуть не поперхнулась недосказанным. — Никогда не произноси это... эти слова, Янига. Не называй меня так. Пожалуйста.

Глядя в тёмные сузившиеся глаза я только испуганно кивнула, сглатывая внезапный комок в горле, потому что впервые не могла понять: злится он или за этим взглядом стоит... боль.

Джастер закрыл глаза, убрал палец с моих губ и отвернулся, снова обращая внимание на дорогу. Точнее, в густые сумерки между деревьями.

Чтобы ни стояло за его взглядом, одно я поняла точно: он не желал делиться прошлым Ашу Сирая, и если бы не загадочная необходимость попасть в храм Сурта, я бы никогда не узнала об этой странице в его жизни. Он лишь однажды приоткрыл мне одну из таких страниц, и вот теперь я увидела кусочек ещё одной.

— Я хочу немного побыть человеком, — негромко сказал Шут.

— Но ты и так человек! — я протянула руку и легко сжала его ладонь, почувствовав, как он вздрогнул в ответ. — Ты самый настоящий человек!

— Янига, я...

— Что ты?! — Я внезапно рассердилась. — Опять будешь говорить, что ты не такой, и не такой и не вот такой? Я это всё уже много раз слышала! А теперь ты меня послушай! Ты — человек! И мне всё равно, как тебя тут называют и что про тебя думают! Я не маленькая

девочка, чтобы верить только словам и страшным сказкам! Я вижу, что ты делаешь на самом деле! И можешь сколько угодно говорить, что ты не любишь людей, но я в это не верю! Ты всем помогаешь и всех спасаешь! Ты даже этих разбойников пожалел и убивать не стал, хотя легко мог это сделать! И в караване ты всех просто напугал, чтобы они не разбежались и дошли до города! Этот Шар... Шир... не важно! Он денег на охрану своего добра пожалел, а ты для всех людей охрану нанял и даже не торговался! Многим людям стоило бы поучиться у тебя!

Я говорила и пыталась рассмотреть его лицо, но в сумерках и под кронами деревьев ничего не разобрать.

Вместо ответа Джастер внезапно обнял меня и прижал к себе. И долго молчал, обнимая, глядя по волосам и спине, уткнувшись лицом мне в макушку. Я обнимала его в ответ и откуда-то знала, что просто быть вот так рядом — это лучшее, что сейчас я могу для него сделать.

— Спасибо, Янига, — тихо выдохнул он мне в волосы. — Спасибо.

— Не за что, — тихо и смущённо пробурчала я в ответ. — Я же правду сказала...

— Пойдём, Янига. — Судя по голосу, он улыбался. — Уже ночь, а мы с тобой ещё даже не ужинали. По-моему, впереди есть отличная полянка. С тебя каша, с меня всё остальное. Договорились?

Я кивнула, и до самой полянки не отпускала его ладонь.

Ужинали мы у костра, под звёздным небом, на берегу Этелле, сварив каши и заедая жёлтыми сладкими фруктами и крупными сочными ягодами, которые принёс Джастер. Он сидел рядом со мной, улыбался и рассказывал короткие забавные истории, и ничего, кроме чёрного наряда, не напоминало об Ашу Сирае. Я же прижималась к его плечу, слушала незатейливые шутки, любовалась его улыбкой и думала, что кем бы Джастер ни был и какие бы тайны не скрывал, это один из лучших вечеров в моей жизни.

39. Сурт Темноокий

Онферин лежал перед нами, как волшебная драгоценность.

Светлые воды широкой Этелле впадали в бесконечное, сверкающее на солнце, голубое море. Эти воды, как и холмистые берега, покрытые садами, служили городу удивительной оправой. Далеко внизу порт щетинился мачтами кораблей, а паруса сливались с пенным прибоем. Сам Онферин — огромный (куда больше Кронтуша), белоснежный, сверкающий, с высокими стройными башнями, с домиками простых жителей и богатыми дворцами, бесчисленными площадями и улицами ослеплял и радовал куполами небесного цвета с золотыми звёздами и полумесяцами на шпилях.

Но самым удивительным среди этой белизны был храм Сурта. Даже без пояснений Джастера я сразу поняла, что это он.

Высокий, строгий, с тонкими башнями и острыми шпилями, в солнечном великолепии ярких красок и белых зданий он выделялся не только размером и строгостью линий, но и цветом.

Чёрный, как сама ночь. Лишь на шпилях сверкающий серебром полумесяц рогами вверх. Совсем как тот, что носил Ашу Сирай.

Я покосилась на молчаливого Шута. Белая маска на его лице совершенно бесстрашна, а наймар стоял неподвижно, словно чёрный всадник сам был изваянием. Только лёгкий ветерок, пахнувший солью и морем, трепал хвост и гриву скакуна и едва трогал одежды Ашу Сирая, развеивая заблуждение.

И не скажешь, что сегодня утром это был совсем другой человек.

Я только украдкой вздохнула, вспоминая чудесное утро. Оно оказалось очень... добрым. Я не понимала, что случилось, но столько нежности от Джастера я прежде не видела. А ещё я впервые ощутила от него какое-то особое отношение. Я не могла бы описать словами, но у меня было такое чувство, словно я маленькая птичка, которую бережно и с любовью держат в сильных ладонях.

Потом, пока мы гуляли по садам Этелле, меня не покидало это удивительное чувство тепла и заботы, невидимых, но таких осязаемых сильных ладоней. Джастер же собирал с деревьев сладкие и сочные ягоды и плоды, рассказывал весёлые истории, смеялся и шутил так легко и беззаботно, как никогда прежде. Я верила и не верила тому, что вижу, но мне хватило ума не приставать с расспросами, а просто радоваться и смеяться вместе с ним.

Тем удивительней было, что он привёл меня на ту полянку...

Даже теперь, глядя на ужасного для всех Ашу Сирая, я впервые была уверена, что бояться могу чего угодно, но только не Шута.

Надеюсь, Этелле примет мой скромный дар и выполнит мою просьбу...

Джастер же смотрел на широкую дорогу, ведущую в город. Она была заполнена караванами, людьми, разными животными и повозками, спешащими в Онферин и покидающими его. С вершины холма, где мы стояли в тени деревьев, было видно, что дорога вьётся по холмистому побережью словно лента, окружённая домиками в садах и постоянными дворами для путников.

Шут перевёл взгляд на небо. Лёгкие облака, словно пух, скользили над морем, но я не сомневалась, что под ярким солнцем они скоро истают. Хорошо, что на берегу моря жара не ощущалась так сильно, как в том поле, через которое мы ехали вчера.

— Скоро полдень, — осмелилась я прервать молчание.

Джастер кивнул, не отрывая взгляда от неба. К моему удивлению, ветер с моря стих. Из-за холмов дальнего берега Этелле показалась гряда облаков. Белые и кудрявые, как шерсть самых лучших овец, они медленно, но верно тянулись в сторону солнца.

И хотя маска Ашу Сирая оставалась бесстрастной, я больше не сомневалась, кто устроил грозу в Стерлинге.

— Джастер...

— Наймары не могут быть на ярком солнце даже в таком виде. Им нужна тень, — он без лишних слов понял мой вопрос, поглаживая своего скакуна по шее. — Время до полудня есть. Мы успеем, не волнуйся. Караван ещё не дошёл.

Вот что он ждал, оказывается. Значит, вечернее солнце наймарам не помеха, только вот такое, яркое...

— А этот рынок, он далеко?

— Нет. Рядом с храмом. Так что быстро управимся. Ну вот, — он посмотрел на небо, где первое облако достигло солнца. — Поехали.

Он тронул наймара и неспешно спускался с холма к дороге.

Я посмотрела на полупрозрачные облака, укрывшие собой солнце, и поспешила за ним.

Городская стена поразила меня своими размерами, а ворота — шириной и высотой. Огромные и мощные, узорно окованные блестящей бронзой створки из тёмного, почти чёрного дерева, могли поспорить высотой с соснами. Да и сделаны они были, судя по всему, из целых стволов деревьев, где каждое было в обхват толщиной.

Проехать в них без труда могло несколько караванов за раз.

Впрочем, стена ничуть не уступала. Она возвышалась над воротами, украшая их сторожевыми башенками по углам, а чтобы пройти ворота и выйти в город, нужно было преодолеть с десятков шагов.

Появление Ашу Сирая снова вызвало панику и мгновенно расчистило нам путь, так что в Онферин мы въехали совершенно беспрепятственно. Даже многочисленная стража с копьями и кривыми мечами на поясе не осмелилась затупить дорогу самому опасному мастеру смерти, гордо восседавшему на настоящем наймаре.

В блестящих доспехах и ярких одеждах, стражники торопливо расступились, выстроившись вдоль широких стен настоящего каменного коридора. С другой стороны ворот люди также поспешно расступались, завидев в полумраке чёрного всадника в белой маске, неспешно и уверенно въезжающего в город.

Отовсюду доносился испуганный шёпот, непрерывно повторявший «Ашу Сирай», «вернулся», «бездушная», и различные воззвания к Тёмноокому, но никто не осмелился прямо взглянуть ни на меня, ни на Джастера. Люди кланялись, отворачивали лица или отводили глаза.

Я вспомнила, как шарахались от мрачного «пса» госпожи ведьмы в Кронтуше, но то, что я видела сейчас, не шло с тем разом ни в какое сравнение. Вокруг Ашу Сирая само собой образовывалось безлюдное пространство.

Джастера не просто опасались, как в Кронтуше. Здесь знали о его волшебной силе и боялись по-настоящему.

За нашими спинами, я слышала, стражники смыкали ряды, возвращаясь к службе, и, зло огрызаясь, отказывались отвечать на вопросы любопытных, посылая их за ответами куда

удобно, даже к самому Верховному Взывающему.

Прямо за воротами оказалась широкая площадь, от которой разбегались многочисленные улицы, вымощенные светлым камнем. Вдоль каждой улицы тянулись канавы, в которых плескалась на удивление чистая вода. Джастер внезапно поднял наймара в свечку, и над улицами пронеслось злобное и залиvistое ржание, всхлипываниями и рыканием мало похожее на лошадиное. В одно мгновение караваны, повозки и простые прохожие, направляющиеся к воротам и от них, обратили внимание на чёрного всадника в белой маске и почти сразу устремились к стенам домов, перепрыгивая канавы или разбрызгивая воду.

Джастер, ни слова не говоря, направил наймара по центральной улице, провожаемый испуганными взглядами и молитвенными взываниями к Тёмноокому о защите от Ашу Сирая.

Я ехала за ним и думала о том, что же такое он успел совершить, что его и в самом деле знают и боятся во всей Сурае...

Впрочем, я очень быстро отвлеклась от этих мыслей. Джастер ехал рысью, и я не хотела от него отставать, успевая только мельком увидеть кусочки дворов и плоские крыши двухэтажных домов за высокими сплошными оградами. Стены домов были увиты побегами с резными широкими листьями. Фиолетовые и зелёные гроздья сочных и сладких ягод свисали с них вниз. Во многих дворах росли деревья, усыпанные жёлтыми и оранжевыми плодами. Я уже знала их на вкус — Джастер накормил меня такими в садах Этелле. Деревянные калитки, как и сами ограды, были высотой с человеческий рост, чтобы прохожие не заглядывали с улицы. Все стены в городе были выкрашены в белый — цвет Этелле, Небесной Пряхи и покровительницы целителей. Золотые звёзды на голубых куполах должны были призывать её милость на жителей города.

Может, те сады и были заброшены, но супругу Тёмноокого в Онферине явно чтили не меньше самого грозного Сурта.

Интересно, у неё здесь есть храм или священное дерево, на которое женщины повязывают ленты, прося богиню о долгой и счастливой жизни?

Надеюсь, она примет мою ленту. Ведь не просто так Джастер привёл меня к тому дереву и так много рассказал о супруге Сурта...

Люди, уступавшие нам дорогу, поражали пестротой и разнообразием одежд. Яркие и тёмные, полосатые, узорные и цветастые; парны у женщин, длиннополые и многослойные нарядные одежды у богатых мужчин и простые, потрёпанные и залатанные — у бедных. На головах мужчин — маленькие вышитые шапочки, белые тонкие покрывала, удерживаемые металлическими или плетёными ободами, а у кого-то и вовсе невообразимо накрученные полотнища ткани, закрывающие не только голову, но даже плечи и лицо, оставляя на виду только глаза.

Не меньше поражали и животные. Кроме красивых и стройных лошадей, на которых ездили богатые люди, и уже знакомых мне мулов, я с изумлением смотрела на вереницы огромных — выше коня — созданий, покрытых густой светло-коричневой шерстью. Больше всего они походили на длинношеих и безрогих лосей, с горбом на спине. Эти чудища, с вьюками и сундуками на спинах и с большими, уныло брякающими боталами на шеях, шагали очень неспешно, и не слишком охотно слушались своих погонщиков, сворачивая с дороги. Впрочем, появление наймаров и на этих зверей действовало не лучшим образом. Они тоже переходили на рысь, и погонщики сильно рисковали, направляя животных в нужную сторону. Широкие раздвоенные копыта наверняка могли запросто размозжить

голову человеку или крупной собаке. Или шакалу.

Невольное воспоминание о разбойнике напомнило, что я здесь не на прогулке.

Улица виляла, становилась шире и многолюднее, стены вдоль дороги вырастали в высоту, как и дома за ними. Скоро я даже с седла видела только верхнюю часть дома и макушки деревьев. Джастер по-прежнему не сбавлял скорость — и впереди появились сначала серебряные полумесяцы на тонких шпилях, затем сами башни и, наконец, улица кончилась и я увидела храм Тёмноокого Сурта во всей красе.

Он стоял в центре большой площади и строгими, устремлёнными ввысь, очертаниями и узорными окнами напомнил мне ратушу в Кронтуше. Точнее, это ратуша жалко пыталась подражать храму Сурта.

Сходства было как между разряженным мулом и породистым красивым жеребцом.

Чёрные, до зеркального блеска полированные стены. Высокие и широкие двери украшены искусной резьбой и выглядели так, словно предназначены для кого-то очень высокого, ростом с дом, не иначе. Даже массивные кольца для открытия дверей находились раза в два выше человеческого роста. Только внизу, в одной створке была сделана дверь вполне обычного размера.

Она была открыта, и многие люди входили и выходили из храма. В их числе я заметила несколько человек в чёрной одежде.

Джастер остановил наймара напротив ворот. Я, по привычке, остановилась слева от него, любуясь строгим и грозным силуэтом первого настоящего храма, который видела в своей жизни.

Храм Сурта был огромен, тёмн и мрачен. И при этом восхищал строгой красотой огромных колонн, резных створчатых дверей из морёного дерева и гладких каменных стен.

«Когда-то боги ходили среди людей» — вдруг вспомнилось мне. Тогда я посчитала это очередной сказкой Джастера, но глядя на этот храм вдруг поверила, что Сурт и в самом деле мог...

— Ашу Сирай?!

Громкий голос, едва сдерживающий негодование и испуг, вернул меня на землю.

— Ты ещё жив?! Да как ты только посмел явиться сюда?! Да ещё и верхом на священных... священных...

Юноша в чёрной мантии и серебряным полумесяцем на груди задохнулся от возмущения, обвиняюще указывая то на наймара Шута, то на моего. Рука у него заметно дрожала, но я не могла понять, от чего больше: страха или негодования от такой невероятной наглости.

За его спиной люди поспешно покидали площадь, и мне почему-то казалось, что найдётся очень мало желающих посмотреть, чем закончатся разборки двух служителей смерти...

— Смелый, значит. Это хорошо.

Джастер невозмутимо спешил, давая понять, что бегства не будет. Мне оставалось только послушно покинуть седло следом за ним.

— Давно посвящение принял? — Шут шагнул к защитнику храма, и тот невольно отшатнулся.

— Г-год наза... Д-да как ты смеешь!..

— Придержи их тогда, пока я делами занимаюсь.

Он забрал у меня повод и бросил оба в руки молодому мастеру, поражённому таким

поворотом.

— Надеюсь, они тебя не сожрут. Но если сожрут — сам виноват. Глядишь, Сурт тебя и пожалеет в Эльжахайме, быстро новую жизнь получишь. Если ты хорошо ему служил, конечно. Идём.

Джастер невозмутимо отодвинул совершенно ошеломлённого защитника храма, испуганно вцепившегося в поводья и открывавшего рот беззвучно, как рыба, и пошёл к воротам. Я последовала за ним, думая, что представление только начинается.

Но всё-таки того, что он сделал, я никак не ожидала.

Шут вошёл в храм с ноги.

В буквальном смысле. Я, конечно, знала, что он очень сильный. Но что ему хватит сил, чтобы пинком открыть эти огромные двери...

С грохотом и громким треском створки раскрылись, открывая проход в несколько шагов.

— ВСЕ — ВОН, — холодно и грозно провозгласил Джастер, войдя в густой полумрак храма. — Кто останется — положу на алтарь. А души заберу себе. Без исключения.

Мгновения тишины — и я оторопела от количества мужчин и женщин, бегом покидающих храм. Они ломались в маленькую дверь, потому что никто не посмел приблизиться к Ашу Сираю и проскользнуть в широкий свободный проход за его спиной.

Джастер, не дожидаясь, когда бегство закончится, размеренно зашагал вперёд. Я шла за ним, поражаясь тому, насколько огромен и пуст храм внутри. Полоса дневного света из приоткрытых дверей давала возможность хоть немного разглядеть чёрный храм.

От самого входа к тёмному камню в конце зала вела галерея толстых и высоких колонн, которые, как и стены, терялись где-то высоко над головой в глубокой черноте, куда не проникал дневной свет. Рыжие отсветы редких факелов вдоль колоннады плясали по полированным поверхностям, усиливая ощущение живой тьмы, клубившейся вокруг.

Видимо, Сурт не любил роскошь, и его служители иначе подчёркивали величие своего бога, умудрившись только сочетанием чёрного камня и огня передать всю грозную силу и мощь того, кому они служили.

Шум и голоса за спиной стихли, и я услышала негромкий гул. Внезапная темнота и порыв ветра, ударивший в спину, дали понять, что все двери за нами закрылись.

Я вдруг представила, что на площади перед храмом собираются стражники и все мастера смерти, которых так бесцеремонно и нагло оскорбил Шут, и сердце у меня упало в пятки.

Ох, Джастер... надеюсь, ты знаешь, что делаешь. И нам удастся уйти из этого храма и города живыми...

Под высокими каменными сводами наши шаги отдавались гулко. Джастер спокойно шёл к алтарю, над которым возвышалась статуя огромного коня, нет, наймара из чёрного камня.

Точнее, наймар выступал из стены наполовину, упираясь в пол одним копытом и занеся второе над алтарем, грозя растоптать любого, кто окажется на сером, покрытом тёмными разводами, камне. Голова на мощной длинной шее гордо вскинута вверх, огненные рубины глаз грозно сверкают. Губы обнажают длинные острые клыки, ноздри раздуты, а в центре лба — огромный витой рог.

Казалось ещё мгновение — и однорогий наймар выйдет из стены мрака и покарает любого, кто осмелится перечесть ему.

Тёмный бог, Сурт Тёмноокий, повелитель жизни и смерти людей, пугал меня по-настоящему и заставлял трепетать душу. Может, потому, что я не сомневалась в его существовании?

Зал был пуст, но мне казалось, что за нами кто-то наблюдает.

— Свежая кровь... — тихо прошелестело по залу, и в тот же миг порыв холодного и затхлого воздуха всколыхнул мой парн. — Живая...

Я взвизгнула, а Джастер резко обернулся. Улыбки на губах маски не было.

— Кости свои от неё убрал, или я из тебя погребальный костёр сделаю.

В тот же миг от меня что-то отстранилось, и к своему ужасу я увидела существо, больше всего напоминающее обтянутый кожей скелет, одетый в чёрную мантию.

— Я не верил своим глазам и ушам, но это и в самом деле ты, Ашу Сирай. Только ты так груб и нагл, чтобы заявиться в храм Тёмноокого после всего, что совершил... Да ещё и настолько возмутительным и дерзким образом сломал двери!..

— А ты, как всегда, на чужое заришься, Ашер?

Скелет оскорблённо щёлкнул зубами.

— Разве это не твоя жертва Великому? Разве ты не для этого привёл её сюда, выдавая за «бездушную»? Разве ты пришёл не молить Тёмноокого о пощаде?

— Нет, конечно, — губы маски не шевелились, только изогнулись в насмешливой ухмылке. — Это моя игрушка.

— Игрушка с... тёмным даром?!

Скелет посмотрел на меня так плотоядно, что я вздрогнула от пробравшей до костей дрожи. А вот слова Джастера про игрушку меня совсем не задели. В глубине души я знала, что это не так.

— Где ты нашёл такую вкусную девчонку?! Отдай её мне, когда наиграешься! Это прекрасная жертва Великому!

— Потроха твои сушёные не спросил, что мне делать, — огрызнулся Шут. — На твоём месте я бы вспомнил, что не бессмертный и не избранный, и унёс бы свои древние кости куда подальше, пока я добрый.

— Наглец! Тёмноокий испепелит тебя за твою дерзость!

— Я сказал — ты не избранный, и ты мне не нужен. Ещё слово — и я положу тебя на алтарь. Считаю до трёх. Два.

— Ашер.

Новый голос — немного хриплый, но, несомненно, принадлежащий тому, кто обладал властью, — раздался под сводами храма.

— Довольно. Иди и успокой остальных. Я сам разберусь с... с нашим гостем.

— Хорошо, настоятель, — недовольно прошелестел скелет, обращаясь к высокому и седому мужчине, показавшемуся между колонн. — Прошу, когда закончите, отдайте эту девчонку мне...

— Ступай, Ашер.

В непреклонном голосе прозвучала сталь, и ужасный скелет, не переставая ворчать, исчез где-то за моей спиной.

Настоятель же, немного прихрамывая и опираясь на посох, пошёл навстречу Джастеру, который ждал его, не двигаясь с места.

Двое мастеров смерти встретились посередине зала.

— Ашу Сирай.

Мужчина едва заметным наклоном головы поприветствовал Шута. Несмотря на заметные морщины и седину, я не смогла бы назвать его стариком. За внешним спокойствием скрывалась не просто сила, а глубокая мощь, тёмные глаза смотрели живо и внимательно. Одежда настоятеля в свете факелов отливала багровым.

— Чем мой храм обязан...

— Мне нужно поговорить с Суртом, Ёзеф, — спокойно ответил Джастер, ответив на приветствие таким же едва заметным кивком. — Иначе бы не пришёл.

— Понимаю.

Вопреки словам и спокойному тону, глаза настоятеля, однако, сверкнули грозным огнём. Несмотря на седину и хромоту, он уверенно и крепко держался на ногах и наверняка не уступал в волшебной силе Шуту.

— И всё же, ты мог прийти, как полагается, а не...

— Это всего лишь кусок дерева. Его легко заменить, — перебил Джастер настоятеля. — Я только задам вопрос и уйду. Вы всегда были благоразумны и дальновидны, Ёзеф. Не совершайте сейчас ошибку. Не мешайте мне.

— Приходи завтра, как положено, — недовольно ответил настоятель. — Я приготовлю всё для риту...

— Не нужно ничего готовить, — резко отмахнулся Шут. — Я сам его позову. Это не займёт много времени.

Верховный Взывающий не успел ответить, когда Джастер решительно обошёл его, остановился перед алтарём, склонил голову на бок, словно к чему-то приглядывался, и вдруг прицельно пнул каменный бок. По залу прокатился гул, словно от удара колокола.

— Сурт, выходи, поговорить надо!

Лицо настоятеля пошло гневными пятнами, пальцы на посохе крепко сжались, но он сдержался, видимо, оставляя кару виновного своему богу.

Я же ошеломлённо смотрела на Шута. Ладно, в храм он с ноги зашёл, очередное представление для зевак устроил, но сейчас-то что происходит?! Что он делает?!

Он что, самого Сурта, как простых «псов», разозлить хочет?!

Джастер же, без зазрения совести, снова пнул алтарь, как обычную дверь.

— Сурт! Ты меня слышишь, я знаю! Выходи уже, дело есть!

Теперь я понимала, за что Ашу Сирая проклинали Взывающие и гневался Тёмноокий. Я бы тоже гневалась на их месте. Это же вообще ни в какие ворота!

Но Джастера собственное поведение ничуть не смущало.

От нового мощного пинка алтарь вздрогнул и вспыхнул магическим огнём. Статуя огромного коня сверкнула рубиновыми глазами, и в тот же миг чёрный камень словно ожил, истекая туманом.

— КТО ПОСМЕЛ?! — громогласно прокатилось под сводами храма, и у меня едва не подкосились ноги от ужаса. Устояла я только чудом.

Огромный наймар с витым рогом посередине лба, сотканный из чёрного тумана, по дуге обходил алтарь и Джастера. Клыки, словно кинжалы торчат из пасти, витой рог длиннее, чем фламберг Шута. Длинный и тонкий хвост с кисточкой на конце раздражённо хлестал воздух. Мощные копыта выбивали из каменного пола искры и раздавили бы человека как спелую ягоду.

Внезапное воплощение не просто бога, а тёмного бога, одного из самых мрачных и грозных детей Шанака и Датри, впечатлило меня до глубины души.

Обычные наймары были милыми домашними зверюшками на фоне этого ужаса и тьмы.

Настоятель же с заметным трудом опустился на одно колено, опираясь на посох, и склонил голову перед своим покровителем.

Мне тоже очень хотелось последовать его примеру, а ещё больше — оказаться по ту сторону дверей храма, на солнышке... Лучше бы я наших лошадей посторожила...

Только вот внезапное оцепенение не давало мне даже пошевелиться.

— Я посмел, — спокойно ответил Джастер. — Только не говори, что ты меня не узнал.

— ТВОЯ НАГЛОСТЬ И ДЕРЗОСТЬ СРАВНИМЫ ТОЛЬКО С ТВОЕЙ НЕПОМЕРНОЙ ГОРДЫНЕЙ, АШУ СИРАЙ! ТЫ ДУМАЕШЬ, ХОТЬ КТО-ТО ИЗ НАС СПОСОБЕН ЗАБЫТЬ, ЧТО ТЫ НАТВОРИЛ?! КАК ТЫ ВООБЩЕ ПОСМЕЛ ЯВИТЬСЯ В МОЙ ХРАМ?!

Наймар приблизил огромную голову к Шуту. Великие Боги, да ему же человек на один клык...

Только вот Джастер даже не дрогнул.

— Войну начали люди. Ты сам это знаешь. Благодаря мне она закончилась.

Войну? Какую войну? О чём он говорит?

— БЛАГОДАРИЯ ТЕБЕ?! ТВОЯ ДЕРЗОСТЬ СОВСЕМ НЕ ЗНАЕТ ПРЕДЕЛОВ, КАКА?! ДАЖЕ СЕЙЧАС ТЫ ВЕДЁШЬ СЕБЯ, КАК ТЕБЕ ВЗДУМАЕТСЯ! ТЫ ХОЧЕШЬ ОКОНЧАТЕЛЬНО РАЗГНЕВАТЬ МЕНЯ?!

— Хочу кое-что спросить. Давай поговорим по-человечески.

Изумление огромного наймара не поддавалось описанию.

— ЧТО? Я НЕ ОСЛЫШАЛСЯ? ТЫ СКАЗАЛ: «ПО-ЧЕЛОВЕЧЕСКИ»?

Грохот смеха вперемежку с ржанием едва не оглушил меня. Казалось, что от этого смеха содрогаются потолок и стены, и ещё чуть-чуть — и храм начнёт рушиться прямо мне на голову. Очень хотелось убежать, спрятаться, сжаться в комочек и закрыть голову руками, но я могла только стоять и смотреть под властью неизвестного заклятья. Словно и в самом деле стала «бездушной» игрушкой мастера смерти...

Однорог поднялся в свечку и забил копытами по воздуху, оглашая всё вокруг диким ржанием. Тонкий хвост со свистом рассекал воздух, кончик огромного рога, наверно, едва не царапал невидимый потолок.

Теперь я понимала, что для Сурта храм совсем не велик, а огромные двери наверняка в самый раз.

— АШУ СИРАЙ ХОЧЕТ ГОВОРИТЬ ПО-ЧЕЛОВЕЧЕСКИ! АХА-ХА-ХА, НАСМЕШИЛ!

— Не хочешь — как хочешь, тогда я пошёл.

Спокойный голос Шута легко перекрыл громовой хохот.

Но не успел Джастер отвернуться от алтаря, как вместо коня перед ним появился огромный могучий мужчина. Ростом он превосходил Шута на три головы, а шириной плеч — раза в два. Лицо Сурта и вся его фигура были словно грубо вытесаны из камня, и только чёрные волосы пышной и длинной гривой вились по плечам и спине ключьями живого тумана.

Вишнёвые глаза тёмного бога холодно смотрели на Шута.

— Ты знаешь правила, Айя Ка. Ты не искупил свой долг. Эта девчонка тебе...

— Хватит, — холодно и резко перебил Джастер, вытянув над алтарём левую руку. — Я знаю, кому и что должен. Бери своё.

Сверкнуло лезвие кинжала и с вытянутой ладони на алтарь брызнуло...

Нет, это была не кровь. Это был живой и ослепительный огонь чистого волшебства.

Вишнёвые глаза изумлённо расширились, и едва сверкающие силой капли коснулись чёрного камня, как алтарь и полупрозрачная фигура окутались столбом ало-голубого пламени. Пламя охватило и скрыло каменную статую Сурта, взметнулось до сводов, и казалось, весь храм загудел от огромной мощи, что истекала от охваченного пламенем бога...

Настоятель, подняв голову, с изумлением и страхом смотрел на своего покровителя. Я же стояла, поражённая до глубины души тем, что видела.

Да, такую силу и сотня ведьм не заменит...

Призрачное пламя спало, и по храму прокатился стон глубокого удовлетворения.

— ТЫ УМЕЕШЬ УДИВЛЯТЬ, АШУ СИРАЙ. Я ПРИНИМАЮ ТВОЙ ЩЕДРЫЙ ДАР
раскатисто прогремело под сводами храма.

Сурт во плоти сидел на появившемся троне. Каменный наймар нависал над ним, высоко вздымая оба копыта над плечами грозного великана.

Тёмный бог стал намного выше, могучие плечи гордо расправились, а бронзовое лицо обрело тонкие и грозные черты. Вишнёвые глаза ярко сияли, чёрная грива дымными прядями достигала поясницы, сливово-чёрные одеяния, перехваченные серебряным поясом с драгоценными камнями, водопадом ниспадали до самого пола. Исходившая от него грозная мощь наполнила собой всё вокруг, подавляя невиданной силой и вызывая желание распластаться на полу перед божественным источником этого могущества.

Прекрасный и одновременно пугающий вид тёмного сына Шанака и Датри внезапно напомнил мне Джастера в моменты его гнева.

«Мой народ между богами и демонами...»

Да, теперь я в это верю. Без всяких сомнений.

Настоятель храма, как мог, преклонился перед своим повелителем. И мне тоже хотелось упасть ниц перед тёмным богом, и не поднимать головы, дабы не прогневать Тёмноокого случайным взглядом...

Только я по-прежнему не могла пошевелиться, и от этого было ещё страшнее.

Сложно же не заметить при свете факелов прямо посреди чёрного храма стоящую одинокую женщину в белом парне...

К счастью, всё внимание Сурта было посвящено Джастеру.

— Спрашивай, — провозгласил хозяин храма. — Ты щедро заплатил за ответы.

Восседавший на троне Сурт намного возвышался над Шутом, но мне казалось, что разница в росте не имеет никакого значения. Они говорили на равных, если такое вообще было возможно.

— Что тебе известно про хозяйку второй части этого зеркала?

Джастер выложил на алтарь знакомую шкатулку и открыл её.

Тёмный бог, склонив голову, посмотрел на зеркало Митамира, лежащее на алтаре и вытянул над ним распростёртую ладонь. Вишнёвые глаза полыхали, как раскалённые угли.

— Её тёмная нить важна для мира, — изрёк он. — Чем она не угодила тебе?

— Она одна? — спокойно спросил Джастер.

— Нет. Рядом с ней тёмный маг.

— Кто? — так же невозмутимо продолжил спрашивать Шут.

— Он не Взывающий, — усмехнулся тёмный бог. — Я не могу назвать его имя.

— Почему?

Мне показалось или голос Джастера едва заметно дрогнул?

— Он отдал имя своему хозяину.

— Демонолог, значит... Что ж, это многое объясняет. Благодарю. Я узнал всё, что хотел.

Демонолог? Великие боги, это ещё что за напасть?

— Жаль, что ты не служишь мне. — Сурт, сложив руки на груди, свысока смотрел на Шута, убиравшего шкатулку обратно в торбу. — Но ты очень щедро заплатил за ответы. Поэтому я скажу ещё кое-что. Твой противник очень силён. И у него больше фигур.

— Я знаю, — невозмутимо ответил Шут. — Тем интереснее. Разве нет?

На губах Сурта появилась довольная улыбка.

— Много веков я скучал без ваших Игр. Но в этот раз мы все следим за твоей Игрой. И он тоже следит. Он всегда следит за тобой. Помни это.

Великие боги... Я почти ничего не понимаю, но у меня мороз по коже от этих слов! Кто следит за Джастером? Почему? И самое главное — зачем?

Страшно-то как...

— Ты знаешь ставки? — Джастер, наверно, даже бровью не повёл.

Огромная фигура наклонилась к Шуту, но тот не дрогнул и не отступил.

— Они очень велики. Ты не просто играешь по-крупному. Ты поставил намного больше, чем у тебя есть. Очень намного. Будь осторожен, Ашу Сирай. Любая нить может оборваться. Даже твоя. Особенно сейчас.

Великие боги... Зачем он это сказал?! Я же теперь с ума от беспокойства сойду...

Этелле, прошу, пусть его нить не оборвётся ещё очень и очень долго! Я отдала тебе единственную ленту, которая у меня была! Прошу, прими мой дар и исполни мою просьбу!

— Благодарю, — невозмутимо отозвался Джастер. — Ты мне очень помог. И... извини за дверь. Я немного... перестарался.

Брови Сурта удивлённо взлетели вверх, а затем по залу разнёсся громовой хохот.

— ТЫ УМЕЕШЬ УДИВИТЬ, АШУ СИРАЙ! НЕУЖЕЛИ ТЫ И В САМОМ ДИ ИЗМЕНИЛСЯ?!

Джастер не ответил, а в следующее мгновение я ощутила на себе огненный взгляд Тёмноокого. От головы до пят меня словно пронзила огненная спица. Я не могла вздохнуть, зато сердце бешено колотилось, настолько страшно и невыносимо было это внимание.

— Дочь Датри. — Сурт смотрел на меня, и я понимала, что белый парн не защита от этого божественного взгляда. — Твоя нить...

— Хватит, я сказал.

Гулкий удар по алтарю вкупе с ледяным и повелительным тоном заставили вздрогнуть всех, включая самого тёмного бога. Огненная спица пропала, и я смогла не только снова дышать, но и двигаться.

Великие боги, хорошо-то как...

Джастер же стоял, опираясь ладонью на алтарь, и мне показалось, что вокруг него танцуют языки чёрного пламени.

— Это моя Игра. Не смей в неё вмешиваться.

Тёмноокий выпрямился, и храм вновь загудел от божественной мощи.

— НЕ ПРОИГРАЙ, АЙЯ КА. ТЫ ПОСТАВИЛ НАМНОГО БОЛЬШЕ, ЧЕМ СВ ЖИЗНЬ. НАМНОГО БОЛЬШЕ!

Сурт грозно сверкнул огненными глазами и исчез, словно его и не было. Мне только послышалось затихающее вдалеке конское ржание.

Настоятель тяжело поднялся с колен. Но не успел ничего сказать, как Джастер резко развернулся, властно вытянул руку в сторону, и в темноте колонн раздался пронзительный звук, больше напоминающий скрип несмазанных дверных петель.

— Горячо, горячо! — из-за колонн выскочил знакомый скелет, перекидывая из руки в руку горящую тряпицу и дуя на костистые пальцы. Его балахон дымился, кое-где прожжённый насквозь.

— Аше... — настоятель осёкся, потому что от алтаря повеяло такой мощью, что я решила: Сурт вернулся.

Но вместо тёмного Бога там стоял настоящий Ашу Сирай, окутанный чёрным пламенем.

— Ах ты, черепушка безмозглая... Ты решил, что я позволю такому, как ты, коснуться моей крови?!

В негромком голосе искажённой гневом белой маски было столько ярости, что скелет выронил тряпицу на каменный пол и попятился.

— Шшшш... что т-т-ты... Аш-шу С-ссирай... — испуганно задрезжал он, спешно вытирая костлявые пальцы о балахон, пока тряпица горела у него под ногами. — Э-та кап-пелька сама упала...

Глаза маски вспыхнули огненно-алым, а рот исказился гневом.

— ТЫ СМЕЕШЬ ЛГАТЬ МНЕ?! УНИЧТОЖУ, МРАЗЬ!

От оглушительного рыка по храму пронёсся порыв ветра, и часть факелов погасла, погружая и без того чёрный храм в ещё большую тьму.

Скелет не успел ничего ответить. Джастер повелительно вскинул руку, тряпица на полу полыхнула, и в одно мгновение вся фигура неудачливого вора оказалась охвачена ярким и страшным пламенем.

Второй раз Ашу Сирай показал свою силу, и второй раз я стояла, обмерев от ужаса, потому что ярость Шута была страшнее даже гнева самого Тёмноокого Сурта.

Пронзительный скрипучий крик мешался со звонким треском костей, горевших в этом пламени, как сухие дрова. Вместе с тем в воздухе вдруг что-то пронзительно зазвенело, а затем раздался звук, словно где-то недалеко лопнула струна.

Со звоном лопнула вторая невидимая струна. Третья...

Скелет корчился на полу, отчаянно сопротивляясь и не желая умирать, но я вдруг поняла, что ему осталось недолго. Как только лопнет последняя неведомая струна — он погибнет.

— Остановись!

Настоятель словно очнулся и вскинул руку.

— Прощу, Ашу Сирай! Он достаточно наказан!

— Достаточно?! — прорычал Шут. — Эта безмозглая рухлядь покусилась на мою кровь! Я от него даже пепла не оставляю!

От звучавшего в голосе гнева я задрожала как осиновый лист. Но Ёзеф не зря носил титул Верховного Взывающего. Он был намного смелее меня.

— Ты достаточно наказал его за это! — Настоятель поднялся на ноги и шагнул в сторону Шута, пытаясь закрыть собой догорающие останки. — Отпусти его. Прощу тебя. Ради твоей клятвы.

Напряжённые пальцы сжались в кулак, а затем Джастер медленно опустил руку. Огонь спадал, оставляя кучку полусгоревших чёрных костей.

— Я предупреждаю только один раз, — негромко и глухо сказал Шут. — Надеюсь, этот

урок он запомнит.

Ёзеф, прихрамывая и опираясь на посох, поспешил к уцелевшим останкам своего помощника.

— Не знаю, почему ты ещё жив, Ашу Сирай, — негромко и холодно сказал он, опускаясь на колени возле кучки костей. — Мне нет дела до ваших Игр. Я отпускаю тебя только потому, что такова Его воля.

— К слову, Ёзеф, — негромко и спокойно ответил Джастер. — Не далее, как пару дней назад, я застал в Локашане человека, называвшего себя прославленным Сафаром из Гаруди, но более известного как Шакал из Гаруди. Он мне угрожал вашим именем.

— Ни я, ни мой храм не имеем ничего общего с этим разбойником! — от возмущения настоятель сжал посох так, что побелели пальцы.

— Так я и думал, — спокойно кивнул Джастер. Маска на его лице выражала совершенную бесстрастность. — Мерзавцы любят прикрываться именами великих.

— Что ты с ним сделал?

— Шакалу — шакалья смерть и шакалья работа, — усмехнулся Шут, не оборачиваясь.

— Уходи и не смей возвращаться в мой храм. Никогда.

— Ваше желание исполнимо, — отстранённо и без улыбки вдруг отозвался Джастер. — Благодарю за гостеприимство. И... прощайте, Ёзеф. Было приятно иметь с вами дело.

Настоятель недоуменно нахмурился, но тут же забыл о словах Шута, услышав стон дымящегося скелета.

Джастер направился к дверям храма, и я тихой мышкой следовала за ним, раздумывая над всем, что увидела и услышала.

Тёмноокий Сурт во плоти. Какой-то демонолог...

«Покусился на мою кровь»...

Великие боги... А ведь когда-то давно он сам предлагал мне приворожить его на крови... И сколько раз я смывала кровь с его раны, когда едва не убила?

За всё время нашего знакомства Джастер никогда не говорил ничего подобного. Он даже в драки лез, невзирая на опасность, не боялся пораниться и совсем не придавал значения «царапинам».

А сейчас за каплю крови устроил такое...

Впрочем, сейчас его кровь совсем не походила на... обычную.

Я только покачала головой, подумав, что Ашу Сирая тайн окружает ещё больше, чем Шута.

Это кем надо быть, чтобы говорить с тёмным богом вот так, на равных? Да ещё чтобы столько неслыханной наглости спустили с рук?

Теперь я понимаю, почему он выгнал всех из храма. Пинок в двери храма и сломанный засов — без сомнения, возмутительный поступок, но это не так оскорбительно для чувств верующих, как вызов самого Сурта в исполнении Джастера...

Да и сам их разговор... Он точно не для посторонних ушей.

Ёзеф тоже это понял, потому и отослал своего помощника. Но тот оказался слишком жадным, за что и поплатился.

«Никто не смеет брать то, что принадлежит мне...»

Ашу Сирай. Айя Ка. Джастер. Шут. Сколько же у него имён? Или это всё прозвища? И какое из них — настоящее? А может, в других странах его знают под совсем другими именами?

И он занимается там совсем другими... хм... делами?

Например, делает оружие? Или, в самом деле, у какого-нибудь короля при дворе «псом» служит или управляющим у богатого торговца...

Ох, Янига, хватит придумывать. Я ведь ничего, совсем ничего не знаю о нём. А того, что знаю, слишком мало, чтобы сочинять новые сказки про «бедного бродягу-музыканта».

Только одно я знаю точно: Джастер не злой. И для меня он самый близкий и дорогой человек в мире.

«Никто меня не остановит. Только я сам».

Поступает, как вздумается? Не знаю, не знаю... Когда-то давно я думала также, но сейчас не сомневалась, что Джастер прекрасно знает, что и зачем делает, и когда нужно остановится.

Даже когда ломает чужие двери.

Приглядевшись, я увидела, что высокие створки, в самом деле, были заперты изнутри на толстый засов, вырезанный из целого бревна. Сейчас обе части засова безобразно щетинились острыми иглами сломанного дерева.

Словно почувствовав мой взгляд, Джастер, не оборачиваясь, поднял руку и щёлкнул пальцами. Обломки засова окутало едва заметное сияние, мелькнули коричневые и золотистые искорки, и не успела я даже вздохнуть, как тёмное дерево стало целым.

И почему-то мне показалось, что Тёмноокому понравилось это извинение.

У самого выхода я решила оглянуться. На алтаре лежало то, что осталось от неудачливого скелета. Верховный Взывающий стоял перед алтарём на коленях и молился.

Дверь, обычную, для людей, я постаралась закрыть за нами как можно тише.

Конечно, нас ждали. Точнее, не совсем ждали.

Солнце по-прежнему скрывалось за облаками, но после темноты храма даже пасмурный день показался бы солнечным. Когда глаза привыкли к свету, я увидела почти ту самую картину, которую успела себе вообразить.

Несколько десятков людей в чёрных одеждах, за их спинами — стража, а ещё дальше — толпа горожан. Все они стояли на коленях и, судя по шевелящимся губам и поклонам, искренне молились.

Даже тот молодой мастер, которому Шут вручил поводья наших наймаров, истово шептал слова молитвы, не сводя восхищённого и преданного взгляда с громады храма.

Значит, явление Тёмноокого Сурта ощутили даже здесь.

Джастер молча и неслышно шёл к нашим наймарам. Я уж думала, что наше появление так и останется незамеченным, но нет. Люди заканчивали молитву и обращали в нашу сторону недобрые взгляды.

Мастера смерти, которому Шут поручил охранять наших наймаров, судя по его обслонявленному виду, наймары-таки попробовали на вкус. Но то ли они не были так голодны, как пугал Джастер, то ли сторож им не понравился, парень был цел, хотя и напуган. Впрочем, сейчас, в молитвенном экстазе, он не думал о страхе.

— Ты... — мастер поднялся с колен и вновь обвиняюще ткнул в Джастера пальцем. Чёрные глаза горели праведным гневом. — Ты посмел...

— Справился, молодец, — Шут, не обращая внимания на толпу, подошёл к ошеломлённому такими словами мастеру и забрал у него поводья. — Отпускаю, иди.

Остальные мастера переглядывались и перешёптывались, но не спешили вмешиваться в

эту ссору. А некоторые совсем немного, но отступили, оставляя безумца наедине с грозным Ашу Сираем.

— Ты! — парень аж задохнулся от негодования — Нечестивец! Отступник! Будь ты!..

Под холодным взглядом чёрных пустых прорезей маски парень поперхнулся словами и замер, не в силах произнести ни слова. Голоса вокруг тоже стихали в настороженном ожидании дальнейших событий.

На губах маски появилась холодная и безжалостная улыбка.

— Ты только что предрёк свою судьбу, глупец. Ещё одно слово и она станет твоей реальностью. Ты уверен, что этого хочешь?

В царившей на площади тишине было хорошо слышно каждое слово этого неожиданного и страшного пророчества.

— Понимаю, почему ты прошёл посвящение, но слабоумие и отвага — худшие качества для того пути, что ты выбрал. Твоему наставнику должно быть сейчас стыдно за то, что не научил тебя сначала думать, а потом открывать рот.

— Гхм... Прости мою дерзость, Ашу Сирай, — неожиданно раздался довольно звучный голос, и вперёд выступил один из мастеров смерти. По его лицу, бороде с проседью и тому уважению, с которым на него смотрели остальные, было понятно, что он служит Сурту уже не один десяток лет. — Но не мог бы ты пояснить свои слова на счёт судьбы нашего младшего брата?

— Ты его наставник, значит, — уголок рта маски едва заметно дрогнул. — Что ж, ты и сам можешь ответить на свой вопрос, ведь этот ответ очевиден всем, кто имеет не только глаза и уши, но и ум.

— И всё же, не все смертные столь мудры и прозорливы, как ты, Ашу Сирай, — проглотив колкость, ответил мастер. — Будь же снисходителен к людским слабостям и поделись своей мудростью со всеми, кто присутствует здесь.

— Тогда ответь мне на простой вопрос, почтенный Взывающий к Тёмноокому, — голос Джастера тоже стал звучным, наверняка доносясь до каждого, кто был на площади. — Если я сейчас жив, если сам Тёмноокий, снизошедший в свой храм, не покарал меня, кто из вас, его преданных, имеет право на это?! Кто, в своей человеческой гордыне, возомнил себя выше самого Тёмноокого Сурта?! Кто хочет прогневать Владыку жизни и смерти, нарушив его волю?! Кто хочет стать нечестивцем и отступником, нарушившим свою клятву веры?!

Потрясённые его словами, люди молчали, опуская головы, и виновато переглядываясь. Виновник отповеди краснел и обливался потом, как мальчишка. Остальные мастера тоже отвели глаза, и я поняла, что никто из них не подумал о том, что только что сказал Шут. Даже мне такое простое объяснение не пришло в голову, а ведь Джастер прав: оно же очевидно...

«Я отпускаю тебя, потому что такова Его воля»... Ёзеф прямо об этом сказал...

Старый мастер покосился в сторону храма, а затем внимательно посмотрел на меня, а потом на Ашу Сирая, задумчиво поглаживая короткую бороду, словно услышал мои мысли.

И я вдруг поняла, что белый парн не обманывает этого мастера, как не обманул он Ашера и Ёзефа. Он тоже мог отличить, кто скрывается под покровом: «бездушная» кукла или живая женщина с тёмным даром.

Джастер, не дожидаясь ответа, посмотрел на небо, где тонкие облака из последних сил скрывали солнце, положил ладони на морды наймаров, прикрыл глаза, и в следующий миг два чёрных облака опали вниз, оставляя наших лошадей в перевозданном виде, и

стремительными тенями скользнули в сторону храма Сурта, растворившись в черноте его стен.

Шут сел на Огонька, и я тоже забралась в седло Ласточки. Обе лошади стояли смиренно и выглядели заметно уставшими. Видимо, вселение наймаров давалось им непросто даже с волшебством Джастера.

Не обращая на расступавшихся перед ним людей внимания, лёгкой рысью Шут направил Огонька в сторону от храма. Я ехала за ним и старалась не думать о том, что он опять устроил представление и преподал урок не только простым людям и Взывающим, но и мне.

«Из тени многое видно», «Учись смотреть и видеть, слушать и слышать. Тогда то, что люди полагают тайным, станет для тебя явным» — так он однажды сказал. Ох, увидеть и услышать из этой самой «тени» я успела так много, что за седмицу не передумать. Только вот все его тайны по-прежнему оставались для меня тайнами, к тому же их ещё и добавилось.

Невольничий рынок неприятно поразил меня. Хотя Джастер предупреждал, что с невольниками могут обращаться как угодно, но всё же я оказалась не готова к тому, что увидела.

Рынок и в самом деле располагался на площади достаточно недалеко от храма Сурта, — мы проехали несколько улиц, — и состоял из сараев и невысоких помостов, на которых люди продавали людей. Связанные или скованные, полуголые и босые мужчины и мальчики стояли на солнцепёке, опустив бритые головы вниз, под охраной, вооружённой дубинками и кнутами. Хозяева нахваливали свой товар, рассказывая насколько это умелые и полезные работники. Покупатели подходили, тыкали в них пальцами, проверяя крепость мышц, заставляли показывать зубы, спрашивали, каким ремеслом невольник владеет...

И всё это унижение перемежалось криками, стонами, торгами, ударами кнутов, запахами пота и мочи...

Великие Боги, как такое вообще возможно?! Как люди могут относиться к другим людям, словно это животные?! Неужели... Неужели они с женщинами также?! Это же... Этс невыносимо!

Больше всего мне хотелось развернуть Ласточку и умчаться прочь с этого рынка, из этого города, обратно в Эрикию, где никто не продавал людей как бесправную скотину...

Но я даже не могла закрыть глаза, чтобы не отстать от Джастера, невозмутимо направлявшегося среди этого людского моря бед и горестей туда, где я уже видела знакомые чёрно-жёлтые одежды «ос». Судя по тому, что люди просто обходили нас, не обращая внимания на Ашу Сирая, он опять использовал своё волшебство, становясь незаметным посреди толпы.

Надеюсь, Джастер не станет здесь задерживаться дольше необходимого...

Альмахаим о чём-то спорил с толстым человеком в богатой одежде. На голове толстяка красовалась целая башня, накрученная из дорогой ткани и украшенная драгоценным камнем, а толстые пальцы были унизаны перстнями. Мирам стоял, покорно опустив голову, а за ним, в окружении «ос», весь караван.

Многие подходили и интересовались у пленных торговцев, почему они в таком несчастном и измученном виде. «Осы» не мешали разговаривать, но и близко любопытных не подпускали. Бывший хозяин каравана со своими приятелями горько сетовали на

несчастную судьбу. Их слушали, сочувственно кивали, но когда речь заходила о выкупе, никто не спешил раскошелиться. Танцовщицы на мулах тоже вызывали интерес, и многие шли к толстяку узнать о цене, но тот лишь недовольно отмахивался, поглощённый спором с предводителем «ос».

Всё это я сумела разобрать, пока Джастер, остановив Огонька, молча наблюдал за происходящим. Я не понимала, чего он ждал, но тоже молчала, привычно изображая «бездушную».

— Так ты утверждаешь, о досточтимый Альмахаим, сын Садира, что хозяин этого каравана сам Ашу Сирай? Прогневавший Сурта и проклятый в каждом храме?

— Я уже трижды повторил это, о досточтимый Касим, — заметно теряя терпение, ответил предводитель «ос».

— И ты утверждаешь, что сам Ашу Сирай должен явиться сюда, чтобы распорядится судьбой этих несчастных?

— Мне нет дела до судьбы этих ничтожных! Тёмноокий отвернулся от них и предал их жизни в руки тому, чьё имя я уже четырежды назвал тебе за нашу беседу! — Альмахаим гордо вскинул голову, и я поняла, что он уже знает историю пленения и судьбу разбойников. — Воистину, пусть он делает с этими глупцами, что хочет!

Толстяк рассмеялся, его живот под дорогими тканями заходил ходуном.

— Довольно дурачить меня, почтенный Альмахаим! Всем известно, что Ашу Сирай исчез в пустыне много лет назад, и наверняка его кости давно обглоданы шакалами! Даже если он жив, как ты утверждаешь, то он ни за что не явится в Онферин, чтобы Тёмноокий не покарал его за его преступления!

Предводитель «ос» довольно приосанился и гордо усмехнулся.

— Ты настолько давно не покидал своего места, досточтимый Касим, что даже не слышал, что Ашу Сирай уже в Онферине? Многие видели, как он въезжал в ворота и направлялся к храму Тёмноокого!

— Это лживые слухи! — гневно свёл брови толстяк. — А даже если и так, то Тёмноокий покарает его, и ты не увидишь своей награды! Но, так и быть, я окажу тебе милость и куплю этих невольников и мулов с их поклажей по сходной цене, дабы покрыть твои расходы...

— Ашу Сирай дал слово, что в полдень, на этом месте, я получу свои деньги, и я буду его ждать!

— И ты дождался.

Низкий и холодный голос Джастера прозвучал для всех громом среди ясного неба. В одно мгновение взгляды людей обратились на чёрного всадника, и люди шарахнулись в разные стороны, толкаясь и падая. Даже «осы» вздрогнули, но не сбежали, по-прежнему охраняя караван от хлынувшей в разные стороны толпы.

Резко побледневший толстяк молча открывал и закрывал рот, глотая воздух как рыба. Только на лице Альмахаима появилось что-то вроде удовлетворения, хотя и он был поражён внезапным появлением Ашу Сирая не меньше, чем остальные.

— Держи.

В воздухе мелькнул небольшой плотно набитый кошель, и Альмахаим ловко поймал его. В следующий миг он вытряхнул монеты в ладонь, и его брови удивлённо взлетели вверх. Даже мне было ясно, что денег намного больше обещанного.

— Ты ошибся, почтенный Ашу Сирай! Я должен взять у тебя четыре талана, а здесь...

— Ещё по дирху каждому за смелость, и полталана тебе за честность и ум.

Предводитель «ос» довольно ухмыльнулся, пока его люди переглядывались, не веря тому, что слышали, ссыпал золото и серебро обратно в кошель и спрятал его за пояс.

— Я и мои люди рады были исполнить твою просьбу, Ашу Сирай, да благословит небо твою щедрость, — в уважительном жесте он сплёл пальцы перед собой и слегка склонил голову. — Ты всегда сможешь найти меня в Харезме, господин!

Джастер коротко кивнул в ответ.

— В таком случае, пока мы оба в Онферине, я попрошу тебя ещё об одной небольшой услуге. Всего лишь остаться здесь, пока я не закончу свои дела в этом месте. Это не задержит тебя надолго.

Альмахаим оглянулся на своих «ос», довольных и взбудораженных неожиданной наградой, и решительно кивнул.

— Я исполню твою просьбу, Ашу Сирай.

Слушая этот разговор, я невольно вспомнила, как равнодушно Джастер принимал плату в десять «роз» за работу «пса». Интересно, четверть талана это много или это обычная плата для «осы»? Ведь этот Шаль-как-его-там, пожалел по талану для каждого, а предложил по три дирха...

А Джастер не только сказал, что не торгуется, но ещё и щедрую награду дал...

До этого момента я не задумывалась о деньгах, но сейчас вспомнила, что тут свои монеты. Золотые таланы, какие-то дирхи...

Надо будет спросить потом, какие тут цены.

Тем временем Шут обратил внимание на толстяка и Мирама, который стоял во главе каравана, терпеливо ожидая указаний Ашу Сирая.

— Ты кто такой?

Под холодным взглядом маски толстяк перестал глотать воздух, а жадный взгляд, брошенный им на караван, и вовсе помог ему взять себя в руки. Толстые пальцы зашевелились, словно уже пересчитывали золото.

— Я Касим, сын Надима, и главный смотритель этого места, о досточтимый Ашу Сирай, — угодливо заулыбался он. — Верно ли я понял, что ты желаешь продать этих людей?

— Верно. За каждого, кто одет и обут, я желаю по одному талану. Но того, кто именует себя Шальмахази, я отдам за три дирха. Также любого из этих людей, за кого заплатят выкуп в две сотни таланов, я отпущу на свободу.

— По одному талану? — глаза толстяка стали круглыми, как монеты. — Но ведь это цена танцовщицы!

— За танцовщиц я желаю по три талана. Ты готов их выкупить, Касим? Нет? Тогда не занимай моё время. У меня ещё много дел.

Толстяк молча сипел, открывал и закрывал рот, глазки у него вращались, пальцы бегали, а люди вокруг перешёптывались и удивлённо качали головами. Альмахаим посмеивался в бороду, но при этом шурился и стрелял взглядом в сторону танцовщиц. Глядя на всё это я не могла понять, много или мало попросил Джастер, потому что жадность и нечестность Касима были налицо.

— Я хочу купить танцовщицу за три талана! — вдруг раздался крик из толпы. — И невольника за три дирха!

Джастер спокойно обернулся на голос.

— Хорошо, забирай. Мирам, возьми плату.

В один миг толпа вокруг пришла в движение. Люди загомонили, поняв, что Ашу Сирай не шутит. «Осы» гарцевали на конях, не давая желающим приблизиться к каравану, а их предводитель заметно посерьёзнул.

Через толпу же и в самом деле пробился мужчина в простой одежде. Кулак одной руки он крепко прижимал к груди, а второй расталкивал тех, кто мешал ему пройти.

— Вот! — он вывалился из толпы в нескольких шагах перед Огоньком, протягивая кулак с зажатым в нем кошелём перед собой. — Вот, деньги, господин! Могу ли я забрать?..

— Мирам.

Невольник послушно подошёл к покупателю, и тот высыпал в протянутую ладонь горсть серебра.

— Всё верно, господин. Три талана и три дирха, — Мирам закончил считать, собрал деньги в кошель и поклонился.

— Иди, бери.

Довольный, с улыбкой на всё лицо, покупатель кинулся к танцовщицам. Он уже протянул руки к ближайшей, чтобы снять парн, когда его пригвоздил к месту ледяной голос.

— Или забирай, или не трогай.

— Разве это по закону, Ашу Сирай? — недовольный покупатель оглянулся на толпу, взволнованную необычным торгом, в ожидании поддержки. — Я имею право выбрать...

— И ты выбрал, разве нет? — Джастер усмехнулся так, что вокруг ощутимо повеяло холодом. — Если ты передумал, то забирай свои деньги и уходи.

«Осы», которые до этого о чём-то переговаривались со своим предводителем, пришли в движение. Блеск оружия охранников отрезвил толпу, и недовольные голоса стихли. Хмурый покупатель взял танцовщицу за руку и, не ожидая ничего хорошего, посмотрел в сторону остальных невольников.

— Шальмахази! Иди. Теперь ты принадлежишь этому человеку.

Повинуясь приказу, бывший хозяин каравана выступил из толпы своих приятелей. Покупатель заметно скривился, но спорить не стал и скрылся в толпе вместе с танцовщицей и новым невольником. Толстяк Касим что-то торопливо считал, но я уже поняла, что цена назначена ниже обычной.

Три талана за танцовщицу и талан за взрослого мужчину...

Теперь понятно, почему этот Касим такой жадный. За людей здесь платили золотом.

— Ещё есть желающие? — невозмутимо поинтересовался Джастер.

— Да, Ашу Сирай! — Альмахаим остановился перед ним. — Я готов выкупить танцовщиц и невольников за эту цену, если твоё время и твои дела позволят тебе обождать до утра, чтобы я смог собрать нужную сумму.

— Зачем почтенному Ашу Сираю ждать тебя до утра? — неожиданно вмешался Касим, о котором я успела подзабыть. — Ведь я прямо сейчас готов купить этих невольников за... скажем, десять дирхов, а танцовщиц за два талана с четвертью!

— Я не торгуюсь, Касим, — белая маска едва изогнула бровь. — А те, кто пытается меня обмануть, очень плохо заканчивают.

Толстяк сердито нахмурился, но упускать выгоды не захотел.

— Разве я обманываю тебя, почтенный Ашу Сирай? Я всего лишь сказал, что готов избавить тебя от такой обузы прямо сейчас, хоть и за чуть меньшую цену. Но разве эта малая уступка не стоит твоего драгоценного времени, о мудрейший Ашу Сирай, чья щедрость сравнима с небом?

— Моё время стоит столько, что тебе и не снилось, Касим. Но я вижу, что тебе очень нужны эти люди. Поэтому ты можешь выкупить их прямо сейчас по талану с четвертью за каждого невольника и по четыре талана за каждую танцовщицу. Или ты, как честный и благородный человек, из глубокого уважения ко мне и моему времени желаешь купить этих людей за хорошую цену? Так и быть, я принимаю твоё уважение и уступаю твоей просьбе. Ты можешь забрать каждого мужчину за три талана, а каждую танцовщицу за десять. Это хорошая цена, ведь ты, узнав их достоинства и красоту, сможешь продать их с выгодой для себя.

Я только вздохнула, понимая, насколько Джастер хочет поскорее развязаться с этим делом. Если бы не репутация Ашу Сирая, он бы давно отпустил этих несчастных. Но даже так он хотел дать этим людям возможность выкупить себя у новых хозяев по самой низкой цене, а не наживаться на их страданиях. Даже этого Шиль-как-его он продал всего за три дирха...

Смуглое лицо Касима пошло пятнами, и мне показалось, что ещё немного и его хватит удар. Толпа вокруг потрясённо молчала, понимая, что с Ашу Сираем шутки плохи. Альмахаим хмуро и недовольно смотрел в сторону, распрощавшись со своей надеждой стать торговцем.

— Или ты отказываешься от этой цены, о почтенный Касим?

— Я... я... — толстяк захрипел, махнул рукой и, развернувшись, поспешил прочь.

Джастер перевёл взгляд на предводителя «ос».

— Жду тебя завтра утром, Альмахаим, если ты не передумал.

Тот удивлённо вскинул брови, но почти сразу сплёл перед собой пальцы в уважительном жесте и коротко кивнул.

— Я приду, господин.

Повинуясь команде своего предводителя, «осы» развернули коней и, весёлым гиканием разгоняя толпу, поскакали прочь с рынка.

Джастер приказал Мирану вместе с остальными следовать за ним, и вскоре, к моей тихой радости, мы покинули невольничий рынок.

Ждать утра Ашу Сирай решил на постоялом дворе, который здесь назывался «караванным домом», но выглядел по моим меркам как настоящий дворец.

Теперь я понимала, как когда-то мог выглядеть дом Ашу Сирая в Локашане. Только не знала — в каждом ли доме так богато и красиво внутри, или Джастер даже в заброшенном городе выбрал для себя «караванный», а не настоящий дом...

Хозяин и многочисленные слуги всё время кланялись, о невольниках и танцовщицах тоже позаботились, выделив мужчинам большую комнату, а девушек отвели на женскую половину дома. Угодливый хозяин хотел и меня туда спровадить, но одного грозного взгляда хватило, чтобы больше никто не покушался на «безликую» игрушку Ашу Сирая.

Даже на время обеда, повинуясь прихоти грозного гостя, для меня нашли ширму, за которую принесли и поставили отдельный столик с блюдами. Хотя еду пришлось брать руками, украдкой поглядывая на Джастера, я поняла, что чаша с водой и лепестками цветов в ней предназначалась для мытья пальцев.

Глядя на Джастера, возлежавшего на почётном месте, на то, как перед ним появлялись разнообразные блюда и кувшины с винами, на слуг и невольников, которые не смели поднять на него глаза, на угодливо улыбающегося хозяина, я вдруг вспомнила когда-то

сказанное в обиде «А ты у нас кем будешь? Сыном герцога?» и его снисходительное «я везде за своего сойду»...

Какой же я была глупой тогда... Удивлялась, почему он в богатом доме служить не хочет, а он, оказывается, в Сурае как король жить может...

Только эти почести ему совсем не нужны.

После сытного обеда остаток дня я провела в роскошных комнатах, устланных подушками и коврами. Джастер вместе с Мираном ушёл заниматься продажей тканей и мулов, оставив меня отдыхать в одиночестве.

Признаться, я была этому только рада. Хотя парн защищал от палящего солнца, под белым покрывалом было душно, а от сытной еды меня разморило окончательно. Кроме всего, от обруча болела голова, да и без того было о чём подумать. Размышлять же обо всём, что успела увидеть и услышать, я решила на мягком и просторном ложе, но очень быстро уснула.

Разбудил меня хмурый Шут, потрогав за плечо и позвав ужинать. В ответ на мой вопрос как дела с тканями, он буркнул, что всё в порядке. Караванные хлопоты не явно не доставляли ему удовольствия, и решила оставить его в покое.

Ужинали мы вдвоём, потому что Джастер явно был не в духе, чтобы продолжать играть роль Ашу Сирая, а я не хотела портить ему настроение вопросами ещё больше.

Заговорить я осмелилась только после ужина, когда уставший Шут вытянулся на ложе и смотрел, как за окном в небе загораются первые звёзды. Мне очень хотелось лечь рядом, обнять его и не только обнять, но я чувствовала, что сейчас у него не то настроение.

Ашу Сирай ещё не закончил свои загадочные дела, чтобы снова предаваться радостям жизни простых людей.

— Джастер...

— М? — он покосился на меня.

— Вы с этим Ёзефом в самом деле в ссоре?

— В ссоре? Нет. Мы всего лишь давно знакомы.

— Значит, та легенда о проклятии некроманта, которую ты рассказывал, это правда? — я обрадовалась не только возможности разузнать немного больше, но и тому, что Джастер не отказался отвечать на мои вопросы.

— Конечно. Только это было очень давно.

— Насколько давно? — я осмелилась сесть на край ложа.

— Несколько столетий, если я не ошибаюсь. Точно после Великой Войны.

— Ты шутишь?! Люди не могут столько жить!

— Да, не могут. Ёзеф жив только потому, что такова воля Сурта.

Я не успела открыть рот, как Шут покосился на меня и вздохнул.

— Ладно, ведьма, уболтала. Расскажу, раз уж начал. Всё равно же не отстанешь... Ёзеф тогда в одиночку исполнил ритуал, который под силу только кругу из десяти Взывающих. Смог он это сделать только потому, что прошёл второе посвящение, стал Говорящим с Суртом, и тот дал ему свою силу. Помнишь, я рассказывал, что нить каждого человека прядёт Этелле и отрезает её по воле мужа? Так вот, нить Ёзефа давно спрядена, но она не отрезана. Она больше не вплетена в узор жизни, а лежит поверх него. Когда такое происходит, человек должен или стать личем, чтобы нить изменилась и продолжилась, или умереть, и тогда его нить начнётся заново.

— Но ведь Ёзеф человек, разве нет?

— Да, человек.

— Тогда почему...

— Личем Взывающий может стать только по собственному выбору. Принудительно ритуал провести тоже можно, только нужного результата не будет. А Ёзеф становится личем не хочет. Но и умереть он не может, потому что... Помнишь, я говорил, что после Великой войны Завеса отделила мир людей от мира богов и мира демонов? Это не всё. Она ещё и отделила миры, где до этого пребывали души между воплощениями. Кто-то попадал в Лунные Сады Датри, кто-то в подземные чертоги Шанака, кто-то попадал в услужение к демонам, исполняя заключённый договор... В общем, у каждого бога или демона было своё место, где он собирал и держал преданные или пойманные души после смерти. Чем больше душ — тем сильнее тот, кому они служат. Боги о своих преданных заботились, демоны — не очень, как понимаешь. У Сурта таким местом является Эльжахаим, Чёрный дворец, куда попадают все его преданные. Там он определяет им награду или наказание за служение, там же мастера смерти могут отказаться от земной жизни и продолжить своё обучение в личной свите Сурта, и оттуда души возвращаются обратно в мир, когда приходит их срок.

— Тогда почему он не хочет забрать Ёзефа к себе в этот дворец?

Джастер грустно усмехнулся.

— Вот тут начинается самое печальное для богов и демонов, ведьма. Завеса закрыла эти места. И пока она не снята, души не могут ни попасть туда, ни выйти оттуда. Это выяснилось не сразу, только спустя много лет, когда Завеса окончательно укрепилась и стала непроницаема. Сурт просто боится потерять Ёзефа на земле, поэтому он тратит свою силу на поддержание его тела и жизни. Благодаря второму посвящению это стало возможным. Говорящий с богом или богиней — это особенный человек. Во-первых, он должен быть посвящён в силу и служение своему богу. А во-вторых, в моменты призыва он добровольно становится сосудом для своего божества, отдавая свою свободную волю и своё тело в его руки.

Даже до Великой войны такие люди встречались не часто. Поэтому Сурт всегда откликается на призыв Ёзефа, а Ёзеф очень хорошо знает волю своего бога. Скажем так, им обоим повезло, что Завеса тогда ещё была проницаема. Иначе второго посвящения не получилось бы.

— Почему тогда он хромает? Разве Сурт не может исцелить его?

— Когда он был в плену, ему перерезали сухожилия, как и нашему старому знакомцу, Эрдорику. Ёзеф исцелил себя сам, задолго до того, как стал Говорящим. Из-за Завесы Сурт не может убрать старые раны, но может поддерживать то тело, которое есть. Думаю, в старые времена Ёзеф бы уже состоял в его свите. Он давно это заслужил.

«Вы всегда были благоразумны и дальновидны»... «Приятно было иметь с вами дело»...

И ведь он не шутил. К Ёзефу Джастер в самом деле обращался с искренним уважением чего не скажешь об остальных мастерах и даже том страшном скелете...

— А этот... Ашер... он выживет?

Шут поджал губы и снова уставился в окно.

— Куда он денется, — проворчал он сердито. — Черепушка хренова... Я ж его последний софинатур не сжёг. Отлежится за сезон, а если Сурт поможет, то через луну снова костями греметь будет.

— Софи... что?

— Сосуд души. Душа у него там хранится. Три обманки были, а последний —

настоящий.

Ничего себе... Да эти мастера смерти — жуткие люди... Не только чужую душу могут себе забрать, но и свою в какие-то софи... сосуды спрятать...

— А кто он?

Я осмелилась подобраться поближе к Джастеру, но без намёков. А то вдруг рассердится, и не просто прогонит, а и не расскажет ничего больше.

— Тоже Говорящий?

— Нет, он просто лич, — Шуг откинулся на подушки, закинув руки за голову. Его взгляд теперь бродил по расписанному узорами потолку. — Древний, как собака, и такой же дурной. Совсем мозги засохли, раз на такое решился.

— Лич?

Я вздрогнула, вспоминая легенды из книги Аурзуса. Этим словом называли тёмных магов, которые сумели воскреснуть после смерти, становясь не людьми, а нежитью. Самое страшное, что они при этом не только сохраняли свой ум и волшебную силу, но и обретали вечную жизнь. Убить таких было очень сложно, и они считались очень опасными противниками.

И такое чудище Джастер легко и просто едва не превратил в горстку угольков на моих глазах...

Я покосилась на Шуга. Он лежал, прикрыв глаза, и могло показаться, что он задремал. Но я не была в этом уверена.

— Что опять не так, ведьма? — хмуро подтвердил он мои подозрения.

Я вздохнула.

Всё не так. Совсем всё.

Обвинения Сурта, какая-то клятва Джастера, слезка...

— Только не говори, что ты и эту рухлядь пожалела. — Шуг приоткрыл глаза и внимательно смотрел на меня из-под полуопущенных ресниц.

— Он бы не колебался тебя в жертву принести. Быть убитой личем на алтаре Сурта — не самая приятная смерть, уж поверь на слово.

От возникшей в голове картинки меня передёрнуло, и я замотала головой. Нет-нет-нет. Не буду я никого жалеть! Пусть он сам с этими Взывающими Сурта разбирается!

— Просто ты так легко с ним...

Джастер вздохнул и прикрыл лицо согнутой рукой.

— Не надо тебе об этом думать, Янига. Просто не надо. Выкинь из головы всякую дрянь.

— И о чём я должна думать, по-твоему?

Он внезапно ухмыльнулся и многозначительно посмотрел на меня из-под руки.

— Например, о том, что завтра мы идём на базар. Ты же хотела новый наряд?

Завтра мы идём на базар за новым нарядом? Великие боги, как интересно! Так, стоп. За каким нарядом?

— Ты хочешь, чтобы я вот в этом бесстыдстве на людях...

Джастер посмотрел на меня и неожиданно рассмеялся так весело, что обида растаяла быстрее, чем я успела о ней подумать.

— А ты против, ведьма? Это любому мужчине понравится, поверь на слово. Мне вот очень даже... Иди сюда и сама увидишь.

Он протянул руку, ухватил меня за запястье, и в один миг я оказалась в его объятьях.

— Вот видишь, ведьма?

Шут навис надо мной, нежно лаская пальцами не только лицо, но и тело. В серых глазах горели весёлые и лукавые искорки. Я кивнула, обнимая его в ответ, сразу и радуясь, что его настроение так переменилось, и смущаясь от темы разговора. Нравится ему... И приятно как, и... неловко мне такое носить. Даже когда только он и видит.

— Джастер... Подожди, ты не ответил...

— Вот же намолчавшаяся женщина... — он со вздохом откинулся обратно на подушки. — Теперь же не успокоишься...

— Это не смешно! И не смотри на меня так! Тут столько всего странного и непонятного, ты ничего не объясняешь, а я тебя даже спросить не могу!

— Ладно, ладно, не кипятись, Янига. Я же говорил, здесь торгуют люди из разных стран. Вот и поищем для тебя что-нибудь подходящее. Теперь ты довольна?

Торговцы из разных стран... То есть, у меня будут платья, каких в Эрикии никто даже не видел... Скорей бы завтра!

— А четверть талана это много или мало?

— О, боги... Это-то тебе зачем, ведьма? Я же платить буду.

— Просто хочу понять. Этот караванщик пожалел за охрану по талану на человека, а ты заплатил по четверти талана и ещё им сверху добавил...

Джастер с видом страдальца закатил глаза, но я знала, что он не сердится. Обнимать меня он не перестал.

— Один талан на четверть дороже «розы». Так что это не дёшево, как понимаешь. Хотя с учётом пути и опасностей — цена вполне приемлемая. Глядишь, не пожадничай Шальмахази, мы бы с ним и не встретились. Альмахаим умён, он попросил обычную цену. Хотя без выгоды он тоже не остался, так как охранял караван всего одну ночь, а не весь путь.

— А три дирха это сколько?

— Это на дирх меньше обычного.

Вот значит как... Понятно, почему предводитель тех «ос» обиделся на этого Шальмаха...

— Дирх — это много?

— Один дирх стоит полтора «лепестка». В каждом дирхе дюжина хади, один хади стоит пять «шипов». Ещё есть вопросы, Янига?

Я только покачала головой, пытаясь осмыслить услышанное. Мало того, что тут свои деньги, так они ещё и по стоимости с привычным не совпадают. Один дирх — полтора «лепестка», выходит, четыре дирха это... шесть «лепестков»? Ого, больше половины «бутона»! И это обычная цена для простой «осы»? Так, а один талан, значит, на четверть дороже «розы»? А Джастер им ещё сверху столько денег дал...

Хотя он, как «пёс», всё равно намного дороже берёт. Две «розы» в день...

Великие боги, о чём я думаю?! Он же Ашу Сирай, он может хоть пять таланов в день просить, хоть десять, кто бы ему отказал!..

— Тут всё такое дорогое?

Джастер покосился на меня и хмыкнул.

— Тебе какая разница, ведьма? Это моя забота.

— Я думаю: как тут люди торгуют? Это же пока считаешь, сколько раз ошибиться можно?

— Для этого на каждом рынке есть менялы, — Джастер улыбнулся. — Они поменяют

любые деньги на местные, только следить за ними надо, чтобы не обманули.

Менялы? Люди, которые меняют любые деньги на местные? Великие боги, я о таком даже помыслить не могла...

— Погоди, что значит любые деньги?

— То и значит. Людей из других стран много, у каждого свои деньги.

Я не успела задать новый вопрос, как за дверью послышались шаги. Я тут же кинулась прятаться под парн, а Джастер помрачнел, сел, протянул руку за маской и плащом, а затем вышел из спальни.

— Входи.

— Господин, — услышала я голос Мирама. — Прибыл господин...

— Зови, — не дослушал Джастер, словно знал, кого там принесло так поздно. — И принеси кубки для вина. Три кубка.

Дверь с лёгким стуком закрылась. Занавесь распахнулась, и Шут, не глядя на меня, вошёл в спальню, взял свою торбу и, к моему изумлению, достал оттуда бутылку из тёмного стекла. Одну из тех, что он забрал на Гнилушке.

Но спросить я ничего не успела: он снова вышел, забрав торбу и бутылку с собой и оставив занавеску едва приоткрытой.

Конечно, я тут же воспользовалась этим разрешением и прильнула к щёлке.

Дверь открылась, и в комнату вошёл высокий широкоплечий мужчина в роскошной одежде из лиловой парчи, щедро украшенной серебряной вышивкой. Его ухоженное, волевое лицо показалось мне смутно знакомым.

Следом за ним проскользнул Мирабу, поставив между хозяином и гостем невысокий столик с тремя серебряными кубками. Кроме них на столике возвышались блюда со сладостями и кувшин с водой.

— Пусть никто не беспокоит нас, — холодно выдал Джастер, распечатывая бутылку, пока гость устаивался на подушках.

Невольник с молчаливым поклоном исчез, тихо затворив за собой дверь.

— Благодарю за гостеприимство, Ашу Сирай, — гость с удовлетворением наблюдал, как Шут разливает густое, почти чёрное вино по кубкам.

— Только не говори, что пришёл сюда просто так, — Джастер поставил один полный кубок перед гостем и протянул второй кубок в мою сторону.

Выходит, я могу выйти и снять парн? Но кто этот человек, что Шут так спокойно ему доверяет мою тайну? Сгорая от любопытства, я вышла и, сев слева от Джастера, взяла предложенное угощение.

— Или ты успел по мне соскучиться? — он снял маску, окончательно повергая меня в недоумение.

— Ты редкий гость в моих краях. Разве я мог не зайти и не поблагодарить тебя за твой щедрый дар? — гость пригубил вино и сощурился от удовольствия. — Имбиргирское?! Где ж ты его нашёл?

— Где нашёл, там уж нет, — как обычно, отговорился Джастер, вытряхивая последние капли из бутылки в свой кубок. — Так что ты хотел?

Гость посмотрел на меня и довольно улыбнулся. Тёмные глаза сверкнули вишнёвыми искрами.

— Не бойся, дочь Датри. Отведай это вино и сладости. Поверь, лучших ты не найдёшь нигде во всей Сурае.

Неужели это... Да быть такого не может!

— Ты удивлена? — чёрные, с вишнёвыми искрами, глаза обратились на мрачного Шута. — Неужели ты держишь её в таком неведении, Ашу Сирай?

— Всё, что нужно, она знает, — хмуро буркнул Шут. Кубок с вином он держал в руке, но пить не спешил. — Зачем ты пришёл?

— Поговорить, разумеется. По-человечески, — широко ухмыльнулся Сурт во плоти.

— Говори. — Джастер откинулся на подушки и отпил из кубка.

Глядя на Шута и необычного гостя, я осмелела и, сняв с головы обруч парна, тоже пригубила чёрную тягучую жидкость. Сладкое и густое протекло по горлу вниз, восхитительно, до возбуждения, щекоча гортань и разливаясь горячим, терпким жаром по всему телу. Я словно вдруг окунулась в горячий полдень, полный запахами благоухающих медовых трав, когда в приятной тени на берегу реки так хочется предаться неспешным любовным ласкам, как было на берегу Волокушки...

Неожиданные воспоминания заставили меня покраснеть не только от вина.

Джастер... Как же я хочу тебя...

Громкий стук заставил меня вздрогнуть и открыть глаза. Два пустых кубка стояли на столике. Две пары глаз — тёмные, с огненной искрой, и серые, как сталь, горячо и неотрывно смотрели на меня. Парн ничуть не спасал от этих откровенно бесстыдных, раздевающих взглядов.

И почему-то мне казалось, что и мои мысли не были для них обоих тайной.

Смутившись, я поспешно встала и вышла из комнаты в спальню, чувствуя, как оба недвусмысленно смотрят мне в спину.

Скрывшись за плотной занавеской, я села на ложе, поставила почти полный кубок на пол и обхватила лицо руками. Щёки полыхали, а любовное желание от одних воспоминаний об откровенных взглядах только сильнее распалось.

Можно подумать, я не глоток вина сделала, а своё любовное зелье выпила.

Ох, Янига, успокойся! Ты — ведьма, в конце концов! И у Джастера такой гость, каких ты отродясь не видала! А ты тут любовные страдания устраиваешь!

Но не возвращаться же теперь обратно... Ушла — так ушла.

Пока я металась в своих сомнениях, разговор возобновился.

— Так о чём ты хочешь поговорить? — в голосе Джастера скользнула знакомая волнующая хрипотца.

— Неужели ты сно...

— Или говори по делу, или убирайся, — угроза в ледяном голосе была нешуточной.

— Я пришёл поговорить о том, что ты сделал с моим преданным, Ашу Сирай.

— Ашер это заслужил. И ты это знаешь, — холодно отрезал Шут. — Пусть благодарит твоего Ёзефа за своё спасение.

— Кхм, — смущённо прокашлялся гость. — Допустим, ты прав, Ашер несколько... кхм... увлёкся служением мне и потому несколько... кхм... перешёл свои границы. Но то, как ты обошёлся с Сафа...

— А как я с ним обошёлся? — голос Джастера стал насмешливым. — Был твой преданный, стал мой. Шакалу — шакалья работа.

— Ты его обманул!

На столик с грохотом опустился кубок.

— Разве? — Джастер ничуть не испугался гнева тёмного бога во плоти. — Условие о

проклятии соблюдено, он может снять его сам, если захочет.

— Сафар принёс мне в жертву почти две тысячи душ! А ты сказал, что я отвернулся от него!

— А разве нет? Ты же не помог ему сбежать.

— Человек не сможет сбежать от наймаров! А я из-за Завесы могу появиться только в этом храме! Кому, как не тебе, об этом знать?! Ты самовольно перерезал его нить! Ты...

— Хватит!

Грохот удара был такой, что я подпрыгнула на ложе и едва не расплескала кубок с вином. Занавеску сорвало мощным порывом ветра. Пламя светильников затрепетало и погасло, оставляя меня в темноте и полном ошеломлении от услышанного.

Зато в гостиной бушевала гроза.

Джастер, грозный, яростный, стоял, смяв серебряный кубок, как листок пергамента. Вокруг него плясали языки тёмного пламени, и весь его вид говорил о том, что он готов к битве. Напротив него, так же грозно и непоколебимо стоял сам Тёмноокий в человеческом обличье. Тёмные глаза метали искры, кулаки были сжаты, гриву длинных чёрных волос и багровые одежды раздувало порывами ветра.

— Мне плевать, сколько душ он принёс тебе в жертву! — прорычал Джастер. — Мне плевать, что он был твоим преданным! Этот мерзавец явился в мой город и устроил там своё логово! Он прикрывался моим именем, чтобы делать свои грязные дела! Да и демоны бы с этим, но он посмел взять то, что принадлежит мне! Ты думал, что я это ему с рук спущу?! Да пусть благодарит всех богов, что его мерзкая душа вообще уцелела!

Тёмный бог закрипел зубами, явно собираясь что-то сказать, но перед его лицом предупреждающе появился кулак со смятым кубком, призывая к молчанию, потому что Джастер ещё не закончил. Тёмное пламя гнева полыхало вокруг него.

Он, в самом деле, был способен дерзить даже богам.

— Мы заключили договор, Сурт! Ты не мешаешь мне, а я не мешаю тебе! Всё, что мне было нужно — никаких людей возле Тропы Магов! Я столько времени и сил угрохал, чтобы люди держались от Локашана как можно дальше! От тебя требовалось только поддерживать этот страх! Но что я увидел, когда пришёл туда?! Банду грабителей с караваном из наложниц и невольников, которые вели себя в моём городе как хозяева! Так ты соблюдаешь наш договор, о Владыка Нитей Жизни?! Не смог внушить своему преданному даже толику страха чтобы он не совал свою поганую морду, куда его не просят?! А теперь обижаешься, что мне пришлось напомнить, кто в Локашане хозяин, и поставить всех на место?! Или надо было устроить там некрополь, как твой любимый Ёзеф тогда в Онферине?!

— Ты забываешься, Ашу Сирай!

На потемневшего от гнева Сурта было страшно смотреть. Сам воздух вокруг него загустел и стал тёмным, словно гость поглощал свет.

— Я?! Забываюсь?! Да неужели?!

— Ёзеф сделал это с моего благословения и по моей воле! Он предан мне всей душой! Не смей сравнивать себя с ним! Я благодарен за твой щедрый дар, и только потому стерпел твою наглость в моём храме, но сейчас не смей дерзить мне, Айя Ка! Ты всегда идёшь на поводу собственной прихоти, не думая о последствиях! Или ты уже забыл, к чему это привело?!

— А ты забыл, за что меня так называли, о Тёмноокий Сурт?! Хочешь, напомню?!

Великие боги... А я-то, глупая, после того, что было в храме, уже решила, что слухи про

гнев Тёмноокого на Ашу Сирая — просто слухи...

Да ещё чуть-чуть — и они сцепятся между собой, как звери! Они же убить друг друга готовы!

Шанак, Датри, помогите! Остановите их! Остановите Джастера!

Матушка, пожалуйста, помоги!

В следующий миг на меня вдруг снизошло и затопило с головой чувство огромной и могучей силы. Подчиняясь её божественной воле, я встала и вышла из темноты спальни в проём, перешагнув сорванную занавеску.

И вместе со мной, впереди меня в комнату словно хлынуло само море.

— Довольно, Сурт! Остановись, Ашу Сирай! Ты ещё не исполнил свою клятву!

Эти слова, сказанные не мной, а самой Датри, оказались подобны ледяной волне, внезапно накрывшей обоих спорщиков.

Джастер вздрогнул, изумлённо оглянулся на меня, встряхнул головой и посмотрел на смятый кубок в руке. Чёрное пламя опало и исчезло, словно ничего не было. Он устало отвернулся и опустил голову, как уже было однажды, после Пеггивилия...

Тёмноокий же смотрел на меня и сквозь меня с таким неопишваемым изумлением, что в своём обычном состоянии я бы от страха не знала, куда спрятаться от его внимания.

Но сейчас сама Датри, Мать Мира, решившая откликнуться на мой зов, непреклонно смотрела моими глазами, была мной, её сила наполняла меня, и тёмный бог, хмурясь и стиснув челюсти, молча кивнул и отвёл взгляд.

Едва стало ясно, что продолжения ссоры не будет, сила Датри схлынула, оставляя ошеломлённую и испуганную меня вместе с двумя хмурыми и недовольными мужчинами.

От внезапной слабости ноги дрогнули, и я оперлась на косяк, чтобы не упасть. Но не успела произнести даже слова, как Шут встал и за пару шагов оказался рядом.

Спокойный и уставший, но сейчас меня это только обрадовало. Благодарю, Матушка, что услышала мою молитву...

— Иди, присядь, Янига, — Джастер аккуратно подхватил меня под локоть и повёл в спальню. — А ещё лучше — приляг. Вот, выпей вина, оно поможет уснуть.

Он усадил меня на ложе, дал в руки кубок и направился обратно. Поднял сорванную занавеску, зацепил краем за гвоздь и махнул рукой, оставляя висеть как есть.

Я растеряно пригубила вино. Сладкое, терпкое и тягучее, оно снова мягко прокатилось по горлу и отозвалось теплом внутри. Вкусно... Такое бы вино с ним вдвоём пить, а не вот так...

Как же хорошо, что Датри услышала меня и вмешалась, пусть даже таким удивительным образом... Что же за клятву он дал, что одно упоминание о ней почти мгновенно остужает его гнев? Ведь он даже Ашера пощадил, стоило Ёзефу упомянуть эту клятву.

Кому он её дал, я уже догадалась.

Но почему именно ей, а не Шанаку?

Что означают эти его прозвища? Что такого он совершил, что даже боги пеняют ему на этот проступок?

Ох, сколько же я всего не знаю про него...

Тем временем, Джастер вернулся за столик и устало сел, не обращая внимания на хмурого тёмного бога, всё ещё стоявшего на ногах.

— Прости, ты прав. Я, в самом деле, немного... заигрался. Я всё чаще забываю, кто я... Забываю то, что не должен забывать... — Шут тихо хмыкнул. — Ты пришёл сюда, как

человек, и мы с тобой говорим по-человечески... Это так забавно, не находишь? Знаешь, как люди говорят? С кем поведёшься, от того и навхватаешься. А людям свойственно забываться и дерзить тем, кто выше их. Ладно, не сердись, я пошутил. Лучше скажи мне, о мудрейший Сурт, повелитель жизни и смерти людей, как там твои друзья и недруги за Завесой? Видят ли, что здесь происходит? Скучают ли по этому миру? Думают ли и надеются, что люди их ждут с распростёртыми объятиями? Или силы многих из вас заметно ослабли, потому что эти самые люди давно забыли не только ваши имена, но и о самом вашем существовании? Ведь даже несмотря на число преданных и мою кровь, ты сейчас далеко не так силён, как прежде.

Тёмноокий хмуро и мрачно смотрел в пол. Кулаки то сжимались, то разжимались, но Сурт молчал, стиснув зубы и отведя взгляд в сторону.

— Я делаю, что могу, Сын Ночи. Тысяча лет — малый срок для богов, но огромный для людей. Тебе ли этого не знать.

Джастер покрутил смятый кубок в руках, вздохнул, протянул руку и достал из своей торбы знакомую мне деревянную чашку. Следом появилась новая бутылка, в этот раз полная прозрачной жидкости. Джастер зубами выдернул пробку, и мне в ноздри ударил резкий и знакомый запах.

«Огненная вода»?

Выходит, он успел себе отлить из той бутылки? И... И он, в самом деле, хочет напиться?

Шут плеснул «огненной воды» в чашку и посмотрел на гостя, едва прикрыв бутылку пробкой.

— Я помогал Ёзефу сохранить в людях веру в тебя. Благодаря мне ты единственный из всех богов, кому до сих пор поклоняются люди. Благодаря мне ты сейчас стоишь во плоти в мире людей. Благодаря мне люди сегодня искренне молились тебе, как не молились уже много веков. Но ты решил упрекнуть меня в том, что я, будучи в своём праве, поставил на место какого-то разбойника? Ты получил сегодня тысячи преданных душ и ставишь мне в вину никому не нужный кусок дерева, которым заплатил за это? Это твоя благодарность, о справедливейший и мудрейший Владыка жизни и смерти?

Тёмноокий вздрогнул, глядя как Джастер молча предлагает ему выпить, и протянул пустой кубок. Резкий запах из открытой бутылки снова ударил в нос и также быстро исчез.

Вино в моём кубке пахло куда приятнее... Да и на вкус намного лучше.

— Я тоже... слегка перестарался, как ты говоришь, — гость с трудом выталкивал из себя каждое слово и не смотрел на Джастера. — Теперь я понимаю, зачем тебе...

Шут со стуком поставил опустевшую бутылку на пол, обрывая гостя.

— Ты пришёл говорить не об этом, мудрейший Сурт. Я знаю, что интересуется тебя и остальных. Так давай поговорим на твоём языке.

Сурт молча, в один присест, осушил кубок и поставил его на столик.

А затем опустился на подушки и заговорил.

Я не понимала ничего из сказанного Тёмным богом и Шутом. Эта речь была безмолвна и в то же время она была наполнена туманными образами и звуками ночи. Я не могла описать это иначе, чем шум ветра, звоны оружия, шелест песка, плеск волн, крики младенцев и проклятия стариков... В густом голосе отголосками грома звучала страшная битва, пеплом шелестела горечь поражения, змеилась давняя боль и хрупкой бабочкой трепетала надежда...

В ответе Джастера мне чудились удивительные существа и народы, совсем не похожие

на людей. Я видела неопишуемой красоты леса и горы, озёра и моря, реки и равнины. Всё это сгорало в огне, проваливалось под землю, смывалось ливнями и бурными потоками, становилось чёрным и безжизненным. Люди и другие народы воевали, безжалостно уничтожая друг друга. Вместо прекрасных городов и деревень оставались лишь пепелище и разруха... Волшебные существа и другие народы исчезли. Их место заняли люди, с кожей белой, как снег, яркой, как медь или бронза, и тёмной, как уголь; в разных одеждах и почти без одежд. Они строили, разрушали, воевали, собирали урожай, рождались и умирали...

Я видела бесконечные просторы, поросшие высокой травой, и бескрайние песчаные холмы, которые текли под ветром, словно волны. Видела море и корабли, снежные горы и плодородные долины. Леса, полные удивительных растений, ярких цветов и незнакомых животных, проплывали перед моими глазами. Я видела огромные каменные города, чья красота поражала воображение, и видела шатры из звериных шкур. Видела величественные храмы и скромные алтари, великолепные статуи и грубых деревянных божков, чьи лица были едва намечены ударами топора. Видела пожары, разруху, смерть, разрушение. Видела колесницы, запряжённые прекрасными лошадьми, огромные залы, полные книг и свитков, корабли под разноцветными парусами. И везде были люди. Сотни, тысячи людей из разных неведомых стран проплывали перед моим внутренним взором, и я не понимала, то ли сплю, то ли грежу наяву, окончательно опьянев от вина и впечатлённая когда-то услышанными сказками и историями Шута. Но меня увлекали эти видения, и я смотрела, как они проплывают мимо меня, словно листья в реке, смотрела, не думая ни о чём, чувствуя себя крохотной былинкой, которую невидимый ветер несёт сквозь года и столетия...

В какой-то момент мне привиделось, что двое высоких мужчин, в багровом и золотом, подошли ко мне. Я не видела их лиц, только цвета одежд и мощь двух сил, таких разных и в то же время в чём-то очень похожих...

— Ты уверен? — с сомнением в густом голосе спросил один у другого. — Ты же...

— Это — Игра, — негромко и устало ответил второй. — То, что началось очень давно, теперь, наконец, близится к своему завершению. Скоро, очень скоро, всё встанет на свои места. Я уверен.

Игра? Очень скоро всё закончится? Великие боги, о чём это они?

— Моё благословение с тобой, Говорящая с Матерью, — после короткого молчания произнёс один, поднеся ладонь к моей голове и едва касаясь волос. — Твоя нить будет крепка и длинна, насколько это дано людям. Она будет сиять в полотне жизни узором чистого золота, и память о ней не потускнеет в веках. Да будет так.

— И так будет, — сказал второй, опуская на мои плечи чёрный шелковистый плащ, словно сотканный из тьмы и сияния. — Благодарю, Сын Ночи. Спи, Янига. Не нужно тебе это помнить.

Тёплое и лёгкое дыхание едва уловимо коснулось моего лба, и звёздное небо окутало меня. Звёзды были везде: они окружали меня, но я не падала, а бездумно парила в этом бесконечном небе, любясь таинственным звёздным мерцанием, пока невидимые ладони не подхватили меня и не убаюкали, растворяя в темноте все видения.

40. Бахира

Утро выдалось тёплым и солнечным. Я потянулась, поворачиваясь с боку на бок, и уткнулась лицом в чёрную ткань.

Джастер спал рядом, в одежде, белая маска лежала на краю ложа. Я же была укрыта его плащом и тоже одета.

Значит... значит вчера ничего не было? Но почему? У него же было хорошее настроение...

— Что тебе не спится, ведьма? — негромко пробормотал Джастер, не открывая глаз. — Солнце едва встало...

— Почему ты в одежде? — спросила я, подбираясь к нему под бок и устраиваясь на плече.

Горячий. Сильный. Такой... родной. Великие боги, как мне этого не хватало...

— Пить надо меньше, — буркнул он, обнимая меня и по-прежнему не открывая глаз.

Пить? А мы вчера пили? Не помню... Или... помню? Кажется, это было очень вкусное вино...

— Джастер...

— Янига, дай поспать. У меня голова просто раскаляется...

Он закрыл лицо согнутой рукой и я не стала его тревожить дальше. В конце концов, вчера был длинный и сложный день. Это я отсыпалась полдня, а он делами занимался. И сегодня тоже дел много: невольников продать, на базаре мне новую одежду найти...

И вообще, когда он отдохнувший и не голодный, то заметно добрее и разговорчивее. Вон сколько всего интересного вчера рассказал и про этого самого Ёзефа и его помощника... Жаль только, что про разговор с Суртом ничего не пояснил...

Давно знакомы... Интересно, сколько лет это — «давно»? Толстяк на рынке и Сафар говорили, что Ашу Сирай пропал в пустыне много лет назад. Значит, с Ёзефом они знакомы ещё дольше... Сколько же Джастеру лет на самом деле? Почему он иногда выглядит юношей, а иногда взрослым мужчиной? Не от одежды и бороды же это зависит?

Я покосилась на Джастера, но он уже спал, закрыв лицо рукой. Сомкнутые губы отражали глубокую усталость, только уголок иногда нервно подрагивал. И ни следа щетины на щеках и подбородке...

«Не хочу и не растёт», да?

А вот шрама на мочке уха не рассмотреть: всё скрыто под пшеничными прядями и полусогнутыми пальцами...

Интересно, что такое «пустыня»? О какой войне упомянул Джастер в храме? Почему его кровь была... другой? Почему Тёмноокий смеялся, когда Джастер сказал, что хочет поговорить по-человечески? Что значит «демонолог»?

И почему Сурт спустил Джастеру с рук все его выходки?

Зато, кажется, теперь я понимала, почему Ашу Сирай прячет лицо за маской. Шут менял занятия и прозвища вместе с одеждой, легко и просто. Слуга, наёмник, господин, бродячий шут и трубадур, «пёс», управляющий, «взывающий к Тёмноокому»... Джастер, Шут, Ашу Сирай, Айя Ка, Безликий...

Наверняка это далеко не все его прозвища и занятия. Но каждое такое «имя» и ремесло было... «тенью».

Хотя за две луны я успела увидеть очень много, где настоящее «лицо» Джастера, сказать не могла.

Это я изображала «бездушную», всего лишь прячась под парном. Так от меня ничего и не требовалось, кроме как молчать и ходить за ним следом. А вот он...

Слишком... слишком настоящей была каждая такая «тень». Даже я безоговорочно начинала верить в любую роль, которую он играл, что уж говорить о других людях?

Из «тени», конечно, многое видно, но неужели он всё это делает только по этой причине?

Но зачем ему это надо? Что он хочет узнать? Или...

«За умение быть очень разными нам и платят столько, что тебе и не снилось...»

Великие Боги... Неужели Джастера кто-то нанял?!

Я покосилась на спящего Шута и покачала головой. Нет, что за глупости опять мне в голову лезут? Если бы его кто-то нанял, он бы не стал заключать со мной договор и возиться с неопытной ведьмой целых две луны...

«Моё время стоит столько, что тебе и не снилось»...

Помню, как же. Две «розы» в день для «пса», пять — управляющему, а за убийство этой Вахалы всего пятнадцать тысяч и это ещё он мне навстречу пошёл...

Мои размышления прервали внезапный звук открывшейся двери и тихие шаги за занавесью. Я испуганно вздрогнула: выходит, Джастер не поставил свою защиту? Это что же такое мы пили, что он про это забыл?!

Разбудить? Нет, лучше не надо. А то ещё разозлится, как вчера в храме...

Но что делать? Если сейчас сюда вдруг войдут, а Джастер без маски, и я в таком виде...

Господин? — раздался за занавесью осторожный голос Мирама. — Господин?

Я осторожно выбралась с ложа, стараясь не потревожить спящего Шута, и торопливо накинула парн. Уж с Мирамом-то я разберусь даже в виде «бездушной».

Слава богам, я успела вовремя. Невольник испуганно замер с протянутой к занавеси рукой, когда внезапно перед ним появилась я, закрыв собой вход. Не глядя задёрнув за собой занавесь, я чётко покачала головой, а для ясности ещё и помахала перед его лицом пальцем, запрещая входить в спальню. Не знаю, как себя вели настоящие «бездушные», но заметно посеревший Мирам отступил, не сводя с меня испуганного взгляда.

Я... — он сглотнул и попытался поклониться, не отпуская глаз, — могу я забрать это... го... госпожа?

Скосив глаза, я посмотрела, куда он указывал. На полу среди ковров и подушек стоял столик, на котором красовались два серебряных кубка и подносы с остатками фруктов и сладостей. Рядом валялся ещё один кубок, смятый, как лист пергамента. И две пустые бутылки, тёмная и прозрачная.

Великие боги... Что же мы такое пили, что Джастер не только про защиту забыл, но и даже это всё не приказал убрать? Неудивительно, что у него голова раскалывается и он спать хочет...

А я то удивлялась, что ничегошеньки не помню... Ох, Янига, Янига... Если уж даже Шута так пробрало, то мне вовсе радоваться надо, что хоть голова не болит...

И что же такого я сказала, что Джастер разозлился и даже сломал один кубок?

Впрочем, вспоминать и сожалеть некогда: испуганный Мирам ждал ответа, и я кивнула. Невольник с оглядкой собрал бутылки и сломанный кубок на столик, поднял его и вышел из комнаты пятясь и согнувшись в поклоне.

Я дождалась, когда дверь за ним закроется и на цыпочках поспешила следом, радуясь, что мягкие ковры заглушают мои шаги.

Не просто так Мирам осмелился войти в комнаты Ашу Сирая без стука и приглашения. Посуду он мог забрать молча, как тут было принято, но он же звал Джастера да ещё и в спальню войти хотел.

Приложив ухо к двери, я слышала неразборчивые голоса. Мужские и женский. Как же жаль, что дверь не приоткрыть, заметят... А хотя...

Я же «бездушная» игрушка самого Ашу Сирая, чего мне бояться? Ко мне ближе, чем на несколько шагов, даже подходить опасаются.

Довольно улыбнувшись под парном, я решительно распахнула дверь и вышла в коридор.

На звук открывшейся двери оглянулись трое: Мирам, Альмахаим и какая-то женщина в тёмном парне, затканном цветами. Завидев меня они замерли, на лицах мужчин отразилась тревога. Женщина что-то крепко прижимала к груди.

Хм, неужели уже настолько поздно? А Джастер сказал, что солнце едва встало...

Как бы там ни было, Шут спал и я снова жестом повторила запрет входить в комнату. Мирам торопливо поклонился, а Альмахаим досадливо нахмурился.

— Ашу Сирай сказал, что будет ждать меня утром, а сам посылает «бездушную», чтобы...

За моей спиной возникло движение, нависла тень и ощущение грозной силы и предводитель «ос» торопливо склонил голову, сложив руки в жесте вежливости. Женщина рядом с ним застыла, словно окаменев от страха, а Мирам снова низко поклонился и замер, не разгибая спины.

— Чтобы напомнить тебе о вежливости, принятой среди добропорядочных людей, не иначе, — в голосе Ашу Сирая явно слышался сдерживаемый гнев. — Или тебе так не терпится стать владельцем невольников, что ты, как нетерпеливый ребёнок в ожидании обещанных сладостей, прибежал сюда с восходом солнца, чтобы нарушить мой сон? Честные люди приступают к делам хорошо отдохнувшими и после завтрака. Спешат с делами только те, кому есть что скрывать. Я настолько ошибся в тебе, о доблестный Альмахаим?

— Нет, почтенный Ашу Сирай. — Предводитель «ос» стыдливо не поднимал глаз. — Я... Я виноват. Я неверно понял твои слова про утро. Прошу простить меня за эту непочтительную поспешность.

— Я принимаю твои извинения, поскольку ты впервые заключаешь такую сделку, и от волнения допустил эту ошибку. Впредь не повторяй её, иначе за тобой пойдёт дурная слава. Однако, прежде, чем приступить к нашему делу, я желаю позавтракать и приглашаю тебя разделить со мной столь ранний завтрак. Мирам!

— Слушаюсь, господин!

Невольник снова поклонился и поспешил прочь.

— Благодарю за оказанную честь, Ашу Сирай. — Альмахаим снова вежливо поклонился. — Но прежде, чем приступить к еде, прошу тебя выслушать эту женщину, дабы не заставлять её томиться в ожидании окончания нашего дела.

Я ощутила на своём плече горячую ладонь. Пальцы чуть скользнули, поглаживая плечо и едва сжались, но я поняла, что Шут благодарен за попытку избавиться от незванных гостей. А ещё было очень приятно даже через парн чувствовать его тепло за спиной.

— Что же за дело привело ко мне почтенную госпожу в такое время? — Джастер

обратил внимание на просительницу.

Женщина словно оттаяла. Она почти упала на колени, и склонилась, наверняка коснувшись лбом пола.

— Умоляю выслушать меня, мой господин!

— Встань! — В голосе Шута прозвучал такой холод и неприязнь, что вздрогнула не только я, но даже Альмахаим. — Немедленно! Ты мне не служанка и не наложница, чтобы вести себя так!

Женщина испуганно поднялась, и её заметно трясло. Её парн не скрывал красивые, подведённые чёрным глаза, и я отчётливо видела её страх.

— Говори, зачем ты пришла и не отнимай моё время! — грозно прорычал надо мной Джастер.

— Я... Я прошу... Вот! Всё, что у меня есть! — она выпростала перед собой тонкие и ухоженные руки, протягивая кошель, чьи бока топорщились явно не монетами. — Господин обещал даровать свободу за выкуп...

— И кого хочет забрать госпожа? — Джастер не спешил брать кошелёк.

— Ульфара, моего мужа, — женщина всхлипнула. — Прошу...

Джастер протянул руку через моё плечо и взял кошелёк. Развязав его, он вытряхнул в ладонь драгоценности из золота и камней.

— Почему же ты решила выкупить своего мужа за свои свадебные украшения, а не купить его за один талан, глупая женщина?

Просительница снова всхлипнула, тонкие пальцы коснулись уголков глаз, вытирая слёзы.

— Я... Я была наложницей, господин. Отец продал меня за долги. Мой муж... Мой Ульфар выкупил меня и подарил мне свободу, сделав своей женой. Я не могу купить его как невольника. Поэтому я выкупаю его свободу, господин.

Джастер молча убрал драгоценности обратно. Белая маска была бесстрашна. Женщина тихо всхлипывала, а Альмахаим задумчиво поглаживал короткую бороду и стрелял глазами, то на меня, то на просительницу, то на пригоршню драгоценностей.

— Мирам!

Невольник появился довольно быстро. Выслушав приказ, он поклонился и поспешил прочь. А Джастер решил перенести беседу в комнату, а не стоять в коридоре.

В комнате он сел на почётное место хозяина, Альмахаим, как гость, сел по правую руку. Я же снова устроилась слева от Джастера. Просительница стояла перед обоими мужчинами, и заметно волновалась.

Ждать пришлось недолго.

Но прежде, чем Мирам привёл этого самого Ульфара, Джастер снова обратился к женщине.

— Как твоё имя?

— Зульфия, господин.

— Я вижу, что ты хороша собой, Зульфия. Скажи, на что ты готова ради свободы своего мужа?

Женщина вздрогнула, стиснула ткань парна и с отчаянной решимостью посмотрела на белую маску.

— Я... Я честная женщина, господин! Даже Ашу Сираю должно быть стыдно предлагать такое замужней женщине!

— Мне не нужны твоё тело и твоя честь, Зульфия.

Белая маска ухмыльнулась при этом так паскудно, что даже мне стало не по себе. Великие боги, что он опять задумал?

— Мне интересно другое. Если бы я попросил взамен твою душу, ты бы тоже согласилась? М?

Альмахаим заметно побледнел, а женщина в ужасе уставилась на Шута. Кажется, они только сейчас вспомнили, с кем имеют дело. Мастер смерти, который не служит Тёмноокому Сурту, а значит, от него можно ждать чего угодно.

— Аш...шу Си... рай...

— Отвечай, как положено, прекрасная Зульфия, не испытывай моё терпение! Стоит ли свобода твоего мужа твоей души? Готова ли ты отдать самое ценное, что у тебя есть? Обещаю, я отпущу твоего мужа и верну ему эту плату, если ты согласишься стать моей «бездушной».

Зульфия с нескрываемым ужасом посмотрела на меня и по её щекам потекли слёзы. А я думала, что она в самом деле красивая женщина. Только зачем Джастер её так пугает? Она же не виновата, что Альмахаим со своим нетерпением ему поспать не дал. Она-то сама наверняка бы ждала, пока Ашу Сирай проснётся и соизволит её выслушать.

Забрал бы уж эти драгоценности и отыгрывался бы на своём ненаглядном Альмахаиме, а не на этой бедняжке...

— Отвечай, не заставляй меня ждать! — белая маска сердито нахмурилась.

Зульфия вздрогнула, приложила ладони к глазам, замерла, решительно вытерла слёзы, затем аккуратно опустилась на колени и поклонилась, коснувшись лбом ковров и замерев в этой позе.

— Я... согласна... мой господин.

Потрясённый таким торгом Альмахаим только молча смотрел то на бесстрастную маску Джастера, то на женщину, не поднимавшую взгляда от ковров. Но сказать он ничего не успел.

Дверь открылась и в комнату с поклоном вошёл Мирам, а следом за ним худой мужчина с курчавой бородой и в потрёпанной одежде. Судя по всему — один из неудачливых торговцев. Он настороженно стрелял глазами то в сторону Джастера, то в сторону хмурого предводителя «ос».

Склонившуюся на коврах женщину он не заметил.

— Это Ульффар, господин.

— Где мой завтрак, Мирам? Я и мой гость голодны. После завтрака я хочу видеть моих танцовщиц.

— Будет исполнено, господин.

Мирам скрылся, а Джастер обратил внимание на переминающегося с ноги на ногу Ульфара.

— Почтенный Альмахаим желал купить тебя, Ульффар. Расскажи о себе.

Мужчина коротко взглянул на хмурого «покупателя», неловко поклонился и заговорил, не поднимая взгляда.

— Я ткач. Мой отец и мой дед были ткачами. Мой род славился своим мастерством и наши ковры покупали в богатых домах. Я тоже известен своим искусством в этом ремесле.

— Откуда ты родом?

— Из Онферина, господин...

— Как же ты оказался в караване, идущем из Барсама?

Ульффар вздохнул.

— Я слышал, что мастера в Барсаме умеют ткать ковры из нитей паутиного червя. Я хотел научиться этому мастерству и стать лучшим ткачом в Онферине.

— Удалось ли тебе научиться этому?

— Да, господин. Три года я трудился подмастерьем у лучшего мастера, но я овладел этим искусством. И хотя нити, что я вёз с собой, теперь потеряны, я куплю новые и...

— Ты кое-что забыл, Ульффар, — губы маски изобразили улыбку, но чёрные провалы глаз светились холодным изумрудным огнём. — Ты больше не свободный человек. Ты принадлежишь мне. И когда я продам тебя, ты будешь делать то, что прикажет тебе твой новый хозяин.

Ульффар вздрогнул и вскинул голову. На смуглом лице отражалась решимость, чёрные глаза горели. Он словно забыл, с кем разговаривает.

— Это не надолго, Ашу Сирай! Я выкуплю себя и снова стану свободным человеком! Поверьте, господин! — он обратился к задумчивому Альмахаиму. — Я могу соткать вам такой ковёр, что продав его, вы сможете получить в десять раз больше, чем заплатите за меня!

— Ты глуп, Ульффар, — белая маска по-прежнему холодно улыбалась. — Если ты такой искусный ткач, то зачем твоему хозяину отпускать тебя на свободу, когда ты сможешь увеличить своим трудом его богатство? Зачем тебе свобода? Или у тебя в Барсаме осталась женщина?

— Мне не нужна женщина в Барсаме, потому что у меня есть семья! — худой ткач яростно сжал кулаки. — У меня есть жена, которая все эти годы ждала меня! Моя прекрасная Зульфия, ради которой я трудился днём и ночью столько лет! Она страдает теперь, потому что из-за тебя я не могу вернуться к ней! Тебе никогда не понять, что такое любовь, ты, бесчувственное чудовище, проклятое Тёмнооким! Исчадие Бездны, вот ты кто!

Что?! Да как он смеет говорить такое!

Я едва сдержалась, чтобы не вскочить и не стукнуть этого глупца чем-нибудь. Женщина на полу вздрогнула и её спина задрожала от сдерживаемых рыданий. Альмахаим же с откровенной опаской покосился в сторону грозного Ашу Сирая, а тот захохотал.

Холодный, страшный смех, в котором отчётливо слышалось... безумие, остудил меня лучше ледяной воды.

Великие боги... Пожалуйста... Пусть всё будет хорошо... Матушка, прошу тебя, не позволяй Джастеру снова стать Ашу Сираем!

Словно услышав мои молитвы, Джастер замолчал также внезапно, как и засмеялся.

— Ты сам оставил свою жену на три года в одиночестве, — грозно и холодно произнёс он. — Ты решил вернуться домой с человеком, который пожалел денег на охрану своего каравана. Ты попал в плен к Шакалу и пришёл в мой город как его невольник. И ты смеешь утверждать, что я виноват в твоих неразумных поступках?!

В следующий миг мелькнула чёрная тень и Ашу Сирай уже смотрел в посеревшее от страха лицо ткача, сжимая его горло. Белая маска отражала едва сдерживаемый гнев, изумрудный огонь полыхал в её прорезях.

Чёрные красивые глаза Альмахаима расширились, а на лице отразился суеверный ужас. Он впервые видел знаменитого мастера смерти в гневе и это напугало его не меньше, чем любого другого. Даже меня это пугало, потому что в таком Ашу Сирае было что-то...

чуждое.

— Бесчувственное чудовище и исчадие Бездны, говоришь... — низкий голос звучал вкрадчиво, и это было ещё страшнее, потому что вместо грозного рыка в нём появились незнакомые шипящие нотки. — Давно я не слышал таких слов... Ты или очень смел, или очень глуп, Ульфар, чтобы говорить мне такое. Первых я уважаю, вторых — убиваю. Дважды ты доказал свою глупость и дважды — смелость. Так кем мне тебя считать, пока ещё живой ткач из Онферина?

— Пощади его, господин!

Зульфия, видимо обезумев от страха за своего мужа, вскинулась с пола и умоляюще ухватила Джастера за полу одежды.

— Мой муж смел, а не глуп! Я исполнила, что ты хотел! Ты обещал отпустить его! Прощу тебя!

Джастер медленно перевёл взгляд на женщину, потом на её руки. Я не видела, как изменилась маска, но Зульфия шарахнулась прочь, дрожа и испуганно вскинув руки в попытке защититься от неизбежной кары.

Пощади... пощади, господин...

По её лицу текли слёзы, а на Ульфара просто жалко было смотреть. Страх на его лице сменился глубоким потрясением. Он неотрывно смотрел на свою жену, но Ашу Сирай одной рукой легко приподнял его и встряхнул как котёнка, заставляя снова обратить внимание на себя. Белая маска выражала пренебрежение.

— Ты слишком задержался в Барсаме, Ульфар. Твоя прекрасная Зульфия отдала свою душу мне в обмен за твою свободу. Можешь попрощаться с ней, пока она ещё человек. А затем убирайся и тки свои ковры, сколько хочешь. Ты никогда не сможешь выкупить её душу у меня.

Джастер разжал пальцы, небрежно оттолкнул ткача и вернулся на своё место. Ульфар попятился, и замер упершись спиной в стену. Воцарившуюся тишину нарушил вскрик-всхлип и Зульфия разрыдалась в голос.

— Прости! Прости меня, любовь моя! — она обернулась к бледному мужу, протягивая к нему руки. — Прости, господин моего сердца!

Ульфар на негнущихся ногах подошёл к ней и упал рядом, крепко обнимая рыдающую жену.

— Нет... — он мелко тряс головой, взяв её лицо в ладони и глядя в мокрые от слёз глаза. — Нет, цветок души моей, я не верю этому негодяю... Даже такой нечестивец, как Ашу Сирай, не может так подло поступить с тобой...

— Но...

— Но это правда, Ульфар, — холодно сказал Шут вместо Зульфии. — Я обещал ей, что отпущу тебя и верну выкуп, если она согласится стать моей «бездушной». Она согласилась. Твоя жизнь и свобода ей дороже собственной души. Так что ты свободен. Можешь уходить.

Зульфия снова разрыдалась, а Ульфар встал, стиснув кулаки и сжав зубы и закрыл жену собой.

— Ты получишь её душу только через мой труп, Ашу Сирай! Да, я знаю, что ты легко можешь убить меня, я видел, как ты это делаешь! Но я тебя не боюсь, чудовище! Здесь не твой город, здесь город самого Сурта! Ты ничто рядом с его величием! Ты ни за что не получишь моей души! А когда я умру, я паду перед троном Тёмноокого и буду молить его, чтобы он позволил мне являться к тебе днём и ночью, и мучить тебя до тех пор, пока ты

не отпустишь мою жену и её душу на свободу! Я буду умолять его позволить мне ткать узор твоей жизни и он будет полон кошмаров, каких ты ещё не видел! Ты будешь проклинать каждый миг своей жизни! Ты возненавидишь день, когда ты родился, Ашу Сирай! Ты будешь умолять о смерти, но я буду просить Повелителя жизни и смерти не обрезать твою чёрную нить, чтобы ты страдал так, как никто прежде в этом мире! Клянусь тебе в этом именем Тёмноокого!

Я с болью слушала эти ужасные проклятия, но с ещё большим замиранием сердца я ждала, как поступит Джастер. Альмахаим же молчал, но хмурый вид и косые взгляды в сторону Ашу Сирая говорили лучше всяких слов.

Белая маска была бесстрастна, а затем Джастер откровенно зевнул.

— Всё сказал? Ты смел и всё-таки ты глуп, ткач — Шут со скучающим видом смотрел на негодующего Ульфара. — Тебе не помешало бы научиться думать прежде, чем открывать рот. Что ж, позволь, я тебе кое-что напомним, Ульфар из Онферина.

Джастер поднял руку и тонкая светящаяся нить протянулась между его пальцами и шей запершего в испуге ткача.

— Каждый, кто без моего разрешения приходит в Локашан, принадлежит мне. Я могу оборвать твою нить в любой момент и твоя душа останется в моей власти. Ты не попадёшь к Сурту, пока я не отпущу тебя. Хочешь составить компанию Шакалу? Нет? Тогда научись думать прежде, чем говорить! Иначе твоё следующее слово станет для тебя последним. Подойди, Зульфия.

Холодный и невозмутимый голос заставил женщину вздрогнуть. Она поспешно вытерла слёзы и шагнула к возвышению где сидел Джастер. Ткач дёрнулся остановить её, но она только покачала головой, прижимая палец к губам мужа, и он бессильно опустил руки, скрипя зубами и сжимая кулаки.

— Слушаюсь... мой господин, — Зульфия опустилась на колени перед Джастером. Он опустил руку и тонкая нить погасла.

— Забирай свои драгоценности и своего мужа, и уходите. Я и так потратил на вас слишком много времени. У меня еще много дел.

На колени изумлённой женщины упал кошель с выкупом.

— Но... господин...

— Я обещал, что отпущу твоего мужа на свободу и верну выкуп, если ты согласишься стать моей «бездушной». Но не помню, чтобы я обещал сделать тебя таковой. Или ты успела разлюбить своего Ульфара и хочешь остаться со мной, и занять её место?

Зульфия испуганно посмотрела в мою сторону и отчаянно замотала головой, а я даже рассердилась на такое предложение.

Ещё чего — занять моё место возле Джастера! Он — мой! Пусть к своему ткачу бежит!

— Убирайтесь с глаз моих немедленно! — грозно рявкнул Джастер, а вокруг пальцев вскинутой вверх руки заплясало изумрудное пламя. — Иначе убью обоих! Считаю до трёх. Два!

Зульфия вскочила на ноги, едва не уронив кошелек, а её муж уже схватил женщину за руку и потянул к двери.

Оба счастливица выскочили за дверь, едва не сбив с ног невольников, которые, наконец-то, принесли завтрак. Предводитель «ос» задумчиво смотрел им вслед.

Из-за Альмахаима мне снова пришлось есть за ширмой. Один из невольников с поклоном молча поставил передо мной столик, полный тарелок с лепёшками, фруктами и

рулетиками из мяса и овощей. Следом внесли чайники с «чифе» и поднос с узорными и тонкостенными чашками из окрашенной глины.

Мирам подал Джастеру кубок с вином. Шут взял его и осушил за раз, снова протягивая невольнику.

— Если бы ты промедлил с завтраком ещё немного, Мирам, я бы тебя убил.

Бедняга вздрогнул, а я думала что всё-таки зря они меня не послушались и не дали Шуту поспать.

Сам завтрак прошёл в молчании. Хотя из-за ширмы я не видела Альмахаима, мне казалось, что он был настолько впечатлён выкупом, что просто не решался заговорить с Ашу Сираем. Сам же Шут, как обычно, ел молча. Я не сомневалась, что он бы предпочёл позавтракать без гостей и невольников, а ещё лучше — вернуться в спальню и поспать до обеда, но ему приходилось поддерживать репутацию и делал он это... мастерски.

Этот ткач с женой ещё не скоро поймут, если поймут, что он вовсе не собирался им вредить. Даже свадебные украшения у этой Зульфийи не взял в качестве выкупа, хотя мог бы.

Бесчувственное чудовище и исчадие Бездны...

Глуп или смел был ткач, знал ли он на самом деле о далёкой родине Джастера или нет, но он умудрился в самом деле рассердить Шута этими словами. И почему-то мне казалось, что дело было вовсе не в этом необычном сравнении с демонами...

— Итак, своей поспешностью ты прервал мой сон, Альмахаим.

Джастер сполоснул пальцы в чаше с водой и лепестками цветов, и жестом отослал прислугу из комнаты.

— Я простил твою неопытность в торговых делах, но взамен прошу тебя рассказать, зачем тебе эти люди.

Предводитель «ос» поперхнулся, несколько раз ударил себя кулаком по груди и торопливо пригубил кубок, запивая застрявший кусок.

Джастер спокойно ждал, смакуя вино. Альмахаим поставил кубок на столик, вытер усы и губы, посмотрел на невозмутимого Шута и решился.

— Я слышал много разного о тебе, но теперь вижу, что эти слухи далеки от истины, а правда так же невероятна, как эти слухи. Ашу Сирай очень хитёр и ловок со словами и любит испытывать ум и дух других людей, — осторожно начал он. — И хотя его испытания сложны и суровы, они честны, а он сам мудр и держит данное слово.

— Глуп тот, кто пытается казаться тем, кем он не является, Альмахаим. Обманывать может не только язык, но и глаза, и уши. Человек может обмануть даже свой ум и сердце, но нельзя обмануть свою душу. Люди не любят правды, как бы они не утверждали обратное, и потому часто верят в то, во что желают верить. Каждый может держать свой ум в чистоте мыслей, язык в чистоте слов, а душу в чистоте истины, но не каждый решается жить так. Что выбираешь ты, доблестный Альмахаим?

Я осторожно выглянула из-за ширмы. Предводитель «ос» отвёл взгляд, задумчиво погладил бороду, а затем снова взглянул на белую маску.

— Ты поставил меня в затруднительное положение, Ашу Сирай. Уважая мою доблесть, ты в который раз испытываешь мой ум. К своему стыду, должен признать, что в этот раз ты считаешь меня глупцом, услышав, что я скажу.

— Признание своей слабости — первый шаг к обретению силы, а признание своего невежества — первый шаг к обретению мудрости. Вступив на дорогу истины — иди до

конца, ибо только так ты сможешь достичь своей цели, Альмахаим.

— В таком случае, я последую твоему мудрому совету и скажу откровенно, Ашу Сирай. — Предводитель «ос» смотрел на Джастера без страха и сомнений. — Я много лет охраняю караваны, и преуспел в этом, но в самом деле недостаточно сведущ в торговом ремесле. В Харезме у меня есть семья, и я желаю приумножить свой достаток и сделать их жизнь более спокойной. Поэтому прошу тебя, Ашу Сирай, — он сложил руки в вежливом жесте и поклонился, — поделись своей мудростью и дай мне наставления, как давал прежде. Для этого дела я занял деньги у своих друзей, пообещав им вернуть всё с прибылью. Вчера я думал купить этих людей и продать с большой выгодой для себя, но теперь не знаю, как следует поступить.

— Ты дал им долговые расписки или они поверили тебе на слово?

— На слово, Ашу Сирай. Я обещал каждому вернуть на десятую часть прибыли больше чем взял.

— Сколько людей доверили тебе свои деньги?

— Пятеро моих друзей и трое из моих людей.

— В таком случае, ты почти разорён, Альмахаим. От всей прибыли ты отдашь восемь частей, а тебе останутся всего две. Но из них ты должен будешь заплатить десятину в храм Сурта, как платят все торговцы в Онферине. Кроме того, тебе придётся заплатить за место на рынке, а также за еду и ночлег тех, кого ты не продашь за день. Ты хочешь купить тринадцать танцовщиц по три талана за каждую. Это тридцать девять таланов. За мужчин ты отдашь тридцать пять таланов. Всего семьдесят четыре талана. Такие деньги ты занял?

— Двадцать таланов мои, господин.

— Хорошо. Значит, ты должен пятьдесят четыре талана. Если ты продашь мужчин по обычной цене четыре талана за каждого, а танцовщиц за десять, то получишь двести семьдесят таланов. Прибыль составит сто девяносто шесть таланов. Из них сто пятьдесят шесть таланов и три четверти ты отдашь своим друзьям в качестве обещанной прибыли, а тебе останется только тридцать девять таланов с четвертью, из которых ты ещё должен будешь оплатить те расходы, о которых я уже сказал. В лучшем случае у тебя останется немногим больше десяти таланов прибыли. Если ты продашь невольников дешевле, то твоя прибыль будет ещё меньше. С учётом того, что ты вложил семьдесят четыре талана, это очень невыгодная сделка для тебя.

Альмахаим смотрел на Шута, невозмутимо пившего вино, открыв рот. Да и я была поражена такими расчётами. Пять «роз» в день за место управляющего? Х-ха... Это он как-то скромно попросил... Он же любого торговца, как малого ребёнка, обставить может...

— Признаться, я очень озадачен, Ашу Сирай... — Предводитель «ос» пришёл в себя. — Ты так быстро всё посчитал, что я не успеваю за твоим умом и словами...

— Всё очень просто, Альмахаим. Ты купился на низкую цену и заманчивую прибыль, но в силу неопытности и овладевшей тобой жажды богатства не потрудился заранее всё посчитать как следует. Если бы ты рассчитывал только на свои двадцать таланов, то мог бы купить двадцать мужчин и продав их по обычной цене, получить шестьдесят таланов прибыли. Или ты мог купить шесть танцовщиц и двух мужчин, и получить сорок восемь таланов прибыли. Даже с учётом десятины храму Сурта и расходов, ты оказался бы в большей выгоде, чем когда решил купить весь караван и занял для этого деньги.

— Что же мне делать, Ашу Сирай? Выходит, я зря побеспокоил и тебя, и своих друзей? Но я не могу отказаться от своих слов и покрыть своё имя позором! Ведь вчера при всех я

обещал купить у тебя этих людей...

— Если твои друзья так хороши, что поверили тебе на слово, то верни им основной долг и по одной двадцатой части прибыли и попроси их подождать. Так у тебя останется больше ста таланов. Отложи из них десятую часть, а остальное пусти в оборот. И уже с новой прибыли вернёшь своим друзьям оставшиеся деньги. В будущем же старайся не брать в долг, не обещай такую высокую долю от прибыли, не спеши соглашаться на сделки, какими бы выгодными они тебе не казались, и считай всё заранее. Когда ты хочешь овладеть новым ремеслом, то идёшь учиться к тому, кто им владеет как мастер. Есть ли у тебя друзья, сведущие в торговле, чтобы стать твоими наставниками в этом деле и подсказать тебе, что выгоднее покупать и где продавать? В каком товаре ты разбираешься лучше всего, чтобы по достоинству оценить то, что тебе предлагают, и не купить плохое?

Альмахаим задумчиво поглаживал короткую бороду. Золотые серьги в его ушах пускали солнечных зайчиков.

— Я повидал много торговцев, но подобных тебе не встречал, Ашу Сирай. Никто из них не говорил при мне о таких вещах... Теперь мне всё кажется ещё более сложным и в то же время простым... Я бы хотел учиться у тебя, Ашу Сирай!

Теперь настала моя очередь открыть рот от удивления. Но Джастер только покачал головой.

— Это невозможно, Альмахаим. У меня есть дела, которые требуют скорейшего завершения. Сегодня ты беседуешь со мной в последний раз. Я покидаю Онферин. Однако я могу дать тебе ещё несколько советов, если ты этого так желаешь.

— Почту за честь, Ашу Сирай! — Альмахаим склонился в вежливом поклоне. — Мои уши и мой ум открыты для твоих слов.

Разговор получился долгий и интересный. Я слушала очень внимательно, потому что Джастер в самом деле говорил не только о разном товаре, со знанием дела рассуждая о драгоценностях, пряностях, тканях, лошадях и оружии. Всё это были вещи, которые стоили дорого, но их можно было продать ещё дороже, если покупать сразу у мастеров или где-то очень далеко. Он учил, как назначать цену, чтобы полученная прибыль покрывала расходы на покупку товара и на дорогу, и как сделать так, чтобы даже торг с покупателями не приносил убыток.

Но кроме этого, Джастер говорил о таких вещах, которые были очень простыми и «очевидными каждому, у кого есть ум», но о важности которых я прежде никогда не задумывалась.

Казалось бы, какая мелочь: откладывать в отдельный кошель десятую часть своей прибыли и не тратить её? Но ведь мне и в голову такое не приходило! Я радовалась тому, что удалось заработать на ярмарках и тратила потом всё без остатка и без оглядки... И не всегда с пользой для себя. Вон, хоть те туфли вспомнить, которые мне ноги натерли, когда я с Джастером встретила... Поверила прощелыге на слово, повелась на низкую цену и красивые слова про «госпожу», вот и осталась без денег, и без обуви... А если бы головой подумала, отчего так дёшево предлагает, а не радовалась, как девчонка деревенская, то не купила бы такие туфли. Да и в кошельке бы монет больше звенело, если бы я их все не спускала, а берегла...

Или вот дом в Кронтуше. Я-то думала, что он его просто так купить решил, чтобы «госпожа Янига» там жила, а оказывается, чтобы найденное богатство не пропало, а пользу приносило. Дом-то с годами дороже становится и если я решу его продать, то денег больше

получу, чем сейчас Микай потратит.

И про учёбу у лучших торговцев он всё верно говорил. Вон как ловко и легко всё считает и торгуется! Даже у меня в Кронтуше дела в гору пошли, хоть я не верила, что за его цены у меня зелья покупать будут... А уж как он Саризулу на виру дорогую вывел... И ведь тот заплатил, лишь чутка цену сбавить смог!

Альмахаим слушал очень внимательно, едва ли не заглядывая Шуту в рот.

Я же корила себя за то, что сама ни разу не попросила Джастера о таком уроке. Моей сообразительности хватило только попросить помочь с ценами на новые зелья, а всё остальное, что он рассказывал про торговлю, я пропускала мимо ушей...

А Джастер снова говорил о разных товарах, учил не вкладывать все деньги в один товар, а покупать разное, чтобы не потерять прибыль. Ещё он посоветовал поговорить с теми, кого Альмахаим купил, и учесть их умения прежде, чем продавать этих людей. Потому что ковёр из Барсама стоил заметно дороже, чем ковёр из Онферина, и Ульфар в самом деле мог бы принести своему хозяину много денег, если бы работал на него как невольник.

— Ты уже знаешь, что многие из этих людей торговцы. Побеседуй с ними, послушай, что они расскажут тебе. Возможно, кто-то из них согласится помогать тебе в твоём новом ремесле, если ты решишь не продавать их и дать возможность выкупить себя. Поговори с невольниками, узнай, кто каким ремеслом владеет и какую работу знает. Лучше продавать их туда, где их умения будут наиболее полезны. Это займёт больше времени, но так ты сможешь продать этих людей выгоднее для себя.

— А что ты скажешь про танцовщиц, Ашу Сирай?

— Их цена зависит не только от красоты, но и от умения танцевать, — усмехнулся Шут. — Чем больше изысканных танцев она знает, тем выше будет цена. Чем она образованней — тем дороже стоит. Поэтому ты должен сам взглянуть на них, а не верить моим словам. Мирам!

— Будет исполнено, господин!

Из-за того, что ширма всё ещё закрывала мне часть комнаты, я думала, что Джастер всех прогнал, а оказывается, Мирам просто молча ждал новых приказов.

Тем временем Джастер продолжал просвещать новоявленного торговца.

— Как бы ни была женщина хороша собой, если она умеет только танцевать, то быстро надоест и её продадут снова. Наложница должна быть очень искусной в танцах и беседах, чтобы развлекать своего господина. Очень высоко ценятся те, кто умеет петь, играть, владеет искусством беседы, знает поэзию и науки. За такую наложницу можно получить столько золота, что хватит не только тебе и твоим детям, но и твоим внукам.

Альмахаим согласно кивал, поглаживая бороду, бросал короткие заинтересованные взгляды в мою сторону, а я думала о том, что из меня наложница по меркам Джастера самая никудышная. Танцевать, петь, стихи сочинять, ещё и какие-то науки знать — ничего из этого я не умела. Ох, Янига-Янига... Всё думала, какие ему женщины на лицо нравятся, а ему вон каких подавай, чтобы и красивая, и не скучно было. Ха... Ничего общего с неуклюжей деревенской ведьмой, которая в лесу ему все ноги пообступала.

Сказки мои ему нравятся...

На лютне меня он играть научит...

Ох, тогда думала, что шутит, а теперь стыдно-то как за себя, неумею! Как же хорошо, что под парном моего лица не видно!

За дверью раздались многочисленные шаги и в комнату под звон украшений вспорхнули

танцовщицы. Альмахаим отвлекся, разглядывая их, но я не успела воспользоваться случаем и пересесть так, чтобы видеть больше. Джастер отдал новый приказ одним жестом и Мирам с поклоном убрал ширму, мешавшую девушкам.

И я замерла от запестревшей перед глазами красоты.

В тот раз все танцовщицы были наряжены и украшены ещё лучше, чем в первый раз. Яркие наряды, украшенные сверкающей тесьмой и вышивкой, скрывали и в то же время обнажали тело так, что я невольно покраснела. Глаза, брови и губы ярко накрашены,

Альмахаим с большим интересом разглядывал их, да и сами девушки кидали в сторону красавца-гостя заинтересованные взгляды. Держались они намного свободнее, и не стеснялись своих полупрозрачных нарядов. Видимо, Мирам предупредил их, что пришёл покупатель, и теперь они старались произвести впечатление.

Но, как оказалось, Джастер не собирался продавать их так просто. Он устроил им настоящее испытание.

По его требованию откуда-то появились музыканты и девушки исполнили несколько танцев, от которых я была в полном ошеломлении. В домэре девушки тоже танцевали красиво, но там в каждом движении чувствовалась какая-то удивительная свобода, неукротимая сила, страсть... Домерские девушки были как огонь костра, как их любимые кони, как ветер в небе... И Джастер с другими парнями с удовольствием плясал с ними, разделяя эту неукротимость...

В Сурайе танцы были совсем другими. Под тягучую, волнующую музыку танцовщицы показывали прелесть и гибкость своего тела, красоту отточенных движений. Украшения и бубенчики звенели, дополняя музыку. Сияние вышивки и украшений, взмахи ярких тонких юбок и рукавов завораживали и манили, не только Альмахаима, но и меня. Полуобнажённые тела двигались так, что я краснела под парном и не могла понять, чего в этих танцах больше: красоты или откровенности. Никогда не думала, что танцы могут быть такими... изысканными и вызывающими сразу.

Только белая маска Ашу Сирая не выражала ничего.

Интересно, что за «Пчёлку» он от них хотел, что сейчас даже бровью не ведет, хотя Альмахаиму очень даже нравится. Вон как глаз с них не сводит, чуть ли не облизывается...

— Достаточно.

Холодный мрачный голос не только заставил испуганно замереть танцовщиц, но и привёл в чувство покупателя. Предводитель «ос» снова сел прямо, настороженно поглядывая в сторону Джастера. По короткому жесту Шута музыканты ушли, а танцовщицы снова сбились в стайку, вспомнив, кто их хозяин.

— Кто из вас умеет петь, слагать стихи, знает труды Фазира Искателя и других учёных мужей, играет в шатранж и гвинелон, умеет поддерживать беседу или знает искусство двенадцати ночей?

Танцовщицы испуганно переглядывались и виновато опускали глаза.

— Идите.

Джастер небрежно махнул рукой, и девушки поспешили прочь, сжавшись под разноцветными парнами и наверняка гадая о своей дальнейшей судьбе.

— Что теперь ты мне скажешь, Альмахаим?

Тот задумчиво покручивал кончики усов.

— Они хороши собой и обучены танцам. Но не владеют теми искусствами, о которых ты говорил. Значит, их цена не будет велика по сравнению с обычной.

— Верно. Ты можешь продать их по десять-пятнадцать таланов, но не больше.

— Что ж, я всё понял, Ашу Сирай. — Вежливо поклонился Альмахаим. — Благодарю тебя за науку и мудрые советы. Пусть будет благословлен тот день, когда я встретил тебя! Ты всегда будешь дорогим гостем в моём доме! Но прошу, позволь мне задать последний вопрос?

— Спрашивай, — милостиво кивнул Шут.

— Где я смогу найти тебя, если вдруг мне понадобится твой мудрый совет? Могу ли я прийти в...

— Локашан — не место для людей. Если ты не хочешь, чтобы твоя душа навеки осталась в его стенах, а твои родные проклинали тебя за то, что ты так безрассудно оставил их, — никогда не приходи туда, Альмахаим. Ищи мудрых людей вокруг себя, прислушивайся к советам мастеров и добрых друзей, но не забывай, что каждое решение ты принимаешь сам и сам отвечаешь за его последствия.

— Я понял тебя, Ашу Сирай. Вот деньги, что я обещал тебе.

Предводитель «ос» встал и с поклоном почтительно протянул кошелек. Джастер взял его и убрал за пояс, не считая денег.

— Мирам, проводи моего гостя к людям, которых он купил. И не беспокой меня, пока я сам тебя не позову.

Невольник с поклоном открыл дверь и Альмахаим, снова поклонившись и попрощавшись, ушёл, оставив нас с Джастером наедине.

Я не успела ничего сказать, как Шут снял маску и устало потёр лицо ладонью.

— Как же они мне надоели... — негромко простонал он и встал, потягиваясь и зевая. — Янига, поспи спать. Иначе я точно кого-нибудь убью.

Джастер спал до полудня. Я тоже задремала у него под боком, хоть и думала, что не усну, размышляя об увиденном. Признаться, неожиданно высокие требования к наложницам меня очень удивили и даже расстроили, потому что я ничего такого не умела и не знала. Ох, Янига... Если бы не эта самая судьба, он бы на меня даже не взглянул.

Наши судьбы связаны... А может, уже не связаны? Ведь браслет двух судеб Джастер мне не вернул.

Он и ожерелье с когтем кхвана отдал только потому, что я в Сурайю поехала. А так бы и его не увидела...

Вчера Шут ничего не сказал о своих планах, кроме похода на базар за моим новым платьем. Но Альмахаиму он сказал, что есть дела, которые требуют скорейшего завершения и он покидает Онферин.

Как же всё-таки я засмотрелась на новое и незнакомое, и совсем забыла про Вахалу с её чудищами. А ведь рядом с ней ещё какой-то демонолог... И где-то там враг Шута, о котором я знаю только одно: он очень опасный и я не должна вмешиваться в их драку.

Интересно, мы уедем завтра утром или он под вечер в дорогу соберётся? После всего, что я успела увидеть в Сурае, уже ничему не удивлюсь...

На базар мы отправились, когда солнце перевалило за полдень. Выспавшийся, Джастер заметно подобрел и во время нашего обеда улыбался и даже подшучивал надо мной, когда я пожаловалась, что брать всю еду руками неудобно и есть за ширмой мне не нравится.

— Это последний раз, Янига, — улыбнулся он, споласкивая пальцы в чаше с водой. —

Мы уезжаем.

— Сегодня?

— Да. Купим тебе одежду и поедем. Время дорого, а мы и так сильно задержались.

Да уж, задержались... Сколько он времени и сил на этот караван потратил... Думать о том, что Шут хочет поскорее от меня избавиться, совсем не хотелось.

— А куда мы так спешим?

— На праздник, конечно. — Джастер посмотрел на меня. — Ты забыла, что в Эрикии скоро праздник урожая?

Забыла. После всего, что я успела тут увидеть, Эрикия мне стала казаться каким-то давним сном. И кое-что, точнее кое-кто, не добавлял этим воспоминаниям ни капли радости.

— Ты собираешься в Салаксхем? Ты уверен?

— Уверен. И не бойся, ведьма. Твою каргу я оставлю тебе, а с остальным разберусь сам.

Шут встал, давая понять, что время отдыха для меня закончилось.

Вахала — мне, а с остальным он разберётся...

— Ты про этого самого демонолога? А кто это?

— Тот, кто заключил сделку с одним из сильных демонов Преисподней. — Шут что-то искал в торбе. — Демонолог до конца жизни получает власть над слабыми демонами, которые подчиняются его хозяину, а взамен его душа в посмертии станет принадлежать тому, кому он сейчас служит.

— И как он не боится отдать свою душу?

— Люди падки на соблазны. Пока боги были на равных с демонами, за души людей шла скрытая, а иногда и явная война. Сейчас люди забыли про богов, но по-прежнему легко соблазняются на власть, деньги и плотские удовольствия. Посмертие и душа кажутся им чем-то несущественным и неважным. К тому же плата отложена на потом, и поэтому многие люди считают, что им всё даётся даром. Демоны своего не упустят, как понимаешь.

— А как же те, кто служит Сурту?

— В что с ними не так? — удивился Шут. — Они служат ему сейчас и будут служить потом, если захотят. Всё, пошла, ведьма. Мирам уже заждался.

Он перекинул торбу через плечо, надел маску и плащ, и мне ничего не оставалось, как взять свою сумку и снова нарядиться в парн.

Мирам ждал нас во дворе вместе с нашими лошадьми. Огонёк и Ласточка были взнузданы и оседланы, а также нагружены торбами с овсом и сумками с едой.

Джастер сел в седло и я тоже взобралась на Ласточку. Невольник молча стоял, не поднимая глаз на грозного Ашу Сирая. Даже прислуга и хозяин караванного дома постарались скрыться и не попадаться Шуту на глаза, наверняка успев наслушаться об утреннем происшествии с ткачом.

Но Джастера это не устроило.

— Мирам, позови хозяина.

Невольник поклонился и исчез за широкой дверью. И почти сразу вернулся, следуя за упитанным и заметно испуганным хозяином этого места. В приоткрытой щели дверей тут же появились любопытные глаза и уши прислуги.

— Почтенный Ашу Сирай желал меня видеть? — поклонился хозяин. — Смею ли я надеяться, что...

— Я позвал тебя, чтобы ты стал свидетелем моих слов почтенный Назар, сын Расула. Но мне нужен ещё один свидетель, дабы никто не смог потом усомниться в сказанном и сделанном.

— Я стану таким свидетелем, Ашу Сирай! — внезапно раздался знакомый голос и Альмахаим, верхом на коне, появился в воротах. — Я буду рад оказать тебе такую услугу!

— Хорошо. — Белая маска ничем не выдала мыслей Шута по поводу неожиданного визита предводителя «ос». — Итак, почтенный Назар, сын Расула и доблестный Альмахаим, сын Садира, будьте свидетелями тому, что услышите. Есть ли у вас сомнения, что этот человек, Мирам из Торинды, принадлежит мне по праву его хозяина?

— Нет, — в один голос ответили мужчины.

— Если у вас сомнения, что этот человек служит мне?

— Нет.

— Хорошо. Мирам, ты верно служил мне и я обещал тебе награду за преданность и честность. Поэтому сейчас я дарю тебе свободу. Встань, Мирам из Торинды. Отныне ты свободный человек со всеми правами, которые предоставлены честным людям.

Невольник поднялся с колен, на которых стоял пока Джастер искал свидетелей и задавал свои вопросы. Бритая голова блестела на солнце, босые ноги были покрыты пылью, простые штаны и безрукавка из серой ткани выглядели потрёпанными, но взгляд чёрных глаз, впервые смело поднятых на Ашу Сирая, блестел слезами радости и благодарности.

Сколько же лет он пробыл в невольниках, что сейчас так радуется своей свободе? А может и не лет, может, просто радуется тому, что больше не нужно исполнять ничьи приказы? Нет, мне никогда не понять как можно продавать людей, словно скот...

— Возьми эту одежду и этот кошелёк, Мирам. И пусть больше никто не назовёт тебя своим невольником.

К ногам поражённого мужчины упал небольшой сверток и Мирам снова рухнул на колени, кланяясь до земли.

— Благодарю, гос...

— Я тебе больше не господин, Мирам. Встань. И возвращайся домой. Тебя там давнo ждут.

— Благодарю! — Бывший невольник прижал свёрток к груди и поднялся на ноги, не переставая кланяться. — Благодарю тебя, Ашу Сирай, да будут благословенны твои дни!

— Прощай, Мирам.

Джастер развернул Огонька, и не оглядываясь на счастливого Мирама и озадаченного головой хозяина караванного дома, выехал за ворота. Альмахаим посторонился, пропуская его, и тут же пристроился рядом. Я терпеливо поехала следом.

Зачем бы предводитель «ос» не вернулся, Джастер не будет менять из-за него свои планы.

— Что ты хочешь от меня, Альмахаим? — Шут негромко обратился к нежданному попутчику. — Должен ли я понимать, что ты уже закончил свои дела, и потому можешь позволить себе быть здесь?

— От твоей пронизательности ничто не может скрыться, Ашу Сирай, — удивлённо ответил тот. — Я действительно закончил свои дела благодаря твоим мудрым советам! Один из невольников-торговцев согласился помогать мне в этом нелёгком ремесле. Я оставил его себе и удача благоволила мне! Он свёл меня с нужными людьми и за остальных невольников и танцовщиц я выручил те деньги, о которых ты говорил! Потому я хотел поделиться с тобой

своей радостью и угостить тебя вечером, продолжив нашу беседу и изложив мысли, что пришли мне на ум о дальнейшем распоряжении прибылью.

— Я рад за твою удачу и успех в делах, однако не могу принять твоё предложение, Альмахаим. — Джастер отвечал ровно и спокойно. — Мои дела призывают меня в дорогу. Но я дам тебе ещё один совет — избавься от этого человека.

— Избавится?! Но почему, Ашу Сирай?! Ты же сам говорил, что...

— Ты хочешь зарабатывать на торговле невольниками? Тогда позволь, я тебе напому — выгода в этом деле только тогда, когда невольники достаются тебе бесплатно. Ты готов стать разбойником, доблестный Альмахаим? Твои люди пойдут за тобой грабить честные караваны и совершать набеги на мирных людей?

Предводитель «ос» помрачнел, нахмурился и замолчал, пока Джастер сворачивал с улочки на улочку, минуя многолюдные и широкие улицы. Я только надеялась, что Шут не забыл про базар и просто направляется туда «короткой» дорогой.

— Ты снова спас меня и мою честь, Ашу Сирай, — прервал Альмахаим долгое молчание. — Могу ли я узнать, куда лежит твой путь, чтобы мы могли проделать его вместе?

— Мой путь лежит за пределы Сурайи. — Джастер посмотрел на предводителя «ос». Белая маска была спокойна. — Не думаю, что твоя семья готова ждать тебя так долго, как займут мои дела. Но я помню, где искать тебя, прославленный своей доблестью Альмахаим из Харезма.

— Возможно, мне стоит оставаться тем воином, которого ты узнал, — грустно ответил тот. — Я слишком несведущ в торговых хитростях и уже дважды чуть не опозорил своё имя и свою семью.

— Ты узнал достаточно и уберёг себя от возможных потерь. Это хороший опыт и у тебя нет причин сетовать на судьбу. Вспомни, когда ты учился владеть копьём и усмирять боевого коня, разве ты всегда побеждал? Разве не было падений и неудач в этом деле?

— Были, — согласно кивнул Альмахаим. — Но тогда я рисковал только своей...

— В любом деле не бывает только побед, бывают и поражения, — перебил Шут. — Слабый ломается от малейшего порыва ветра, но сильный встаёт и продолжает делать то, во что он верит. Спроси своё сердце, к чему оно призывает тебя, Альмахаим. Ум, осторожность и верный расчёт — твои надёжные союзники, какой бы путь ты не выбрал. У тебя есть деньги, чтобы сделать свою мечту явью. Помни о тех, кто поверил в тебя и доверил тебе свои деньги. Распорядись ими мудро. Об остальном я достаточно рассказал тебе сегодня. Больше мне нечего добавить к моим словам.

— Благодарю за беседу, Ашу Сирай, — воин остановил коня и поклонился. — Ты всегда будешь дорогим гостем в моём доме.

— Доброй дороги и удачи в твоём пути, доблестный Альмахаим. — попрощался Шут.

Когда всадник скрылся, мы продолжили путь по пустынным улочкам. Изредка нам встречались мальчишки или взрослые, но завидев белую маску и черную одежду, они тут же исчезали, не рискуя столкнуться с Ашу Сираем лицом к лицу.

Я ехала рядом с Джастером, размышляя о недавнем разговоре. Удивительно, как быстро этот Альмахаим оценил Шута и его знания. И ведь слухи его не напугали... Интересно, если бы Джастер не торопился разобраться с моими делами, он бы согласился учить его и путешествовать вместе?

Спросить я не успела: из-за очередного угла показалась женщина в развевающемся

пестром парне, несущаяся верхом на муле. Следом раздались громкие и гневные крики погони.

Мы с Джастером занимали всю улочку и я подумала, что женщина столкнётся с нами, но она натянула повод и мул послушно замер почти перед мордой Огонька. Женщина вскинула голову, миг её глаза заметались между мной и Джастером, а затем она спрыгнула с мула, и ухватила Шута за ногу. В следующее мгновение она коснулась лбом его сапога и громко проговорила:

— О, Джасир, пард пустыни, сын Великой матери, я, Бахира, дочь песка и звёзд, приношу свою душу и тело к твоим стопам и именем Матери Матерей заклинаю принять их в твои руки!

ЧТО?!

Шут заметно вздрогнул, брови маски взметнулись вверх, а внутри меня поднялось справедливое возмущение.

Душу и тело её принять в его руки просит?! Даже маска Ашу Сирая её не напугала?! Да кто она такая, чтобы вешаться на Джастера?! Он мой! И я не собираюсь его никому уступать! Откуда она вообще знает его имя?!

Я открыла рот, чтобы выразить своё возмущение, но вместо этого внутри внезапно стало очень спокойно и с губ сорвалось:

— Она пойдёт с нами, Джастер.

Он снова вздрогнул, а в следующий миг моё спокойствие исчезло, словно его и не было. Я торопливо прикусила язык, недоумевая, что это и откуда взялось, а Шут едва повернул голову в мою сторону и кивнул.

И почему-то мне казалось, что он отвечал не мне, а кому-то другому.

— Хорошо. — Джастер уже смотрел на беглянку. — Именем Матери Матерей я принимаю твою душу и тело в свои руки. Отныне ты будешь служить госпоже Яниге, Бахира. Займи своё место.

— Да, мой господин.

Джастер чуть пришпорил Огонька, освобождая дорогу и Бахира со своим мулом проскользнула между ним и забором. Я не успела ничего сказать, как она коснулась лбом края моего парна.

— Я буду служить вам, моя госпожа.

Ответить, как и отдёрнуть ногу, я не успела. На дальнем конце улицы показались преследователи Бахиры.

41. Решение ведьмы

— Где эта дрянь?! Куда она скрылась?!

— Смотрите лучше, бездельники, она не могла далеко уйти!

— Я говорил, что это дикая тварь! Такую надо держать на цепи!

— Поймаем — посадим!

— Сначала хозяин её выпорет за её непокорность! Эта пустынная кошка всё равно не годится для харема!

Трое разгорячённых погоней мужчин осматривались вокруг, тяжело дыша и опираясь руками на колени. Нас они не замечали, а Джастер молчал, скрыв за собой нас обоих. Бахира стояла возле меня, опустив голову и держа своего мула за повод, а во мне снова поднималось возмущение. Кем бы она ни была, и почему бы не попросилась под защиту Ашу Сирая, отдавать её в руки преследователей я не собиралась.

Выпороть и на цепь посадить?! Она им что, собака?! Что это за изверги такие?! Ни стыда, ни совести совсем не имеют?!

И почему Джастер до сих пор молчит?!

Словно услышав мои мысли, Шут тронул бока Огонька и лошадь выступила на шаг вперёд. Невидимая пелена, скрывавшая нас, спала, потому что трое преследователей, как один, обернулись в нашу сторону.

— А ты ещё кто?... — начал один из них и осёкся, так как Огонёк, высоко и внушительно поднимая передние ноги, неумолимо шла вперёд под тяжёлое молчание её хозяина.

Бахира вздрогнула, испуганно посмотрев на меня, но я жестом дала понять, чтобы она оставалась на месте. Что бы ни задумал Джастер, лезть ему под руку я точно не собиралась.

— А...Ашу... Сирай... — Донёсся до меня дрожащий голос. — Ч...что... Что... ты...

— Эта женщина душой и телом отныне принадлежит мне. — Холодный и грозный голос веял ощутимой силой. — Так и передайте своему хозяину. Вы не справились со своей работой. Вы её потеряли. Я — нашёл. Закон есть закон.

«Женщину без сопровождения мужчины может забрать себе любой желающий, и она станет джихайнен» — вспомнилось мне. Вот о чём он говорил...

Однако неудачливые надсмотрщики не спешили отступить. Видимо, они были наслышаны о вчерашних торгах Ашу Сирая на невольничьем рынке и потому решили испытать удачу.

— Но... Ашу... Сирай, — снова начал один из них и его голос с каждым словом звучал всё уверенней. — Я слышал, что ты очень ценишь своё время и женщины для утех тебе не нужны... Всем известно, что ты продал танцовщиц, которые были намного красивее этой негодной женщины! Она ни к чему не пригодна, кроме грубой работы! Зачем тебе эта дикая пустынная тварь, которую надо держать связанной и на цепи? С ней полно хлопот! Позволь, мы заберём её и избавим тебя от лишней заботы!

— Моё время и мои заботы вас не касаются. Убирайтесь.

— Но наш господин разгневется на нас...

— Ещё слово и на вас разгневаюсь я. Считаю до трёх. Два.

Над вскинутой вверх рукой появился шар чёрного пламени. Неудачливые преследователи развернулись и, толкаясь и падая, кинулись прочь, не разбирая дороги.

Шут неторопливо опустил руку, позволяя черному пламени исчезнуть, и остановил Огонька, давая понять, что мы можем приблизиться. Я посмотрела на Бахиру. Та не сводила с Джастера взгляда, полного восторга и восхищения, а ещё непонятной мне веры и преданности. Можно подумать, перед ней не Ашу Сирай, а сам Сурт во плоти!

Да что она себе позволяет?! Джастер — мой!

С трудом подавив неожиданную злость, я тронула Ласточку и мысленно пожелала Бахире потеряться где-нибудь ещё. Но она села верхом на своего мула и тот глухо зацокал копытами справа от меня.

— Едем на базар. — Не оборачиваясь, холодно сказал Джастер, когда я почти поравнялась с ним. — А ты молчи, пока я не разрешу тебе говорить. Если ты отстанешь или потеряешься — пеняй на себя. Я не буду тебя искать.

— Да, мой...

— Я не разрешал тебе говорить.

Ответом стал молчаливый поклон, и я ощутила внутреннее удовлетворение. Как бы там ни было, Джастер вовсе не собирался благоволить этой Бахире, даже приняв её именем Матери Матерей.

Сын Великой Матери... Это же она Датри имела ввиду? Но Джастер никогда себя так не называл. Он всегда говорил, что все люди — дети богов, а дети Шанака и Датри — это боги и демоны. Тогда почему она обратилась к нему именно так? Почему назвала себя дочерью песка и звёзд? Откуда знает имя Джастера, хоть и произносит его так странно — Джасир? Что значит — пард пустыни? И что заставило меня сказать то, что я говорить вовсе не собиралась?

Мне очень хотелось расспросить Джастера и эту самую Бахиру, но прямая спина Шута излучала такой холод и неприязнь, что я прикусила язык, загнав своё любопытство поглубже.

Неожиданное происшествие явно испортило ему настроение.

Очень скоро из переплетения улочек мы выехали на широкую улицу, полную людей, двухколёсных повозок и нагруженных животных всех видов. В этот раз Джастер не скрывался, и исходящие от него холод и недовольство заставляли людей уходить с нашей дороги быстрее, чем они успевали оглянуться и увидеть Ашу Сирая.

Так же быстро вокруг расплзлась тишина, перемежаемая испуганными шепотками, и осторожными косыми взглядами. Появление Бахиры рядом с грозным мастером смерти не укрылось от любопытных глаз, и я слышала, как тихо и украдкой вздыхали другие женщины, сочувствуя бедняжке.

Сама дочь песка и звёзд ехала, опустив голову, и выглядела вполне несчастной. Но я не могла понять, то ли она так хорошо играла свою роль служанки, то ли, в самом деле, расстроена холодным отношением Шута.

Впрочем, это не моя забота. Намного важнее настроение Джастера, потому что мы приехали на это торжище за моими платьями, и я рассчитывала хоть немного поглядеть на местные диковины. Но когда он в таком настроении — на приятную прогулку можно не надеяться...

Базар Онфернина встретил нас множеством громких голосов и запахов. Аромат в воздухе был такой густой и насыщенный, что его можно было резать ножом. Я даже

несколько раз чихнула, к счастью, в царящем вокруг шуме это осталось незамеченным. Под навесами, в шатрах, прямо на земле, на ковриках и невысоких столиках — люди торговали везде, где нашли свободное место. Продавали свежие и сушёные плоды, еду, сладости, тонкую расписную и грубую глиняную посуду, огромные кувшины. Но Джастер ехал мимо, не обращая внимания ни на торговцев, ни на покупателей, замолкавших при нашем приближении.

В этом мрачном расположении духа он миновал начальные ряды, и свернул туда, где вместо навесов были настоящие лавки.

Здесь уже был другой товар. Драгоценности, украшения, золотая и серебряная посуда, свёртки различных тканей, бесчисленные пёстрые ковры... К сожалению, я только мелком могла видеть всю эту красоту: о том, чтобы спешиться и посмотреть поближе всё, что привлекало глаз, даже речи не шло. Белый парн требовал быть молчаливой и послушной. Впрочем, Бахира тоже вела себя скромно и ехала на муле, опустив голову, а не смотрела по сторонам на яркую и пёструю красоту. Только сейчас я заметила, что её парн был хоть и пыльным, но из красивой и не простой ткани.

Интересно, сколько ей лет? Молодая ли она, красивая? Я ведь только испуганные глаза и видела, и даже не помню, светлые они у неё или тёмные, подведены, как тут принято, или нет. Руки у неё красивые, маленькие, загорелые. Пальцы тонкие и их кончики окрашены в красновато-коричневый цвет. Для грубой работы годится и не годится в харем? Хм... Неужели, она даже танцевать не умеет, как и я?

Ашу Сирай ехал шагом, и торговцы замолкали при его приближении. Никто не спешил предлагать свой товар, хотя все видели, что он не один. Интересно, он едет к кому-то конкретному, или просто ищет самого смелого?

Я не угадала.

Джастер внезапно остановился возле одной из лавок, хозяин которой был сух и стар. Его голову покрывал полосатый лоскут ткани, один конец которого был перекинут под подбородком и заткнут за обруч, удерживающий ткань.

— Анарзун. Лучшее. Немедленно.

В подтверждение слов на прилавок упало несколько серебряных монет, по размеру заметно крупнее привычных «листочков» и даже «лепестков». Наверно, эти самые дирхи. Старик опасливо посмотрел на Джастера, потом на нас, пересчитал монеты и кивнул. Белая маска Ашу Сирая его пугала, но не слишком сильно.

— Хорошо, господин.

Следом на прилавке появилось сразу много одежды. Старик поднимал и показывал Джастеру широкие штаны, стянутые на щиколотках завязками, безрукавки, свободные рубахи, простые и расшитые узорами, яркие и тёмных цветов. Шут же лёгким движением руки давал понять нравится ему или нет. Очень быстро он выбрал несколько нарядов, и старик с поклонами протянул ему узел с одеждой.

— Забери, — коротко и холодно бросил Джастер.

Бахира, не покидая седла, наклонилась и подхватила покупки. Брови старика взлетели вверх, но Шута такая ловкость не удивила.

Неужели они всё-таки знакомы? Не просто так ведь он сердится, а она не испугалась того, кого боялась вся Сурайя... И... как она нашла Джастера в Онферине? Что их связывает?!

Она же не его бывшая, правда, Матушка?!

В ответ на моё внезапное отчаяние в глубине души появилась ощущение ласковой улыбки, и снова пришло спокойствие, словно сама Датри погладила меня по голове.

Не волнуйся, а слушай и смотри, Янига. Учись видеть и слышать...

Тем временем, Ашу Сирай продолжил своё шествие по базару. Он миновал богатые ряды, доехал до торговцев зерном и купил два больших мешка с овсом, которые тоже были погружены на мула.

Следующей покупкой стал шатёр из плотной светлой ткани, расшитый цветами. Свёрток с шатром был приторочен позади седла Бахиры, которая ехала, по-прежнему не поднимая головы.

За всё это время Шут не произнёс ни слова больше необходимого. К нам он даже не обращался, а с торговцами говорил так, что те серели от страха и заикались.

Недовольство Ашу Сирая было заметно на грани гнева.

Не смотря на это, я надеялась, что он всё-таки вернётся в ряды с нарядами и купит мне обещанное платье. Однако Шут направил Огонька в одну из улиц, и я поняла, что обещанных платьев не будет. А значит... Значит мне придётся доставать и зашивать свои старые платья.

Не ту же мужскую одежду мне носить.

От таких мыслей настроение испортилось окончательно, но оказывается, с покупками ещё не было закончено.

Через некоторое время петляния по улочкам мы подъехали к ещё одному базару, где продавали животных. Здесь были кони, мулы, те самые звери, похожие на горбатых лосей, и много мелкой домашней скотины.

А здесь-то мы зачем?

Он же не собирает наших лошадей продавать?!

Ну уж нет! Я свою Ласточку не отдам!

Словно услышав мои смыслы, Джастер обернулся. Белая маска заметно хмурилась, а от чёрных прорезей глаз веяло таким могильным холодом, что посреди жаркого дня меня пробрал озноб. Я мигом растеряла свой боевой настрой и прикусила язык. Шут перевёл взгляд на Бахиру. Та вскинула голову, почувствовав его внимание, и тут же поникла под его взглядом, сжавшись в седле, как и я.

Джастер отвернулся и направился к загонам с лошадьми.

Как и первом базаре, здесь люди тоже шарахались прочь, уступая дорогу Ашу Сираю. Слуги и невольники прятались за спины своих хозяев, сами торговцы испуганно смотрели на высокую и грозную фигуру в чёрном, наверняка молясь Сурту, чтобы этот покупатель их миновал.

Джастер же медленно ехал вдоль загонов, рассматривая лошадей. А лошади были красивые. Гнедые, рыжие и серые, они резвились в загонах, не обращая внимания на испуганных людей. Не слишком крупные, крепкие, поджарые, тонконогие, с выразительными глазами и высоко поднятыми хвостами, эти лошади чем-то напоминали домэрских. Наверняка тоже очень хорошие, иначе бы Джастер не приехал сюда...

Тем временем Шут подъехал к одному из загонов и спешил, жестом показав, чтобы ему открыли вход в загон. Невольники, не спрашивая разрешения резко побледневшего хозяина, с поклонами отодвинули загородку, и Джастер, бросив повод от Огонька мне, вошёл внутрь.

Огонёк недовольно фыркнула и попыталась освободиться, но я держала крепко. Бахира же, убедившись, что мне помощь не требуется, обратила внимание на Шута.

Джастер стоял посреди загона, а около десятка разномастных лошадей спокойно ходили и гарцевали вокруг, словно не замечая его. Невольники и слуги недоумённо переглядывались, а сам хозяин морщил лоб, не понимая, что происходит. Остальные посетители базара и владельцы других загонов собирались в любопытствующую толпу, но ближе, чем на десять шагов никто не осмеливался к нам подходить.

В какой-то момент за мелькающими лошадьми я потеряла Дажстера из вида, но не успела найти его взглядом, как неожиданно раздался резкий и пронзительный свист.

Что тут началось! Весь базар встал на дыбы! Мулы орали, кони ржали и били копытами, горбатые «лоси» тоже противно и трубно кричали... Мелкая живность блеяла на разные голоса, орали куры и утки, лаяли собаки...

Люди, собравшиеся поглазеть на Ашу Сирая, кинулись кто куда: кто-то ловить и успокаивать свой товар, а кто-то наверняка надеясь разжиться в кутерьме за чужой счёт. Хозяин загона схватился за голову, а невольники кинулись запирать проход, чтобы не выпустить лошадей.

Только наши лошади стояли на месте. Ласточка стригла ушами, а Огонёк недовольно трясла головой, фыркала, и била землю копытом. Видимо, у них и в самом деле была особая выучка. Впрочем, меня удивило не это, а то, как Бахира ловко и уверенно справилась со своим мулом, который попытался сбросить седока и поклажу. Сильно натянув повод, она заставила животное прижать голову к груди, и гладила его по шее, что-то приговаривая в длинное ухо.

Отвлёкшись от Бахиры, я огляделась в поисках Джастера. К моему удивлению, Шут спокойно шёл к выходу из загона, а следом за ним шла рыжая лошадь с белой полоской на морде. Под солнцем её шкура отливала яркой медью.

«Рыжие мне тоже нравятся», — вдруг вспомнилось мне, и я досадливо прикусила губу. Не за цвет же он эту лошадь выбрал...

И что это был за свист? Неужели это он свистел? Но зачем?

— Сколько?

Белая маска обратилась к хозяину загона. Тот вытер лоб рукавом, перевел испуганный взгляд с Джастера на лошадь и обратно и выдавил:

— П-пять... тысяч... По-чтенный Аш-шу Си...рай...

Одна бровь маски приподнялась, а прорези глаз прищурились.

— Сколько? — холодно переспросил Шут.

— П-пя... Четы... Три... — под непередаваемым взглядом Ашу Сирая торговец дрожал и обливался потом, то и дело вытирая мокрыелоб и лицо рукавами. — Д-две...

Прорези глаз прищурились ещё больше и торговец не выдержал.

— Ты-тысяча таланов, Ашу Сирай! — Он рухнул на колени, хватаясь за голову руками. — Только пощади, умоляю! У меня семья, жена, дети сиротами останутся! Пощади! Самое лучшее седло в подарок дам, уздечку дам, только не убивай!

Сколько?! Тысяча талонов?! За лошадь?! Да они что, с ума посходили?! Это же... Это же полторы тысячи роз! Это же гора золота!

— Тысяча, — холодно сказал Шут, выводя рыжую лошадь из загона. — Это не чистокровная сиглави или кохейлан, а полукровка. Она не стоит дороже. Седло и уздечку оставь себе.

Под ноги торговцу упало три туго набитых больших кошеля. Завязки на одном не выдержали, и из горловины на утоптанную землю ручейком потекли золотые монеты.

Торговец разом забыл свои стенания и кинулся собирать деньги и кошель, пряча их за пазуху.

Я тихо застонала про себя. Он и в самом деле отдал за лошадь тысячу таланов! Да Вахала за мою голову награду во много раз меньше назначила! Да мне бы этих денег на всю жизнь хватило безбедно жить!

Ну зачем, зачем, зачем она ему?!

Что в этой лошади такого особенного?!

Почему она важнее, чем мои платья?!

Не этой же Бахире же он её купил, в самом деле? У неё вон, свой мул есть! Пусть на нём едет! А ещё лучше, — убирается туда, откуда пришла!

Джастер, не обращая внимания ни на кого, забрал у меня повод Огонька, сел верхом и поехал вперёд. Рыжая лошадь шла за ним, как привязанная.

За конными рядами оказались лавки шорников, и там Джастер озаботился упряжью и прочим снаряжением для рыжей лошади и мула. Солнце уже клонилось к вечеру, когда рыжая была взнуздана и оседлана, мул нагружен нашими вещами, а Бахира пересела с него на новую лошадь.

Всё это время я молча злилась на всех них, и радовалась только тому, что парн скрывает моё лицо.

Больше всего мне хотелось прогнать эту Бахиру и высказать Джастеру то, что накопилось на душе. Но каждый раз натыкаясь на холодную черноту взгляда Ашу Сирая, я робела и прикусывала язык, понимая, что не стоит лить масло в огонь.

Слишком хорошо я помнила, какой он в гневе и стать причиной такой его ярости мне совсем не хотелось.

Бахира же послушно молчала, и с поклонами делала всё, что говорил Шут.

Когда Джастер закончил со всеми покупками и делами, солнце уже начало красить белые стены Онферина в оттенки золота. Звёзды на куполах сверкали, и город выглядел волшебным и очень красиво. Даже не скажешь, какие дела тут творятся...

К воротам города мы успели в последний момент, когда стража уже торопила последних желающих пройти в город. Конечно, Ашу Сираю грозная охрана не сказала ничего, и наша троица выехала за ворота в молчании, провожаемая косыми взглядами.

Как я и ожидала, с дороги Шут свернул очень скоро, едва Онферин скрылся за очередным холмом. Наши лошади шли походкой рысью, и я заметила, что рыжая ничем не уступала Ласточке или Огоньку. Мул, нагруженный нашими вещами и привязанный к рыжей, спокойно трусил следом. Бахира держалась в седле легко и привычно, по-прежнему не прерывая своего молчания. Я тоже не спешила начинать разговор, понимая, что сейчас для этого не время и не место.

Поговорить с Джастером я успею, главное сейчас от него не отстать по этому бездорожью...

Очень скоро холмы с садами и домиками остались за спиной, и перед нами, от края и до края, протянулось бесконечное поле высокой травы. Пушистые хохолки клонились под ветром, и казалось, что вокруг нас несёт свои волны «море» из серебра и золота...

Изредка в этом «море» встречались островки из невысокого кустарника, но Джастер не

останавливался, и я не успевала рассмотреть детали.

Наша скачка продолжалась почти до сумерек. Лишь когда солнцу оставалось совсем немного до края земли, Шут направил Огонька к одному из таких островков.

Без лишних слов он спешился, привязал лошадь к ветке и направился к мулу. Мы с Бахирой тоже спешили, привязали своих лошадей рядом с Огоньком и стали помогать обустроить наш ночлег.

Вещей оказалось намного больше, чем я думала. Среди поклажи нашлись колышки и невысокий шест для нового шатра. Пока Джастер возился с ним, мы с Бахирой наломали для костра сухих веток кустарника с мелкими листочками, на ощупь словно покрытыми воском. У корней земля была влажная и Бахира раскопала ямку поглубже. Забил родник и я поняла, что сама бы даже не подумала о таком. Временно забыв свои обиды, я помогла ей сделать ямку глубже, чтобы можно было набрать воды для нас и лошадей...

Пока я набирала воду в котелок, Бахира занялась лошадьми и мулом. К ней присоединился Джастер, который поставил шатёр и отнес в него наши вещи, оставив у костра только свою торбу и одну из сумок с едой.

Когда костёр был разведён, а лошади и мул обихожены, мы, наконец, сели возле огня. В котелке уже закипала вода, в которую Джастер бросил листья чифе. Я достала лепешки и вяленое мясо, а Бахира из своей поклажи достала мешочек с сушеными фруктами.

И только теперь Шут снял маску Ашу Сирая.

— Сын Великой Матери всё также отважен и прекрасен, как на страницах моей памяти, — негромко сказала Бахира, глядя на хмурого Шута с неподдельным восхищением. — Воистину, ветер времени не властен над ним!

Что?! Ветер времени не властен?

И... они, всё-таки, знакомы?!

Но я не успела даже возмутиться или открыть рот, чтобы задать вопросы, как Джастер заговорил.

— Я принял тебя, Бахира, только для того, чтобы помочь тебе покинуть Онферин. Дочери песка и звёзд не место среди невольников и наложниц. Теперь ты свободна. Твою лошадь зовут Эльнару, Пламя. Забирай её и возвращайся к своему народу. Ни я, ни госпожа Янига не будем держать тебя.

На женщину он не смотрел, помешивая листья чифе в кипящей воде, пока я кусала губы под парном, стараясь не разревется в голос от досады и обиды

За целую тысячу таланов он ей лошадь купил, значит, чтобы она домой уехала, а для меня и пары серебряных дирхов пожалел на новое платье, хотя обещал... А я так ждала и надеялась...

Бахира вздрогнула и замерла с узорной глиняной чашкой в руках, которую достала из своего мешка, а затем медленно опустилась на колени и поставила посуду на землю. Но я ошиблась, когда решила, что она обрадовалась такой новости.

Она подняла руки, — на тонких запястьях тускло блеснули многочисленные браслеты, — и сняла парн с головы. Увидев её лицо, я тихо ахнула от изумления, забыв свои обиды.

Бахира оказалась старше меня и наверно, даже старше Холиссы. И хотя она не была ведьмой, но при этом сохранила удивительную красоту. Чёрные блестящие волосы были заплетены во множество тонких косичек, хитроумно уложенных на голове и украшенных

каменными колечками и золотыми накладками с красными и синими камнями. Её кожа золотилась почти как у Джастера, но удивительней всего были рисунки на её лице. Странный голубой полумесяц, больше похожий на коровьи рога, украшал её лоб, над прямыми чёрными бровями от него изогнутыми линиями разбежались красные точки и такие же точки украшали её скулы, привлекая внимание к глазам. Губы, всё ещё полные и чувственные, были выкрашены в тёмный цвет.

Необычные глаза Бахиры — светлые, с тёмным ободком, были тонко подведены чёрным, и отражали свет костра, словно глаза настоящей кошки.

Она была красива зрелой и спокойной красотой и в тоже время эта красота была настолько необычна, что я не могла перестать смотреть на неё, хоть и понимала, что это становится неприличным.

А вот Шут, как обычно, лишь глянул мельком и снова смотрел в огонь.

— Помнит ли могучий Джасир, что означают эти знаки? — Бахира, слегка смущённая таким невниманием, коснулась окрашенными кончиками пальцев рисунков на лице.

— Да, — коротко ответил Шут, снимая котелок с огня. — Поэтому скажу ещё раз: возвращайся к своему народу.

— Помнит ли пард пустыни дитя, что спас однажды в диких песках?

— Помнит. — Хмуро ответил Джастер, по-прежнему не глядя на женщину.

— Не стёр ли ветер времени те страницы памяти, где записаны дни, что провёл мудрый Джасир среди маджанов?

— Не стёр, — ещё мрачнее буркнул Шут. — Я всё помню, Бахира, поэтому не испытывай моё терпение своими вопросами.

— В таком случае, сын Великой Матери помнит и то, что мы, маджаны, всегда молились той, что дала жизнь всему живому под своим звёздным покровом, — с неожиданным достоинством сказала Бахира, а я поняла, что она не так проста, как показалось на первый взгляд, и не уступит Джастеру в упрямстве.

И что это за дитя, которое он спас в этой самой пустыне? Её дочь или сын?

— Мать Матерей всегда освещала наш путь своей улыбкой, и она благословила мой род и меня даром своих видений. Много раз эти видения спасали нас от бед и невзгод и мудрый Джасир прав в том, что моё место было среди маджан. Но я здесь, ибо такова воля Великой Матери. Она явилась ко мне и повелела найти того, кто однажды спас жизнь неразумного дитя, кто показал нам новый путь, кто помог моему народу преодолеть плен песков, обрести новый дом и сохранить свободу. Того, чьё имя по-прежнему заставляет трепетать от страха сердца людей с душами шакалов, как пустынный заяц трепещет при виде парящего в небе орла. Великая Мать поведала мне, что пришло время вернуть мой долг и долг народа марджан. Повинуясь её воле, я отправилась в проклятый город на берегу Белой реки. Я проделала долгий путь, и наши воины сопровождали меня до стен проклятого города, но дальше я должна была пойти одна. Признаюсь, Джасир, я была неосторожна, потому один из этих нечестивцев, забывших своих матерей, увидел меня и пожелал получить себе, словно ребёнок новую игрушку. Но ведомая рукой Великой Матери, я нашла тебя, мой господин. И выполняя её волю, я останусь с Джасиром и последую за Джасиром, куда бы ни лежал его путь. Это мой долг и долг моего народа перед тобой. Любой из маджан тоже принял бы его с честью, но Мать Матерей доверила мне исполнить его.

Видения от Великой Матери? Нашла нас, ведомая её рукой, чтобы помогать Джастеру и вернуть долг?

Ох, у меня от этих тайн скоро голова лопнет...

— Кто остался вместо тебя?

— Моя дочь заняла моё место и стала руютон маджан вместо меня.

— Где твой конь?

— Мой конь вернулся в свой табун, Джасир. И я благодарна тебе за столь щедрый подарок.

Да уж, щедрый... Драгоценный! В целую тысячу таланов...

— Знаешь ли ты, куда я направляюсь?

— Нет, мой господин. Великая Мать не открыла мне этого.

— Я еду на север. В страну, где люди не помнят богов и почти утратили свою силу. Там говорят на другом языке, там мужчины и женщины ведут себя совсем иначе, чем здесь. Там у меня и госпожи Яниги есть дела и они опасны. Я ничего не могу тебе обещать.

Бахира посмотрела на меня, а потом снова перевела взгляд на Шута. Светлые кошачьи глаза были полны незнакомого мне спокойствия и уверенности.

— Такова воля Великой Матери, Джасир. И таковы моя воля и моё решение. Я еду с тобой.

— На моём пути есть опасности, с которыми ни ты, ни люди ещё не сталкивались, Бахира. Ты можешь погибнуть.

Я думала, эти слова её напугают своей откровенностью, но женщина только чуть вскинула голову, а на тёмных губах появилась лёгкая улыбка.

— Жизнь и смерть всегда держаться за руки, как влюблённые. Кто боится смерти, тот не познает истинный вкус жизни. Так ты нас учил, Джасир, и эти слова вошли в кровь и плоть моего народа. Я не боюсь умереть. Мои глаза по-прежнему остры, а мой слух не изменяет мне. Мои руки помнят, как держать саберон, а моё тело в силе и ловкости не уступит юным девушкам. Я могу позаботиться о себе и не стану обузой для тебя, Джасир.

Смерти она не боится и не станет обузой... Ой мне...

Шут же впервые взглянул на Бахиру. Взгляд был тёмным и усталым.

— Сегодня мне пришлось купить для тебя лошадь, Бахира. И не только её. Твоё появление очень сильно спутало все мои планы.

Это его откровенное признание внезапно сняло груз обиды с моей души. Вот почему он так злился... И вот почему я осталась без обещанного платя. Ему пришлось не только для Бахиры лошадь купить, но ещё и свои планы из-за неё менять... А значит... Значит, не попроси она его о защите именем Матери Матерей и не скажи я что она едет с нами, Джастер не стал бы так о ней заботиться. Проводил бы за городские ворота и ездая на своём муле, откуда пришла...

И лошадь он бы покупать не стал. А купил бы мне платя.

Планы она ему спутала... И мне тоже, между прочим!

Женщина опустила глаза, сложила перед собой руки и низко поклонилась в ответ, едва ли не коснувшись лбом земли.

— Я искренне сожалею, что так вышло, о Джасир. Я в неоплатном долгу перед тобой. И потому я буду служить тебе и...

— Ты готова выполнить всё, что я попрошу или потребую от тебя? — перебил Шут.

— Да, Джасир, — спокойно и с достоинством ответила она, выпрямив спину и глядя ему в глаза. — Я сделаю всё, что ты скажешь.

— Хорошо.

Джастер вздохнул, и я поняла, что разговор закончен.

— Дорога до нужного места займёт несколько дней. Для начала тебе придётся выучить язык Эрикии. К госпоже Яниге, — он кивнул в мою сторону, — обращай только так. Госпожа Янига понимает тебя, хоть и не говорит на языке маджанов, так что будете учиться друг у друга. Спать будете в одном шатре. Пока мы не достигли границы, переоденьтесь в это, — он пошарил в наших вещах и протянул Бахире свёрток. — Всё остальное — потом. Завтра мы выходим рано, так что поешьте и ложитесь спать.

— Да, Джасир, — коротко и с достоинством склонила голову Бахира.

Шут налил себе чифе, взял лепешку и полоску мяса, встал и пошёл прочь от костра, оставляя нас с Бахирой наедине.

Я только вздохнула, понимая, что он не желает больше говорить на тему своего прошлого, а значит, со всеми вопросами придётся подождать. Или...

Или как-то расспросить эту Бахиру.

В конце концов, раз уж она идёт с нами и это воля самой Датри, мне нужно найти с ней общий язык. Впрочем, сначала лучше действительно поесть.

Я сняла парн, но не успела донести лепёшку до рта, как обнаружила, что моё лицо оказалось в сухих и горячих ладонях Бахиры, а светлые глаза смотрят на меня с искренним любованием.

— Госпожа прекрасна. — Она касалась меня легко и ласково, тёмные губы улыбались. — Хозяин песка и неба щедро одарил госпожу своим огнём. Мудрый Джасир хорошо спрятал госпожу от непотребных взглядов.

— Я просто рыжая, — буркнула я, внезапно смутившись под её взглядом. — В моей стране это обычное дело.

— Почему госпожа сердится на меня? — удивлённая Бахира не поняла ни слова, но легко уловила мой тон. — Я сказала что-то плохое?

— Нет! — Я торопливо покачала головой, потому что добрый и пронизательный взгляд смущал меня всё сильнее.

Бахира словно поняла это и отступила, сев рядом.

— Моя дочь, Айшу, «Звезда», теперь стала руютон для моего народа, — она смотрела на небо, где зажигались звёзды. — Ей столько же лун, сколько госпоже. Я верю, что однажды снова увижу её.

— Откуда ты знаешь, сколько мне лун? — удивилась я, совсем забыв, что Бахира не понимает моего языка. — Ой, прости...

— Как зовут юную госпожу? Что означает её имя? — спросила она, протягивая мне мою чашку, полную чифе.

— Янига, — ответила я, удивившись её вопросу. — Это ничего не означает, просто имя.

— Яния, — довольно кивнула она. — «Добрая и любимая». Это имя очень подходит той, что щедро одарена Отцом и Матерью.

От этих слов желание поправить Бахиру исчезло прежде, чем я успела открыть рот.

Яния. Добрая и любимая... Вот бы Джастер меня так назвал... Хотела бы я такой быть для него...

Словно услышав мои мысли, Шут возник из темноты, снова наполнил свою чашку чифе, прихватил ещё пару лепёшек и полосок мяса и исчез так же молча, как и появился.

Мне очень хотелось просто побыть с ним рядом, но он не желал сейчас ничего общества. Наверняка обдумывает новые его планы, да и его любовь к тишине и одиночеству

никуда не делась.

Но мог бы хоть у костра посидеть, а не уходить в ночь. Вместе бы помолчали...

— Сын Великой Матери открыл своё сердце людям, но по-прежнему не желает открывать его человеческим дочерям. Наша красота и чувства не прельщают его. — Бахира с грустной улыбкой смотрела вслед исчезнувшему в темноте Шуту, и я вдруг поняла, что она тоже влюбилась в него однажды и продолжает любить даже сейчас.

Её дочь... Неужели... Нет, этого не может быть. Я помню, как он смотрел на Фелисик и как спасал ребятшек в Чернецах. Может, любовь Бахиры его ни к чему и не обязывает, но я уверена: он бы знал, что у него есть ребёнок, и ни за что бы не оставил свою дочь и её мать.

Значит, когда-то он спас её дочь от смерти и помог её народу найти новый дом и обрести свободу. Поэтому Бахира безоговорочно верит и доверяет Джастеру. Не то, что одна ведьма, которая до сих пор...

Нет, в Шуте я больше не сомневаюсь. А вот в себе, как в женщине...

Не открыл своё сердце...

«Забудь, ведьма».

«Забудь, не то я тебе смотрела...»

Ох... Неужели... Неужели Бахира права, и даже та нежность и забота, которую я узнала с ним рядом, ничего... совсем ничего не... Нет, не хочу об этом думать! Не сейчас.

Джасир, Сын Великой Матери... Пард пустыни, который однажды помог целому народу...

Ещё одно его прозвище и страница из прошлого, о которых я случайно узнала.

И каждая страница всё больше отдаляла его от меня. словно между нами одновременно разверзлась пропасть и выросла стена.

«Не равна тебе птица по полёту...»

Ох, не равна, Даэ Нану. Совсем не равна.

Великие боги, я начинаю скучать по тем дням, когда считала Джастера простым музыкантом, ставшим наёмником из-за несчастной любви, и сочиняла свои сказочки, а он шутил и смеялся надо мной...

Как давно это было... И как наивна и беззаботна я тогда была...

Останусь ли я в его памяти, когда он закончит с моими делами? Ведь я — не его женщина. Не его Яния...

Женская красота и чувства его не прельщают... Знаю. Уже сама это поняла.

Ох, Янига, Янига... Молись — не молись Датри, а любовь или есть — или её нет.

Взгляни уже правде в глаза. Скольких, как ты, он уже повстречал, помог им и оставил? Вот она, одна из его прошлого, рядом сидит...

И ты также по нему вздыхать будешь.

Не сможет он меня отпустить, как же... Сколько раз уходил, когда я по глупости его прогоняла...

Вот и сейчас так будет. Закончит помогать мне с делами и уйдёт.

И никакие мольбы его больше не остановят.

Потому что... потому что браслета двух судеб больше нет. Сама порвала. Сама отказалась.

А он... Он принял это моё решение. Потому что свобода воли. Потому что Шанак уважает решения Датри, а он... Он берёт пример с Шанака. Сын Великой Матери...

Только вот мне с Датри никогда не сравнится.

И ровней ему не стать.

Великие боги, мнила когда-то себя умной, гордилась тем, что я ведьма, мечтала Холиссу превзойти, чтобы мужчин покорять, а сама даже местным наложницам в подмётки не гожусь... И красота моя ничего не значит.

Не ведьма, а глупая деревенская девчонка, которая даже о себе толком позаботиться не может.

Бахира ему обузой не будет.

Это я для него обуза, которой он помощь пообещал, потому что по судьбе.

И если бы не эта его судьба — прошёл бы мимо и не заметил.

Горько-то как...

— Я вижу, мои слова огорчили госпожу. Не печалься, Яния, покушай, — Бахира с ласковой улыбкой протянула мне тёмный сушёный фрукт. — Это успокоит твой ум и порадует твоё сердце.

Тихонько вздохнув, я взяла угощение. Фрукт оказался очень сладким и вкусным, только с крупной и длинной косточкой внутри. Я выплюнула её на ладонь и вспомнила, как Джастер когда-то давно накормил меня снежнягодником, а потом толк высушенные семена, чтобы сделать яд.

Ничего он Бахире обещать не может, потому что мне обещал помочь.

Опасные у него дела... Пошутил он, что ли? По сравнению с тем, что я успела увидеть в Сураие, Вахала для него такая мелочь...

Но рядом с ней есть ещё какой-то демонолог, с которым Джастер собирается разобраться сам. И где-то скрывается враг Шута, из-за которого он и дал мне пузырьёк с ядом. Потому что это будет лучший выход для меня...

Ох, Великие боги... Надеюсь, мне никогда не придётся воспользоваться тем пузырьёком.

Но что теперь он будет делать, когда в его планы вмешалась сама Датри, прислав Бахиру? Зачем ей изображать служанку? И какую роль на этот раз он придумает для меня?

Ведь госпожу ведьму Янигу в Эрикии по-прежнему ищут по дорогам «волки», а по лесам — любители лёгкой наживы. Вахала наверняка уже знает о случившемся на Гнилушке и награда за мою голову заметно выросла. И под белым парном там не спрячешься...

А может... Может, эта карга взъярилась настолько, что демонов уже посреди дня на людей насылает, пока я тут, с Джастером... Хотя нет, это не она их насылает, а тот самый демонолог...

Или, всё-таки, она? В Пеггивилле же она приворот на свинью сделала...

И как я должна с ней разобраться, по его мнению? Мои боевые заклинания не для людей, ими поугатать только, а проклятиями я раскидываться не могу. Хороша ведьма, которую из-за своих же проклятий тошнит... Не на мечях же мне с ней драться, в самом деле? Это вообще не ведьминское умение. Сам же сказал, что сам убьёт, кого надо...

А ведь там ещё герцог и его сын... Они тоже в стороне стоять не будут, раз их Вахала околдовала. С ними-то что делать? Если они хоть как-то пострадают, это уже не шутки, это смертная казнь, будь ты хоть трижды ведьма.

Или... Джастер потому и дал мне этот пузырьёк, чтобы на Вахале его использовать? Но как к ней подобраться, чтобы в еду или питьё отраву налить? Она же во дворце герцога засела, по трактирам не ходит, с золотых тарелок ест, из драгоценных кубков пьёт...

Надеюсь, Холисса с Микаем до Кронтуша благополучно добрались. Хорошо, всё-таки, что она с ним поехала, и за Микаем приглядит, обмануть его не даст, а сама в безопасности, подальше от этой карги и её разбойничков.

Ой, мне... Всё хотела в тайнах Джастера разобраться, а про свои заботы забыла совсем.

Задумавшись о будущем, я не заметила, как сжевала мясо и лепёшку, запивая чифе. Бахира также молча ела, сидя в шаге от меня.

Когда я поела, то поняла, что Шут не собирается возвращаться к костру. Видимо, он ушёл к нашим лошадям. А мне придётся спать в новом шатре. Он, конечно, красивый и большой, только...

Только я хотела делить его с Джастером, а не с этой... Бахирой.

Но что я могла сделать, если её прислала сама Датри? Даже Джастер не стал перечить воле Великой Матери, да и мнение Бахиры он тоже... уважал.

Как и моё. Иногда. Из его покупок на базаре я ничего не увидела, подходящего для моего нового платья.

— Джасир прав. — Бахира тоже закончила с ужином. — Мы все должны отдохнуть перед дальней дорогой.

Она встала, взяла свёрток с одеждой, который оставил Шут, забрала свою чашку, и пошла к моему... нашему шатру.

Я посмотрела в темноту, где скрывались наши лошади и Джастер, и со вздохом отправилась следом за Бахирой.

Как оказалось, Шут опять обо всём позаботился. В шатре горела моя лампа для чтения, лежало несколько ярких и пестрых покрывал и красивые подушечки, украшенные кистями. Ещё стояла небольшая жаровня на треножнике.

Бахира развернула свертки и достала нам новую одежду. Широкие штаны, вышитые рубахи, длинные безрукавки, пояса в виде длинной и широкой ленты, ещё какие-то свёртки ткани и... Это-то он когда успел? Кожаные сапожки, украшенные вышивкой!

— Ай, Джасир! Ай, хитёр! — Бахира всплеснула руками. — Воистину, никто не сравнится с его умом и хитростью!

Я только сердито нахмурилась. Вот же какой! Этой Бахире, значит, всё понятно, а мне даже слова не сказал! И как я должна теперь с ней разговаривать, если она меня не понимает?!

Ещё и переодеваться при ней... Ладно, хоть у этой...этого... этих... ткань обычная, а не это бесстыдство...

Я скинула парн, но не успела протянуть руку за рубахой.

— Что это, госпожа? — Бахира с неприкрытым изумлением смотрела на ожерелье с когтем кхвана, о котором я совсем забыла, настолько привычно и незаметно оно лежало на груди, не царапая кожу и не цепляя тонкую ткань.

Я коснулась гладкого огромного когтя, размером с мою ладонь и ощутила едва заметное тепло внутри. Он словно дремал, но прислушивался ко мне, что хочет хозяйка?

Почти как Живой меч. Волшебство Джастера во плоти. Надёжное и сильное, как он сам.

— Это... — я хотела сказать «подарок Джастера» и осеклась от внезапного понимания того, насколько привыкла во всём полагаться на Шута.

Вообще во всём.

Он начал заботиться обо мне почти с самого начала нашего знакомства и заботился до сих пор. Еда, одежда, ночлег, оружие, склянки для зелий... Да даже пошлину в город платил он, а не я! Но, самое главное, он заботился о моей безопасности. Госпожа ведьма Янига сражалась только там, где Шут был уверен, что я справлюсь, и я справлялась. С помощью драксы, с помощью Микая, с помощью... Бахиры?

Великие боги... Неужели... Неужели Бахира пришла для того, чтобы помочь мне справиться с Вахалой?!

Но... Но какая я тогда буду ведьма-защитница, если не смогу сама победить эту каргу? Какое право я буду иметь называть её надел — своим? Ведь я... я ничего не сделала сама.

Джастер то, Джастер сё. Джастер не уходи, Джастер уходи. Джастер спаси меня, убей разбойников, убей Вахалу, убей демонолога... Купи мне платье, сшей мне туфли, сделай для меня то, сделай это... Сколько ещё он бы нянчился со мной и кого ещё ему пришлось бы убить спасая меня, чтобы я наконец поняла: так нельзя.

Он — не мой «пёс», чтобы всю жизнь сидеть возле моей юбки и охранять меня от всего и вся.

Он не мой слуга, чтобы всю жизнь кланялся «госпоже ведьме», которая сама о себе позаботиться не может.

Он — не бедный музыкант и шут, который побирается по дорогам и поёт скабрёзные песенки по трактирам, потому что больше ничем не может заработать на кусок хлеба.

Он знает столько, что наверняка заткнет за пояс всех королевских волшебников, вместе взятых.

Он — Ашу Сирай, могучий мастер смерти, чьё имя держит в страхе целую страну. Он тот, кто на равных говорит с самим Тёмнооким Суртом и его Верховным Взывающим. Он — Джасир, пард пустыни, сын Великой Матери, который спас целый народ и которому готова служить та, что занимала не последнее место у себя дома.

И это только в Сурае. А ведь есть и другие страны, и другие народы, где Джастер тоже наверняка известен...

Сколько у него масок? Сколько имён?

Шут знал и умел столько всего, что мне целой жизни не хватит, чтобы узнать его тайны и научиться хотя бы крохам того, что знает он.

Ему только крыльев не достаёт...

Его враг таких, как Вахала, на завтрак, обед и ужин ест, если захочет. Ха... Джастер своему врагу наверняка ничем не уступает.

А я? Кто я?

Что я сама достигла в своей жизни?

Зелья из «мусора» делать научилась за двенадцать лет? Туфли из плохой кожи покупать, медяки зарабатывать, «изыди» на всё озеро орать да нос задирать, потому что «госпожа ведьма»?

А ещё за Шута прятаться и на него же обижаться. Потому что он мне помочь обещал, а я вместо благодарности и ответной помощи ему на шею села и ноги свесила. Ещё и недовольства высказывала: то мне не так, это не этак.

Дитя капризное, а не ведьма. Стыд и позор такой быть.

Женщина для мужчины честь и совесть... Позорище я для него, вот кто.

Шут полудурка изображал, чтобы разбойников обмануть, а я и в самом деле такой была.

Это не он «не мой мужчина», а я ему даже в подмётки не гожусь.

Ему даже местные невольницы со всей своей красотой, умениями и умом не пара. Матушка, Датри, какой необыкновенной была та женщина, что Джастера с одного взгляда покорила...

Уж точно не такая наивная и капризная дурочка, как я.

Великие боги... Он, наверное, спит и видит, как от меня отвязаться поскорее.

Новое осознание окатило меня холодом изнутри.

Так больше нельзя.

Я должна сама заботиться о себе и сама справляться со своими врагами и трудностями.

Кому много дано, с того много спросится, да?

Не знаю, что мне дали Шанак и Датри, кроме веснушек, рыжих волос и моего дара, но я пока ничего не сделала, чтобы даже это доверие оправдать.

Только ныла да за Джастера цеплялась, надеясь, что он всё за меня сделает.

И капризничала, как дитя.

Как он говорил? «Сильный враг — это хорошо. Значит, ты тоже сильна, раз тебя сочли достойным противником». «Ты доверяла своей силе и поэтому всё получилось». «Ты не веришь себе и потому не веришь мне?»

Выходит... выходит я до сих пор не доверяю себе и своему дару, раз боюсь... боюсь выйти из тени Джастера.

Но это моя забота как победить Вахалу. Моя забота, как потом разобраться с герцогами. Моя забота, как оправдывать своё имя госпожи ведьмы-защитницы и помогать людям тех наделов, хозяйкой которых я себя объявила.

Любовь...

Любовь ни к чему не обязывает. Сколько раз он говорил мне это? Но только сейчас я поняла, что он имел в виду.

Он оставил свою возлюбленную с другим, потому что она так выбрала, и ушёл. Но продолжает её любить до сих пор.

Бахира любила Шута, но это не помешало ей жить, растить дочь и быть счастливой, когда Джастер оставил её народ. Она не кидалась ему в ноги в слезах и с мольбами остаться, потому что без него не справится.

Даже сейчас она пришла помочь ему, встать рядом с ним, а не быть для него обузой.

Это была не только воля Датри, но и её личное решение. Её выбор, её свободная воля.

Она не переживала о том, как оставить Джастера возле себя. Она не просила у него ни новой одежды, ни лошадь за тысячу таланов. Но приняла их как его подарок, с благодарностью и... и готовностью отплатить добром за добро.

Значит, я тоже должна последовать этому примеру. Не важно, уйдёт Шут или останется, когда мы... я разберусь с Вахалой. С Джастером или без, моя жизнь не закончится после этой победы. Я должна сама думать, что я хочу, что мне делать и как жить дальше.

Как... как взрослая ведьма.

— Яния? — Бахира смотрела на меня озабоченно. — Всё хорошо, госпожа моя?

— Да. — Я сжала коготь квана в кулаке, словно это могло помочь мне укрепить моё решение. — Всё хорошо. И пожалуйста, Бахира, зови меня Яния.

— Гос... — Она удивлённо посмотрела на мой палец, который я осторожно приложила к её губам.

— Яния, — с улыбкой повторила я, опуская руку.

— Яния, — улыбнулась в ответ Бахира. — Раз ты из другой страны и не знаешь нашего

языка, то, наверное, не умеешь носить анарзун. Помочь тебе одеться?

Не умею носить рубаху и штаны? Да что тут уметь-то? Я с Джастером скоро и не такому научусь... Но Бахира смотрела так ласково, что я сдалась и кивнула.

Оказалось, что я правильно поступила. То, что я принимала за перед рубахи, оказалось её задом. Впереди она запахивалась и завязывалась сбоку. Штаны тоже имели хитрость: они обматывались внизу тонкими лентами и тогда нога очень плотно сидела в сапожке. А под сами сапоги одевались шаварибу из тонкого полотна, как назвала их Бахира. Поверх всего этого Бахира надела на меня гамиз — ту самую длинную безрукавку, и несколько раз обмотала мою талию широким поясом.

— Спасибо, — я оглядывала себя в новом наряде, думая, что одна и в самом деле бы не справилась с такой одеждой. Точнее, сделала бы всё неправильно, и Джастер бы долго шутил надо мной по этому поводу.

Хотя нет. Он бы уже не шутил. Ему надо столько всего обдумать.

И я должна ему сказать, что больше не буду ему обузой.

Оставив Бахиру переодеваться, я вышла из нашего шатра и отправилась искать Джастера.

Шут сидел в траве в десятке шагов от стреноженных животных. Обняв колени, он жевал травинку и смотрел, как разгораются в небе звёзды. Громко стрекотали кузнечики, лошади и мул негромко фыркали, глухо переступая копытами, ветерок колыхал траву и трепал светлые волосы Джастера.

Я молча остановилась рядом, не решаясь нарушить его молчания и не зная, что сказать. Все слова и решимость куда-то пропали и всё, что мне хотелось — просто быть сейчас рядом с ним.

— Тебе очень идёт. — Он посмотрел на меня. — Ты очень красивая в этом наряде, Янига.

— Шутишь, что ли... — буркнула я, внезапно смутившись от такого неожиданного признания. — Это же...

— Прости, что не купил тебе платье, как обещал. — Он протянул руку, взял меня за ладонь и потянул вниз, приглашая сесть рядом. — Из-за этого каравана мы и так задержались дольше, чем я рассчитывал. Не переживай, я обязательно придумаю что-нибудь. Ты будешь не только самой могучей, но и самой красивой ведьмой Эрикии.

Я села возле него, прижимаясь к горячему плечу, и чувствуя, как в душе тают последние осколки обиды. Он не забыл про мои платья. И он сожалеет, что всё так получилось... Самой могучей и красивой ведьмой... Скажет тоже... Трубадур...

— Эта лошадь, правда, стоит такую гору золота?

Он усмехнулся и обнял меня за плечи.

— Не ревнуй, Янига. Это просто деньги.

— Я не...

— На самом деле она стоит намного больше. Эльнару — обученная боевая лошадь. Хорошо, что её временный хозяин этого не знал. Иначе бы продавал её отдельно от остальных. И от пяти тысяч цена была бы только начиналась. Признаюсь, за такие деньги я бы её не купил. Для этого пришлось бы задержаться в Онферине, чтобы продать пряности, но время уже не позволяет.

Мне оставалось лишь покачать головой, признавая, что очень мало понимаю в лошадях и торговле. Теперь вспомнив, что он рассказывал Альмахайму, я поняла, что лошадей Сурайе и в самом деле очень высоко ценили.

А это не просто лошадь, а боевая обученная...

— И как ты это определил? — Я посмотрела на него. — Свистом?

— Ну да, — неожиданно по-мальчишески улыбнулся он, не отрицая свою проделку.

— Джастер...

Неожиданно на мои плечи легла его рука, и меня опрокинуло на спину, пресекая все вопросы.

— Смотри, Янига. — Шут второй рукой указал в небо. — Смотри, сколько звёзд...

Я прижалась к Джастеру поближе, подняла глаза и забыла про все вопросы.

Небо... было огромным.

Даже на берегу моря оно не было таким... бескрайним. Там его ограничивал лес и горы, а здесь...

Здесь оно протиралось, насколько хватало глаз. Последняя полоска света на закате погасла, словно пламя свечи, и ночь нахлынула на нас, накрывая с головой. Тёмные тени низкого кустарника и лошадей не умаляли её могущество.

Ночь и звёзды. Серп луны ушёл на перерождение, и я тонула, тонула в далёком сиянии бесчисленных россыпей крошечных огоньков. Яркие, поменьше и совсем крошечные, они сверкали в черноте, завораживая и восхищая своей красотой.

— Как красиво...

— Что ты слышишь, когда смотришь на них?

Шутит, что ли? Я покосилась на Джастера, но он не улыбался. Травинка, с пушистым хохолком на конце, зажата в губах и смотрит в небо, глаза прикрыты.

Я тихонько вздохнула и прислушалась.

Вокруг стало тише. Стрёкот почти стих, животные спали. Шелестела трава... и... и всё.

— Всё как обычно.

— Ты слушаешь землю, а спросил про звёзды, ведьма. — Джастер пережевнул травинку. — Ты их слышишь?

Я снова посмотрела в небо.

— Нет, не слышу. Прости.

— Ясно...

— А ты слышишь?

— Нет. Но надеюсь снова услышать.

— Ты шутишь, да?!

— Разве похоже, ведьма? — Он покосился на меня. — Я же говорил, что всё вокруг живое. И всё живое имеет свой голос, даже если ты не можешь его услышать или понять. Когда три мира были едины, весь этот мир пел. И звёзды тоже пели.

— Это правда? — Я смотрела на бесконечное чёрное небо с сияющими огоньками, замороженная словами шута. — Они, правда, поют?

— Правда. Когда-то любой, у кого дар был достаточно силён, мог их услышать. Многие волшебники и мудрецы изучали язык звёзд, луны и солнца и предсказывали по ним судьбы людей, стран и народов. Великую войну и последующие беды они тоже предсказывали, но тогда никто из правителей не захотел к ним прислушиваться, а потом... Потом стало поздно.

Впрочем, люди давно об этом забыли. Теперь звёзды для них это что-то очень далёкое и

чужое. Люди стали редко смотреть на небо, их глаза давно направлены в землю. Они почти забыли этот древний язык, только путешественники по морю ещё помнят, как найти дорогу ночью. Очень редко, когда мудрые люди хотят подумать о вечном, они смотрят на звёзды, — негромко сказал Джастер. — За тысячу лет сколько раз люди рождались под небом Завесы, сколько жизней прожили, а звёзды всё те же, что и до неё...

Я молчала, неожиданно подавленная осознанием глубины того, что он сказал. Люди рождаются, проживают жизнь и умирают, и так снова и снова, уже тысячу лет, не осознавая утраты. Но звезды над головой всё те же...

И тут я поняла ещё одно.

— Джастер... Раз моя душа здесь, значит... Значит, я тоже рождаюсь и умираю тысячу лет?

— Тебя это пугает, ведьма?

Я вздрогнула и кивнула. Пугает. Очень пугает, потому что я... я никогда не думала, что будет со мной после смерти. Даже после всех шуток и рассказов Джастера на эту тему, даже увидев наказание Сафара, я относилась к этому, как к чему-то, что касается других, но не меня. Потому что я ведьма. Я — не все...

А выходит, что и моя душа тоже...

Такая же. Как у всех людей.

— Я никогда не думала...

— Что твоя душа живёт дольше, чем привыкли думать люди? Но это так. Души живут очень долго, поэтому жизнь не заканчивается со смертью тела.

— Джастер... Я... я такая же, как и все, да?

— Что значит: как и все? — недоуменно посмотрел он на меня. — Ты о чём, ведьма?

— Ну... моя душа обычная?

Шут вздохнул и сел. Откусил травинку, сплюнул, задумчиво покрутил оставшийся тонкий хохолок в руках и бросил в темноту.

— Нет одинаковых душ, ведьма. И никогда не было. Каждая душа неповторима. Даже у людей.

Я кивнула, чувствуя внутри неожиданное облегчение.

Каждая душа неповторима. Уж в этом Ашу Сирай разбирался получше многих Взывающих. Наверняка даже этому Ёзефу не уступал.

Так, стоп. Что значит: даже у людей?

— А чьи души ты ещё видел?

Джастер покосился на меня и хмыкнул.

— Неужели ты забыла, что я тебе рассказывал, Янига? После Великой Войны богов и демонов довольно скоро началась другая война. Люди начали истреблять всех, кто обладал волшебной силой. Другие народы, животных, и даже растения. Из своего страха перед магией они уничтожали всё, что казалось им странным и потому опасным.

Я молчала, подавленная его словами. Про это он рассказывал на Гнилушке, только я забыла, потому что потом было столько всего... Кроме Гнилушки, в голове крутилось какое-то смутное воспоминание, но я не могла уловить его. Оно ускользало и таяло, словно утренний туман под солнечными лучами.

Другие народы, обладающие волшебством...

— Хочешь сказать, что их души тоже остались здесь, а не ушли за Завесу?

Шут кивнул.

— Мало, но кое-где они остались. И в такие места людям лучше не соваться. Порвут заживо и душу тоже не пощадят. Такие места люди называют проклятыми.

Воспоминание о казни Сафара в Локашане так ярко встало перед моими глазами, что я вздрогнула, прижимаясь к плечу Джастера.

Зачем он опять такие ужасы ночью рассказывает...

— П-почему?

— Потому что их души всё помнят. И не простили людей за их дела.

Ой-ёй... А я-то, глупая, думала, что хуже больной нежити и нечисти, ну и демонов, конечно, никого нет...

— Джастер... А ты можешь... не уходить?

Шут немного помолчал, а потом негромко хмыкнул. Я думала, он опять скажет своё любимое про судьбу, или про «зависит», или «не бойся, ведьма, доверяй своему дару», но он сказал совсем другое.

— Это сделает тебя счастливой, ведьма?

Я закивала в ответ, а он вздохнул.

— Сейчас я рядом с тобой. Но разве ты счастлива?

Конечно!.. Я открыла рот и закрыла, потому что ответить мне было нечего. Он снова оказался прав. Но почему?! Почему сейчас я не счастлива, когда он рядом? Разве я не этого хочу?

— Люди всегда думают, что их счастье в том, чтобы что-то получить и удержать. Только обретение желаемого не делает их счастливыми. Стоит им получить богатство, как они начинают думать, как его потратить или не потерять. Дай им внешнюю красоту, и они тут же думают, как выгоднее её продать. Дай здоровье, и они тут женайдут, как его испортить обжорством, выпивкой или драками. Дай им что угодно, — люди не станут от этого счастливыми. Их счастье пройдёт быстрее, чем они успеют его ощутить.

— Так что такое счастье, по-твоему?

— А что такое любовь, Янига?

Не дожидаясь ответа, он встал и пошёл в сторону лошадей, оставляя растерянную меня сидеть на траве под звёздами.

Как бы ни хотелось мне побыть одной и поразмышлять над его словами, без тёплых объятий Шута я быстро замёрзла и поспешила в свой шатёр, который теперь делила с Бахирой.

В шатре уютно горела лампа, на жаровне тлели угли от костра, и было тепло. Значит, пока я говорила с Джастером, Бахира выходила из шатра и наверняка видела нас... Я подозрительно посмотрела на неё, но Бахира спала, укрывшись тонким покрывалом. Моя постель тоже была готова: два покрывала и подушечка ждали свою хозяйку.

Я осторожно прошла на своё место, погасила лампу и легла, закутавшись в тонкое покрывало. Угли тускло освещали шатёр, нагревая воздух, но плащ у Джастера всё равно теплее... Как бы мне хотелось спать сейчас рядом с ним...

И почему он опять оказался прав? Почему я не счастлива, хотя он рядом? Чего мне не хватает?

Его любви? Моей?

А что такое любовь? Ох, я уже столько всего передумала про это, что даже не знаю, что сказать.

Ведь я его люблю, в этом я не сомневаюсь. И Бахира его любит, и давно любит, в этом я

уверена. А он по-прежнему по своей бывшей сохнет, иначе...

А что иначе?

Иначе давно нашёл бы себе другую, построил бы свой дом и был бы счастлив? Нет, не думаю... Он, конечно, мечтает о своём доме и семье, только... Только душа у него бродяжливая. Крыльев не достаёт...

Джастер не сможет долго жить на одном месте. Он не такой, как Томил или Михай.

А я... Я не такая, как Вольта.

Я — ведьма. У меня есть... будет свой дом и надел, и я буду ходить по дорогам, помогая людям, а на зиму возвращаться в Кронтуш.

Только... буду ли я счастлива от этого?

Что такое счастье для меня?

И что такое тогда это самое счастье?

Великие боги, он меня с ума сведёт своими вопросами...

— Не спится, Яния?

Я только вздохнула в ответ. Ну вот, докрутилась, разбудила... Совсем забыла, что теперь сплю в шатре не одна.

— Всё хорошо, прости, что разбудила.

Вместо ответа я услышала шелест покрывала, а затем тихие шаги.

— Я спою тебе одну песню. — Бахира села рядом. — Я всегда пела её моей Айшу, и её сны были светлы и спокойны.

Я не успела ничего сказать, как она запела:

Спи, моя радость, сладко спи,
Сны твои буду легки и нежны.
Станут песком все тревоги твои,
Звёзды расскажут сказки свои.
Рядом с тобою мама твоя,
Помни: мы вместе, а значит семья.
Слушай в ночи тихий голос мой,
Помни: всегда жду тебя домой.
Где б не ступали ножки твои,
Пусть приведут тебя в лоно семьи...

Я слушала негромкий и приятный голос Бахиры, а в душе поднималось незнакомое пронзительное и щемящее чувство, и из глаз сами собой потекли слёзы. Рядом со мною мама, и мы семья...

Никогда мне не говорили такие слова. Никто и никогда не пел мне колыбельную. Никто и никогда не относился ко мне и не смотрел на меня с такой любовью и нежностью, как... как мама.

Не выдержав, я разрыдалась в голос, сама не зная, что выплакивая, но не в силах остановится, потому что неведомый до этого момента камень в душе заворочался и таял, вытекая с этими слезами. А Бахира обняла меня, гладила по волосам, и что-то тихо и ласково говорила, пока я не наревелась и не уснула от усталости и переживаний.

42. Выбор

Утром меня разбудил негромкий разговор. Джастер и Бахира беседовали, но плотная ткань шатра глушила звуки и я не могла разобрать слов.

Выбравшись наружу, я сначала испугалась, увидев незнакомого мужчину, и только потом разглядела светлую шевелюру под намотанной на голову длинной белой тканью.

Одежда Джастера была очень похожа на то, что носили мы: широкие тёмные штаны, невысокие мягкие сапоги, рубаха из светлой ткани и тёмно-синий гамиз с широким поясом. Разница была только в том, что они завязывались на другую сторону.

Если бы не цвет волос и не серые глаза — то он мог запросто сойти за жителя Сурайи.

Бахира же в своём наряде выглядела очень утончённо и красиво. Кроме браслетов и украшений в чёрных волосах, заплетённых во множество косичек и уложенных в сложную причёску, я увидела широкие кольца-серьги в ушах, и многочисленные ожерелья из бисера и бусин на шее, на которые вчера не обратила внимания. Рисунок из полумесяца и точек на её лице оказался ярким, а необычно светлые, бледно-голубые глаза были подведены чёрной и цветной краской. Даже губы были накрашены и подчёркивали её зрелую красоту.

Не то, что я... Уже забыла, когда в последний раз в зеркало смотрелась и волосы нормально расчёсывала.

Надеюсь, что хотя бы этот наряд на мне сидит не хуже, чем на ней.

Увидев меня, Бахира мягко улыбнулась и коротко склонила голову в знак приветствия.

— Хорошо спалось, Яния? — спросила она с улыбкой.

— Да, спасибо, — смущённо пробормотала я, пряча глаза. Ну, вот как мне теперь себя с ней вести? Это вчера я ревела, как девчонка, потому что напереживалась и расчувствовалась от колыбельной.

Но ведь она мне мать, в самом деле...

— Доброе утро, Янига, — коротко бросил Джастер через плечо, пока я протирала глаза. — Завтракай и поедем.

Я покосилась в сторону костра, где стоял котелок с остатками чифе, а на чистой тряпице лежала горсть сушёных фруктов и лепешка, и поняла, что завтракать придётся одной. Вот же... Могли бы и пораньше разбудить...

Пока я торопливо умывалась и завтракала, Джастер и Бахира быстро сворачивали наш шатёр и грузили вещи на мула. Я только завидовала тому, как легко и ловко у них это получается. Можно подумать, всю жизнь этим занимались.

Хотя... может и занимались. Какое бы высокое положение у Бахиры не было, она совсем не походила на привыкшую приказывать госпожу. Да и Джастер на одном месте не задерживается подолгу.

Закончив с завтраком, я поспешила на помощь Бахире. Не только она не хочет быть обузой.

Перед самой дорогой Бахира дала мне парн, но уже не белый, а затканый алыми цветами по зеленому фону.

— Зачем он? — удивилась я, когда она протянула мне пёстрый свёрток, который достала из тюков мула. — Мы же не в городе?

— Он хорошо защищает от ветра, солнца и пыли, ведьма, — Джастер закрыл половину лица свободным концом своей повязки, оставив только глаза и окончательно становясь

похожим на любого из местных воинов. — И от дождя тоже укроет, в случае чего. Надевай и не спорь.

Глядя на Бахиру, облачившуюся в тёмный дорожный парн, я послушно стала одевать свой.

— Джастер, что ты задумал? Бахира сказала, что это какая-то необычная одежда...

— Разве? — он мельком покосился на меня, садясь верхом на Огонька. — Анарзун — одежда её народа. Ничего необычного. Наверно, она просто этому обрадовалась, а ты не так её поняла.

Я вспомнила, как довольно и радостно улыбалась Бахира, и подумала, что Джастер опять прав. Умён и хитёр... Мог ведь и бесстыдную одежду для наложниц купить, а не эту...

Удобную и приличную. Не только Бахире угодил, но и мне нравится... да и верхом так сидеть намного ловчее, чем в платье. И парн красивый...

Ему этот анарзун тоже очень идёт.

— Как мне её учить, если она меня не понимает и я её не всегда? Может, ты сделаешь ей что-нибудь волшебное, как у меня?

Шут оглянулся через плечо, и Бахира подъехала ближе, понимая, что речь и о ней тоже.

— Янига спрашивает, как ей тебя учить. — Он смотрел спокойно и устало. — Расскажи ей, что ты придумала.

Женщина с достоинством кивнула и обернулась ко мне.

— Я подумала, что могу называть разные слова, а Яния может повторять мне их на языке своей страны, — сказала она. — У меня хорошая память, я постараюсь быстро запомнить.

Я только кивнула в ответ, подумав, что это неплохая мысль. Не хочет он ей сейраз делать — его дело. Не мне же её язык учить, в конце концов.

— Вот и отлично. На привале и займётесь. — Джастер отвернулся и пришпорил Огонька, посылая её в галоп.

Наше путешествие по степи, как назвала это бесконечное поле Бахира, продолжалось ещё два дня. На привалах мы разговаривали с Бахирой, и привычное молчание Джастера уже не угнетало меня, как раньше.

На первом же привале Джастер снова достал оружие, и я поняла, что анарзун для ношения меча и тренировок намного удобнее платья. Бахира же, с укоризной покачав головой, заплела мне несколько мелких косичек и скрепила их на затылке, чтобы волосы не падали мне в глаза во время тренировок.

К моему удивлению, она тоже извлекла из своих вещей изогнутый клинок, тот самый саберон, какие я видела у «ос», и пока лошади и мул отдыхали, Джастер заставлял нас биться против него вдвоём, вручив мне Живой меч.

Разумеется, Шут познакомил Бахиру с Игвилем, и довольный дракса снисходительно принял почтительное уважение и восхищение женщины.

На третий день пути вокруг стали появляться деревья и даже небольшие рощицы, а жара заметно спала. Мне даже стало казаться по вечерам, что в воздухе пахнет осенью, но к вечеру мы выехали к широкой реке.

— Это Этелле, только намного ближе к устью, — сказал Шут, когда мы ехали вдоль берега, поросшего редкими рощицами и кустарником. — Завтра мы выйдем к торговому

тракту, который идёт в Эрикию. На нём стоит Арсанис, это приграничный город, где обычно и закупаются ваши торговцы, но думаю, мы его обойдём. Я не вижу необходимости появляться там. Запасов нам хватает, а мост через реку находится за пределами города. Чем меньше мы сейчас мелькаем среди людей, тем лучше.

— Это Сурайя такая маленькая или Онферин так близко к границе? — удивилась я.

— Это короткие тропы, Янига, — без улыбки ответил Джастер. — По дорогам до Онферина две недели пути.

— Ты уже придумал, что мы будем делать? — я задала самый главный вопрос, который не давал мне покоя всё это время.

В ответ Шут неопределённо повёл плечом, и я поняла, что он всё ещё размышляет над этим.

— Завтра видно будет. Мне нравится вон та рощица. Остановимся там.

Лагерь мы разбили быстро. За эти три дня с помощью Бахиры я научилась сворачивать и ставить наш шатёр, а заодно навьючивать мула. Ухаживать за ним нужно было как за лошадьми, и этим обычно занимался Джастер, пока мы разбивали лагерь и собирали ветки для костра.

Бахира и в самом деле выучила много слов и уже могла понимать и говорить простые фразы, хотя ей приходилось растягивать слова, чтобы они стали понятнее. Она уже знала «госпожа ведьма» и просто «госпожа», ко мне обращалась по имени, как я и попросила её в первый вечер. К моему удивлению, Джастер ничего не говорил по этому поводу, и я решила, что это из-за того, что он всё ещё не придумал новый план.

— Принесёшь воды, Яния? — спросила Бахира на моём языке. — Я пока наберу веток для костра.

— Да.

Я взяла котелок и пошла к пологому берегу.

Сегодня Джастер остановился на ночлег до наступления сумерек, и я наслаждалась тёплыми косыми лучами, украшавшими золотом высокую траву, большие валуны и сверкающую воду.

Как же хорошо... Можно будет после ужина прийти сюда и погреться на камнях, пока солнце совсем не скрылось. Ещё бы Джастер не был таким мрачным...

Может, предложить ему искупаться? Он же любит...

Внезапный громкий стрёкот выдернул меня из мыслей. Я вздрогнула, приходя в себя, и увидела, как из высокой травы в двух шагах передо мной поднимается остроносая змеиная голова, размером с детский кулак.

Громкий треск повторился, и я разглядела поднятый вверх змеиный хвост

Великие боги... Откуда она взялась? Джастер же обычно всю живность распугивает! И Живой меч я оставила в лагере, чтобы он не мешал, пока мы занимаемся делами...

— Д... Джастер! — испуганно взвизгнула я, не зная, что делать.

Змея открыла пасть, высунув и спрятав тонкий раздвоенный язык, и я снова услышала громкий стрекот её хвоста. В следующий миг змея словно сжалась...

— Замри, ведьма!

Я не успела даже моргнуть, как меня сбило с ног, и я рухнула в густую траву. Котелок выпал из руки и отлетел куда-то в сторону. Где-то надо мной выругался Шут, и яростно шипела и трещала змея.

— Джасир! — Услышала я испуганный голос Бахиры. — О, Джасир, что случилось?!

Что с тобой?!

Что?!

Я испуганно приподнялась на руках, оглядываясь в поисках Джастера. Он стоял, держа за змею за шею на вытянутой руке, а второй закрывал лицо, словно ему что-то попало в глаза.

— О, Джасир...

— Не подходи! — Шут, не убирая ладони от лица, повернул голову в сторону Бахиры, замершей в нескольких шагах от него. — Янига?

— Я здесь...

— Хорошо. — Он размахнулся и швырнул змею далеко перед собой. Раздался плеск и сердитое шипение. Виновница моего страха стремительно уплывала прочь.

— Вот же, зараза...

— Джасир! — Бахира подбежала к нему, пока я вставала на ноги и пыталась понять, что же не так. — Неужели...

— Да, — он по-прежнему не убирал ладонь от лица. — Так получилось. Что ж. похоже, Мать Матерей и в самом деле знала, зачем присылать тебя ко мне...

На красивом лице женщины отразилось такое сожаление и скорбь, что у меня забилося сердце, как у зайца.

— О-о, Джасир... Если бы я могла изменить это, клянусь, я бы отдала свою жизнь... — по её щекам потекли слёзы и я испугалась окончательно.

Великие боги, да что же произошло?! Что с Джастером?! Чего я не понимаю?! Эта змея же его не укусила! Он же успел её поймать!

Но спросить я не успела. Бахира разрыдалась, а Шут недовольно дёрнул уголком рта.

— Не реви, не надо. Это ничего не исправит. Ничего...

В подтверждение сказанного он покачал головой, по-прежнему не убирая ладони от глаз. Его плечи несколько раз вздрогнули, из-под пальцев по щекам потекла кровь, словно слёзы. Он запрокинул голову и захохотал. Безумно, страшно и... с каким-то горьким облегчением.

— Вот, значит, как... Теперь я понял... Всё встало на свои места... — негромко пробормотал он, успокаиваясь также внезапно, как засмеялся. — Благодарю, Великая Мать! — вдруг крикнул он в закатное небо. — Благодарю! Да будет так...

Бахира испуганно прижала ладони к лицу и смотрела на Шута, как на умалишённого. Я же по-прежнему не понимала, что случилось, почему кровь, о чём он говорит, но мне было страшно.

Потому что... потому что я уже догадывалась об ужасной истине, но отчаянно не хотела в это верить.

Только не с ним... Не с Джастером...

Шут внезапно замолчал и опустил ладонь. Глаза были закрыты, на щеках засыхали бурые дорожки.

Ответ был очевиден.

Великие боги... Нет... не может быть... Датри... Матушка, этого не может быть! Не верю! Как же так?! За что?!

— Д... Джа... — Я закусила кулак, чтобы не разревется в голос.

— Бахира, Янига, — спокойно сказал Шут, вытянув перед собой руки. — Я ничего не

вижу, но по-прежнему хорошо слышу. Не ревите, это ничего не исправит. Лучше проводите меня в лагерь. И будьте осторожны, здесь могут быть ещё змеи.

— Клянусь, отныне я буду твоими глазами, Джасир! — Бахира, вытирая лицо от слёз, взяла его за правую руку и коснулась лбом его пальцев. Джастер только грустно улыбнулся в ответ.

Я молча взяла его за вторую ладонь. Такую твёрдую, горячую... Из-за меня... Из-за меня он больше не видит. Я никогда не смогу искупить эту вину...

— Пойдёмте. — Он шагнул вперед, и мы с Бахирой, со слезами на глазах, повели его в лагерь.

— Садись, Джасир.

Бахира остановилась в нескольких шагах от костра. Шут отпустил наши руки и сел на траву.

— Кажется, надо было сначала умыться, — он коснулся окровавленной щеки пальцами. — Что-то я не подумал сразу... Бахира, ты не могла бы...

— Я принесу тебе воды, Джасир. — Она вытерла лицо от слёз и встала. — Сейчас вернусь.

— Ко... котелок там, в траве, — я старалась говорить ровно, но голос срывался в сипение. — Я... я его уронила...

— Не волнуйся, Яния, — Бахира попыталась мне улыбнуться. — Я его поищу.

— Только найди палку, Бахира. И будь осторожна.

— Хорошо, Джасир. — Вытерев мокрые глаза, женщина скрылась за кустами.

— Янига?

— Я... я здесь... — говорить получалось с трудом.

— Дай руку, — он протянул ладонь и я осторожно вложила свои пальцы в его. — Иди сюда.

— Джа... — Я села рядом, не в силах вымолвить даже слова.

— Не реви, — Шут не смотрел на меня, но это не мешало ему ласково и бережно вытирать слёзы с моего лица. — И не смей себя винить.

— Но...

— В этом нет твоей вины, Янига. — Он обнял меня за плечи и прижал к себе. — Это воля Датри. Значит, так надо.

— Её воля?! — Я не выдержала и вскочила. — Я не согласна с такой волей! Ты же ослеп! Кому это надо?! Зачем?! Ты... Ты теперь...

От обиды, злости и горечи я снова захлюпала носом, стараясь не разреветься в голос.

— Вот же упрямая ведьма... — грустно вздохнул он. — А я думал, что ты мне веришь.

— Я верю! — от избытка чувств я топнула ногой. — Но это несправедливо! Это не правильно! Так не должно было быть! За что?! По... почему...

— Потому что судьба, Янига. — Он так привычно повернул голову, что я вздрогнула, ожидая увидеть спокойный и печальный взгляд серых глаз. Но Джастер по-прежнему не поднимал веки, слипшиеся от засохшей крови. — Некоторые вещи случаются, потому что... должны случиться. И лучше так, чем... остаться совсем без...

Он неопределенно повёл перед лицом рукой, но и так было понятно, что он имел в виду.

И от этого понимания, что всё действительно случилось, что это правда и ничего не исправить, вся моя злость и ярость внезапно схлынули, оставляя меня опустошённой и

обессиленной.

Потому что должны случиться...

Вот почему он не вернул мне браслет. Вот почему отговаривался от меня, как мог. Вот почему говорил о том, что я всегда могу... уйти.

Он видел чужие судьбы. Видел и свою.

Сколько раз он пытался от меня уйти, и каждый раз я его догоняла. Вот и теперь... догнала.

Бусина на браслете была бы чернее черного.

Только... только браслета двух судеб на моём запястье больше не было.

Он не хотел связывать себя и меня.

«Не смей возвращаться в мой храм! Никогда! — Ваше желание исполнимо, Ёзеф... Прощайте...»

Вот о чём он говорил. Слепой Ашу Сирай никогда не вернётся в храм Сурта...

— Ненавижу это слово... Неужели ничего нельзя сделать?! Ты же говорил, что здесь самые лучшие целители! Ты мог бы вернуться в храм не как Ашу Сирай, а...

— Ты, в самом деле, решила, что я могу обмануть служителей Сурта? — Джастер приподнял брови. — Брось, Янига. Они и без маски узнают, кто я, и не станут мне помогать. Никто из Взывающих и целителей не нарушит волю своего бога. Кроме того, даже Сурт не может исцелить Ёзефа, пока есть Завеса. А если бы её не было, я бы справился с этим сам.

— По... почему ты не убил эту змею? Ты же мог...

— Он уже атаковал, ведьма. Я просто не успел бы его убить. А потом было не за что. Ты его спугнула, когда он грелся на солнце, и он просто защищался. — Джастер пожал плечами. — Кроме того, это мукрин, священная змея Датри, «воля Великой Матери», как его ещё называют. Он далеко и метко плюётся ядом, который смертелен для людей. Хорошо, что это была молодая змея, и я почти успел увернуться, поэтому всего лишь ослеп.

Джастер снова отвернулся и обнял колени.

Я только молча стискивала кулаки и кусала губу, понимая, что он прав. Совсем забыла, что Ашу Сирая не тронули в Онферине только потому, что такова была воля Тёмноокого.

Священная змея Датри... «Воля великой Матери»...

Только она была направлена на меня, а не на него.

Это я, задумавшись и замечтавшись, забыла обо всём и потревожила отдых мукрина, а не Шут.

Он принял этот удар судьбы вместо меня.

— А Игвиль?! — внезапно вспомнила я. — Он?!

— Я же не умираю, ведьма, — холодно срезал он меня. — Ты свободна и можешь уйти, Янига. Как видишь, я теперь калека и бесполезен для тебя. Думаю, тебе лучше будет вернуться в Кронтуш и жить там вместе с твоей наставницей. До Арсаниса и торгового тракта осталось совсем немного. А там доберёшься до Кронтуша с торговым караваном.

Вот так мне. Горькой и честной правдой, как всегда.

Калека. Великолепный воин и легендарный мастер смерти, в один миг утеревший зрение из-за меня, он и в самом деле был готов к тому, что я... что я брошу его и уйду.

Потому что... Он больше не может быть «псом», не может быть Ашу Сираем, не может торговать, не может помочь мне справиться с Вахалой и её демонологом. Он больше не может сражаться. А значит... Значит, встреча с его врагом будет для него смертельной.

Игра закончилась. Шут проиграл.

Что бы он там не поставил, исход очевиден. Как только враг его найдёт — всё будет кончено.

Да даже не будь этой Игры и Вахалы, зачем молодой и красивой ведьме — слепой калека?

Он не может меня видеть, не может обо мне позаботиться, не может защитить. Он теперь сам как младенец. Без помощи и шагу не ступить.

Х-ха... Мечтала, чтобы он остался с тобой, да, Янига? И вот такого его ты тоже хочешь? Готова остаться с таким мужчиной? Пока его не убьют на дороге прислужники Вахалы, да и тебя заодно.

Решила, что не будешь ему обузой, а теперь... Теперь он сам...

— А... а ты? — я с трудом сглотнула, сама не понимая, что за слова застревают у меня в горле. Обиды? Обвинений? Сожаления? Раскаяния? Оправдания? Жалости? Стыда?

Что... Что мне теперь делать?! Великие боги...

— А что я? — он устало пожал плечами. — Я — Шут, разве ты забыла? Чтобы петь и играть — глаза не нужны.

Конечно, не нужны. Бахира будет его глазами... Ровно до тех пор, пока их не убьют на дороге разбойники, или не найдёт враг Джастера.

Я не успела ничего ответить: раздалась шага, и на полянку вышла Бахира. В одной руке она несла котелок с водой, а в другой — длинный сухой шест с обломанными комлем и ветками, бывший когда-то молодым деревцем. Судя по её виду, она плакала у реки, а потом умывалась, приводя себя в порядок. Вся краска была смыта, а горе проложило заметные морщины на её лице.

— Я принесла тебе воды, Джасир. — Она поставила котелок подальше от костра и вещей и подошла к Шуту. — И ещё... это.

Женщина взяла руку Шута и вложила в ладонь самодельный посох.

Пальцы Джастера легко скользнули по гладкой коре, изучая дерево, и я вдруг вспомнила, как он любил вырезать игрушки, сидя у костра...

— Спасибо, — негромко сказал он, сжимая тонкий ствол. — Из него получится хороший посох.

Бахира часто заморгала и поспешно вытерла глаза кончиками пальцев.

— Пойдём, я помогу тебе умыться.

— Хорошо, — благодарно улыбнулся в ответ Джастер, вставая и протягивая ей руку, а в другой сжимая свой новый посох.

Я смотрела, как они шли к котелку, как Бахира ласково и заботливо просила Шута наклониться, и лила ему воду на руки, пока он умывался, и чувствовала себя... лишней. И совершенно опустошённой.

В один миг из-за глупой, нелепой случайности все мои планы рухнули. В один миг Джастер из могучего и грозного воина стал калекой. В один миг я осталась без его заботы и покровительства. В один миг вся моя любовь подверглась... жестокому испытанию на свою истинность.

Легко любить и желать сильного и красивого мужчину, который умеет за себя постоять и позаботиться о тех, кто рядом.

А как любить калеку? Как любить того, кто сам нуждается в помощи и заботе других?

— Благодарю, — Джастер с улыбкой вытирал лицо чистым лоскутом, который принесла ему Бахира, а та смотрела на него с горькой и ласковой улыбкой. — Так намного

лучше.

— О, Джасир... — женщина бережно и ласково коснулась его щеки ладонью. В её голубых глазах стояли слёзы, но сам взгляд...

Сам взгляд был полон такой любви и сострадания, что мне стало жгуче стыдно за свои мысли.

Вот так и любят, ведьма. Думая о другом, а не о себе. Бахире всё равно, стал он калекой или нет. Она пришла, чтобы быть с ним, и она будет с ним. Не из-за долга, а потому что любит его.

— Чем ещё я могу...

— Я бы поужинал, — Джастер благодарно ей улыбнулся, возвращая мокрую тряпицу и нашаривая лежащий на земле посох. — А потом можно и поговорить. И улыбнись. Мне нравится, когда ты улыбаешься.

Бахира вытерла глаза кончиками пальцев и попыталась улыбнуться.

— Хорошо, Джасир, пойдём.

Она взяла его за руку и повела обратно к костру. Джастер легко водил концом посоха по траве и если бы не его глаза и горестное лицо Бахиры, можно было бы подумать, что он просто изображает слепого...

Я посторонилась с дороги, стараясь не смотреть в лицо Шута. Он легко и по-доброму улыбался, доверчиво идя рядом с женщиной, как сын рядом с матерью, а его глаза были открыты.

Только зрачки серых глаз заметно посветлели и отливали голубым, как лёд над чёрной водой.

Ужин проходил в молчании. Точнее, молчала я, а Бахира то и дело говорила с Джастером. Она дала ему в руки миску с кашей, положила в ладонь сушёные фрукты, подала чашку с чифе.

— Поешь сама, — ласково улыбался в ответ Шут. — Уж ложку до рта я донесу.

— Ох, Джасир...

Бахира в ответ вздыхала и качала головой, то и дело стремясь прийти ему на помощь. Но Джастер и в самом деле справлялся сам. Он даже чашку с чифе поставил возле себя так, что без труда брал её на ощупь.

Я же молча и без всякого аппетита ковырялась в своей миске. И отчаянно завидовала тому, как легко Бахира приняла случившееся и теперь искренне говорит с Джастером.

Поговорить после ужина...

Знаю я, о чём поговорить. Только вот... Только вот сказать мне ему нечего.

Потому что... Потому что и уйти совесть не позволяет, и остаться я... я...

Матушка, неужели он был прав и моя любовь — всего лишь увлечение? И я... Я такая же, как несостоявшаяся невеста Микая? Только она замуж по расчёту за сынка старосты выскочила, а я... А я готова бросить Шута только потому, что он стал калекой и больше не может мне помогать?

Я что, в самом деле, на такое способна?

Выходит... Он был мне нужен только для моей выгоды? И я... я, как любая другая ведьма, готова променять его на любого другого, как поменять платье, которое он мне так и не купил, а теперь никогда и не купит...

Великие боги, да что же я за корыстная женщина такая...

— Яния, — на мои плечи опустились коричневые тёплые ладони. — О чём ты плачешь?

Я поставила миску, кинулась её на шею и разрыдалась окончательно. Бахира обнимала меня и, утешая, гладила по голове и спине, а меня переполняли обида, досада и жалость к самой себе. А ещё было очень горько от понимания, что я и в самом деле оказалась такой... такой...

— Джасир...

— Вот же ведьма... — Раздалось над моей головой, а затем Джастер сел рядом и сразу стало тепло. — Сколько реветь-то можно...

Серые глаза невидяще смотрели поверх моей головы, на губах добрая и печальная улыбка. И я вдруг поняла, что, не смотря на случившееся, Шут вовсе не сломлен.

Он принял этот удар судьбы, но не нуждался в жалости и снисхождении окружающих. Он с благодарностью принимал искреннюю помощь Бахиры и вовсе не собирался умирать от горя, или ждать прихода своего врага.

Вместо боли и отчаяния Шут был полон незнакомой и спокойной силы. А в глазах...

В глазах словно отражалась полная луна.

Можно подумать, сама Датри смотрела сейчас его глазами...

— Я...

— Поешь, ведьма.

Джастер опустил руку, нашаривая мою миску. Бахира бережно направила его ладонь, и он поднял миску с земли, ожидая, пока я возьму её в руки.

— Нет смысла реветь. Жизнь продолжается.

— Что... что мне теперь делать, Джастер? — жалобно хлюпнула я носом. — Ты теперь не можешь мне помочь. А я одна...

— Для начала поесть и поспать. Утро вечера мудренее.

Он встал, не забыв захватить и своё новое «оружие», вытянул руку ладонью к костру и пошёл вокруг него, проверяя посохом путь. Бахира с виноватым видом погладила меня по плечу и поспешила за ним.

— Постой, Джасир, я помогу тебе.

— Благодарю, — Шут снова улыбнулся. В этой его улыбке было столько спокойствия и умиротворённости, что я как-то разом забыла о своих бедах.

Никогда не видела, чтобы он так улыбался...

— Какое сегодня небо, Бахира?

— Уже сумерки, Джасир, но Мать Матерей скрыла от нас свет звёзд. Она в печали...

Мать Матерей в печали... ещё бы...

— Значит, будет дождь. — Шут остановился по ту сторону костра, запрокинул лицо к небу и глубоко вздохнул. — Лошадей нужно переставить под кроны. Отведи меня к ним.

— Хорошо, Джасир.

Я смотрела, как они скрылись в темноте.

Какое сегодня небо... Великие боги... Он так любил смотреть на небо, на звёзды, любил наблюдать за всякими букашками, любил... Он столько всего любил делать...

А как на берегу Волокушки он смотрел на меня... «Я хочу запомнить»... словно знал, что может... может больше никогда... Никогда... не увидеть...

Я снова захлюпала носом, чувствуя себя полной дурой. Какая я всё-таки... ведьма. Только о себе и своих заботах думаю. А о нём и не побеспокоилась даже...

Мои горестные размышления прервала вернувшаяся к костру Бахира.

— Ты покушала, Яния? Пойдём спать? Джасир просил не ходить к реке ночью. Утром всё приберём.

Она говорила заботливо и с улыбкой, но я вдруг поняла, что ей тоже очень тяжело сейчас. Только она переживала не за себя, а за Шута. Но она держалась и подбадривала даже меня. «Если бы я могла изменить...»

Она бы отдала свою жизнь за Джастера. Без раздумий и сожалений.

«Моя девочка была чёрненькая»...

Вдруг вспомнился давний разговор в Чернецах между Нанирой и Олекшей. Как я тогда возмутилась её словами про Карика, даже деньги отобрать хотела. А теперь и сама такой оказалась, выходит...

— Я... Я ещё посижу, ты иди.

Я показала почти полную миску с давно остывшей кашей. Бахира кивнула и скрылась в шатре, оставляя меня наедине с горькими мыслями.

Ничем я не похожа ни на госпожу Гвитлоу, ни на Олекшу, ни на... Бахиру. Они не бросали в беде тех, кого любили. Они вставали рядом с ними, становились им опорой и поддержкой.

Любовь ни к чему не обязывает...

Их мужчины не просили о помощи и жалости. Они были готовы позаботиться о себе сами, в какой бы беде не оказались. Эти женщины могли уйти и бросить своих любимых, но они выбрали поступить иначе. Но не из жалости или сострадания.

А потому что любовь или есть — или её нет.

А я... Я...

Что такое любовь, да, Джастер? Так ты спросил? Потому что когда-то давно я с гордостью называла себя ведьмой любовной магии, а ты сказал, что тогда я должна в этом понимать...

«Сын Великой Матери открыл своё сердце людям»...

И... и не только людям. Он... он любил весь этот мир, и мир отвечал ему взаимностью.

Теперь... теперь я понимаю...

В душе каждого есть свет и тьма. Так он однажды сказал. И он всегда выбирал свет.

Даже когда его поступки казались... другими, они приносили свет и добро в жизни многих людей. Может и не сразу, и не каждый это понимал, но...

Я это понимала.

Может, он и болел прошлым, но он жил любовью к этому миру. И любовью к людям.

Ни за что. Просто так. Потому что...

Потому что любовь — это состояние души. И она или есть, или...

А значит... Значит, на самом деле нет никакого выбора.

Я поставила миску с недоеденной кашей, встала и пошла в ту сторону, где, как мне слышалось, были наши лошади.

— Джастер?

Я позвала негромко, боясь теперь потревожить его. Это раньше он в темноте, как кошка, видел, а теперь...

— Янига?

В просвете между кустов я заметила появившийся силуэт. Джастер сел, зевая и закутавшись в плащ. Новый посох наверняка лежал где-то рядом с ним, но в темноте я его не

видела.

— Что-то случилось?

— Прости, я тебя разбудила...

— Ничего, — по голосу я поняла, что он улыбнулся. — Так что стряслось?

— Я... — я замолчала, собирая всю свою решительность в кулак, а затем подошла к нему и села рядом. — Я тебя не оставлю.

— Янига... в его голосе послышались усталые и болезненные нотки, и я поспешно обняла его.

— Нет, ты не понял! — Я замотала головой, прижимаясь лицом к его рубахе. — Не поэтому! Я не жалею тебя! То есть не так! Я... Прости... Я...

Джастер вздохнул и обнял меня за плечи.

— Любовь ни к чему не обязывает, Янига. Ты молодая и красивая ведьма. У тебя всё впереди.

— Джа...

— Не перебивай. Я не хочу, чтобы ты жалела о своём выборе. Я смогу о себе позаботиться даже в таком состоянии. Но я не хочу, чтобы ты оставалась со мной из-за чувства вины или жалости. Не унижай этим ни себя, ни меня.

— Я не...

— Я ещё не закончил.

Джастер убрал руку с моих плеч и заговорил спокойно и жёстко, как всегда, возвращая меня в реальность лучше ведра ледяной воды.

Я-то думала, что он страдает, а он... Он...

— Всё, что даётся по судьбе, может стать для тебя как проклятием, так и благословением, ведьма. Зависит от того, как к этому относиться и что с этим делать.

— Но...

— Вспомни Михая. Вспомни Чернецы. Вспомни Эрдорика. Иногда для того, чтобы получить новую жизнь, нужно пожертвовать старой. Если ты хочешь знать, что я намерен делать дальше — то уж точно страдать и не помирать от жалости к себе под этими кустами. Я собираюсь завершить то, что начато. Да, теперь это будет несколько сложнее, но это не важно. Как ты слышала в храме Сурта, на кону намного больше, чем просто моя жизнь. Игра ещё не закончена, ведьма. И я не собираюсь проигрывать.

— А...

— А теперь иди, поешь и ложись спать. Завтра мы выходим на торговый тракт, и день будет не простой. Я хочу отдохнуть, да и вам не помешает. Вставать придётся рано, теперь забота о еде, шатре и животных на тебе и Бахире.

— Я поняла. — Я встала, поражённая его словами и настроем до глубины души. На кону больше, чем его жизнь... И он не собирается проигрывать даже таким.

Ох, Янига, Янига... Никогда мне с ним не сравнится. Но хоть что-то сделать я действительно могу. И для начала, в самом деле, поесть и поспать.

— Я... всё сделаю.

— Хорошо, — Джастер снова смягчился. — Доброй ночи, Янига.

— Д-доброй... — ошеломлённо ответила я и отправилась доедать холодную кашу.

Утро и в самом деле наступило рано. Бахира разбудила меня, едва встало солнце. Когда я, зевая и потягиваясь, выбралась из шатра, то увидела, что она уже хлопчет возле

потухшего костра.

— Принесёшь воды, Яния? — обратилась она ко мне. — И посуду нашу помыть нужно. О змеях не беспокойся. Джасир там.

— Хорошо.

Я собрала наши миски и котелок и отправилась к воде, ёжась от утренней прохлады и сбивая с травы выпавшую росу. И как Джастеру не холодно в мокрой траве спать? Даже под его плащом, всё равно же осень скоро уже...

На берегу было... шумно.

Наши лошади и мул пили, а Джастер умывался.

— Доброе утро, — поздоровалась я, понимая, что навряд-ли он услышит мои шаги. — Я пришла посуду помыть и воды набрать.

— Хорошо, — он кивнул, снова зачерпывая воду и плеская на лицо.

— Ты других змей не боишься?

Я устроилась ниже по течению и стала отмывать наши миски.

— Рано ещё, они спят. Потом приползут на камнях греться. — Джастер встал, на ощупь нашёл спину Огонька и опёрся на неё, поглаживая довольно фыркнувшую лошадь по спине и шее. — Тебе как спалось, ведьма?

— Хорошо, спасибо, — буркнула я, отмывая котелок и не глядя ему в лицо.

А что ещё сказать, когда от всех потрясений и переживаний я уснула, едва донеся голову до подушки?

Да и не могла я смотреть в серые глаза, зрачки которых теперь белели, как отражение полной луны в осенней воде.

— Это хорошо, — Шут кивнул. — Воды много не набирай, перекусим, соберётесь и поедем. До тракта полдня, а до границы с Эрикией немногим больше.

— Так ты собираешься в Эрикию?

— Разумеется, — он гладил Огонька по морде. — Что мне тут делать-то? У меня все дела там.

— А... Бахира?

— Она поедет со мной, ты же слышала. Её теперь даже сама Датри не остановит.

— А...

— Раз ты закончила, то буду благодарен, если поможешь мне собрать лошадей и дойти до нашего лагеря.

Проглотив все вопросы, я только кивнула, совсем забыв, что Джастер больше этого не видит.

— Да, сейчас. — Я сложила чистые миски в стопку и подошла к нему, собирая на ходу поводья. — Вот...

— Спасибо.

Я зачерпнула воды в котелок, подняла миски и поняла, что у меня заняты обе руки. Как и у Джастера.

— Что случилось, ведьма? — Он вопросительно вскинул бровь. — Что ты остановилась?

— У меня руки заняты. И у тебя тоже. Как я...

— Просто иди вперёд, а я за тобой, — он легко улыбнулся. — Слава богам, я ещё не оглох.

— Не смешно! — сердито огрызнулась я в ответ и пошла к нашему лагерю. — И не шути

так больше.

— Хорошо, не буду, — отозвался из-за моей спины Джастер под дружный топот трёх лошадей и одного мула.

В лагере Бахира успела развести костёр и собирала наши вещи из шатра. Пока я складывала у огня миски и простаивала котелок с водой, она поспешила на помощь Джастеру, чтобы привязать лошадей и дать им овса.

Потом Шут сидел у костра и изучал на ощупь свой новый посох, дожидаясь пока вскипит вода. Иногда он осторожно прилаживался к нему ножом, но каждый раз опускал руки, не решаясь работать вслепую. Его торба лежала рядом. Мы с Бахирой привычно собирали наш шатёр. Точнее, я пока ей только помогала, выполняя её просьбы. Сама я, наверное, разобрать шатёр уже смогла, но вот поставить вечером снова — ещё нет. У меня ещё не было такого опыта кочевой жизни, как у Джастера и его новоявленной проводницы.

Ох, Янига... Так гордо собралась не быть обузой, а сама о себе толком позаботиться до сих пор не можешь...

— Вот, держи, Джасир.

Бахира вложила в ладонь Шута несколько сушёных фруктов и полоску вяленого мяса. В другую руку она осторожно подала чашку с дымящимся чифе.

— Благодарю. — Джастер поставил чашку рядом с собой, и поднял голову, прислушиваясь. — Янига?

— Я тут, — отозвалась я, стараясь не вздохнуть слишком громко.

Великие боги... Как он собирается Играть, когда...

— Бахира?

— Я слушаю тебя, Джасир, — отозвалась женщина, отложив еду.

— Хорошо.

Шут кивнул, а я поняла, что настало время для самого важного разговора. Я уже набрала воздуха, чтобы сказать, что не отказываюсь от своего вчерашнего решения, но Джастер меня опередил.

— Я не говорил тебе всего, Бахира, — он повернул невидящий взгляд к женщине, — потому что у меня не было уверенности в том, что и как нужно делать. Теперь я хочу тебе рассказать, зачем я отправляюсь в Эрикию.

— Я слушаю тебя, о Джасир. — Бахира сложила руки в почтительном жесте и слегка поклонилась, хотя Шут и не мог это видеть. — Мои глаза и уши внимают тебе.

— Мой путь лежит в столицу этой страны, потому что там меня ждёт мой давний враг. Я очень давно ждал этой встречи и не собираюсь от неё отказываться. Ему нужна моя жизнь, а мне — его. Не думаю, что он будет бездействовать в ожидании этой встречи, поэтому опасность может быть где угодно. Это понятно?

— Да, Джасир. — Бахира снова согласно склонила голову. К моему удивлению слова Джастера её не напугали и не удивили. — Какую помощь ты ждёшь от меня? Клянусь именем Матери Матерей, я сделаю всё, что ты попросишь.

На губах Шута неожиданно появилась добрая и мягкая улыбка. Он сложил руки в таком же вежливом жесте и поклонился изумлённой Бахире.

— Тогда я прошу тебя принять меня своим сыном и позволить называть тебя матушкой. Что?!

— Джа...сир... — тронутая до глубины души Бахира приложила пальцы к губам. — О,

Джасир...

Она встала и подошла к Шуту, который замер в поклоне, ожидая её решения. Бахира опустилась рядом с ним на колени и легко обняла его голову.

— Ты вернул жизнь моей дочери, ты спас мой народ... Ты пард пустыни... Твоя доблесть затмевает солнце, сердце не ведает страха, а душа безгранична, как великие пески... И ты просишь меня принять тебя как своего сына... — по её лицу текли слёзы. — Я не могла и мечтать о такой чести... Любая мать была бы счастлива и горда иметь такого сына, как ты! Для меня нет просьбы радостнее, чем эта!

— Благодарю, ами, — негромко сказал Джастер, пока Бахира по-матерински ласково гладила его по волосам.

— Моя дочь будет гордиться тем, что Джасир назвал меня матушкой!

Я молча уставилась в свою чашку, до глубины души поражённая случившимся. Я ожидала чего угодно: от приказа возвращаться обратно до просьбы стать проводником, но принять его в качестве сына...

И ведь она ни капли не сомневается в нём. Даже не смотря на случившееся несчастье, у неё даже мысли не закралось, что Джастер может проиграть своему врагу...

Можно подумать, она в него верит, как в самого Шанака...

А я? Что же теперь делать мне, Джастер?

Словно услышав мои мысли, Шут выпрямился, освобождаясь из ласковых объятий счастливой Бахиры.

— Я постараюсь оправдать доверие Айшу, ами. — Он мягко улыбнулся. — Но сейчас нужно закончить с делами.

— Хорошо, мой сын, — Бахира кивнула с гордой и счастливой улыбкой и вернулась на своё место.

Джастер же отпил чифе и продолжил говорить, как ни в чём не бывало.

— Ещё я обещал Яниге помочь ей в её делах. Она одарена волшебной силой и в своей стране занимает почти такое же положение, как Взывающие в Сураие. Хотя в Эрикии забыли про богов, женщин, наделённых силой Ночи, там уважают и боятся. Ещё там есть мужчины, наделённые силой Дня, но они не знают об этом.

— Разве такое возможно, Джасир? — удивилась Бахира. — Как можно иметь силу Великого Отца или Великой Матери и не знать, кому ты служишь?

— Можно, ами. Но это ещё не всё. У Яниги тоже есть враг. Эта женщина перешла на сторону тёмных и злых духов и ей помогает такахум. Янига надеялась на мою помощь, но теперь сомневается, что я могу это сделать, ведь я стал слепым.

Под невидящим взглядом серо-лунных глаз я сердито отвернулась, едва не поперхнувшись чифе. Ну вот что такое он говорит?! Как так можно-то?! И Бахира теперь с такой укоризной смотрит, что у меня уши от стыда горят!

— Поэтому я спрашиваю тебя, Янига: тебе нужна моя помощь или я считаю себя свободным от всех обещаний?

Я смотрела в дрожавшую чашку с чифе, а щёки полыхали так, что хотелось провалиться сквозь землю от стыда.

Свободным от всех обещаний... От меня и моих обещаний он хочет быть свободным. Это я ему обещала помочь, обещала, быть с ним, слушать его, говорила, что верю и пойду до конца, что не оставлю его, просила не уходить, а сама... Сама испугалась и засомневалась в нём, стоило случиться несчастью. А ведь из-за меня он стал таким! Сколько раз он меня

спасал?! И сейчас, если бы не спас от этой змеи, то никакой ведьмы Яниги уже и на свете не было.

А была бы глупая и никому не нужная душа, которая ничуть не интересна Ашу Сираю. Потому что... Потому что ничем не отличается от всех других душ, что бы он там не говорил.

Сколько раз он терпел и прощал мои выходки? Сколько раз я с ним ругалась, а потом мирилась? Сколько раз говорила, что буду рядом и пойду с ним куда угодно?

А стоило ему пострадать не на шутку, как я тут же в нём засомневалась.

Любовь у меня, как же... Страх за себя и корысть, вот и вся любовь, оказывается.

Ещё бы он сердце такой, как я открыл...

Ох, Матушка... Что же я за непутёвая ведьма такая...

— Нужна... — еле слышно выдохнула я, признавая очевидную истину и смаргивая наворачнувшиеся на глаза слёзы. — Очень нужна...

Хотя я говорила очень тихо, он услышал.

— Хорошо. — Джастер кивнул так спокойно и невозмутимо, что я невольно порадовалась, что он не видит, как позорно я краснею, и как дрожат от стыда мои руки.

А вот Бахира видела и смотрела на меня с... жалостью. Великие боги, она не ослепшего Джастера жалела, а меня! Стыд-то какой...

Такое чувство, что ещё чуть-чуть и скажет, что я недостойна своего имени...

Но Джастер всего этого не видел. Он спокойно ел сушёные фрукты, запивая остывшим чифе, и явно о чём-то размышлял. Бахира тоже ела молча, а мне кусок в горло не лез, потому что я ощущала себя предательницей, недостойной сидеть рядом с ними у одного костра.

— Ами, — Джастер прервал молчание неожиданно. — Скажи, у тебя есть с собой эльтимун?

— Да, сын, — Бахира удивилась не меньше моего. — У каждой женщины есть с собой всё нужное для того, чтобы радовать... взгляд своих мужчин, — с небольшой заминкой закончила она.

— Тогда я попрошу тебя...

Я слушала то, что говорил Шут, и начинала понимать его задумку. Снова покрасить волосы мне и ему. Сделать причёски, какие носят у маджан. Остаться в их одежде, которую мы теперь носили.

Он не собирался скрываться.

Наоборот, он собирался всем своим видом показывать, что прибыл из Сурайи.

— И кем теперь мы все должны быть? — Я спросила, когда он закончил излагать свою просьбу задумчивой Бахире.

— Семьёй, разумеется, — легко улыбнулся он. — Мать, её слепой сын-музыкант и его... Кем ты хочешь быть, Янига? Сестрой, невестой или женой?

Слава богам, я не пила чифе! Но даже так поперхнулась и закашлялась до слёз, стуча себя по груди. Я даже не заметила, как подошла Бахира, пока не ощутила легкие похлопывания по спине.

— Джасир, — с укоризной произнесла она, глядя меня по спине, пока я вытирала мокрые глаза и пыталась прийти в себя. — Даже если ты обижен на её недоверие, нельзя так шутить с её сердцем!

— Хорошо, ами, — Джастер и в самом деле перестал улыбаться. — Тем не менее, я хочу услышать ответ. Что ты выбираешь, Янига?

Невестой или женой... Нашёл ведь, как зацепить... И что я должна выбрать? Как мне ему в глаза смотреть, когда он и слепой меня насквозь видит?

Матушка, Датри... Что мне ему ответить?!

Что выбрать?!

"Что ты хочешь, ведьма?" — вдруг вспомнилось мне. — «Я не хочу, чтобы ты жалела о своём выборе...»

Что я хочу... Сколько раз он меня об этом спрашивал? И каждый раз я отвечала, что хочу быть с ним и быть ведьмой...

Что не так в этом желании?

В чём я ошибаюсь?!

Я закрыла глаза и вспоминала все наши ночи и дни, когда он был ласков со мной, когда шутил и смеялся, когда любил... Я вспомнила, как он смотрел на меня ночью на лесном озере... в забытом городе... на берегу Волокушки...

А как он держал на руках Фелисию... Как играл и рассказывал сказки ребятишкам в Чернецах...

Ведьма не может хотеть замуж. Не может хотеть семью и детей. Не может хотеть жить с одним мужчиной всю жизнь.

Так меня учила Холисса, так она жила, так жили другие ведьмы и так должна жить... я.

Потому что так... правильно?

— С... сестро... — не глядя на Шута, тихо начала я и тут же осеклась от пронзившего меня внезапного холодного понимания, понимая, что ещё чуть-чуть и совершу непоправимую ошибку. — Нет! Нет, подожди...

Джастер выразительно развёл руками, давая понять, что ждёт ответа.

А я закусила губу, так же внезапно понимая, что именно сейчас по-настоящему решаю, кем я хочу быть для него.

Даже не так. Кем я хочу быть: правильной ведьмой или... или собой.

Настоящей собой, даже если ради этого придётся нарушить все традиции и... отказаться от... от того, чтобы быть в глазах других людей госпожой ведьмой Янигой.

И решать надо не умом, а... сердцем.

Не, не так.

Можно обмануть глаза и уши, можно обмануть даже ум и сердце, но нельзя обмануть свою душу.

Какая у меня душа?

«Ты настоящая ведьма, Янига. Просто таких, как ты, мир не видел очень давно...»

«Ты — ведьма-защитница...»

«Я — не все... — И я тоже не все! Не смей сравнивать меня с другими ведьмами! — Не буду...»

Он и не сравнивал. Я сравнивала.

Я всё время выбирала между ним и тем, чтобы быть... как все. Быть в тени Холиссы, в тени других ведьм.

Но я... Я — не все, Джастер. Я — не все. Как и ты.

Ашу Сирай не боялся быть... другим. Не боялся быть «на свету», привлекать к себе внимание и показывать свою силу и чувства. И никто не посмел бы назвать его слабым или трусливым из-за этого.

Шут-«пёс» не боялся выступить один против своры других «псов». Не боялся «волков» и

разбойников, но при этом умел вовремя остановиться и не убивать без нужды.

Джастер не боялся быть простым шутком и трубадуром. Не боялся насмешек и презрения, не боялся быть острым на язык, не боялся быть незаметным и оставаться «в тени» госпожи ведьмы...

«Везде за своего сойду...»

Он и в самом деле это мог. Но при этом...

При этом он не боялся жить полной жизнью и быть собой.

С любым прозвищем, в любой одежде и в любой роли он оставался собой.

А я...

Я хочу встать рядом с ним. Я хочу быть его достойной.

Иногда, чтобы получить возможность начать новую жизнь, нужно отказаться от старой, да?

Моя старая жизнь — это жизнь ведьмы, которая следует традициям. Даже когда её душа желает совсем другого.

Хотела стать знаменитой ведьмой королевства, да, Янига? Носить чёрное, смотреть на простых людей сверху вниз, принимать страх за уважение, менять любовников, как модница платья, не переживать и не сочувствовать людским радостям и горестям?

«Ведьмы не плачут, Микай»...

И не ввязываются в битву за надел, пожалев глупых деревенских баб, обидевших ведьму.

Не спасают сопливых девчонок от разбушевавшегося водяника.

Не переживают за погорельцев и не лезут в болото к нежити и нечисти, чтобы покарать разбойников за безвинно убитых...

Не заводят себе ученика-колдуна и не таскают с собой приبلудного шута...

Не притворяются «бездушной» легендарного мастера смерти, чтобы увидеть настоящего тёмного бога в чужой стране...

Глупо пытаться казаться тем, кем не являешься.

Не этого «почтения» к «госпоже ведьме» я хочу. Совсем не этого. Не для того Джастер столько всего показал мне и учил своим примером, чтобы я отказывалась от...

От настоящей себя и от своих настоящих желаний.

Я хочу быть с ним. Даже с таким. Хочу бродить с ним по дорогам, вместе смеяться и вместе плакать, делить с ним радости и горести. Хочу слушать его сказки и песни, встречать с ним рассветы и закаты, хочу проводить ночи в его объятиях. Хочу летать с ним на драксе, хочу снова вместе с ним увидеть море и горы, увидеть мир, каким он его видит. Хочу, чтобы у нас были дети и чтобы он играл с ними и радовался сам, как ребёнок...

Потому что... потому что я хочу этого всей душой.

У его души есть крылья. И рядом с ним у меня они появляются тоже.

И мне не важно, видит он теперь или нет. Я буду его глазами, сколько понадобится. Он много раз помогал мне и спасал меня, а теперь моя очередь. Я буду его щитом, его ведьмой-защитницей. Иначе... Иначе как я могу называть себя так, если не могу уберечь того, кто мне дорог?

И мне всё равно, что будут думать про меня другие. Я не больше не хочу ломать себя под традиции, которые мешают мне быть счастливой и свободной рядом с тем, кого я люблю всей душой.

И если мне придётся отказаться от звания «настоящей» ведьмы ради этого...

Я откажусь.

Потому что я — не все. Я — госпожа ведьма-защитница, Янига. И это — моё решение.
— Женой.

— Сестра и жена сразу? — Светлые брови взметнулись вверх, а лунный взгляд стал холодным, словно отражение подёрнулось льдом. — Выбери что-то одно, ведьма.

— Тогда сначала невестой, а потом женой. — Я подняла голову и посмотрела ему прямо в глаза, хоть он и не мог этого видеть. — Это моё решение, Джастер. Я хочу быть с тобой. И я не буду об этом жалеть, даже если мне придётся отказаться ради этого от своего ремесла.

Изумление на лице Шута не поддавалось описанию. Я и сама не думала, что скажу такое, но теперь внутри была ясная и звенящая уверенность, что я всё сделала как надо.

Правильно.

— Я бы подумал, что ты решила отыгаться, ведьма, но ты не даже шутишь, — негромко сказал он, опустив глаза и сжимая в ладонях пустую чашку.

— Не шучу.

Я встала, подошла к нему и остановилась рядом. Он поднял голову и смотрел на меня невидящим взглядом, но я больше не робела и не сомневалась в принятом решении. Бахира осталась по ту сторону костра и смотрела на меня внимательно, и в то же время с неожиданной лаской и теплом.

— Ты сказал, что я сомневалась в тебе, в том, что ты можешь мне помочь. Ты ошибся. Я сомневалась в себе. Точнее, я не знала, чего я хочу. А теперь знаю.

— И... чего ты хочешь, Янига? — тихо спросил он.

Я села рядом и взяла его лицо в ладони, глядя прямо в лунные зрачки.

— Быть с тобой. Я знаю, что я для тебя по-прежнему деревенская дурочка, потому что очень многого не знаю и не умею. Знаю, что не твоя женщина и никогда ей не стану, потому что ты любишь другую. Знаю, что и в подмётки не гожусь даже этим самым наложницам. Но ты сам сказал, что ты и я пришли, чтобы изменить этот мир. Ты сказал, что наши судьбы связаны. Не хочешь, чтобы я была невестой и женой, я буду подругой и любовницей, буду джихайен-маат, буду танцовщицей, буду кем угодно, но рядом с тобой. Ты столько раз спрашивал меня, что я хочу. Я хочу этого, Джастер. Быть с тобой и менять этот мир вместе с тобой. Это мой выбор. И я не жалею об этом.

Шут смотрел так, словно мог видеть, но я не обманывала себя.

— Но ведь я слеп, ведьма, — негромко подтвердил он очевидное, прикрыв глаза. — Я не...

— Это не важно, — я взяла его ладонь в свои. — У тебя есть Бахира, у тебя есть я. Ты сам сказал, что теперь мы одна семья. Мы будем твоими глазами, пока не спадёт Завеса. А потом ты или вылечишь себя сам, или я переверну вверх дном всю эту Сурайю, но найду целителя, который это сделает. А если он откажется, я призову самого Сурта и заставлю его это сделать.

На его губах мелькнула едва заметная улыбка.

— Не стоит ссориться с Суртом, ведьма, он всё-таки один из сильнейших богов, Владыка жизни и смерти людей. Завесе тысяча лет, никто не знает, когда она спадёт. А если меня убьют раньше, Янига? Что тогда?

Я вздохнула и обняла его, прижавшись щекой к горячей груди. Как же громко стучит его сердце...

— Тогда они узнают, что такое проклятие ведьмы-защитницы. И можешь мне поверить,

оно им не понравится. Но этого не случится, потому что ты не проиграешь. Я в тебя верю.

Джастер негромко рассмеялся и обнял меня, привычно щекоча тёплым дыханием волосы на макушке.

— Спасибо, Янига, — тихо сказал он. — Спасибо.

43. Провидец Джасир

К моему сожалению, наслаждаться объятиями Шута пришлось недолго.

— Верно ли я поняла, что Яния хочет быть твоей спутницей жизни, Джасир? — поинтересовалась результатом моего решения Бахира.

Джастер разжал руки, обратив невидящий взгляд в сторону Бахиры.

— Верно, ами, — невозмутимо подтвердил он, пока я устраивалась рядом с ним.

Женщина довольно улыбнулась, а я поняла, что опять краснею от смущения. Как хорошо, что он этого не видит!

— Верно ли я поняла, что Джасир согласен принять Янию как...

— Нет, ами, — так же спокойно ответил Шут, а я невольно закусила губу от неожиданной горечи. Опять он за своё...

— Янига, — обратился он ко мне, глядя поверх моей головы. — Я рад слышать, что ты веришь в меня, но всё же попрошу тебя называться сестрой. Не сердись и не обижайся. Это для твоей и нашей общей безопасности. Пока не разберёмся с твоей каргой, так будет лучше. Дальше посмотрим.

Для безопасности, как же... Посмотрит он...

— О твоём решении мы поговорим, когда всё закончится. Это я тебе обещаю.

Я только вздохнула, понимая, что он опять умудрился за несколько мгновений как расстроить меня, так и дать надежду.

Когда всё закончится, мы поговорим... Значит... Значит, он не принял окончательного решения. И значит... моё желание...

— Моё желание исполнимо? — я сама не заметила, как сказала вслух и сразу испуганно вздрогнула, увидев, как Джастер резко закаменел.

— Знаешь, как говорили древние мудрецы, ведьма? — Его лицо застыло холодной маской. — Бойтесь просить у богов желаемое, ибо они могут захотеть дать вам это.

— И что плохого-то?

— Ничего, — Джастер холодно улыбнулся. — Но люди обычно почему-то очень не рады исполнению своих желаний.

Всё-таки, он мне не верит. Ничего, я ему докажу, что он ошибается и что я не пожалею о своём выборе.

— О, Джасир, — Бахира с легкой укоризной смотрела на Шута. — Зачем ты пугаешь мою Янию?

— Я не пугаю, ами, — смягчился он. — Просто предупреждаю. Но верно ли я понял из твоих слов, что ами согласна принять Янигу своей дочерью, пока всё не закончится?

— Верно, мой сын. — Бахира мягко улыбнулась. — Я оставила свой народ и свою семью, но Мать Матерей взамен подарила мне сына, которым будет гордиться любая мать, и ещё одну прекрасную дочь. Разве я могу отказаться от такого подарка Великой Матери?

Ох, мне... Я вдруг вспомнила, как Бахира пела мне колыбельную, и отвернулась, потому что в глазах резко защипало.

— Хорошо, ами, — Джастер обернулся в сторону Бахиры. — В таком случае, научи Янигу твоему языку и обычаям маджан.

— С радостью и удовольствием, сын мой, — улыбнулась в ответ Бахира. — А что ты скажешь, Яния?

— Со... согласна, — я постаралась взять себя в руки, чтобы голос не дрожал. Слишком много неожиданностей на меня опять свалилось за один день.

Выбор, мама...

Великие боги... Бахира теперь — моя... мама?

Но я не успела осознать случившееся, как Джастер вернул меня из переживаний обратно в реальность.

— Скажи, ами, видела ли ты Улыбку Матери этой ночью?

— Нет, сын мой.

— И сейчас её тоже нет?

Бахира посмотрела вверх, и я тоже окинула взглядом голубое небо. Тонкий, едва заметный молодой месяц, словно белый след от ногтя, висел над макушками деревьев.

— Я вижу месяц...

— Яния говорит правду, Джасир. Великая Мать снова улыбается людям.

— Хорошо, — Джастер тоже улыбнулся. — Значит, чёрная луна Сильных Гроз закончилась.

Чёрная луна Сильных гроз... Я невольно поёжилась и обхватила себя руками, потому что стало не по себе от пробравшего внезапного понимания.

Мы встретились во время луны Цветущих садов. В чёрную луна Сильных трав я поругалась с Джастером в Пеггивилле и вызвалась спасти деревню от проклятия Вахалы. В полную луна Сильных трав раскрылся мой дар на Гнилушке.

А теперь началась луна Сильных гроз... И началась она с настоящей грозы-несчастья для Шута, которое случилось из-за моей беспечности.

Значит... Значит, Этелле не приняла мой дар и не услышала мою просьбу. Иначе она бы уберегла Джастера от этой змеи.

Великие боги, и он собрался со своим врагом разбираться в такое время?! Он же и в самом деле не бессмертный!

«Любая нить может оборваться. Даже твоя. Особенно сейчас».

От этого воспоминания о пророчестве самого Сурта стало совсем не по себе. Нет, не нравится мне такая луна! Совсем не нравится!

У Джастера и без того было непростое положение в этой Игре, а теперь всё стало ещё хуже! Не важно, что он там поставил, но сейчас ему нельзя никуда вмешиваться! Как он будет сражаться, если ничего не видит и даже боги против него?!

Но я не успела предложить переждать эту луна где-нибудь в спокойном и безопасном месте.

— Что это за слова, Джасир? — поинтересовалась Бахира. — Я никогда прежде не слышала такого красивого имени Улыбки Матери.

— Это старые имена лунных месяцев, ами. — ответил Шут. — У Яниги есть книга, где про это написано. И сейчас наступило очень хорошее время, чтобы завершить все важные дела. Всё складывается очень удачно. Янига, ты всё ещё намерена разобраться с Вахалой или мы сразу отправимся в столицу?

Я вздохнула, обняв колени, разом понимая, что отговаривать Джастера бесполезно. Книга у меня есть, но почитать я её не успела. Очень удачно у него складывается...

Шутит, что ли?

Вахала...

Вот же ядовитая заноза! Сейчас, когда я решила, что быть с Джастером для меня

важнее, чем получить свой надел ведьмы, можно было бы отказаться от встречи с ней. Но ведь это не просто старая и злопамятная ведьма. Мало того, что она просто так, для удовольствия, вредит простым людям. Она связалась с демонологом, да и во дворце ей наверняка помогает тот, чья жизнь нужна Джастеру. И уж конечно, эта троица, или сколько их там, не откажется от своих планов на войну за власть, даже если не будет меня и Шута.

А учитывая, сколько раз я испортила её планы... Да эта Вахала теперь наверняка землю носом роет, чтобы меня найти. Триста золотых за мою голову... Х-ха... Не сомневаюсь, что эта цена уже стала намного больше.

Как ни крути, Джастер прав. Быть сестрой слепого музыканта из другой страны сейчас намного безопаснее, чем его женой или невестой. Если ведьму Янигу ещё могли заподозрить в любовных связях с «псом» или бродячим «балаболом», то в слепом музыканте, который путешествует с матерью и сестрой, никто не станет подозревать известную ведьму и её «пса» или шута.

Нет, Вахалу и её подельников нельзя оставлять безнаказанными. С герцогом королевский наместник и король сами пусть разбираются, но от Вахалы и её помощника нужно избавиться. А на пустой надел желающие ведьмы найдутся. Хоть Холисса пускай себе забирает, это уже не важно.

— Да, — я кивнула в подтверждение своих слов. — Намерена. Ты сам знаешь, что её нельзя оставлять безнаказанной. И тех, кто ей помогает, тоже. Они же сами не остановятся.

— Согласен, — Джастер довольно улыбнулся. — Тогда направляемся в Салаксхем. Слепой музыкант, его сестра и мать из другой страны должны заинтересовать герцога и не вызовут подозрений у твоей карги.

— А у разбойников на дорогах?

— Зайдём в Арсанис и прибудем к большому каравану, — спокойно ответил Джастер. — Я теперь не могу идти короткими тропами, а на ваших дорогах наверняка беспокойно. Даже без твоей карги мы сейчас слишком привлекательная добыча для разбойников. С большим караваном будет проще. Заодно выясним, что произошло, пока нас не было.

Не может ходить короткими тропами... Ох, Джастер... Чтобы ты не говорил, но в этом несчастье есть и моя вина.

— Думаешь, нас ищут не только в моём наделе?

— Даже не сомневаюсь, — усмехнулся он. — Она уже наверняка знает о том, что случилось на болоте и в Шемроке. А с учётом того, что ты оттяпала часть её герцогства... Думаю, цена за твою голову хорошо выросла. Поэтому сейчас с караваном самый безопасный способ добраться до её гнезда. Надеюсь, мы успеем закончить с этим делом к празднику Урожая.

Цена за мою голову... Когда я впервые услышала об этом, то сильно напугалась. А теперь... Великие боги, мне кажется, что Гнилушка и Шемрок были так давно...

— А если она всех так запугала, что праздника не будет? — Я вспомнила рассказы Даэ Нану о бэнгах, которые по ночам похищали людей.

— Может быть, но не думаю, что она до этого дойдёт. В конце концов, она не настолько глупа, как бы хотелось. В праздник Урожая совершаются самые крупные торговые сделки. Если она и её прихвостень своими выходками распугают всех торговцев, то город на зиму останется ни с чем. Этого герцог не допустит даже под влиянием волшебства. Они вынуждены с ним мириться, потому что он их прикрывает от взгляда короля, и его руками

они хотят получить трон. С учётом того, что герцог готовится к войне, нужно как можно больше запасов, чтобы было чем по весне кормить армию. Но нам следует поспешить, чтобы попасть в Арсанис до закрытия ворот.

Джастер поднял голову, подставляя лицо солнцу.

— Всё, хватит разговоров, нужно ещё многое сделать.

Все приготовления мы закончили, когда солнце достигло полудня.

Бахира помогла мне и Джастеру покрасить волосы густой и чёрной краской, которую она сделала в отдельной миске. Пока я наносила краску на волосы, она достала небольшие ножницы и, к моему изумлению, взялась за шевелюру Шута.

Пшеничные пряди золотыми нитями падали на землю и блестели на солнце, пока лицо Джастера преобразалось прямо на глазах. Короткие, не длиннее, чем на два пальца, волосы больше не скрывали широкий и высокий лоб, обнажили уши, на мочках которых, в самом деле, были заросшие точки от проколов. Чёрная краска ещё больше подчеркнула резкие и твёрдые черты лица и лунные глаза под прямыми бровями. Даже кожа стала смуглее, а может, он просто успел загореть под жарким солнцем, а я и не заметила.

Ему только бороды и усов не хватало, но я не сомневалась, что и они появятся.

В любом случае, принять этого опытного мужчину за юного шута и трубадура мог только...кхм, слепой.

— Сохранил ли Джасир подарок моего народа? — спросила Бахира, разглядывая его уши.

— Сохранил, ами. И буду благодарен тебе за помощь.

В подтверждение своих слов он достал из торбы две серебряные серьги в виде небольших широких колец с крупным тёмно-синим камнем в каждой. Бахира накалила большую иглу, проколола ему уши и серьги заняли своё место.

Смуглый и черноволосый слепой музыкант Джасир с серебряными серьгами в ушах не имел ничего общего с «бешеным псом» или наивным шутком-полудурком, которые путешествовали с госпожой Янигой. Зато очень походил на «осу». А ещё он был очень красив в таком наряде. Даже серьги не только не смущали, а напротив, подчёркивали мужественную красоту воина.

— Теперь нужно заняться твоей причёской, Яния, — сказала Бахира, направляясь ко мне. — Я тебе помогу.

Я кивнула, позволяя ей делать с моими волосами, что нужно, и слушая её негромкий рассказ об обычаях маджан.

Когда мы с Шутом помыли головы от излишков краски, Бахира снова села заниматься моей причёской, заставляя меня повторять правила поведения и слова на её языке и поправляя, когда я говорила неправильно.

От её краски мои волосы стали чёрными и мне казалось, что это не я, а кто-то другой. Когда Джастер из меня травницу делал, такого тёмного цвета не было.

— Это надолго?

Я смотрела на блестящие под солнцем многочисленные тонкие косички. Бахира не стала ждать, когда моя голова высохнет и села заплетать сразу, как только вода перестала капать с кончиков волос, сказав, что так даже лучше.

Шут не спешил прятать голову от солнца, давая своей короткой шевелюре высохнуть.

— О чём ты, дочка?

— Цвет, — я покосилась на Бахиру. — Он надолго?

— Это хорошая краска, Яния, — та довольно улыбнулась. — Не волнуйся, никто не подумает, что это не твой настоящий цвет.

Я только вздохнула, понимая, что черноволосой мне придётся ходить неизвестно сколько. Интересно, ему бы понравился такой цвет?

Пока Бахира делала из меня девушку народа маджан, Джастер всё же взял нож и занялся своим новым посохом. Осторожно и не спеша, иногда пользуясь нашими советами, он счищал кору, обрезал выпирающие сучки и сломанный у комля ствол. В итоге получилось вполне неплохо, на мой взгляд. По крайней мере, теперь шест в его руках теперь куда больше походил на посох, а не на дерево из леса.

— Не переживай, Янига, — отозвался Шут, словно услышав мои мысли. — Когда всё закончится, тогда и отмоемся. Хотя я бы посмотрел, как ты теперь выглядишь.

Вот как он так опять меня смутить и обрадовать умудрился?

Джастер же встал, убрал нож и спросил, далеко ли мы сидим.

— Чтобы не прилетело, — пояснил он.

— В трёх шагах справа от тебя, Джасир, — ответила Бахира, заплетая мне очередную тонкую косичку. Около двух десятков таких я уже держала в руках, следя, чтобы они не распускались.

Воин кивнул в ответ, отступил на несколько шагов левее, повёл вокруг себя посохом, проверяя, что ему ничего не мешает, а затем я тихо ахнула, зажав рот рукой. Потому что впервые увидела, как легко и ловко летает посох в руках Джастера, раздавая удары невидимым противникам.

— Мой сын — великий воин, — Бахира смотрела с гордостью. — В его руках даже палка может стать оружием.

— Сойдёт, — подтвердил Шут, опуская посох. — А то слепого каждый обидеть норовит.

Я только фыркнула, подумав, что уж кто-кто, а Джастер даже в таком состоянии сумеет ответить так, что обидчику мало не покажется.

Когда Бахира закончила с моей причёской, уложив все косички в нечто невообразимое и нацепляв на них разных украшений, она снова принесла эльгимун — нарядно вышитую сумочку, в которой хранила красивую серебряную шкатулку с небольшим зеркалом, красками для волос и лица, а также украшениями и чем-то ещё, мне неизвестным.

— Каждая девушка должна уметь украшать себя, чтобы её вид доставлял радость и наслаждение её мужчине, — сказала она, открыв передо мной свою сокровищницу. — Как так вышло, что Яния не подводит глаза, не красит губы, не наносит благовония и не украшает себя, как девушка? Неужели в твоей стране женщины скрывают свою красоту?

Я только покачала непривычно тяжёлой от новой причёски головой, и вздохнула, покосившись в сторону Шута, который снова что-то делал со своим новым посохом. Украшать себя...

Когда-то я считала, что ведьмы не должны этого делать, а теперь... Теперь он этого не увидит.

Про духи я и вовсе забыла давным-давно. Не в лесу же ими мазаться? А в Сурае от меня требовалось быть «бездушной», а не благоухать как цветущий сад...

— Не переживай, дочка, — Бахира погладила меня по руке. — Он будет знать, что ты красива и выглядишь достойно, это тоже важно, поверь мне. Давай, я покажу тебе, как правильно украшать себя.

Пока она подводила мне глаза тонкой кисточкой и красила губы, я думала, что очень хочу, чтобы Джастер увидел меня такой. Вдруг такая я ему бы понравилась больше?

— Джасир, — Бахира закончила раскрашивать мне лицо и обратилась к Шуту, — Янии нужны украшения. Моя дочь не может ходить как...

— Посмотри здесь, ами, — он отложил нож и посох и нашарил торбу. — Вот.

На землю легла большая и плоская золотая шкатулка, украшенная разноцветными камнями. Бахира открыла её, и я услышала вздох восхищения.

— Эти украшения достойны самой прекраснейшей из женщин!

«Драгоценности и пряности я уже нашёл», — вспомнилось мне. — «Это дом Ашу Сирая, а не Сафара».

— Прошу, ами, — Джастер обратил невидящий взор на Бахиру. — Выбери что-нибудь не слишком... заметное. Я не хочу давать лишнего повода для разбоя разному отребью. Хватит и моей... слепоты. И найди себе и Яниге по кольцу. Лучше из серебра.

— Я услышала тебя, Джасир.

Бахира и в самом деле выбрала небольшое ожерелье и, к моему внезапному ужасу, серьги. Только что я была готова к любым украшениям, но ведь чтобы носить серьги, надо... иглой...

— А мне обязательно это делать? — Голос сам собой получился слишком жалобный. — Может, лучше без них?

— Яния... — Бахира смотрела на меня с изумлением и неверием. — Неужели ты боишься? Дочери маджан с детства украшают себя. Разве в твоей стране женщины так не поступают?

Богатые, разве что... Ведьмы точно так не делают.

— Я... не боюсь, просто... потом же следы так и останутся!

— Неужели ты не хочешь быть красивой? — Ещё больше изумилась Бахира. — Зачем тебе снимать серьги?

— Ну... я...

— Не бойся, ведьма, это не так страшно, как ты думаешь. — Внезапно вмешался Шут, который внимательно прислушивался к происходящему. — Палец уколоть больнее.

Фух, успокоил...

— Теперь ты согласна, Яния? — улыбнулась Бахира, подойдя ко мне и вложив в ладони серебряные серьги и изящное ожерелье с прозрачными вишнёвыми камнями.

Я посмотрела на украшения и кивнула, закрыв глаза, чтобы наверняка не видеть большую иглу, которую Бахира достала из шкатулки и нагревала над костром.

— Ой! Всё?

— Не спеши, Яния. Сейчас наденем вторую...

— Ой... Теперь всё?

— Да, Яния. Вот, полюбуйся, какая ты теперь красавица!

Я открыла глаза, привыкая к затихающей в мочках боли и непривычному ощущению того, что там теперь что-то есть. На груди было новое ожерелье. Сейраз я уже привыкла прятать под одеждой, и он ничем не выдавал себя.

Бахира протягивала мне открытую шкатулку, а я вспомнила о своём зеркальце и гребне,

который подарил мне Джастер. Когда теперь я снова смогу им воспользоваться...

Уж не с этой причёской точно. Все мои волосы были заплетены во множество мелких косичек, украшенных разными бусинами и подвесками.

Из зеркала на меня смотрел кто угодно, только не госпожа ведьма Янига.

Оказалось, что я тоже загорела за эти несколько дней. Веснушки на коже стали почти незаметными, а чёрные волосы с многочисленными украшениями и косичками и вовсе отвлекали от них взгляд. К тому же Бахира вычернила мне брови и нарисовала такие же красные точки на скулах, какие были у неё. Но голубой полумесяц — знак сновидицы, — она рисовала только себе.

— Великие боги... — невольно выдохнула я, разглядывая отражение. — Удивительно...

— Как получилось, ами?

— Яния просто красавица! — с гордостью ответила Бахира. — Ты можешь ей гордиться, Джасир. С одного взгляда она сразит сердце любого мужчины!

— Хорошо, — негромко отозвался Шут, доставая из торбы свёрток тёмно-синей ткани. — Тогда можно ехать. Но сначала я попрошу тебя помочь мне тоже.

— Конечно, сын мой.

Пока я разглядывала себя в зеркало и жалела, что Джастер не может оценить мой новый облик, Бахира помогла ему завязать вокруг головы тёмно-синий тал-лисам, как назывался этот убор. На плечи Шута лёг такого же цвета плащ.

— Мои дети прекрасны, — сказала она, довольнo оглядев меня и Джастера.

Не знаю, насколько я была похожа на девушку народа маджан, а вот Шут от любого из воинов Альмахайма отличался только цветом одежды и глаз.

Так ведь и Бахира не настолько темнокожая, как те наложницы... А глаза у неё вообще голубые.

Они и в самом деле могли сойти за мать и сына.

А вот мои глаза совсем другого цвета. Не знаю, что стало причиной: цвет волос или разноцветная подводка, но сейчас их жёлтый цвет стал ещё ярче и заметнее.

Сестра... Как же...

Бахира с гордостью и любовью смотрела на преобразившегося Шута, и я вдруг подумала, что теперь знаю, как выглядел «пард пустыни», когда не носил наряд и маску Ашу Сирая.

А ещё я вдруг поняла, почему он решил выдавать нас за маджан. В обычаях этого народа было почитание не только самой Датри, но и женщин, как её дочерей. Женщины владели имуществом и заведовали хозяйством, обучались письму и грамоте, принимали важные решения, сами выбирали себе мужчин и мужей, и сами могли выгнать негодного, отказав ему в праве называться мужем. Когда я слушала это, то подумала, что Холиссе, да и любой ведьме или женщине, у маджан бы очень понравилось.

Бахира, благодаря своему дару сновидицы, была одной из Матерей, входящих в Лунный Круг и решавших все важные дела маджан.

Поэтому кто кому оказал честь в неожиданной «семье»: Джастер Бахире или она ему — тот ещё вопрос. Я-то точно оказалась удостоена чести называть одну из правительниц гордого и сильного народа своей «матушкой».

Мужчины маджан слыли великолепными воинами и ювелирами, кроме того они охотились, торговали, пасли скот, сочиняли стихи и песни, защищали женщин и детей и всегда скрывали свои лица вне домашних стен.

Джастер снова прятался на виду.

— Ты нашла для вас кольца, ами? Браслеты тоже подойдут. Главное, там должен быть камень.

— Сейчас, Джасир. — Бахира перебирала украшения в шкатулке.

Хоть я и успела увидеть и узнать совсем немного, обычай здешних мужчин и женщин богато украшать себя, сложно было не заметить. Все носили кольца и перстни, цепи и подвески с камнями, при этом мужчины не стеснялись носить даже большие и вычурные серьги. А вот «осы» носили в ушах серьги, похожие на те, что надел Шут. Только золотые и без камней.

" — Ты был в Сурае? — Я же наёмник... обычная работа..." — вспомнился мне давний разговор.

— Ты был «осой»?

— Я много кем был, — улыбнулся он. — Но это в прошлом. Теперь я всего лишь слепой музыкант.

— Я нашла несколько колец и браслетов, сын мой.

Джастер протянул ладонь, и Бахира сложила туда пригоршню украшений. Шут спокойно брал каждое в руку и задумчиво держал в пальцах, откладывая в итоге в две разные кучки.

— Что из этого вам нравится больше, ами? — он указал на одну из кучек. Бахира склонилась посмотреть, и я тоже подошла и села с другой стороны.

Там лежало три тонких узорных браслета и четыре кольца с разноцветными камнями. В другой — пять браслетов и три кольца. На мой взгляд, все были одинаково красивые и ничем не отличались друг от друга. Хотя нет. В отобранных Шутом украшениях все камни были очень тёмные.

— Всё очень красивое, Джасир, — подтвердила мои мысли Бахира. — Что ты выберешь, Яния?

Я задумчиво взяла одно из колец. Тонкое и узорное, оно было украшено тёмным полупрозрачным камнем со множеством сверкающих граней. В самый раз мне на средний палец.

— Это.

Бахира выбрала себе большой перстень тоже на средний палец. Камень там был почти чёрный, выпуклый, гладкий и ненавязчиво блестящий.

Джастер протянул ладонь, и мы положили наши кольца. Он поднёс их к губам и что-то зашептал на незнакомом языке. Когда кольца слабо засветились и погасли, он опустил руку.

— Берите и не снимайте. Они скроют ваш дар от любых глаз.

Я с трепетом надела на средний палец левой руки волшебное кольцо. Так вот как он этот самый «непрогляд» колдует. Спрятать дар от любых глаз...

Значит, на сейразе такого заклинания нет, поэтому те Взывающие видели мой дар. И даже сейчас из всех сокровищ не каждое украшение для этого подошло...

Почему он выбрал именно эти украшения? Что это за заклинание, что даже сейраз не помог мне разобрать смысл слов? Как он прячет свой дар? Он же не носит никаких украшений. Даже серьги только сейчас надел.

Вопросы рвались с языка, но я промолчала, потому что спрашивать о таком точно не время.

— Благодарю, сын мой. — Бахира тоже любовалась подарком. — Можем ли мы с Янией

взять другие украшения, Джасир?

— Да, конечно, ами, — он легко улыбнулся. — Берите, что нравится.

Пользуясь разрешением, я с удовольствием выбрала себе ещё пару колец с розовым и синим камнями, а Бахира надела мне на запястья несколько тонко звенящих браслетов.

Я любовалась этой красотой, пока Бахира выбирала кольца и браслеты для себя. Не так уж и плохо быть девушкой из народа маджан. Ведьмы такое не носят, а я теперь могу. И мне это очень нравится. Ещё бы Джастер мог сейчас меня видеть...

Когда украшения были выбраны, шкатулка исчезла в торбе, а Джастер повесил на широкий пояс мой меч в потрёпанных ножнах. Посох он держал в правой руке.

— Джастер... Может, ты возьмёшь Игвиля?

— Нет, — он качнул головой, подтверждая ответ. — Я справлюсь, а тебе он пригодится больше. Вам с Бахирой теперь придётся держаться настороже. И заодно учишь называть меня Джасир или брат. А я буду звать тебя сестрой.

— А по имени звать не хочешь? — обиделась я. — Или у тебя язык отвалится назвать меня Янией?

— Не начинай, ведьма, — Шут ответил так холодно, что я невольно вздрогнула. — Надо будет — позову. Всё, поехали. И так долго провозились, теперь только к вечеру до города доберемся.

— Мы будем там ночевать?

— Придётся, — хмуро ответил он. — Все караваны отправляются в дорогу утром. Договариваться буду я, но вам придётся помочь мне найти этих людей. И будьте осторожны. Мы ещё в Сураие.

— Я помню, — ответила я, поправляя обруч парна на новой причёске.

Бахира же без лишних слов вложила в руку Джастера повод Огонька и подержала стремя, пока он садился в седло.

Но прежде, чем мы отправились, мул был привязан к моему седлу, а Огонёк — к седлу Бахиры.

— Езжайте так, чтобы солнце держалось над левым плечом, — объяснил Джастер. — И не сворачивайте. Тракт прямо перед нами. Можно ехать и вдоль берега реки, но она сильно петляет, и мы даже к ночи не доберемся до места.

— Хорошо, Джасир, — Бахира тронула свою лошадь с места, и рыжая красотка пошла вперёд ходкой уверенной рысью.

Огонёк легко следовала за ней, явно недовольная таким положением. Джастер невозмутимо устроил свой посох на коленях через седло, и ласково похлопал лошадь по шее, успокаивая её. Мне оставалось только следить за дорогой и думать о том, что наше путешествие становится всё опаснее.

Луна Сильных гроз началась.

Бахира уверенно выбирала дорогу среди редких рощиц и деревьев, но через некоторое время Джастер попросил её сбавить скорость.

— Что-то случилось, Джасир? — встревоженно обернулась женщина, натягивая поводья Пламени. Рыжая лошадь послушно перешла на шаг, и Огонёк поравнялась с ней.

— Всё в порядке, — Шут умиротворяюще улыбнулся. — Просто забыл кое-что рассказать. Отун, ты слушаешь?

Отун? А, сестра...

— Да. — Я наострила уши, подъехав поближе и не испытывая восторга от этого обращения. Даже его насмешливое «ведьма» так не резало слух, как это спокойное «сестра».

— Вы обе были в Онферине, — Шут смотрел вдаль невидящим взглядом. — Но Онферин — это особенный город. Он принадлежит самому Тёмноокому Сурту и Ёзефу, как настоятелю его храма. Это единственный город в Сурае, который не подчиняется султану

— Султан? Это кто, ахун? — Я переспросила на языке маджан, так как Шут рассказывал именно на нём. Значит, он хочет проверить, насколько я усвоила то, чему учила меня Бахира. Хотя называть Джастера братом было очень... странно, придётся привыкать.

А ещё надо учиться называть Бахиру ами, матушка...

— В Эрикии его бы называли королём, отун, — спокойно пояснил Джастер, возвращая меня на землю. — Только в отличие от вашего короля, который вынужден делить власть и доходы с герцогами, султан владеет всей страной без ограничений. У него есть мусташи — советники по разным делам и вазири — главные управляющие делами страны.

— Для чего нам это знать, сын мой? — спросила Бахира, недоумённо сведя брови. — Ты сказал, что мы очень скоро покинем эту страну.

— Мы не должны нарушить законы Сурайи, пока мы здесь, ами. Султан, как любой из преданных, не хочет нарушить волю Сурта и лишиться посмертия. Поэтому в каждом городе есть храм Тёмноокого и Взывающие, которые рассматривают вопросы нарушения закона наравне с обычными судьями. Мне сейчас с ними лучше не встречаться.

«Никто из них не станет помогать мне и нарушать волю Сурта».

— Что ты имеешь в виду? Ты боишься, что Сурт узнает... — растерявшись, я спросила на своём языке и Бахира тут же одёрнула меня.

— Яния, дочка! Не забывай, кто ты! — Она поднесла палец к губам, и я виновато кивнула.

Да уж, эта роль куда сложнее, чем быть «бездушной». Ну почему, почему это случилось?! Я бы проходила в белом парне сколько угодно, лишь бы Джастер снова смог видеть!

— Ами права, отун, — спокойно сказал Шут. — Любое неосторожное слово может погубить всех нас. Не забывай об этом.

— Хорошо, — тихо ответила я на языке маджан. — Прошу тебя, продолжай... ахун.

Джастер протянул руку и нашёл мою.

— Я в тебя верю, Яния, — с мягкой улыбкой сказал он, легко сжав пальцы на моём плече. — Ты с этим справишься.

Ну, вот как он так опять?! У меня щёки под парном полыхают так, что жарко стало.

Он в меня верит... И он назвал меня Яния...

Великие боги, да я за одно это имя для него всё сделаю!

— Сурт всё знает, он не только бог, но и сын Датри, не забывай. Но я не хочу, чтобы это стало достоянием людей. Слухи легко пустить и сложно пресечь. И такие слухи мне сейчас точно не нужны. — Джастер убрал руку с моего плеча.

— Но как Взывающие узнают, кто ты?

— Они умеют видеть одарённых. Сколько мужчин, рождённых в Сурае с тёмным даром, по-твоему, не служат Сурту, притом, что это не просто честь, а обязанность для любого одарённого?

— Хочешь сказать...

— Я не рассказывал, как становятся Взывающими? — Джастер не нуждался в моём ответе, а я приготовилась внимательно слушать. — До Великой Войны дар был обычным явлением среди людей, и каждый человек выбирал себе бога или богиню, или демона, которому хочет служить. Взывающих было не много по сравнению с другими темными магами, и они жили, в основном, в Онферине. Сурт изначально сделал этот город своим, хотя тогда страны были другие. Обучение было довольно сложным, а испытание ещё сложнее. Мало уметь приносить жертвы и петь гимны. Чтобы стать Взывающим, ученик должен был сам стать жертвой своему богу на алтаре. И тогда Сурт решал, чего достоин ученик: смерти или служения. Прошедший ритуал получал доступ к тайным знаниям и мог просить силу и поддержку своего бога для проведения ритуалов поднятия мёртвых или становления личем. Знаком Взывающих был след от его копыта в форме полумесяца на груди. Ёзеф последний, кто носит такой знак и последний, кто прикасался к истинной силе своего бога. Став Говорящим с Суртом, он смог отомстить за предательство и восстановить город заново, подняв целую армию мертвецов. После появления Завесы Сурту пришлось отказаться от этого испытания, чтобы сохранить и приумножить число своих преданных, и не дать погаснуть искре ослабевшего тёмного дара. Тоже случилось с целителями. Этелле не могла больше помогать им своей силой, но это частично смог сделать Сурт через искусство Взывающих. Взывающие, как никто другой знают и умеют работать с телом человека. С болезнями и повреждениями тела они умеют справляться очень хорошо. Взывающие передали часть своих знаний бывшим преданным Этелле, а Сурт прислушивается к светлым молитвам об исцелении. Конечно, это не те целители, что были раньше, но лучше такие, чем никаких вообще. Поэтому в этой стране любой мужчина с даром служит Сурту.

Вот оно что... Теперь понятно, почему он советовал книжнику отправиться в Сурайю и найти целителя. И понятно, почему все Взывающие носят полумесяц. Но умереть на алтаре, чтобы бог решил достоин ли человек ему служить? Сурт, конечно, очень грозный и тёмный бог, но неужели это правда? Хотя... если взамен можно обрести силу, чтобы поднять целую армию мертвецов...

«Вы очень тихо и богато живёте... Сурайте пока не до вашей милой страны, они с другими соседями воюют... ваш король и дня бы не продержался...»

И тут я вздрогнула от ужасного озарения.

В Сурайте наверняка не меньше нескольких сотен Взывающих! А значит... Значит...

— Они могут напасть на нас с армией мертвецов?! — испуганно выпалила я, ухватив Джастера за рукав.

— А разве на вас мертвецы нападали хоть раз, ведьма? — хмуро ответил он, покосившись на мои пальцы, судорожно сжавшие его руку. Я торопливо отвела взгляд и с трудом разжала пальцы под едва заметное укоризненное качание головы Бахиры.

— Нет, но...

— Взывающие служат Сурту, а не султану, ведьма. А Сурт — повелитель жизни и смерти людей. Ему не нужны войны, он сам мог карать, кого хотел. Хоть мор наплёт, хоть болезнь или ещё что придумает. Кроме того, раньше каждый человек служил кому-то из богов или демонов и после смерти его душа отправлялась к ним. А чтобы поднять мертвеца, душу нужно задержать в мёртвом теле. И, как понимаешь, другим богам или демонам это не очень нравилось, потому что душа при этом теряет свои силы. Сурт бы не стал ссориться из-за такой ерунды, как армия мертвецов, с другими богами.

— А как же тогда Ёзеф...

— Взывающих предали жители Онферина, решившие служить не Сурту, а богу, которого придумали другие люди. Но такого бога не было на самом деле и душам после смерти некуда было уйти. Поэтому Ёзеф получил над ними полную власть, а затем Сурт забрал эти души себе. Думаю, он потом вернул их на перерождение в Сурайю и они не посмели снова предать его. Но это было до того, как Завеса окончательно окрепла. Сейчас даже Ёзефу придётся очень постараться, чтобы поднять хоть одного мертвеца. Остальным это не по силам.

Я с недоверием посмотрела на Джастера, но, судя по всему, он не шутил. Но ведь в Чернецах я сама видела как он вызывал души убитых. И то, что он сделал с Сафаром... и это его «мертвого допросим»...

— А тебе?

— А я не всё, Янига. Мне не нужна сила Сурта.

Опять отговорился. Как же он не хочет ничего рассказывать о себе...

— Тогда почему ты снова не скроешь свой дар? Ты же умеешь это делать!

— У дара много граней, — спокойно сказал он. — И одна из них теперь мне понадобится. Поэтому я не буду его скрывать. Зато могу скрыть лицо по обычаю маджан и, как они, служить Великой Матери.

В подтверждение своих слов, он, в самом деле, закрыл лицо свисающим концом тал-лисама, оставляя лишь глаза. Я только вздохнула, подумав, что этим он не только не скрыл своей красоты, а стал ещё загадочней и привлекательней. Серые удивительные глаза с лунными зрачками не смотрели на меня, но, казалось, всё равно проникали в самую душу.

— Какие законы мы можем нарушить по незнанию, Джасир? — Бахира, внимательно выслушав наш разговор, не забыла о главном.

— Это против обычаев маджан, ами, но прошу: ни с кем из мужчин не разговаривайте без меня и закрывайте лица, пока мы не покинем пределы Сурайи. — Без тени улыбки сказал Джастер. — Никуда в городе не ходите без меня, чтобы вас не похитили и не сделали джихайен. Я пока не знаю, где мы найдём комнату для ночлега, но если вам выделяют женскую половину, держитесь вместе и помните, что я вам сказал. Это приграничный город, и стража, а также местный эмбе могут закрывать глаза на нарушения закона и порядка. Деньги для них намного важнее, чем обычаи пришлых маджан.

— Неужели по законам этой страны мать не имеет права голоса, Джасир?

— Имеет, но только внутри своего дома, ами. За его пределами всё разговоры с другими мужчинами ведут только мужчины. Только если они сами обратятся к вам — вы можете ответить. Но, прошу вас, не забывайте добавлять «господин».

— Ужасные законы, — тихо пробурчала я под нос, но Шут услышал.

— Это законы Сурта и если никто из нас не хочет попасть в зин-зан, их лучше соблюдать. К тому же, это совсем ненадолго. Ко мне вы можете обращаться в любое время, но не когда я с кем-то говорю. Если нужно что-то сказать — троньте меня выше локтя. Ами, я прошу тебя быть справа от меня. Хоть это и противоречит здешним правилам приличия, но в моём положении допустимо. Яния, тебя я попрошу быть по левую руку. И держитесь не дальше шага. Ближе можно, дальше — не желательно.

— Хорошо. — Мы с Бахирой ответили почти одновременно.

Шут кивнул и поднял лицо к солнцу.

— На сколько локтей опустил Отец свой золотой щит, ами?

— На один локоть, мой сын.

— Тогда нам нужно поспешить. Ворота в город запирают на закате.

Бахира вместо ответа звонко прищёлкнула языком, и её Пламя снова перешла на ходкую рысь. Джастер спокойно держал руки на луке седла Огонька, а я с Ласточкой и мулом замыкала наш небольшой караван.

К тракту мы выехали довольно скоро. Как и говорил Джастер, это была широкая и утопанная дорога среди просторного поля, и по ней на север брёл большой караван из мулов и тех самых горбатых животных, которых я приняла за безрогих лосей. Я не успела ничего сказать, как Бахира натянула поводья, останавливая свою лошадь и не спеша покидать рощицу.

— Я вижу дорогу и караван на ней, Джасир, — сказала она, не дожидаясь вопроса Шута. — Что нам делать?

— Караван большой?

— Дважды по десять мулов и трижды по пять гаминов.

О, так вот как называют этих горбатых зверей...

— Охрана?

— Я вижу много воинов, Джасир.

— Хорошо. Поедем следом за ними. Не приближайтесь к ним слишком близко, достаточно просто следовать в полусотне шагов. Они сами к нам обратятся.

— Почему мы не можем сразу к ним подъехать? — спросила я, помятуя встречу с Альмахаимом.

— Потому что сейчас я слепой музыкант из народа маджан, — спокойно ответил Джастер. — То есть для этих людей я наполовину разбойник, наполовину бродяга. Прости меня за эти грубые слова, ами.

— Я не оскорблена, мой сын, — с достоинством ответила Бахира. — Шакалы всегда лают на пустынных пардов, потому что боятся их силы. Эти люди знают и помнят силу и дух наших воинов.

— Помнят, ами. — кивнул Джастер. — Едем.

Джастер оказался прав. Едва мы выехали из рощи, как нас заметили «осы». Один из чёрно-жёлтых всадников отделился от каравана, помчался нам навстречу, но скоро повернул обратно, помчавшись галопом к самому началу длинной вереницы животных. Скоро я увидела, что караван замедляет движение, а «осы» явно готовятся к сражению.

Неужели трое маджан, из которых двое — женщины, и в самом деле настолько грозная сила, что даже такой большой караван с многочисленной охраной всерьёз напуган?

Бахира же спокойным шагом ехала к дороге, не стремясь обогнать караван или приблизиться к нему. Я нервно прикусывала губу, и украдкой вытерла взмокшие ладони о парн, стараясь убедить себя, что всё будет хорошо, а вот Джастер смотрел вперед так безмятежно, что я невольно начинала переживать за его душевное состояние.

Слишком спокоен он был всё это время. Слишком легко принял случившееся. Слишком бесстрашно и уверенно отправился навстречу всем нашим врагам. Слишком...

— К нам едут всадники, мой сын, — негромко сказала Бахира, натягивая повод Пламени и возвращая меня в реальность. — Пятеро воинов и с ними богато одетый человек.

— Хорошо, ами, — Джастер по-прежнему безмятежно смотрел куда-то вдаль. — Я поговорю с ними. И помните, что я вам сказал.

— Да, Джасир, — в один голос ответили мы с Бахирой.

Шестеро всадников остановили лошадей, когда до нас оставалось не больше десяти шагов. «Осы» без слов рассыпались полукругом, держа свои копыта наготове, пока богато одетый мужчина с короткой густой бородой и в белом тал-лисаме, украшенном золотой брошью с алым камнем, рассматривал нас. В его ушах качались крупные золотые серьги с голубыми, как чистое небо, камнями.

— Приветствую вас, почтенный, — Джастер сложил ладони перед грудью по обычаю маджан и с достоинством склонил голову в вежливом поклоне, едва затих топот коней. На его лице по-прежнему была безмятежность, а серые глаза стали светлыми, как воды Этелле. — Да будет Мать Матерей благосклонна к вашей жизни и к жизням ваших спутников.

— Мне сказали о появлении «песчаных духов», я не поверил словам и решил убедиться в этом сам, своими глазами! Но что я вижу?! Две женщины и слепец?! — удивлённо вскинул брови бородач. — Что ты делаешь так далеко от ваших песков? Кто эти женщины возле тебя?! И почему ты один?

— Я поэт и певец, о достойнейший Назараид, сын Басмана, — снова почтительно склонился голову Шут. — Со мной моя мать и моя сестра. По воле Великой матери мы следуем туда, где каждую ночь встаёт звезда Альк.

— Откуда ты узнал моё имя?! — Брови бородача взлетели вверх. — Кто сказал тебе его?!

— Воля Великой Матери забрала у меня обычные глаза, но взамен Мать Матерей подарила мне возможность видеть людские судьбы, почтенный Назараид, — ничуть не смутившись, также спокойно и безмятежно ответил Шут, а я открыла рот от изумления, радуясь, что Джастер велел при разговоре не поднимать глаз, а парн скрывает лицо.

Возможность видеть людские судьбы?! Он это серьёзно?! Поэтому он свой дар прятать не захотел? А просто оставаться музыкантом, чем ему плохо было?!

«Осы» взволнованно запереглядывались, да и сам хозяин каравана выглядел встревоженным и озабоченным.

— Уж не хочешь ли ты сказать, что ты стал провидцем по воле той, кому вы поклоняетесь?

— Именно так, о мудрейший Назараид. Ты всё понял верно. И в подтверждение своих слов я открою тебе, что среди тех, кому ты доверяешь, скрывается нечестный человек, который хочет обмануть тебя.

Хозяин каравана сначала нахмурился, а затем заулыбался и погрозил Джастеру пальцем.

— А-а-а-й, это ты хочешь обмануть меня, коварный «дух»! Я слышан о вашем безумстве в битвах, но ты, видно, вместе с глазами потерял и свой разум! Твой язык зол и жалит беспощадно! Такие слова западают в душу острой колючкой и отравляют её ядом подозрений, но я не стану их слушать и сомневаться в тех, кто заслужил моё доверие!

— Воля твоя, почтенный, — с прежним миролюбием ответил Шут, ничуть не утратив своей безмятежности. — Ты везёшь на продажу жгучий альфуль, но прежде, чем продавать его, проверь, не подменили ли его на обычный уголь и золу из костра.

Смутное лицо Назараида сначала побледнело, а затем покраснело. Он судорожно натянул повод, и его конь недовольно зафыркал и загарцевал, почуввав волнение хозяина.

— Стой здесь, слепец! — воскликнул караванщик, грозя Джастеру пальцем. — Мои люди будут охранять тебя, пока я не вернусь и не прикажу им привязать тебя к хвостам

лошадей и тащить до самого Арсаниса за твой лживый язык! А твоих женщин я заберу себе, а когда они мне надоедят, я продам их на рынке!

— А если я прав, почтенный Назараид?

— Тогда я приму тебя и твою семью, как дорогих гостей, слепой сын песков, и помогу тебе в твоих делах! Клянусь самым Тёмноокимом!

— Да будет так, — негромко сказал Шут, пока караванщик гнал коня обратно к дороге. — Да будет так.

Пятеро «ос» хмуро переглядывались, не ожидая от нас опасности, но копыта не опускали. Я украдкой скосила глаза. Бахира сидела в седле, слегка опустив голову, но я заметила, как она сжимает повод Пламени, чтобы скрыть своё волнение. Выходит, она не знала об этом даре Джастера и теперь волнуется, сказал ли он правду или понадеялся на свой опыт и случай? Ведь в торговле не обходится без такого обмана, это я уже успела понять из наставлений, которые давал Альмахаиму Ашу Сирай.

Я не сомневалась в правдивости слов Шута: сколько раз уже убеждалась, что всё будет так, как он сказал. Но даже то, что Джастер в самом деле видел судьбы других не объясняло, как он узнал имя караванщика. Неужели у него настоящий дар провидца? Но разве это грань тёмного дара, а не светлого?

И почему он сразу не предупредил нас об этом?

Что он задумал?

Сам виновник нашего с Бахирой волнения держал на коленях свежеструганный посох, смотрел вдаль невидящим взглядом, и вся его фигура излучала такое спокойствие и безмятежность, словно никаких «ос» не было и в помине, а мы наслаждались мирной и безопасной прогулкой.

Тем временем караванщик добрался до дороги. Люди вокруг него засуетились, а через некоторое время от дороги донеслись крики. «Осы» не выдержали и обернулись, стараясь при этом не упускать нас из виду. Я же забыв про предупреждение Джастера, подняла голову и смотрела, как один из людей вскочил верхом на мула и помчался прочь от дороги, прячась от охраны за горбатыми спинами и гружёными мулами.

Но «осы» не зря носили свои копыта.

Несколько росчерков мелькнуло в воздухе, и всадник вместе с мулом упал в густую траву, окончательно исчезнув за спинами животных. Я не видела, жив он или нет, но трое чёрно-жёлтых всадников отправились к месту падения и, судя по тому, что они не спешили, я поняла, что обманщик поплатился за свой обман.

— Что там произошло, отун? — негромко спросил Джастер, слегка повернув голову в мою сторону и прислушиваясь к возбуждённым голосам со стороны каравана.

Наша охрана тут же схватилась за копыта, а я поспешно опустила голову, пряча глаза. Хватит того, что Джастер догадался, что я подсматривала.

— Они... убили того, о ком ты говорил. Он хотел сбежать, — также негромко ответила я на языке маджан.

— Ясно. — Спокойно сказал Джастер, а к нам уже мчался хозяин каравана. Полы его ярких одежд развевались на ветру.

«Осы» расступились, освобождая место, и караванщик, с потемневшим лицом и сверкающими глазами осадил коня так, что тот недовольно заржал.

— Верно ли я понял, что ты убедился в правдивости моих слов, почтенный

Назараид? — Джастер повернул голову на топот.

Караванщик несколько раз шумно вздохнул, успокаиваясь, и ответил.

— Ты оказался прав, сын песка. Но всё же я не...

— В таком случае, что ты хочешь узнать ещё, почтенный Назараид? — не теряя спокойствия, спросил Шут. — Какие тайны твоего прошлого я должен поведать тебе, чтобы ты внял открывшейся тебе истине и исполнил данную тобой клятву?

— Разве ты не можешь открыть мне будущее? — удивился караванщик. — Почему ты говоришь о моём прошлом?

— Я могу предсказать твоё будущее, почтенный Назараид. Но как ты сможешь проверить мои слова о грядущем сейчас, стоя здесь, а не двигаясь вперёд по своему пути?

Брови караванщика взлетели вверх, а затем он рассмеялся и снова погрозил Джастеру пальцем.

— А ты хитёр, сын песка и солнца! Ты играешь со словами так ловко, что я еле успеваю следить за ними! Так и быть, если ты скажешь мне...

В следующий миг от Джастера повеяло таким холодом, что я не выдержала и посмотрела на него. И едва не ахнула от изумления: всю фигуру Шута окутывал столб света, а глаза словно стали живым серебром.

— Ты думаешь о том, что твоя новая наложница родит тебе сына, и ты сделаешь её своей женой, — звучно, холодно и отстранённо произнёс Джастер. — Но этого не случится. Ребёнок, которого она носит, не твой. Его отец — предыдущий хозяин. Он взял её перед тем, как отдать тебе. Ты узнаешь это по родимому пятну на щеке младенца. Оно такое же, как у его отца.

— Ты, — Джастер повернул голову в сторону крайнего воина, пока изумлённый караванщик беззвучно открывал и закрывал рот, поражённый услышанным, — хороший воин, но путь твоего сына — не твой путь. Не мешай ему делать то, что он хочет и стать тем, кем он был рождён. Ты, — серебряный взгляд переместился на следующего испуганного воина, — оставь те мысли, что отравляют твой разум и тогда твоя нить жизни не оборвётся прежде срока. Ты — вернись домой и окажи должное почтение своим родителям, тогда удача не оставит тебя. Ты — выбрал себе не ту женщину. Она не подарит тебе счастья, но наградит страданиями. Твоё счастье рядом, открой глаза и увидишь. Ты — сделай то, что задумал и не сомневайся, это верное решение.

С каждым словом смуглые лица заметно бледнели и люди уже с неприкрытым ужасом смотрели на слепого прорицателя. Кто-то из них едва слышно бормотал молитвы Сурту. К концу речи Назараид вытер рукой заметно посеревшее лицо и взирал на Шута с откровенным почтением и страхом.

Даже Бахира смотрела на Джастера с таким изумлением, что я не сомневалась — она не знала об этом его умении и не ожидала ничего подобного.

Джастер медленно закрыл глаза, и столб света погас, словно его и не было. Солнечное тепло снова коснулось кожи, но внутри по-прежнему пробирала дрожь от этого внезапного откровения и той божественной силы, которой коснулся Шут. Конечно, он часто говорил про судьбу, но я сначала отмахивалась от его слов, а потом настолько привыкла к этому, что воспринимала их как... Как ещё одну сказку про старые времена. Ведь многое из того, что он говорил, я и сама могла бы заметить и понять при должном внимании и усердии, поэтому не относилась к разговорам о судьбе серьёзно, воспринимая как очередную отговорку.

Но то, что было сейчас...

Это не было игрой или представлением. Как никогда не были шуткой его слова про богов и мёртвых.

У него, в самом деле, был дар провидца.

— Воистину... Это не обман, а дар богов... — хрипло пробормотал потрясённый караванщик. — Никому не открывал я этих мыслей и своих надежд... Да простит Тёмноокий мои сомнения и промедление в исполнении данной клятвы!

В следующий миг он сделал то, чего я не ожидала: спешился, упал на колени, сплёл перед собой пальцы в уважительном жесте, совсем как Альмахаим, и вежливо поклонился, хотя Джастер и не мог этого видеть. «Осы» чуть помедлив, оставили копья и тоже вежливо поклонились, хоть и не стали спешиваться.

— Я прошу тебя: назови своё имя, о досточтимый элрари, возлюбленный сын песка и солнца, дабы я мог оказать должные почести тебе и твоей семье и принять как дорогих гостей в моём доме!

— Моё имя Джасир, сын Бахиры, — с едва заметной усталостью ответил Шут, снова сложив ладони перед грудью и вежливо склонив голову. Глаза снова стали серыми с лунными зрачками. — Я с благодарностью принимаю твоё гостеприимство, почтенный Назараид, сын Басмана, да благословит Мать Матерей тебя и твоих родных.

44. Мирши Духаен

Назараид вновь поклонился до земли.

— Я прошу тебя, о досточтимый Джасир, сын Бахиры, прости мои непочтительные и дерзкие слова, сказанные в гордыне и недоверии, ибо не знал я, что предо мной элрари, видящий скрытое от людских глаз!

— Я принимаю твои извинения, почтенный Назараид, — негромко и спокойно сказал Шут. — И прошу тебя поспешить, ибо щит Небесного Отца не стоит на месте, а я слышал, что неподалёку есть город, в котором путники могут найти еду и ночлег.

Караванщик поспешно встал, отряхнул полы одежды и огляделся в поисках своего коня, которого успел поймать один из воинов.

— Твои слова воистину правдивы, премудрый Джасир, — ответил он, забираясь в седло. — Следуй за мной и тебе и твоей семье не придётся искать ночлег и пищу, ибо в моём доме ты найдёшь всё необходимое для отдыха!

— Следуйте за этим человеком, ами, отун, — обратился к нам Джастер на языке маджан, пока караванщик и «осы» разворачивали своих коней.

Выходит, он не хочет, чтобы другие люди знали, что мы с Бахирой понимаем язык Сурайи? Но почему?

Что он видит в нашем будущем?

— Хорошо, Джасир, — ответила Бахира, трогая Пламя с места. Огонёк фыркнула и с заметной радостью поспешила за рыжей лошадью. Мне не оставалось ничего другого, как последовать за ними, замыкая нашу процессию.

Сейчас явно не время для вопросов. Даже Бахира молчит, а ведь она была удивлена даром Шута куда больше меня...

Караван встретил нас настороженным молчанием, но Назараид без задержки проскакал в самое начало, а «осы» рассыпались вдоль цепи животных и людей. Следуя за Бахирой и Джастером, я не оглядывалась, но слышала, как один из воинов пресекал все вопросы и отдавал краткие распоряжения тронуться в путь.

Назараид обогнал горбатых гаминов, гружёных большими вьюками, и Бахира последовала за ним. Отъехав от каравана так, чтобы никто не мог нас слышать, Назараид придержал своего коня и перешёл на шаг, оглядываясь на нас. Бахира также натянула поводья, останавливая Пламя, а я догнала Джастера.

— Мы обогнали караван и, по-моему, он ещё хочет с тобой поговорить, — негромко сказала я Шуту, легко тронув его за локоть.

Джастер едва заметно кивнул в ответ, а караванщик и в самом деле постарался приблизиться к провидцу.

— Яния, иди сюда, — позвала меня Бахира, которая тоже заметила эту попытку.

Я пропустила Огонька вперёд и подъехала к ней с другой стороны. Караванщик поспешил воспользоваться этим.

— Могу ли я обратиться к тебе, о почтейнейший Джасир? — заискивающе спросил он, заглядывая в лицо Шута, почти полностью скрытое синей тканью. — Не прогневают ли мои слова уши досточтимого элрари?

— Твои слова не прогневают меня, ибо твоё нетерпение и желание мне понятны. Но

прежде, чем ты задашь свой вопрос, я хочу предупредить тебя, о добрый Назараид, что Повелитель жизни и смерти не любит, когда смертные из любопытства смотрят через его плечо и может прогневаться как на тебя, так и на меня, — спокойно ответил Шут, не повернув головы.

Караванщик резко отпрянул, и снова вытер побледневшее лицо ладонью. Чтобы он ни хотел спросить, Джастер явно не желал провозглашать будущее направо и налево. И дело было вовсе не в гневе Сурта, это Шута беспокоило меньше всего.

— Да простит меня Тёмноокий за мою нетерпеливость и любопытство! — воскликнул караванщик. — Я вовсе не желаю прогневать его! Но как же мне быть, почтенный Джасир?! Мой разум и мои чувства в смятении, мои мысли, словно взбесившиеся гамины, мчатся в разные стороны, и ни одного не могу я ухватить за узду...

— Я понимаю, тебя, добрейший Назараид. — Так же спокойно ответил Джастер, повернувшись к караванщику. — Дар провидца тяжёл и поверь, чаще лучше не знать своего будущего, чем знать его, ибо такие знания часто несут с собой горечь и боль.

Лучше не знать, чем знать... Горечь и боль...

«Ты, правда, знаешь мою судьбу? — Вижу...»

Выходит, Сурт не любит Джастера не только за необыкновенную дерзость и наглость, но и за его дар провидца... Поэтому он предупреждал, что Джастер может погибнуть?

Ох, Матушка, неужели ничего нельзя изменить?

— Воистину ты прав, достойнейший сын песка и солнца! — воскликнул караванщик. — Ибо теперь я лишился надежды на рождение сына, но обрёл тревогу и беспокойство о своём будущем!

— Что же беспокоит тебя, почтенный Назараид? — Участливо поинтересовался Джастер. — Быть может, я смогу помочь, не тревожа Тёмноокого своим даром.

Я только в очередной раз поразились тому, как ловко Шут направляет беседу в нужное ему русло. Впрочем, сам хозяин каравана этого не заметил.

— Этот ребёнок опозорит меня, ибо примет, что ты назвал, не скрыть от людских глаз, и каждый будет видеть, что я не сумел сберечь честь своего дома, и моя наложница понесла от другого мужчины! А если я признаюсь, что купил её с ребёнком в чреве, надо мной будет смеяться весь Арсанис, ибо я не распознал проходимца и позволил так обмануть себя! Никто не захочет иметь со мной никаких дел! Как я вынесу такой позор, ответь мне, о мудрый Джасир, сын Бахирьы?!

— Сколько времени живёт эта женщина в твоём доме?

— Полная луна сменилась один раз с того дня, как я купил её, — ответил Назараид. — Но дела призвали меня прежде, чем я успел разделить с ней ложе! Лишь от тебя я узнал о том, что она понесла, и эта новость разбила мне сердце!

— Верно ли я помню, что по закону твоего народа дитя, рождённое без отца, принадлежит его матери? — Невозмутимо продолжил спрашивать Шут.

— Верно, почтеннейший Джасир! Но почему ты говоришь об этом? У этого ребенка есть отец!

— Раз ты не желаешь принять чужое дитя, как своё, дай ей денег и отпусти её сейчас. Тогда её сын будет считаться сыном матери, а на тебя не упадёт позор, которого ты боишься.

Караванщик недоверчиво покосился на Джастера, а затем вздохнул.

— Я слышал, что «духи пустыни» почитают мать выше отца. Но мы почитаем отца первее матери, ибо муж сильнее и разумнее жены, и род каждый мужчина ведёт по отцу.

— Ты верно сказал, почтенный Назараид. Мы чтим мать पहले отца, так как она — дочь Великой Матери, и с её благословения даёт продолжение роду, хранит шатёр и воспитывает детей. Женщина может понести от разных мужчин, но все дети для неё будут одинаково любимы. Отец может отречься от своего дитя, но любящая мать никогда не сделает этого. Мужчина может принять чужое дитя, как своё, и заменить ребёнку родного отца, но ничто не заменит материнской любви. Отпусти эту женщину, но не обижай её, и твоё доброе деяние непременно будет учтено Тёмноокимом.

Караванщик некоторое время задумчиво молчал, беззвучно шевеля губами и поглаживая бороду, а затем кинул.

— Воистину, это большая удача, что я встретил тебя на своём пути, мудрейший Джасир! Эта женщина обошлась мне в двадцать талонов, и, клянусь, я дам ей ещё столько же и отпущу куда угодно, лишь бы не допустить этого позора!

Джастер коротко кивнул, ничем не выдавая своих чувств и мыслей, а Бахира смотрела на дорогу, но я поняла, что она очень довольна словами Шута. Я была с ней согласна: лучше жить свободной женщиной с ребёнком на руках, чем быть нелюбимой наложницей и слышать, что твой ребёнок — плод позора...

Раньше мне такие мысли и в голову бы не пришли, но я успела послушаться и насмотреться столько всего, что теперь понимала гораздо больше.

Воодушевлённый предложенным решением Назараид тем временем снова обратился к Шуту.

— Я заметил, что твоя сестра и мать отличаются необычной красотой, о почтеннейший Джасир. Глаза твоей прекрасной сестры обжигают так, словно само солнце поделилось с ними своим светом! Глаза твоей почтенной матери глубоки и чисты, как колодезная вода отражающая небо в жаркий день! Твои же светлые, словно сама луна окрасила их серебром, — сказал караванщик. — Верно ли я понял из твоих слов...

— Знаешь ли ты, что твоя удача уже трижды улыбнулась тебе сегодня, Назараид? — спокойно и очень холодно перебил его Шут. — Ибо ты дважды узнал сокровитное, избежал обмана и сохранил своё честное имя торговца, а также узнал то, что поможет тебе сохранить честное имя мужа и главы семьи.

— А третий раз, о почтенный Джасир? — с опаской поинтересовался караванщик.

— Третий раз ты сохранил свою жизнь, ибо законы гостеприимства запрещают гостям убивать хозяев, даже когда те забывают о своём священном долге и оскорбляют своих гостей словами или поступками.

Бахира согласно кивнула, а я в который раз восхитилась способностью Шута легко и непринуждённо ставить на место любого, кто смел переходить общепринятые границы. Семейные дела и кровное родство у маджанне обсуждалось с чужаками. А уж выяснять, один отец у нас с Джастером или нет...

Любой из воинов маджан просто перерезал бы горло нечестивцу, задавшему такой вопрос.

Караванщик сглотнул, покосился на меч, который висел на поясе Джастера, а затем перевел взгляд на Бахиру и на меня. Не знаю, что больше его привело его в чувство: наше оружие или то, как мы на него смотрели, но поспешность, с которой он сплёл перед собой пальцы и поклонился всем нам, говорила, что предупреждение он посчитал очень весомым.

— Воистину от тревожных мыслей у меня помутился разум, ибо забыл я о святом долге хозяина, и был груб и неучтив с досточтимым элрари и его близкими! — воскликнул он. —

Чем могу я искупить свою вину, о почтеннейший Джасир?

— Исполни то, что обещал, почтенный Назараид, — миролюбиво ответил Шут. — И не отступай от своего слова впредь, ибо Тёмноокий суров и безжалостен к тем, кто нарушает клятвы, данные его именем.

В который раз за день караванщик побледнел и вытер лицо рукой.

— Воистину великодушны и справедливы твои слова, досточтимый Джасир! — Снова поклонился он Шуту. — Как обещал, я сделаю всё, что ты попросишь, чтобы помочь тебе в твоём деле!

— В таком случае, нам следует поспешить, — Шут снова смотрел на солнце, которое склонилось ещё ниже. — Небесный Отец скоро будет готов скинуть свой алый абэн и войти в шатёр.

Караванщик проследил взглядом за солнцем, посмотрел вперёд на дорогу, которая по-прежнему петляла между одинокими деревьями и редкими рощами, и кивнул.

— Ты снова прав, почтеннейший Джасир. О делах лучше беседовать за чашей вина, а не глотая пыль на дороге. Поспешим же в Арсанис, и ты узнаешь щедрость и гостеприимство Назараида, чьё имя известно самому эмбе!

Он пришпорил коня, переходя на рысь. Бахира также молча пришпорила Пламя, Джастер держался за луку седла, а я снова заняла своё место слева и чуть позади Огонька.

За нашими спинами раздались гортанные крики погонщиков и унылые колокольцы забрякали веселее.

Очень скоро рощи сменились садами, а среди деревьев, усыпанных разными плодами, я замечала высокие изгороди из жердей или глиняных кирпичей. В воздухе разливался сладкий аромат спелых плодов, а весной, наверное, здесь ошеломительно пахло цветами.

На дороге стали попадаться развилки, и всё чаще мы обгоняли съехавшие на обочину двухколесные тележки, запряжённые мулами и груженные разным скарбом или товаром. Их сопровождали как одинокие мужчины, так в сопровождении подростков сыновей, или даже со всей семьёй. Иногда нам уступали дорогу овцы и козы со своими погонщиками. Люди в простых одноцветных или полосатых одеждах низко кланялись Назараиду, который даже не замечал этого. На нас же взрослые мужчины и их жёны смотрели со страхом и опаской, и только караван, отставший от нас на несколько десятков шагов и охраняемый «осами», несколько успокаивал испуганных родителей. У мальчишек тёмные глаза сверкали неподдельным интересом и озорством, и даже сердито раздаваемые подзатыльники не убавляли их любопытства.

Джастер же восседал на Огоньке с посохом на коленях, и смотрел вперёд, не подозревая сколько интереса вызывала его фигура. На нас с Бахирой старались не смотреть, хотя я понимала, что появление «духов пустыни» в этих краях и в самом деле — дело невиданное.

Арсанис я увидела издалека.

В отличие от Онферина, который скрывался на морском берегу среди холмов, Арсанис возвышался посреди ровной степи как гора драгоценной посуды, выставленной на стол хвастливой хозяйкой.

Мощные наклонные стены золотом сверкали на солнце и по высоте ненамного уступали стенам Онферина. Две высокие башни охраняли ворота в город. А за ними в верх стремились многочисленные голубые купола со звёздами и чёрные шпили храма Сурта. Я невольно придержала Ласточку, любуясь этим видом, а затем поспешно догнала Джастера и тронула

его за локоть.

— М? — он едва повернул голову в мою сторону, а Бахира оглянулась через плечо, натянув поводья Пламени и переходя на шаг. Огонёк недовольно фыркнула, а Джастер ласково похлопал её по шее.

— Я вижу город, — негромко ответила я, жалея, что успела выучить слишком мало слов, чтобы описать ему всё, что вижу. — Он большой и красивый. А вокруг нас сады. Люди смотрят на нас, и мы их пугаем.

— Вот как, — Джастер едва заметно и грустно улыбнулся. — Ясно... Я бы посмотрел...

— Я расскажу тебе, сын мой, — Бахира коснулась руки Шута с другой стороны. — Стены этого города выше деревьев, аромат чьих плодов разлит вокруг. Эти стены блестят и сверкают, словно зеркало, и нашим мужчинам пришлось бы просить благословения Небесного Отца, чтобы преодолеть их! Башни ворот стоят как неподкупные стражи, а купола сияют как драгоценные уборы женщин. Воистину, это богатый и сильный город!

— Это так, ами, — кивнул Шут. — За рекой начинается спорная земля между Сурайей и родиной Янии, куда мы направляемся. Много лет две страны воевали друг с другом, но сейчас сюда приходят караваны за товарами.

— А почему стены так блестят? — спросила я, не сдержав любопытства. Конечно, я всё сама увижу, но интересно-то сейчас...

— Я слышал, что они покрыты гладкой и прочной плиткой, которая отражает свет солнца, — ответил Джастер. — Это сделали, чтобы врагу было труднее взбираться на стены и захватить город. Ещё я слышал, что мастера, который её придумал и сделал, казнили, чтобы он никому не смог раскрыть секрет её изготовления.

— Ужасная страна... — тихо пробормотала я, но Шут услышал.

— В каждой стране свои обычаи и законы, — также негромко ответил он. — И очень многие из них придумали сами люди.

Мы с Бахирой не успели ничего сказать в ответ: караванщик заметил, что мы отстали, и развернул коня, направляясь к нам.

— Что-то случилось, о почтеннейший Джасир?! — встревоженно вскричал он, осаживая коня перед нами. — Почему ты...

— Я слушал, как прекрасен город, в который мы направляемся, — спокойно перебил его Шут. — Воистину, это достойное зрелище и мне жаль, что я не могу увидеть его своими глазами.

— Да-да, — караванщик согласно закивал и пустил своего коня шагом. — Арсанис воистину великий город, и найдётся немного городов, чьи слава и богатства превосходят мою родину!

— Я буду рад услышать твой рассказ, почтенный Назараид, — ответил Шут. — Ибо нет для поэта и музыканта слаще слов, чем слова, запечатлевшие славные деяния прошлого в назидание потомкам.

Караванщик удивлённо покосился на Шута, но тот снова невидяще смотрел вдаль, и Назараид довольно ухмыльнулся, поглаживая бороду.

— Воистину, сама судьба свела нас вместе, досточтимый Джасир! — горделиво выпрямился он в седле. — Ибо я многое могу поведать тебе о славных днях и битвах, что пережил Арсанис!

Мы с Бахирой коротко переглянулись, и я опять уступила своё место возле Джастера довольному караванщику.

Хвалебный рассказ о войнах, в которых сражались дед и прадед Назараида мне показался скучным и бесконечным. Может, Джастеру в самом деле было интересно, но я с трудом понимала, о чём речь. Не только потому, что сама тема сражений мне была неприятна, сколько из-за бесконечных восхвалений доблести предков Назараида и витиеватых оскорблений их противников.

Очень скоро я перестала слушать. Так как нам с Бахирой полагалось молчать и не прерывать беседу двух мужчин, я просто смотрела на дорогу и на город, который неумолимо приближался, и размышляла о случившемся.

Я ещё не успела привыкнуть к мысли о том, что Джастер теперь не воин, а просто слепой музыкант, как он снова поразил не только меня, но и всех вокруг своими предсказаниями.

Прежде я бы уже напридумывала себе всякого, но сейчас понимала, что за каждым словом и поступком Шута всегда стоит или план, или какая-то цель, и потому, не смотря на все свои переживания, решила дожидаться возможности поговорить с ним наедине.

Точнее, говорить мы будем втроём, с Бахирой, потому что у неё тоже наверняка есть вопросы. А пока можно смотреть по сторонам и на приближающийся город, потому что вооружённая девушка из гордого и сильного народа маджан это не бесправная «бездушная» игрушка Ашу Сирая...

Джастер снова оказался прав. Стены города, которые раз в шесть, а то и больше, превышали рост человека, были сплошь покрыты плиткой, блестящей как зеркало. В закатных лучах солнца казалось, что стены состоят из огня и золота, а там, где были тени, они словно растворялись среди земли и неба.

Из рассказов Назараида я смогла понять, что днём стены сильно нагревались, обжигая и ослепляя врагов. Ночью враги не могли ничего разглядеть, а любой свет сразу отражался от удивительной плитки и выдавал лазутчиков. А ещё эта плитка была очень скользкая, прочная и не разбивалась от ударов камнями или оружием.

Неудивительно, что мастера казнили, побоявшись раскрыть такой секрет, но в то же время это было слишком глупо и жестоко. Сколько ещё всего он мог бы придумать?

Джастера на этих людей не было. Он бы сумел им объяснить, что живой мастер, которого ценят и берегут, может быть намного полезнее, чем тот, кто унёс секрет с собой в могилу.

Да и вообще, как я теперь знала, смерть вовсе не препятствие для сильного Взывающего, такого, как Ёзеф или Джастер. Как он говорил: мёртвые не врут... Шут наверняка мог бы этого мастера и с того света вызвать если бы захотел, наверное... Хотя, если этот город такой же древний, как Онферин, то может душа этого мастера успела уйти к тому богу, которому он служил? Наверняка в этой плитке какое-то древнее волшебство есть, как иначе она бы простояла со времён Войны богов и за столько лет даже ни одна не отвалилась?

Я покачала головой, прогоняя странные мысли. Надо же, о чём задумалась: как древнего мёртвого мастера о его секретах можно допросить! Ох, Янига, насмотрелась из тени всякого...

В сам город мы въехали без происшествий. Конечно, стража очень удивилась, увидев «духов пустыни», и ещё больше удивилась, услышав, что это важные гости Назараида, но

пропустила нас в город, заручившись клятвами караванщика в нашей честности, порядочности и прочих достоинствах.

Почти сразу Назараид свернул на одну из улиц, и скоро мы миновали ворота в высокой ограде и вступили на широкий двор большого дома.

Я думала, что видела настоящее богатство внутри караванного дома в Онферине, но дом Назараида показал, что я ошибалась. Он поразил меня не только изнутри, но и снаружи.

Два высоких этажа, с арочными галереями и балкончиками, снаружи были расписаны яркими витиеватыми узорами из цветов и листьев. Деревянные резные колонны арок опирались на каменные постаменты, дверь тоже была сплошь в резных узорах.

Внутри стены были выложены крохотными кусочками цветного стекла и большими расписными плитками, и всё вместе снова складывалось в великолепные разноцветные узоры. Украшены были не только стены, но и высокие потолки, и пол. Вдоль стен стояли тонкой работы светильники, на окнах были полупрозрачные занавеси.

Слуги и невольники приветствовали возвращение хозяина поклонами и громкими восхвалениями Сурту за благополучное возвращение господина.

На нас они смотрели с опаской, но Назараид быстро всё расставил на свои места, распорядившись проводить дорогих гостей в лучшие комнаты. Я не знала, сам он не решился предлагать нам женскую половину дома, или Джастер ему сказал, чтобы нас поселили вместе, но караванщик промолчал, когда Бахира взяла Джастера за руку, а я пошла следом за ними. Наши лошади, мул и вещи остались на попечение слуг.

Мы вышли на внутренний двор, и пошли вдоль галереи. Было горько видеть, как Шут легко поводит перед собой посохом, негромко постукивая по каменному узорному полу. Мне очень хотелось, чтобы он тоже мог любоваться той красотой, какую я видела вокруг. Моих познаний в языке маджан не хватало, чтобы рассказать об этом, а на своём языке я говорить сейчас не могла.

— Ами, я хочу знать больше слов, — негромко высказала я свою просьбу, убедившись, что вокруг никого нет, кроме слуги, который показывал нам дорогу. — Здесь очень красиво, а я не могу сказать об этом.

— Ваши комнаты, господин, — сказал слуга, с поклоном открывая перед Джастером дверь, украшенную изумительной тонкой резьбой.

— Хорошо, Яния, — отозвалась Бахира и перешагнула порог наших покоев. — Мы пришли, сын мой.

Комнаты внутри были похожи на те, что я уже видела в караванном доме, только намного богаче украшены. Всё здесь было расписано, украшено пёстрыми коврами и тонкой резьбой. Даже Бахира не сдержала восхищения, негромко описывая Джастеру наши покои.

— Яния права, Джасир. Здесь очень красиво! Это похоже на три больших шатра, чьи стены сложены не из шкур, а из цветов и трав! Я вижу среди них птиц и жду, что они вот-вот запоют! На полу много ковров и это очень искусная работа!

— Чудесно, — улыбался в ответ на наши восторги Шут, неспешно дойдя до низкой узорной скамьи на возвышении. Нащупав сиденье кончиками пальцев, он сел и пристроил рядом посох.

Мне стало стыдно, что мы с Бахирой не помогли ему, а бросились разглядывать красивое, как маленькие девочки.

— Я рад, что вам нравится. Посмотрите ещё, здесь должна быть кровать, одна или две.

— Одна, — я заглянула за ажурную деревянную решётку, которую и дверью-то назвать

было нельзя. — Но она большая! И комната большая. И тут есть большое окно, а между ним и кроватью — очень красивая решетка с проходом, она похожа на кружево. А перед окном есть маленький столик и высокая подставка для книг и письма. Даже перо с чернильницей есть.

— Это хорошо, — Джастер снова кивнул. — Значит, вам хватит места.

— А как же ты, Джасир? — Бахира выглянула из спальни, которую рассматривала вместе со мной.

— Посплю на коврах. — Он провёл рукой по ворсу. — Они действительно хороши. Кстати, пока мы в доме, вы можете снять парны и оставить оружие здесь. Их никто не тронет.

— Хорошо, сын мой.

Бахира в самом деле сняла пояс со своим сабероном и положила на кровать. Рядом лег аккуратно свёрнутый парн. Я последовала её примеру, положив Живой меч с другой стороны кровати и прикрыв его своим парном.

Мы остались в анарзунах, заплетённые волосы рассыпались по плечам, а браслеты тонко зазвенели на запястьях, не удерживаемы больше плотной тканью парна.

— Я вас теперь слышу, — улыбнулся Джастер, убирая с лица конец тал-лисама. — Но прошу все вопросы отложить на потом.

— Что нам сейчас делать, Джасир? — спросила Бахира, сев рядом с ним на скамью. — Небесный Отец уже скинул свой абэн и вошёл в шатёр. Скоро Мать Матерей раскроет свой звёздный абэн над миром.

— Отдыхать, ами, — сказал Джастер. — Отдыхать и ждать нового дня. Обо всём остальном мы поговорим позже. Не сомневаюсь, скоро наш добрый хозяин захочет поужинать в моём присутствии, и я снова буду вынужден просить вашей помощи.

— Мы с Янией с радостью поможем тебе, сын мой, — Бахира взяла его ладонь в свои. — Не волнуйся понапрасну. Мы не нарушим обычая...

Слуга открыл дверь так бесшумно, что я вздрогнула от неожиданности. А посланник, не поднимая головы, просеменил на середину комнаты и опустился на колени.

— Господин повелел передать, что приглашает почтенного элрари и его семью отужинать с ним.

Бахира же выпрямилась и так гневно сверкнула глазами, сжав пальцы и бросив быстрый взгляд в сторону ложа, на котором мы оставили оружие, что если бы согнувшийся в поклоне слуга это увидел, то наверняка бы в страхе сбежал из комнаты.

— Хорошо. — Джастер взял посох и встал, не отпуская ладонь Бахиры. — Прошу, ами, отун, идём.

Бахира с нежностью и состраданием посмотрела на его спокойное лицо и кивнула, вставая следом, пока я спешила занять своё место по левую руку Шута.

— Веди, — властно приказала Бахира и слуга, правильно поняв всё по её тону, вскочил на ноги и поспешил в сторону двери.

Проследовав за слугой по галерее, которая опоясывала внутренний двор, мы вошли в большой зал, Судя по многочисленным скамьям вдоль стен, невысоких столиков по центру зала и возвышению на самом почётном месте, здесь принимали гостей. Вдоль стен уже горели светильники, а на трёх столиках красовались золотые и серебряные блюда с дымящимся мясом, фруктами и разными овощами. Отдельно стоял столик с серебряными

кувшинами и кубками для вина и воды. Сам Назараид возлежал на невысокой скамье, на подушках и отдавал какие-то распоряжения одному из слуг. Завидев нас, он замер на полуслове, а затем, закрыв рот, вскочил и поспешил нам навстречу.

При этом его восхищённый взгляд метался между мной и Бахирой, пока, наконец, не остановился на спокойном лице Шута.

— Прошу, о почтеннейший Джасир, — с поклоном произнёс он, — чья мудрость подобна его красоте, взойди на ступени и займи место, которое я уступаю тебе!

Джастер остановился и покачал головой.

— Не следует гостю сидеть выше хозяина дома, Назараид. Мне довольно того, что даёт закон гостеприимства.

— Тогда прошу досточтимого элрари и его достойнейших и прекрасных женщин, чья красота затмевает солнце, занять самое почётное место, и разделить со мной скромный ужин!

Ужин затянулся надолго и оказался не таким, как я себе представляла.

Назараид приказал позвать музыкантов и даже хотел позвать танцовщиц, но вовремя опомнился, решив обойтись только музыкой.

Музыкантов было трое. Один играл на инструменте, похожем на маленькую лютню с очень длинным грифом и всего двумя струнами, другой стучал по натянутой на обруч коже. Обруч был украшен многочисленными медными бубенцами, а на самой коже красовался сложный узор из цветов и листьев. Третий дудел в глиняную пузатую флейту.

Звучало это всё очень пронзительно, громко и непривычно и у меня от такой музыки скоро разболелась голова. Если бы я могла уйти, то ушла бы. Бахира же ничем не показывала нравится ей эта музыка или нет.

Джастер же слушал и иногда кивал в такт звонким ударам, а Назараид довольно улыбался, радуясь, что угодил гостю.

Мы с Бахирой не столько ели, сколько тихо подсказывали Джастеру какое блюдо где стоит, и подавали ему в руки то кубок с вином, то с водой. Слуги молча и с поклонами наполняли кубки и меняли блюда. Признаться, уже к третьей перемене я почувствовала себя сытой и немного пьяной, да и Бахира тоже пила воду и пробовала блюда из вежливости к хозяину дома. А вот Джастер ел с удовольствием, как и Назараид.

Наконец, нам в очередной раз подали воду с лепестками цветов, чтобы сполоснуть пальцы, и поставили блюда со сладостями и чашки с горячим чифе, а Назараид жестом отослал музыкантов. Признаться, еще немного и я бы не выдержала и попросила Джастера что-нибудь с ними сделать...

Но я зря надеялась, что ужин завершился. Оказалось, что Назараид решил продолжить беседу за чашкой чифе.

— Я мало знаю о твоём народе, о почтеннейший Джасир. Но я слышал, что ваши воины сражаются, словно одержимые злыми духами, и горе тому, кто нарушит границы ваших земель!

— Это так, почтенный Назараид.

— Тогда объясни мне, неразумному, почему те, кого боятся и Ширхаме, и в Аккассе, и даже за их пределами, почитают женщину выше мужчины?! Я помню твои слова о любви матери, но разве способна мать защитить свой дом и своих детей без мужчины? Разве способна она прокормить себя и позаботиться о себе без того, кто является опорой любого дома? Ведь женский ум уступает мужскому, это известно каждому!

Я молча слушала это, кусая губы с досады, но когда заметила, как Бахира легко улыбается, растерялась. Почему она не обиделась на такие слова? Ведь она — одна из правительниц своего народа, а значит, могла бы многое сказать этому...

— Ты сказал правду, Назараид. Мужчина рождён для битв и охоты, для сражений и побед. Он лучше женщины защитит свой дом и своих детей. Он способен прокормить себя и свою семью, и его долг заботиться о них. Женщина слабее мужчины, но она и хитрее его. Сила женщины скрыта не в её разуме, а в её сердце и её красоте. — Спокойно и негромко ответил Джастер. — Любовь матери защищает нас. Своей красотой женщина прельщает нас, услаждая глаза и сердце. Её любовь мы почитаем высшей наградой и жаждем получить любой ценой. Её улыбка и ласковый взгляд заставляют сердце биться быстрее, а кровь кипеть в жилах. Ради женщины мы стремимся на подвиги и совершаем безумство. Разве ты не устремляешь свой разум и свои деяния туда, где хочешь обрести славу и богатство, чтобы покорить понравившуюся тебе женщину? Разве стремишься к дому, ты не думал о женщине, что ждёт тебя? Разве не мечтал ты возлечь с желанной тебе и назвать её матерью своих детей?

Караванщик задумчиво гладил короткую и густую бороду и качал головой, соглашаясь со словами Шута.

— Всё так, сын песка и солнца, мне нечего возразить тебе. Но я прошу утоли мою любопытство словами своей мудрости и прости меня, коли мой вопрос покажется тебе дерзким или оскорбительным

— Что ты хочешь спросить, почтенный Назараид?

— Я слышал, что ваши женщины сами выбирают себе мужей? Верно ли это?

— Желания женщины наполняют жизнь мужчины движением и целями. Небесный отец был один, пока не встретил Мать матерей. Для неё он создал всё, что она пожелала. Мы все — их дети, а долг детей — почитать своих родителей и следовать их заветам. Мы чтим Небесного Отца, ибо он помогает мальчикам стать воинами и охотниками, он учит их быть мужчинами. Но, как и он, мы можем только показать женщине, что она нравится нам, и соперничать между собой не только в умении сражаться и добывать пищу, но и в умении слагать стихи и играть на ситаре, чтобы привлечь внимание возлюбленной. Но Великая Мать решала, хочет ли видеть Небесного Отца своим мужем, ибо она дала жизнь всему, что есть в этом мире, и наполнила её смыслом. Потому наши женщины сами решают, кто достоин стать отцом их детей, а мужчины принимают их решение и не перечат им в этом.

Я потрясённо молчала, впервые понимая, что все его слова про мой выбор — это не отговорка и он, в самом деле, именно так и смотрел на женщин.

Хотя до этого он говорил, что его народ живёт очень далеко, а народ маджан жил где-то в Сураие, эти слова об обычаях один в один повторяли то, что я уже слышала про его народ.

Странно это как... Почему обычаи двух народов так похожи? Джастер же не из народа Бахиры, это я точно знаю.

Бахира же довольно улыбалась, спокойно держа в руках чашку с чифе.

— Твои слова просты и очень мудры, досточтимый Джасир, — наконец сказал караванщик. — Признаюсь, никогда не думал я о тех вещах, что ты открыл мне сейчас, и я бы хотел обдумать их и вновь побеседовать с тобой об этом.

— Прости, но это невозможно, почтенный Назараид. — негромко ответил Шут. — Долг перед Великой Матерью призывает меня следовать без задержек на моём пути.

— Верно, верно, — торопливо пробормотал Назараид. — Прости мою забывчивость, почтеннейший Джасир, я так увлёкся нашей беседой, что вновь едва не забыл про данную

клятву! Скажи, чем я могу помочь тебе в твоём деле? Куда ты направляешься? Ты назвал себя поэтом и певцом, но ответь, почему я не вижу у тебя ни барабана, ни кануна, ни ситары? Даже дафа у тебя нет. На чём же ты играешь, почтеннейший Джасир?

— Всё так, — Джастер не отрицал очевидного. — И в этом я тоже попрошу твоей помощи, добрый Назараид. Я бы хотел купить ситару в этом городе, но сам не смогу найти мастера, чтобы сделать это. Также мне нужен караван, что идёт на север, ибо мой путь и путь моей семьи лежит туда.

— Ты собираешься к этим диким людям? Они же не чтят законов Тёмноокого! — изумился Назараид, а я вспыхнула от негодования. Это кого он тут диким назвал?! Да в Сураие никогда людей, как скотину, не продавали, а женщины по улицам ходят свободно и никого не боятся!

И никаких страшных чёрных храмов Сурту у нас тоже нет! И его ужасных законов нет!

— Я говорил с некоторыми из этих людей, что приходят торговать в Арсанис, — тем временем продолжил Назараид. — Они очень грубы, всегда громко смеются и громко разговаривают, бесстыдно смотрят на наших женщин и даже говорят, что у них мужчина не может иметь больше одной жены, а их женщины не закрывают своих лиц и выставляют свою красоту для всех желающих! Это ужасная страна, почтенный Джасир! Эти дикие люди никогда не смогут по достоинству оценить твой дар элрари и будут смеяться над твоей слепотой! Остайся здесь, прошу тебя! Я куплю тебе дом, и ты и твоя семья будете жить в почёте и уважении до конца дней! Я сам позабочусь, чтобы твоя прекрасная сестра выбрала себе достойного мужа, а твоя досточтимая мать ни в чём не нуждалась! Клянусь, как только эмбе узнает о твоём даре, ты станешь самым богатым и уважаемым человеком в нашем городе после него и Взывающих к Тёмноокому!

— Благодарю за твою заботу, добрейший Назараид, но такова воля Матери Матерей, — Джастер даже не думал спорить.

— Хорошо, почтеннейший Джасир, — караванщик удручённо кивнул. — Завтра я прикажу разыскать лучшего мастера ситар в Арсанисе и узнаю, есть ли в городе караван чужеземцев с севера.

— Благодарю, — спокойно ответил Шуг. — А теперь я бы хотел отдохнуть.

— Конечно-конечно! — Назараид поспешно поднялся и поклонился. — Прости мою навязчивость и отдыхай. Да будет Тёмноокий благосклонен к твоим снам и снам твоей семьи!

— И к твоим тоже, добрый Назараид. — поклонился в ответ Джастер.

В сопровождении слуги мы вернулись в наши комнаты. Там уже горели светильники, а наши вещи были сложены в дальней части спальни, у окна. На невысоком столике стоял серебряный кувшин с вином и пузатый глиняный кувшинчик с горячим чифе. Также на столике были тонкие чашки и золотые кубки. Рядом оказался ещё один столик с разными сладостями и фруктами.

Об этом я сказала Шугу и он попросил отвести его туда.

— Садитесь тоже, — сказал он, устроившись на мягких подушках, так чтобы из окна ему на лицо веяло прохладой. — Янига, прошу, налей мне вина. Я бы попробовал сам, но боюсь пролить на ковры.

— Мне не сложно, — ответила я, наполняя кубок, и дала ему в руки. Себе я налила чифе и с удовольствием взяла с блюда сладкие орехи. Бахира последовала моему примеру.

— Джасир... — начала она, но Джастер остановил её коротким жестом и пригубил вино.

— Я знаю, о чём ты хочешь спросить, ами. И твои вопросы, я тоже знаю. Янига. Для этого не надо быть провидцем и зрячим, — без улыбки сказал он, наощупь поставив опустевший кубок на столик. — Я вижу судьбы людей, но я не элрари. Я не провидец.

Я чуть чифе не поперхнулась.

Не провидец? А что это тогда было?!

— Неужели мой сын обманул тех людей и этого человека, в чьём доме мы нашли кров и пищу? — Бахира успела сказать прежде меня. — Но зачем...

Джастер покачал головой, прерывая вопрос.

— Нет, ами. Я сказал правду, хотя для этого мне пришлось заглянуть через плечо Сурта, а он такое очень не любит.

Я только тихо вздохнула, понимая, что узнала ещё одну причину гнева Тёмноокого на Ашу Сирая. То в храм с ноги заходит, то через плечо на работу заглядывает... Ещё бы Тёмноокий не гневался на такую наглость...

— Джасир прогневал самого грозного Небесного сына Великой Матери?! — изумилась Бахира. — Как же теперь...

— Не переживай, ами, — Джастер ободряюще улыбнулся. — Нам ничего не грозит. Я очень редко так поступаю, поэтому он терпит.

Бахира только качала головой, выражая не то осуждение, не то удивление от поступка Шута, а я задала вопрос, который вертелся у меня на языке.

— Джас...ир, ты сказал, что видишь судьбы людей, но не провидец. Объясни, я не понимаю! Ты же предсказываешь людям будущее! Разве это не пророчества?

— Нет, Яния, — с улыбкой ответил Джастер на мою заминку с его новым именем. — Провидцы предрекали будущее не одного человека, а многих. Они говорили о городах, народах и даже целых странах. Особо сильные могли даже предрекать судьбу всего мира. Это дар богини Кадары — хранительницы памяти, времени и законов мира, — видеть то, что было, есть и свершится спустя годы и десятилетия, а иногда даже сотни лет. У меня нет такого дара, а если бы вдруг и был, Завеса не дала бы возможности им пользоваться. Богиня посылала провидцам видения прошлого, настоящего и будущего, которые они сообщали людям. Когда-то давно Кадару почитали одной из величайших богинь этого мира, а сейчас о ней даже не помнят.

— А ты...

— Судьба человека и проще и сложнее, чем об этом думают люди. Многие верят, что являются всего лишь бесправными игрушками в руках судьбы или богов, но такие люди подобны листьям, что упали в реку и плывут по течению. Они забывают, что в любой момент могут изменить свою жизнь, если захотят сделать это, потому что у них есть дар свободной воли.

— Как же это возможно, Джасир? — удивилась Бахира. — Разве судьбы людей уже не определены волей Тёмноокого Сурта?

— Конечно, нет. Сурт только следит, чтобы судьбы людей следовали Высшему замыслу, но не определяет их. Этелле прядёт нити жизни, но какой будет нить, каждый миг определяется делами, словами и мыслями того, кому она принадлежит. В любой момент своей жизни человек сам может испортить её или сделать лучше. В этом заключается божественный дар свободной воли людей. Из нитей жизней сплетается Узор этого мира, за

которым наблюдает Сурт, и каждая нить находит в нём своё место. Но когда нить становится слишком плохой и портит Узор или человек упрямо своей волей пытается занять не своё место в Узоре, Сурт даёт Этелле разрешение обрезать такую нить.

— Выходит, люди зря молились Этелле, чтобы она сделала их нити лучше? — удивилась я. — Она ничем не могла им помочь?

— Почему? — Джастер удивлённо вскинул брови. — Боги могут добавить свою силу в нить человека и в первое время часто и охотно это делали, так как Узор становился только красивее. Но потом Сурт заметил, что одни люди слишком сильно надеются на их помощь и потому сами ничего не делают для своей жизни, отчего их нити становятся гнилыми и их приходится обрезать прежде срока, а в Узоре появляются прорехи. Другие же, получив божественную поддержку, забывали о законах этого мира и начинали делать такие дела, что Узор менялся хаотично и непредсказуемо. К тому же, многие боги стали требовать с людей плату за свою помощь, заставляя взамен делать то, что считали нужным, невзирая на право свободной воли человека, и это прогневало Кадару.

Рассерженные таким бесчинством богов и людей, Кадара и Сурт обратились к Отцу и Матери, и те сказали, что боги могут забирать свою силу обратно, когда их подопечные начинают вредить миру. Если же сами боги этого не делали, то Сурт по праву карал их подопечных, а Кадара — самих богов за нарушение законов мира. Так люди узнали, что божественное покровительство можно потерять, если вести себя несправедливо и нарушать установленные свыше законы.

— Я понимаю, о чём говорит мой сын, — негромко сказала Бахира. — Я помню легенды о вождях и воинах, которые вознеслись и пали, потому что прогневали своих богов.

— Верно, ами. — Джастер спокойно кивнул. — Но времена великих героев и вождей прошли, когда появилась Завеса. А законы, установленные свыше, остались неизменны. Этим законам по-прежнему подчиняется всё вокруг. Жизнь простых людей проста и потому узор их жизни легко предсказуем. Достаточно знать законы мира и жизни, уметь видеть и слышать, чтобы предсказать такую судьбу или направить человека в нужную сторону. Для этого не нужно заглядывать через плечо Тёмноокого. Янига, будь так добра, налей мне чифе.

Я кивнула, выполняя его просьбу и думая над услышанным...

«Учись смотреть и слушать, ведьма. И тогда то, что люди полагают тайным, станет для тебя явным...»

Так вот о чём он говорил. Не о каких-то простых вещах, которые можно заметить, если быть внимательной, а о судьбах...

Я вложила чашку с чифе в ладонь Шута.

— Но ведь ты сегодня...

— Да, — Джастер ответил спокойно и очень весомо. — Сегодня я это сделал. Ибо пришло время каждому из нас вершить ту судьбу, которой мы предназначены.

В тягостном молчании прошло несколько минут. Джастер молча пил отвар чифе, пока мы с Бахирой думали каждая о своём.

— Ответь мне, Джасир... — Бахира, прервав молчание, подняла на Шута встревоженное лицо. — Насколько открыты тебе наши судьбы? Что ждёт нас в грядущем?

— Не всегда следует знать грядущее, ами, — негромко ответил Джастер. — Такие знания часто пугают и лишают человека веры в лучшее, и он в слабости и страхе опускает руки там, где мог бы добиться успеха, если бы постарался и верил в себя, а не предавался жалости. Все испытания даются по силам, нити уже складываются в узор, но каким он будет

— зависит от каждого из нас. Ни одна нить не обрывается Суртом, пока она хороша и на своём месте.

Я молчала, не зная, что сказать. Я-то думала, что мы просто разберемся с Вахалой, а потом он разберётся со своим врагом, а потом он всё же останется со мной, и мы будем бродить по дорогам вместе...

Но сейчас я вдруг поняла, что для Джастера всё намного сложнее и серьезнее, чем я себе представляла.

Узор жизни... Нити судеб... Как же это всё сложно, Матушка...

«Её нить важна для мира», — вдруг вспомнился мне громовой голос Сурта. — «Чем она не угодила тебе?»

Ой, мне... Великие боги... Неужели Вахалу нельзя убивать?

А что же мне тогда делать?!

«Я не хочу, чтобы ты жалела о своём выборе...»

Ох, Джастер. Прости, но я больше не верю тому, что ты не знаешь своей судьбы до конца. Ты — знаешь, и знаешь наверняка. Поэтому все мои мечты и признания разбиваются о твоё «потом» и «подумай»...

Потому что... потому что победа в битве не означает, что победитель непременно останется жив и здоров.

А Джастер уже стал уязвимым из-за меня. Он уже не может сражаться, как прежде. Он не станет жаловаться, но ведь без помощи он теперь даже себе еду не приготовит!

Как он сможет победить своего врага?! А может... он на это и рассчитывает: погибнуть вместе с ним?!

Ой, мне! А ну успокойся, Янига! Ну что за мысли в голову лезут!

Я невольно прижала ладони к горящим от волнения щекам, стараясь успокоиться и совсем забыв о Бахире.

— Твои слова напугали Янию, сын мой, — встревоженно сказала она, и я тут же поспешно замотала головой, прося её не продолжать. Но было поздно.

Джастер обратил на меня лунные зрачки, и я почувствовала себя бабочкой на острие его фламберга.

— Всё будет хорошо, Яния, — неожиданно легко улыбнулся Джастер, протягивая руку в мою сторону. — Не волнуйся и не придумывай того, чего нет.

Я только молча кивнула, ощутив горячую ладонь на своём плече. Он даже так насквозь меня видит.

Не придумывать того, чего нет... Ох, Датри, хорошо как он сказал...

— Я услышала тебя, сын мой, — немного помолчав, произнесла Бахира. — Но можешь ли ты открыть нам, какой узор ткут боги нашими нитями, и чем мы с Янией можем помочь тебе в твоём деле?

— Да, ами, — с безмятежной улыбкой ответил Джастер. — Это я могу сказать. Мир должен измениться и время для этого изменения скоро наступит. Всё станет не так, как привыкли люди, и потому тебе и Яниге предстоит много потрудиться, чтобы помочь им найти себя и укрепиться в новой жизни. А чтобы вы могли помогать не только другим, но и себе, я научу вас древнему умению читать судьбы людей.

Что?! Научит нас читать судьбы?!

Без искры такого дара?

Да разве это возможно?!

Наверно, изумление на моём лице было таким же, как у Бахиры. А Джастер спокойно поставил чашку на столик и «огляделся».

— Здесь должна быть моя...

— Вот она, Джасир, — Бахира положила полупустую торбу ему на колени быстрее, чем я поняла, что он ищет.

Шут в благодарность кивнул, а в следующий миг в его руках оказался чёрный мешочек, из которого появилась стопка тех самых волшебных картинок, о которых я успела забыть за это время.

— Помнится, однажды я обещал тебе рассказать об этом, Янига.

Джастер убрал торбу в сторону и положил стопку картинок перед собой. Звёзды сияли серебром и золотом на тёмном, как ночное небо, фоне.

— Теперь время пришло.

— Не обманывают ли меня мои глаза? — на этот раз Бахира приложила ладони к щекам. — Неужели я вижу...

— Не обманывают, ами, — сказал Джастер, беря стопку в руки и глядя звёзды пальцами. — Дар провидца всегда был редок, потому что никто не любит, когда за его работой подглядывают через плечо, и боги не исключение. Но знать будущее очень соблазнительно и люди, как и другие народы, искали способы это сделать так, чтобы не гневить богов своим любопытством. Люди придумывали много способов, и кое-кто из богов даже помогал им в этом. Только ничто из придуманного не могло давать правдивые ответы на все вопросы, которые задавали люди.

— И тогда Небесный Отец подарил людям Мирши Духаен, — Бахира с благоговением смотрела на сверкающие звёзды в руках Шута. — Волшебную вещь, в которой скрыты все возможные знаки судьбы! Владующий Мирши Духаен может ответить на все вопросы о будущем и прошлом, не беспокоя богов! О, Джасир! Это настолько древняя легенда, что пески времени почти скрыли её!

— Да, ами, — снова согласился Шут. — Это очень древняя легенда. Я даже слышал, что «Путеводную Нить» создал не Небесный Отец, а тот, кто живёт за пределами этого мира, но в давние времена любил бродить по его дорогам. Говорили, что услышав мольбы и просьбы людей, он создал эти рисунки и символы, вложив в них тайные знания о законах мира и путях душ человеческих, и научил нескольких избранных читать эти знаки. Поэтому чтобы использовать Мирши Духаен, не нужен дар провидца, но нужно обучение и определённые знания.

Игрок? Эти картинки создал Игрок?! Он же именно его имел в виду?!

И помнится, в Кронтуше он называл эти картинки иначе. Но тоже что-то было про путь...

— Мне не приходилось слышать о таком, сын мой, — возразила Бахира. — Впрочем, не мне оспаривать слова того, кто способен видеть невидимое. Но прошу, расскажи, откуда у тебя Мирши Духаен? Разве эти знания не были утеряны в те древние дни, когда небо и земля смешались между собой, а люди утратили дары богов?

Небо и земля смешались между собой? Это она про Войну богов? Или нет?

Ох, сколько всего я ещё не знаю и не понимаю...

— Кое-что из древних знаний сохранилось, — ответил Джастер, пока картинки мелькали в его руках, перетекая из ладони в ладонь. — Домэры помнят о «Путеводной нити», хотя зовут её иначе.

Боро Лил, предсказавшие мне счастье. Я вспомнила те картинки и порадовалась что в царящем полумраке не видно мои покрасневшие щёки. Хотя там были другие рисунки, но у меня не было повода не верить словам Шута.

В отличие от Бахиры.

— Что ты говоришь, Джасир?! Эти беспутные дети дорог и ветра владеют таким знанием?! Откуда оно у них?!

— Они не беспутные, ами, — спокойно ответил Шут. — После Великой войны, когда боги и злые духи покинули мир людей, многие народы лишились своей родины. Домэры были таким народом. Они скитались в поисках места, где могли бы поселиться, но не могли найти его, потому что очень многое было уничтожено и выжившие бились за каждый клочок плодородной земли, не желая делить её с чужеземцами. Спасаясь от такой битвы, домэры ушли в мёртвые земли и там, очень далеко отсюда, они встретили того, кого называли Дэвэл — сын ветра, потому что как ветер в поле не знает преград, так и ему были открыты все пути и дороги.

Он присоединился им, вывел из мёртвых земель и поделился с ними своими знаниями. Я слышал, что он долго странствовал с ними, пока не привёл в эти земли, а потом исчез также внезапно, как появился. Домэры к тому времени настолько привыкли к свободе и странствиям, что не захотели вновь селиться на одном месте. С тех пор они всегда в пути и ищут Дэвэла, считая его своим покровителем и застрявшим в мире людей богом дорог. Ещё они верят, что когда боги вернуться в мир людей, то один из караванов обязательно встретит Дэвэла и тогда он уведёт народ домэров в новые прекрасные земли, где они смогут поселиться и закончить свои странствия.

Я забыла про чифе и сладости, слушая эту легенду. Оказывается, Джастер знал и такое... Сколько же разных историй он знает на самом деле! Дэвэл, покровитель домэров и бог дорог, подаривший целому народу тайные знания Лил. Игрок, который спрятался среди бродяг, шутов и менестрелей...

Выходит, Джастер искал Игрока среди домэров, раз знает эту легенду. Наверно от них он и научился этим знаниям. Не просто так же у него друг из домэров был...

Что ж, Дэвэл — это явно не настоящее имя Игрока. Ведь иначе домэры могли бы давно исполнить своё желание и найти новую родину, а Шут наверняка бы попросил счастья со своей возлюбленной.

А ещё... Джастер не признается, но я почти не сомневалась, что до сих не оставил свои поиски.

И... почему-то мне казалось, что он знает настоящее имя Игрока.

Бахира же качала головой, словно не хотела соглашаться с этой легендой.

— Твой рассказ удивил меня, сын мой. Я никогда не слышала о таком человеке, которого бы звали Дэвэл, и который совершил бы те деяния, о которых ты поведал нам. Думаю, что Джасир слишком добр к этим детям дорог и ветра, — сказала она. — Но раз мой сын говорит, что они сохранили Мирши Духаен, я готова признать, что их путь не был напрасен.

— Хорошо, ами, — едва заметно улыбнулся Шут, снова убирая стопку в мешочек, а тот — в торбу. — У нас ещё будет время поговорить об этом. Сегодня был длинный день, а завтра нас ждёт много дел.

— Ты прав, Джасир, — Бахира поднялась, оставляя пустую чашку на столике. — Нам всем следует отдохнуть. Не желает ли мой сын...

— Я буду спать здесь, ами, — спокойно улыбнулся Шут. — Мне нравится ветер, что дует из окна.

— Хорошо, — не стала спорить Бахира. — Ты идёшь. Яния?

Я посмотрела на сладости и полупустую чашку с чифе и со вздохом поставила её на стол.

Джастер прав, это был очень долгий день.

— Иду.

— Подожди, Янига, — внезапно сказал Шут. — Я бы выпил ещё вина. Налъёшь мне?

— Конечно! — я потянулась за кувшином и чуть не промахнулась, заметив долгий и внимательный взгляд Бахиры.

— Не задерживай Янию, сын мой, — она с улыбкой коснулась плеча Шута. — Нам всем нужно отдохнуть.

— Конечно, ами, — улыбнулся Джастер, сжимая кубок, который я почти вложила ему в ладонь.

Бахира погасила светильник и ушла за ажурную перегородку. Я слышала, как она легла.

В окно заглядывал тонкий месяц, тускло озаряя комнату. Джастер молча пил вино, подставляя лицо прохладному ветерку из окна, а я допивала остывший чифе, желая и боясь спросить о том, что волновало меня.

Было очень тихо, в тёмном провале окна горели звёзды. Судя по всему, стояла глубокая ночь и надо действительно ложиться спать, потому что завтра...

Великие боги, всё так сложно и непонятно, что я даже не могу предположить, что будет завтра...

— Что ты так вздыхаешь, Янига? — Вдруг тихо спросил Шут на моём языке. — Что случилось?

Выходит, Бахира уснула, раз он решил поговорить не на языке маджан?

— Джастер, — я села ближе, но не смотрела на его лицо. Так было легче. — Скажи... я... я в самом деле тебе нужна?

— Что ты опять себе придумала, Янига? — тихо спросил он.

— Ничего, — я ковыряла пальцем пушистый ковёр. — Просто ты столько всего умеешь и можешь, даже судьбы предсказывать, а я обычная ведьма, которая ничего не умеет.

— Хм, — он повернул голову, прислушиваясь к моим словам. — Вот как. Хорошо. Тогда расскажи мне о ведьме Яниге.

— Что? — я недоуменно уставилась на него.

— Расскажи мне о том, что знает и умеет делать ведьма Янига.

Нашёл же, что спросить...

— Зелья варить умею... Что? — я недоуменно смотрела как он качал головой.

— Не рассказывай мне о себе. Расскажи мне о ведьме Яниге. Посмотри на неё с стороны и скажи, что она знает и умеет? И что она сделала за это лето?

Я вздохнула, поняв, что так просто мне не отделаться. Что знает и умеет...

— Ведьма Янига умеет собирать редкие травы, — начала я, вспоминая самое начало нашего знакомства. — Только она умеет их собирать, когда её по лесу почти за руку водят...

— Это не важно, кто ей помогает. Она умет собирать редкие травы — это важно, это её умение. Дальше.

— Ещё она умеет делать любовные зелья, которые стоят пол-розы. И пять капель

которого на всю ночь хватит, — я покосилась на Шута, боясь, что он сейчас вспомнит про Холиссу, но он только улыбался, склонив голову к плечу и прислушиваясь к моим словам.

— Хорошо. Продолжай, — подбодрил он меня.

— Ещё она умеет делать приворотные зелья, лечебные и духи, которые очень приятно пахнут, — продолжила я смелее и входя во вкус. — Правда, проклятия у неё плохо получаются, зато она умеет хорошо ездить верхом и даже пользоваться мечом...

— Волшебным, — подсказал Джастер.

— Волшебным, — согласилась я, понимая, что названных умений уже намного больше, чем у обычной ведьмы. — А ещё она умеет злые проклятия снимать и знает боевую божественную магию.

— И она сражалась с демоном на озере...

— И с бэнгом у домэров, и с этой пакостью на дереве, я забыла, как он называется...

— Ночной хватала.

— Да, с этим хваталой! А ещё освободила водяника от проклятия злой ведьмы и спасла целый город...

— А ещё у неё есть ученик с тёмным даром...

— Ой, точно! Я забыла про Микая...

— Ещё она была в Сурае в храме Тёмноокого Сурта и даже видела его своими глазами, а этим не каждый Взывающий может похвастаться.

— Да! — возбуждённо подхватила я, понимая, что оказывается, ведьма Янига совсем не обыкновенная, а очень даже необычная. — А ещё...

— А ещё она любит задавать вопросы и придумывать сказки, — подсказал Шут.

— Да, и сказки при... Тьфу на тебя! Это плохая шутка!

Он негромко рассмеялся и снова вздохнул.

— Я помню, что ты очень милая, когда сердисься, Янига. Хотел бы я увидеть тебя сейчас.

Всю мою обиду как ветром сдуло.

«Я хочу запомнить...»

Великие боги... Как ножом по сердцу...

— Джастер...

— Ты сосредоточена только на своих недостатках, Янига, — он снова поднял лицо к окну. — И потому не видишь своих достоинств. Ты же помнишь, какие женщины мне нравятся?

— Умные и сильные, — буркнула я, чувствуя себя пристыженной. — А навязчивых дур ты терпеть не можешь. Я всё поняла, не продолжай.

— Хорошо, — он улыбнулся и обнял меня за плечи, легко притянув к себе. — Ты мне очень нужна, Янига. Без тебя я не справлюсь.

Я только тихонько вздохнула, греясь его теплом и чувствуя сразу жаркую волну радости и благодарности, и в то же время, тревоги.

— А Бахира?

— У неё своя судьба и свой путь. Они тоже очень важны, поэтому Датри и послала Бахиру с нами. Но она не сможет заменить тебя. Никто не сможет заменить тебя.

Я молчала, думая, над его словами. Это не было тем признанием, которое я так хотела услышать, но в то же время я понимала, что он и так сказал намного больше, чем мог бы. Но я не могла не спросить о главном.

— Джастер... Скажи правду: ты видишь, чем всё закончится? Просто не хочешь говорить?

— Нет, Янига, — он покачал головой. — Не вижу. В этом узоре я сделал только первый стежок, и каким станет этот узор, какими будут наши нити в нём и какие добавятся ещё — зависит от очень, очень многих вещей. Но куда больше зависит от нас. И это самая захватывающая и интересная Игра из всех, что я знаю.

Захватывающая и интересная?! В его-то положении?! Ох, Джастер...

— Но ведь ты... Как ты сможешь?..

Джастер неожиданно улыбнулся, обнял меня за плечи и притянул к себе.

— Скажи, ведьма, когда на небе тучи, разве солнце перестаёт светить? Когда ты закрываешь глаза, чтобы уснуть, разве звёзды исчезают с неба?

— Нет, но...

— Помнишь, однажды я сказал, что потерял себя?

Я кивнула, затаив дыхание от неожиданного понимания и забыв, что он не видит. Но Джастер без слов понял мой ответ.

— Тогда я мог видеть, но это не имело значения, потому что я жил во тьме, — негромко сказал он, по-прежнему устремив невидящий взгляд на ночное небо. — Жил настолько долго, что почти забыл и свой долг, и самого себя. А когда мне об этом напоминали — не хотел слушать и слышать. Я вообще не хотел об этом думать, и искал, чем бы занять себя. Ты меня удивила своим предложением. Поэтому и согласился тебе помочь. Я видел, что наша встреча по судьбе, но не думал, что это окажется настолько... серьёзно. Я думал, что это будет короткое приключение.

«Это я могу легко поправить...»

«Я тебе что, девка уличная, переспал и забыл?!... Сам слово дал и сам взял?»...

— Значит, я всё-таки была для тебя игрушкой и деревенской дурочкой?

Почему-то вместо обиды на его признание я чувствовала только непонятную грусть. Удивительно...

Он вздохнул и грустно улыбнулся.

— Если бы... Ты была гордой, неопытной и наивной девушкой, но дурочкой ведьма Янига не была никогда. Ты поймала меня на слове и оказалась занозой, попавшей в больное место. Постоянно раздражала и не давала покоя, но с тобой я начал вспоминать, что такое быть человеком и быть живым.

— Поэтому ты всё время хотел сбежать, но вместо этого терпел, пока я всякие глупости творила? — не удержалась я от вопроса.

Шут мягко улыбнулся и вместо ответа только крепче прижал меня к себе. Ох, Джастер...

— Умная ведьма.

— И когда ты понял, что это серьёзно? — Я обняла его и прижалась лицом к тонкой рубашке на груди. Не то, чтобы мне хотелось знать ответ, важнее было быть с ним вот так рядом и говорить о нас откровенно, как мы с ним ещё не говорили. Пусть даже это было не о том, что мне хотелось услышать, но он впервые прямо говорил то, что думал обо мне на самом деле.

— Когда Датри через тебя сказала, что я знаю, что должен делать, — негромко ответил он. — Я был тогда на самом дне своей тьмы. Падать — это нормально, главное — суметь потом подняться. Но... я тогда сумел встать, но не верил до конца, что всё именно так, как

оно было. Точнее, не захотел с этим соглашаться. Я считал, что должен решить всё сам, а не втягивать тебя в свои дела.

— Так ты поэтому всё время хотел, чтобы я ушла сама? И Бахиру только из-за своего упрямства прогонял?

Шут не ответил, только тихо вздохнул над моей головой. Ох, Джастер... До чего же упрямый, в самом деле! Даже самую Датри с первого раза не слушает, а по-своему делает!

— А сейчас...

— А сейчас у Датри окончательно кончилось терпение, — неожиданно весело ухмыльнулся он. — Поэтому она просто не оставила мне выбора. Без вашей помощи я теперь не справлюсь даже с самыми обычными делами. Смешно, но... я рад этому. Правда, рад.

— Почему? — тихо спросила я, чувствуя в душе внезапное облегчение. Его слова сняли с меня груз вины, которую я всё равно испытывала из-за той змеи.

«Ради твоей клятвы»... — вдруг вспомнилось мне.

Выходит, он, в самом деле, дал клятву самой Датри. Поэтому он так её уважает и почитает, что даже назвался сыном Бахиры...

Но что же он пообещал самой Матери Мира?

Неужели... неужели то, о чём всё время говорил мне: вернуть в мир магию?!

Но как? Как он сможет сделать это в таком состоянии?!

— Ты же теперь...

— Надо было потерять зрение, чтобы, наконец, обрести свой внутренний свет и отбросить последние сомнения, Янига, — с мягкой и в то же время очень лёгкой улыбкой сказал Шут. — Вспомнить самого себя и свой долг перед этим миром. Поэтому я очень рад, что так получилось. Ты не представляешь, как я соскучился по себе настоящему...

Я смотрела на его безмятежное и наполненное каким-то внутренним светом лицо и понимала, что он не шутит. Вот почему он не переживал и не боялся из-за случившегося.

Он нашёл себя. И теперь устремился к своей цели без сомнений и колебаний, как пущенная стрела. И ни на мгновение не сомневался, что сможет исполнить обещанное.

— И... какой ты настоящий?

— Я — шут, — он снова легко улыбнулся. — Просто Шут, бродячий певец и музыкант.

— Который легко и просто заглядывает через плечо самого Сурта, предсказывает судьбы других людей, а ещё умеет делать оружие, сражается, как пард пустыни, может голыми руками уложить банду разбойников, владеет волшебным мечом и ещё всякими разными волшебными вещами, запугал своим тёмным колдовством целую страну, включая служителей тёмного бога, — снова не удержалась я от шпильки. — И это я не сказки придумываю, а то, что тебе точно знаю. Это ведь не всё, да?

Джастер негромко рассмеялся мне в волосы.

— Ладно, отыгралась, ведьма, — с улыбкой сказал он и снова посерьёзnel. — Ты права, конечно, но мои знания Мирши Духаен и умения поэта и музыканта — всё, что у меня сейчас есть, чтобы прокормить нас в пути и обеспечить нам защиту. Я не могу сражаться и колдовать, как прежде, и надеюсь, мне не придётся этого делать. Пока я не верну себе зрение, нам всем придётся во многом полагаться на других людей.

— А как же твой враг? Он же тебя...

Джастер улыбнулся, но от этой улыбки по спине пробежали мурашки: настолько она была кровожадной и предвкушающей.

— Чтобы меня убить, ему придётся подойти на расстояние удара. И я эту возможность

не упущу.

Я молчала, потому что уверенность и жажда крови, с какой это было сказано, одновременно и напугали и обрадовали. Не знаю, что они не поделили, но Джастер явно будет биться до конца и он не собирается проигрывать в этой Игре.

— Что мы будем делать дальше? — негромко спросила я, уняв внутреннюю дрожь.

Он глубоко вздохнул, и его лицо снова стало безмятежным, а затем привычное тепло дыхания коснулось моей макушки. Ох, Джастер...

— Помнишь, я сказал, что мы с тобой — сердце урагана? Сегодня я посеял первый ветер, чтобы очень скоро этот ураган, наконец, родился и навсегда изменил мир.

Я вздрогнула от этих слов, потому что они прозвучали очень похоже на пророчество.

— Так ты знаешь, как вернуть в мир магию?

Шут покачал головой, а на его губах по-прежнему блуждала едва заметная улыбка.

— Пока нет, Янига. Но помнишь, я говорил: когда идёшь по своему пути — все складывается как надо. Поэтому я сейчас просто делаю то, что должен делать: иду по своему пути, от которого убежал очень долго. Пока нам нужно добраться до Салаксхема, а дальше посмотрим, как там всё сложится.

Я смотрела на него, не веря, что это весь ответ, но Джастер никак не реагировал на моё молчаливое недоверие.

— Хочешь сказать, что мы просто пропросимся в дорогу с караваном, который идёт в Салаксхем, и всё?

— Ну да, — он спокойно посмотрел на меня. Серебряные глаза блестели, словно отражали лунный свет. — Зачем усложнять простое решение? Я буду петь и играть на ситаре, и предсказывать будущее с помощью Мирши Духаен. Вы с Бахрой будете мне помогать, а заодно учиться этому умению. Жаль, что ты так и не научилась танцевать, представление было бы успешнее.

— А Бахира...

— Ты же знаешь, что она — Сновидица и одна из Лунного круга. Она может петь и танцевать только ритуальные танцы и песни во славу Датри. Или ты хочешь, чтобы она нарушила этот запрет?

Нарушить запрет Матери Матерей? Я торопливо замотала головой, подтвердив словами:

— Нет, конечно!

— Поэтому я буду выступать один, — спокойно подытожил Джастер. — Или у тебя есть другие идеи?

Я покачала головой, а затем повторила вслух:

— Нет, нету.

— Тогда давай спать, Янига, — он легко улыбнулся. — Завтра у нас длинный день.

45. Суд эмира

Вздохнув, я хотела встать, но Джастер неожиданно удержал меня за руку.

— Останься, Яния, — негромко сказал он на языке маджан. — Мне... будет спокойнее спать, зная, что ты рядом.

Я с изумлением смотрела на него, только сейчас вдруг осознав, насколько для Шута всё поменялось на самом деле.

Ему очень не хочется сейчас оставаться ночью в полной темноте и одному. То, что наша с Бахирой постель всего лишь за ажурной перегородкой — слабое утешение. Может, он и рад тому, что нашёл себя, но его слепота никуда не делась. И сейчас он в таком... беспомощном состоянии, что даже свою обычную защиту поставить не может.

Вон сегодня слуга как тихо по коврам зашёл, даже мы от неожиданности напугались. Бахира-то сразу про оружие подумала, а я вообще о Живом мече забыла, привыкла на защиту Шута надеяться, а её больше нет.

Джастер теперь сам нуждался в нашей защите. А я уйду и ему спокойно не поспать: всю ночь будет прислушиваться — здесь мы или нет.

«Я вас теперь слышу»...

За Бахиру он не волнуется, она умеет сражаться не хуже мужчин, в этом я убедилась на наших тренировках. А ведьма Янига в умении владеть мечом может и превосходит обычных ведьм, но даже до Бахиры ей ещё расти и расти.

И Шут это знал не хуже меня.

Придётся во всём полагаться на других...

Это он-то, кому даже боги были не указ, привыкший всегда поступать, как сам решит, теперь вынужден просить помощи у других людей и зависеть от них.

Рад он, как же...

Меня, глупую, успокаивал, а сам в поддержке куда больше нас с Бахирой нуждается.

— Хорошо, — я улыбнулась и погладила его по руке. — Я возьму покрывало и приду.

Джастер кивнул с благодарной улыбкой, а я встала и на цыпочках отправилась за перегородку, чтобы не разбудить Бахиру.

К моему удивлению, она встретила меня возле кровати и протянула свёрнутое покрывало, на котором лежал Живой меч.

— Иди, дочка, — я услышала улыбку в её тихом голосе. — Ты ему нужна.

— Спасибо, — так же тихо ответила я, понимая, что наши с Бахирой мысли сошлись.

Вернувшись, я отодвинула к стене столик с едой и напитками, освобождая место для двоих, и дала Шуту в руки Живой меч. Свой меч в потрёпанных ножнах Джастер снял с пояса и положил под левую руку. Пока он с едва заметной улыбкой наглаживал драксу, я устроила нам постель из лежавших вокруг подушек.

Мне казалось, что Игвиль очень хотел проявиться, но сдерживался по молчаливой просьбе своего хозяина.

Шут ложился на ощупь, и у меня больно сжималось сердце, когда я смотрела, как осторожно скользят его пальцы по вещам вокруг.

Чтобы Джастер ни говорил, как же страшно вот так, в один миг, стать слепым и...

— Янига? — тихо позвал Шут, устроившись на коврах и подложив под голову одну из

подушек. Живой меч он положил по правую руку, так, чтобы я могла легко дотянуться до него.

— Я здесь.

Развернув покрывало, я накинула его на Джастера и легла рядом. Шут привычно обнял меня, пока я устраивалась у него на руке, стараясь не сильно прижиматься ухом. Мочки ещё не привыкли к серьгам, слегка припухли и болели.

— Какие у тебя теперь косы... — тихо сказал он, осторожно касаясь пальцами моей причёски. — Тебе нравится?

Я пожалала плечами, потому что меня волновало совсем другое.

— Непривычно... Джастер... — я спросила очень тихо, чтобы больше не будить Бахиру. — Ты же в Кронтуше по-другому эти картинки называл. Почему?

— Потому что у них много названий, — также тихо отозвался он. — Мирши Духаен одно из тех, что люди помнят.

— И какое правильное?

— Путь Игрока. Или Дурака. — Он тихо хмыкнул. — Дураком его называли люди, потому что он называл вещи своими именами, невзирая на то, что они были непонятны или неприятны.

— Но ведь он Игрок! Он же наверняка столько всего знает! Почему дурак-то? — удивилась я.

— Потому что люди считали, что он наивен и прост, как дитя. А ещё люди очень не любят признавать свою неправоту или незнание, — спокойно ответил Шут. — И не придумали ничего лучше, чем обвинять в глупости и невежестве любого, кто отличается от них.

— И он им ничего не сказал и не сделал?

— Игрок играет по правилам, Янига, — после недолгого молчания ответил Джастер. — У любого человека есть свобода воли верить или не верить, учиться или пребывать в невежестве, не забывай. Игроку показалось забавным это прозвище, и он даже сделал его своим... хм, скажем так, именем в мире людей. А потом он создал эти карты и назвал «Путь Дурака».

— Но ведь над ним наверняка смеялись, когда он так себя называл!

— Конечно. Только дурак будет называть себя Дураком, разве нет?

— Ты же называешь себя шутком, — буркнула я в ответ, не зная, что возразить. — И тоже говоришь, что это твоё имя.

— Это действительно моё имя, Янига, — улыбнулся он. — И мне оно нравится.

— И кто тебя так назвал? Ты же говорил, что у тебя не было родителей?!

— Один старый друг, — тихо сказал Джастер. — Он сказал, что это слово отражает мою суть. И я с ним согласен.

Я молчала, чувствуя, что задела какие-то очень глубокие воспоминания, и Шут не готов об этом говорить. Но и заканчивать разговор на такой ноте тоже не хотелось.

— А Вахалу можно убить? — вспомнила я свои недавние подозрения. — Сурт же сказал, что её нить важна для мира!

— Любая жизнь однажды заканчивается, — спокойно ответил Джастер. — Даже если она была очень важна для мира. Спи уже, ведьма.

Я устроилась поуютнее, обняла его покрепче и уснула, радуясь тому, что он так близко.

Утро началось с громких криков. Два голоса, мужской и женский, спорили так громко, что наверняка разбудили весь дом.

Бахира встала с кровати и остановилась в проёме, ведущем из спальни в главную комнату. Судя по её недовольному виду, она хотела выйти и навести порядок, но вовремя вспомнила, о чём просил нас Шут.

Сам же Джастер сел, обхватив колени и зевая в рукав. Я тоже села, протирая глаза и радуясь про себя, что мы спали в одежде.

Конечно, Бахира знала о моих чувствах, и наверняка догадывалась, что мы с Джастером были вместе как мужчина и женщина, но всё же... Всё же я не смогла бы сейчас так быть с ним.

По крайней мере, не когда мы ночуем с Бахирой в одной комнате.

Вот если бы у нас было две комнаты, тогда я бы не чувствовала себя в её присутствии... сестрой Джасира.

Пока я размышляла, спорщики приближались и остановились почти у наших дверей. Неразборчивые голоса стали отчётливей, и я прислушалась, стараясь разобрать гортанные и эмоциональные речи.

— ...мой господин! Чем я прогневала тебя, что ты выкидываешь меня на улицу, как негодную вещь?! Чем я, несчастная, прогневала Тёмноокого, что он лишил меня твоего покровительства?! За что мой господин обрёл меня на ужасную судьбу стать джихайен?!

— О-о, Тёмноокий! За какие прегрешения ты послал мне эту женщину?! Я уже потерял двадцать таланов, а теперь она хочет лишиться меня покоя! Умоляю тебя: не кричи! Ты потревожишь сон моих дорогих гостей! Ступай куда хочешь, я отпускаю тебя, покинь мой дом!

— Как мой господин может так говорить?! Мой повелитель со всем уважением заботиться о своём госте, но совсем не хочет заботиться о Кайре?! За то он прогоняет меня?! Куда я пойду в этом чужом городе?! У меня нет семьи, и мой господин отказался от меня! О, Тёмноокий! Неужели мой повелитель решил променять меня на дикую пустынную кошку, что носит на поясе оружие, как мужчина?! Я слышала, что она хороша собой и вчера не скрывала своего лица от моего господина! Бесчестная женщина! Как она может открывать своё лицо в чужом доме и при моём господине?! Пользуется тем, что её муж слеп, и ведёт себя как распутная дрянь! Пришла из своих песков и хочет соблазнить моего повелителя?!

Что-о?! Это я-то распутная и бесчестная?! Да что там эта лохудра о себе возомнила?! Да я её... Я из неё капусту сделаю! Я ей все патлы под корень обрежу так, что её даже в «бездушные» не возьмут! А потом так прокляну, что она прямо сейчас родит!

— Яния...

— Тихо, Янига, успокойся.

Рука Джастера легла на моё плечо и только сейчас я поняла, что пытаюсь дотянуться до Живого меча, который почему-то оказался за Джастером, а Бахира смотрит на меня с тревогой.

— Да, что она себе позволяет! — гневно зашипела я, пока Шут отодвигал Живой меч подальше, удерживая меня второй рукой. — Да я ей!..

— Уймись, я сказал.

В голосе Джастера прозвучал такой приказ, что я испуганно сникла, и послушно села прямо. Бахира, нахмурившись, неодобрительно качала головой, но я не могла понять, кого она осуждает: меня или эту самую Кайру.

Тем временем спор продолжался.

— Что ты говоришь, женщина?! — возмущался хозяин дома. — Как у тебя язык повернулся так оскорблять сестру почтенного элрари?!

— О, мой господин! Не иначе, как эти злые люди околдовали тебя! Это происки злых духов! Только они могли нашептать моему господину такие нечестивые мысли! Я слышала, что поверив словам этого слепца, мой повелитель велел убить своего преданного слугу и...

— Замолчи, женщина! Не смей называть почтенного элрари злым духом! Иначе, клянусь Тёмнооким, мне придётся наказать тебя за такие слова!

— А как мне его называть, мой повелитель?! Только злой дух может пожелать честной женщине такой злой участи! Если я стала негодна моему господину, он мог бы продать меня, но он желает, чтобы я ушла из его дома и стала джихайен! Или даже «бездушной»! Только джай-на мог внушить такие мысли моему господину! Мой господин! Ты поверил злему навету бродячего слепца, чья дикая кровь перемешана с песком и пылью! Я слышала, что этих людей называют детьми песка и ветра из-за того, что их женщины спят со всеми мужчинами подряд и не знают, кто отец их детей! Не иначе, как этот безродный проходимец околдовал тебя! Мой господин должен сходить в храм и попросить Взывающих об очищении...

— Замолчи, женщина! Премудрый элрари слеп, но он видит дальше и больше, чем видел я, когда покупал тебя! Воистину, это я был слепцом, когда не узрел змеиный яд за красотой этого цветка!

— Зачем мой господин так говорит?! Я буду послушной и преданной женой для моего повелителя!

Я молча слушала оскорбления, кипя от негодования. В Эрикии я бы никому не позволила так говорить о себе. Да и Джастер наверняка тоже не стал бы молчать.

А здесь, из-за этих глупых законов, я вынуждена терпеть и молчать, а Джастер вместо того, чтобы распахнуть дверь и обрушить справедливый гнев на голову этой самой Кайры, делает вид, что ничего не происходит! Да как он так может это терпеть?!

Ему же не надо с ней драться, просто выйти и сказать, чтобы она замолчала!

— Сын мой... Эта женщина... Её слова смешали золото истины с грязью лжи! Она оскорбляет само имя матери! Разве мы ничего не должны сделать? — Бахира была со мной согласна.

— Не беспокойся, ами. И ты тоже не кипятись, Янига. — Джастер снова обнял колени, не обращая внимания на громкие крики спорщиков. — Всё будет хорошо.

— Она нас облаивает, как хочет, а ты говоришь, что всё хорошо?! — негодуяще вспыхнула я. — Да чтоб у неё на языке огневик вскочил и не проходил, пока не научится о людях хорошо думать и только правду говорить!

Слова проклятия вылетели у меня изо рта быстрее, чем я успела сообразить, что вложила в них силу. Ой мне...

Я испуганно посмотрела на Джастера, который нахмурился, поджал губы и смотрел в пол. Бахира недоумённо переводила взгляд с меня на него.

— Яни...

За дверью раздался испуганный женский вскрик.

— О, мо... — слова сменились всхлипываниями и испуганным неразборчивым мычанием.

— Вот видишь, глупая женщина, до чего довёл тебя твой злой язык! Не иначе, как сам

Тёмноокий покарал тебя за твои лживые слова! Я немедленно пойду в храм и вознесу ему молитвы в благодарность за встречу с мудрейшим элрари! Подумать только, всю жизнь я мог провести рядом с такой женщиной! Я содрогаюсь от одной мысли об этом!

Ответом были новые рыдания и неразборчивое мычание.

— Я иду в храм, женщина! Оставь меня в покое! У меня ещё много дел! Ты получила своё наказание от самого Тёмноокого, не гневи его и меня ещё больше! Иначе, клянусь, я отдам тебя Взывающим!

Кайра взвыла и зарыдала, что-то невнятно мыча, а Назараид отсылал её прочь. Шаги и голоса удалялись. Я виновато смотрела в пол, боясь поднять глаза на Шута и удивляясь тому, что не чувствую ни тошноты, ни головокружения, как было в Кронтуше. Точнее, я вообще ничего неприятного не чувствовала.

Может потому, что проклятие слабенькое, не на смерть?

— Что случилось, Джасир? — Бахира разбила тяжёлое молчание. — Почему Яния...

— Помнишь, я говорил, что госпожа Янига обладает волшебной силой, ами?

— Да, сын мой.

— Так вот, она только что прокляла ту женщину за её слова. У этой женщины на языке появилась болячка.

— Вот как, — Бахира задумчиво смотрела на меня, а я чувствовала, что щёки просто горят от стыда. — Я поняла, Джасир.

— Я... я не хотела... — виновато пробормотала я, упёршись взглядом в покрывало и понимая, что в порыве чувств говорила с Джастером на своём языке.

— Если бы не хотела, проклятие бы не сработало, — спокойно ответил Шут на языке маджан. — И раз всё закончилось, будь добра, Янига, налей мне вина, если оно ещё осталось. Или воды. Пить хочу.

— Хорошо, — отозвалась я, вставая и подходя к столику.

Бахира прошла в нашу половину и подошла ко мне.

— Не переживай, Яния. — Она с доброй улыбкой взяла мои руки в свои. — Ты поступила верно, не позволив этой женщине дальше говорить дурные речи.

Я только вздохнула, но ничего не успела сказать, как Бахира продолжила.

— По закону маджан, мужчина не может поднять оружие на женщину, чей язык лжив и зол, а несправедливые речи направлены на него или его семью. Наказать за это может только другая женщина и таким наказанием является прижигание или рассечение языка железом. Яния не знала об этом, но всё исполнила как истинная маджан. Я горжусь тем, что назвала тебя своей дочерью.

Она с улыбкой обняла меня, а я от изумления только хлопала глазами, не веря услышанному. Я — то думала, что Бахира не обрадуется, узнав о моём ведьмовском даре и проклятии, а она мной гордится...

— Спасибо... — смущённо пробормотала я, не зная куда смотреть.

— Держи, — Бахира с улыбкой протянула мне кубок и стала наливать в него вино. — Джасир ждёт.

С полным кубком я пошла обратно к Шуту. Он держал Живой меч на коленях, едва уловимо улыбался и задумчиво гладил рукоять пальцами.

Мужчина не может покарать женщину за злые слова, а женщина может...

И я вдруг поняла, что он нарочно сначала подлил масла в огонь моего негодования, а потом хмурился, чтобы не показать удовольствия от того, что я сделала.

Вот как так он даже слепой меня насковзь видит и... Нет, не заставляет, но всё поворачивает так, что я сама делаю, что ему нужно.

«Ашу Сирай очень хитёр и ловок со словами...»

И в самом деле, очень хитёр и ловок. Никто не сравнится с его умом и хитростью.

— Вот вино.

Я коснулась плеча Джастера. Он перестал гладить Игвиля, протянул руку, и я вложила в его пальцы кубок.

— Спасибо, — он кивнул и пригубил напиток.

— Налить тебе чифе, Яния? — поинтересовалась Бахира за моей спиной.

Я покачала головой и села рядом с Шутом. Пить мне не хотелось, зато вопросы у меня были.

— Джастер... — я робко взглянула на него: спросить или лучше не стоит?

— М? — Он спокойно пил вино.

— Почему я ничего не почувствовала?

Шут опустил кубок и повернул голову в мою сторону.

— Совсем ничего?

— Да, — кивнула я в ответ. — Я даже не сразу поняла, что прокляла её... Почему так?

— Твоя сила очень выросла, — он снова пригубил вино. — А это проклятие было очень... лёгким. Кроме того, условие для снятия проклятия соблюдено. Она может его снять сама, если захочет.

Я обняла колени, обдумывая услышанное. Выходит, для меня теперь такие проклятия — раз плюнуть? Главное, условие для снятия называть и... и всё? И я могу, как Холисса, раздавать их направо и налево?

— Но на твоём месте, я бы не раскидывался проклятиями, ведьма, — спокойно сказал Джастер, возвращая меня с небес на землю. — Помни, что ты ведьма-защитница. А значит, твои проклятия обретают настоящую силу, когда ты защищаешь других людей.

Я только молча открыла и закрыла рот, понимая, что он прав. В Кронтуше я хотела защитить себя и Шута, и наказать тех, кто давно утратил всё человеческое в душе. И сейчас тоже возмутилась из-за откровенной лжи и несправедливости в свой адрес и адрес Джастера.

— Я поняла, — тихо сказала я, а Шут спокойно кивнул.

— Что нам теперь делать, Джасир? — спросила Бахира, подходя к нам с чашкой чифе в руке.

— Скажи, ами, как высоко поднял свой щит Небесный отец?

Бахира подошла к окну.

— Небесный отец лишь на локоть поднял свой щит, Джасир.

— Хорошо, — Шут кивнул, допил вино и поставил пустой кубок на ковёр. — Лучшее, что мы можем сделать — дождаться хозяина с новостями, а там видно будет. В любом случае, до его возвращения ещё есть время немного поспать.

С этими словами он снова лёг, обняв Живой меч и накрывшись покрывалом с головой. Я взяла пустой кубок, отнесла обратно и посмотрела на Бахиру.

Сновидица народа маджан допила чифе и почти неслышно поставила чашку на столик.

— Джасир сказал, что мы можем ещё немного отдохнуть. Давай так и сделаем, Яния.

Она ласково улыбнулась, легко пожала мои пальцы и ушла за ажурную перегородку. Я видела, как она легла, и впервые подумала, что Бахире тоже очень не просто смириться со

всем, что пришлось узнать и увидеть за такое короткое время.

Она отправилась в путь, исполняя волю Датри, чтобы помогать Джастеру. И конечно не думала, что он станет калекой и ей придётся отправиться с ним в чужую страну, обычаи и язык которой она почти не знает.

Конечно, Бахира верила Джасиру, верила Великой Матери, но всё же не могла не волноваться за Шута. А ещё наверняка волновалась за свою судьбу и судьбу своей дочери, занявшей её место Сновидицы в Лунном Круге.

Ох, Янига, Янига... Сколько всего ещё мне предстоит понять и узнать...

Я осторожно забралась под покрывало и устроилась рядом с Джастером, чтобы не разбудить его. Кто знает, когда нам снова удастся поспать под крышей и в безопасности?

Посеял ветер, чтобы родился ураган, который изменит всё.

И выбрал он для этого луну Сильных Гроз...

Нет, не хочу сейчас об этом думать. Джастер рядом и нам пока ничего не угрожает.

Можно поспать.

Я обняла Шута, прижимаясь к горячему телу, и сама не заметила, как уснула.

Разбудили меня громкие мужские голоса и топот ног, доносившиеся со двора. Всё это сопровождалось жалобными криками хозяина дома о его невиновности и просьбами о милости.

Великие боги, да что происходит?!

Я вскочила, на ходу схватив Живой меч, который сам прыгнул в ладонь. Бахира уже стояла возле ажурной перегородки с обнажённым сабероном в руке, закрывая проход к нам. Весь её вид говорил о том, что она будет сражаться до последнего.

Мы успели вовремя. В следующий миг двери с грохотом распахнулись и в комнаты ворвались несколько вооружённых мужчин с кривыми мечами наголо. За их спинами я видела мелькавшего Назараида, чьё бледное лицо исказили страх и отчаяние.

— Что происходит, Яния? — спокойно спросил Джастер на языке маджан.

— К нам явились шакалы султана, Джасир, — почти сплюнула Бахира, не сводя взгляда с замерших воинов в бело-жёлтой одежде. — Эти люди совсем не чтут закон гостеприимства! Пролитая кровь уже не осквернит этот бесчестный дом!

— Вот как...

Джастер встал, потирая лицо рукой, а затем спросил на языке Сурайи, повернувшись лицом к напряжённо замершим воинам:

— Что случилось, почтенный Назараид?

Но вместо хозяина дома ему ответил другой голос, сильный и властный.

— Так это ты «дух пустыни», называющий себя Джасиром?

Из-за спин расступившихся воинов вышел высокий смуглый человек с чёрной блестящей бородой. Богатая одежда, золотые украшения и оружие, украшенное драгоценными камнями, выдавали его высокое положение. Он держался властно и уверенно.

— Так меня зовут, почтенный, не знаю твоего имени, — спокойно и с достоинством ответил Шут.

— Моё имя Садир, сын Рахама! — гордо и с вызовом возвестил гость, пока чёрные жгучие глаза с яркой жадностью всматривались в спокойное лицо Джастера. — Знакомо ли оно тебе, презренный сын песка и ветра? Или ты слишком молод, чтобы знать того, кому оно принадлежит?

— Кому из маджан не знакомо имя Садира, прозванного Гадюкой за хитрость и безжалостность? — Джастер даже бровью не повёл в ответ на оскорбление. — Я не вижу тебя, но помню твой голос. Значит, люди говорили правду: ты вымолил себе жизнь и султан пощадил тебя, но прогнал от своего трона. Слышал также, что никто из эмиров не захотел принимать у себя беззубого змея, проигравшего битву у Раймадана, и только эмир Арсаниса снизошёл к твоим мольбам и милостиво принял к себе на службу. Каково бывшему любимому хази султана быть начальником городской стражи на границе Сурайи?

Начальник стражи? Битва у Раймадана? Джастер знает этого человека?

С последними словами Шута точёные ноздри Садира яростно расширились, а губы исказились в гневном оскале.

— Я тоже узнал тебя, Машнун-Мают, Безумная Смерть! Пусть ты слеп и не носишь бороды, чтобы походить на юношу, пусть я впервые вижу твоё лицо, но твой голос... О-о, твой голос и твои насмешки я запомнил навсегда! Твои слова всё также остры и ядовиты, как иглы песчаной колючки, и ты смеёшься надо мной, но скоро ты будешь молить о пощаде и рыдать кровавыми слезами, потому что ещё до заката солнца я сам вырву твой ядовитый язык раскалёнными клещами!

Я только крепче сжала рукоять Живого меча и покосилась на Джастера. К моему изумлению на губах Шута играла едва заметная улыбка, а лицо было безмятежно, как гладь озера в безветренный день.

Зато его враг был в бешенстве. На скулах горели алые пятна, чёрные глаза налились кровью, а кулаки сжались так, что костяшки побелели.

— По твоей вине султан прогневался на меня! Я потерял своё место и его расположение из-за тебя! Но знаешь ли ты, какую награду он обещал за твою голову, Машнун-Мают?! Нет, не знаешь, иначе ты никогда бы не осмелился покинуть берег своего Раймадана! Но ты воистину безумец, раз пришёл в Арсанис и даже не сменил имя и одежду, чтобы остаться неузнанным! Сколько лет я молил Тёмноокого о возмездии, и он услышал мои молитвы! Ты сам пришёл в мои руки, да ещё и в таком беспомощном состоянии! Едва услышав твоё имя, — будь оно проклято во веки веков! — я бросил все дела и поспешил сюда, чтобы своими глазами убедиться в такой удаче! Тёмноокий был милостив ко мне сегодня! Ты в моих руках и я представлю тебя на суд нашего эмира, дабы он смог предать тебя пыткам и самой ужасной смерти, которую ты заслуживаешь! Моё поражение будет смыто твоей кровью! О, сколько лет я ждал этого! Я бы хотел представить тебя живым самому султану, но эмир пошлёт ему твою голову, а я сам отвезу её и брошу к стопам нашего повелителя! О, как он наградит меня за это! Я стану самым влиятельным хази в истории! Воистину, сегодня самый счастливый день моей жизни! И не надейся на милосердие и снисхождение, проклятый Машнун-Мают! Твои дикие кошки не смогут защитить тебя!

— Сделаешь хоть шаг, Эфау, и я выпотрошу тебя, как рыбу! — с неожиданной яростью прорычала в ответ Бахира. — Я никогда не прощу тебя за смерти наших мужчин, женщин и детей! За моего отца и моего мужа! Клянусь Великой Матерью, я убью тебя прежде, чем ты прикоснёшься к моему сыну!

— Остановись, ами. Не трогай его. — спокойно произнёс Джастер, протянув руку и на ощупь найдя плечо Бахиры. — Ты ошибаешься, Садир. Этот день станет самым несчастным днём в твоей жизни. И последним.

Чёрные густые брови Садира изумлённо взметнулись вверх, а затем он громко расхохотался, положив руку на богато украшенный эфес. Его воины при этом не спускали с

нас глаз, а Бахира по-прежнему яростно сжимала рукоять саберона. Лишь её клятва слушаться Джастера во всём, сейчас спасала этому Садиру жизнь.

Я же не понимала, на что рассчитывает Шут, и на всякий случай не опускала Живой меч, чувствуя напряжение и возбуждение Игвиля, готового немедленно ринуться в бой. Хотя мои воинские умения и не велики, но я сделаю всё, чтобы защитить Джастера.

Шанак, Датри, помогите...

Садир же был уверен в своём превосходстве.

— Не иначе ты вместе с глазами лишился и остатков разума, Машнун-Мают! Ты воистину безумен, раз осмеливаешься угрожать мне и утверждать такое! Что ж, я понимаю твой страх и твою беспомощность! Ты был отважным воином и вождём своего народа! Но только с помощью злых духов ты и твой народ одержали победу на берегах Раймадана! Я никогда не забуду этого! Без сомнения, теперь ты не хочешь признавать своё поражение. Ты пытаешься смеяться надо мной, но я жив, и я здоров, эмир приблизил меня за мою службу и заслуги, и моя удача вновь улыбается мне! А ты неразумно оставил свой народ и свои земли, лишился зрения и теперь стоишь здесь, передо мной, не в силах защитить своих женщин и изменить своей печальной судьбы! Даже будь ты зрячим, тебе некуда бежать из этих стен! Я привёл с собой сотню воинов, твои дикие кошки не смогут одолеть их всех! Я заберу твою мать и твою сестру в свой харем, а когда они мне надоедят, то отдам своим людям! И когда мои воины вдоволь насладятся твоими драгоценными женщинами, я отдам их Взывающим, чтобы они сделали из них джихаен — маат! Как тебе такое предсказание, о премудрый элрари Джасир? Твои слова не изменят мою решимость, сын песка и ветра! Неужели ты решил, что я настолько глуп, что поверю рассказам о твоём даре элрари, которыми полны улицы Арсаниса?!

— Нет, Садир. Я так не думаю.

Садир довольно улыбнулся, поглаживая бороду.

— Я рад, что разум не покинул тебя, Джасир, ибо нет радости и удовольствия в том, чтобы казнить безумца! Своим признанием ты доказал, что моя месть будет сладка! Так и быть! Твой народ прозвал меня Гадюкой, но я умею уважать храбрость и доблесть воина, даже когда это ты, Безумный Джасир. Клянусь Тёмнооким, я даже выслушаю твою последнюю просьбу, прежде чем отвести к эмиру! Но предупреждаю тебя, не надейся разжалобить меня!

— Скажи мне, Садир, сын Рахама, — спокойно произнёс Джастер, в очередной раз пропустив мимо ушей все оскорбления и насмешки. — Что бывает с тем, кто нарушает клятву, данную именем Тёмноокого?

— Его провезут по городу в железной клетке, без одежды, обритого налысо, чтобы все могли увидеть его позор. Его имя будет проклято, его имущество станет собственностью храма, а он сам будет передан Взывающим, дабы они определили, какой ужасной смерти его предать. — Улыбка сошла с лица Садира, и оно сразу стало жёстким и холодным, доказывая, что своё прозвище он получил не зря. — Но почему ты спрашиваешь меня об этом? Какой подвох ты ищешь в моих словах?

— Я не ищу подвох, Эфау. — Джастер убрал руку с плеча Бахиры. — Я говорю прямо: ты встал на моём пути и ты пожалеешь том, что пришёл сюда. Ты проклянешь этот день, как не проклинал день своего поражения на Раймадане, ибо он станет последним днём твоей жизни. Ты мог бы уйти и забыть моё имя, чтобы избежать этой участи. Но ты ослеплён жаждой мести, и не последуешь этому совету. Поэтому я не стану просить тебя о таком.

Начальник городской стражи подобрался и в самом деле стал похож на змею, готовую атаковать. Чёрные, горящие жадной мести, глаза смотрели на Шута жадно и совершенно безжалостно. А вот его воины начали украдкой переглядываться. Не знаю, какие слухи успели разойтись по улицам города, но слова Джастера их явно впечатлили.

— И что же ты хочешь, Безумный Джасир? — спросил он. — Я внимательно слушаю тебя.

— Мне всё равно, сколько воинов ты привёл с собой. Если я захочу уйти — я уйду. Но мне не нужны бессмысленные жертвы. Я не хочу оскорблять этот дом пролитой кровью и пойду с тобой к эмиру, но при одном условии. Моя сестра будет сопровождать меня, а моя мать останется здесь. Ты не причинишь им вреда и позволишь уйти, ибо хозяин этого дома поклялся именем Тёмноокого принять меня и мою семью как дорогих гостей и помочь мне в моих делах. Я не хочу, чтобы его признали нарушившим эту клятву, поскольку не в его власти помешать тебе исполнить задуманное. Также нет его вины в том, что он, по воле Великой Матери, не узнал меня, и принёс свою клятву. Дашь ли ты своё слово в этом? Или мне спросить у тебя клятву именем твоего бога?

Садир нахмурился и с прищуром смотрел то на меня, то на Бахиру, по-прежнему не убиравшую меч. Я не видела её лица, но судя по взгляду бывшего хази, он оценивал Сновидицу как опытного воина, а не как красивую женщину. На меня он бросил всего один заинтересованный взгляд, и снова нахмурился в сторону Бахиры. Он прекрасно понял всё, о чём промолчал Шут.

Или все останутся живы, или этот дом, в самом деле, будет залит кровью. Сколько бы людей не привёл с собой этот Садир, я не сомневалась, что Джастер не станет скрывать свой дар некроманта, чтобы спасти нас с Бахирой.

Конечно, он не мог колдовать как прежде, но он же не лишился этой возможности совсем.

Игвиль тоже не будет щадить врагов своего хозяина. В силе и боевых способностях драксы я давно успела убедиться. Да и мои проклятия сгодятся, если я буду защищать Джастера и Бахиру...

Почти посеревший от страха Назараид робко выглянул из-за спины крайнего воина. Мне даже стало жаль бедолагу. Знакомство с Джастером принесло ему куда больше тревог и волнений, чем радости и удачи. Вчера он так хотел, чтобы Джастер остался в городе, а сегодня узнал, что принял в своём доме врага самого султана. А тут ещё и обвинение в нарушении клятвы гостеприимства, данной именем самого Сурта...

Бедняга ещё от утренней истерики своей несостоявшейся жены не отошёл, а тут такое...

И Джастер... Вот почему он не хотел идти в город. Он знал, что здесь живёт его старый враг. И если бы не его внезапная слепота, то мы бы уже наверняка шли короткими тропами в сторону Салаксхема и избежали этой опас...

Нет. Остановись, Янига. Доверяй Шуту, даже если это так трудно, как сейчас.

Он видит судьбы людей и всегда знает, что делает. Он исполняет клятву, данную самой Датри, и значит, она не оставит его своей помощью. И хотя Игвиль рвётся в бой, сейраз на груди холодный. А сам Шут по-прежнему спокоен и безмятежен. Только серые глаза блестят серебром луны.

Признаться, именно это его невозможное спокойствие пугало меня больше всего. И оно же сбивало с толку всех остальных.

Не так должен вести себя беспомощный калека и враг султана, оказавшийся в

смертельной ловушке и в окружении стольких воинов. Совсем не так.

— Ты пытаешься мне угрожать даже сейчас, Джасир. — Снова заговорил Садир, делая знак своим воинам опустить оружие. — И я вижу, что ты по-прежнему бесстрашен и безумен перед лицом смерти, как во время нашей последней встречи много лет назад. Я не верю в твой дар элрари, но я знаю, что твоё слово нерушимо. Но моё слово, слово великого хази Садира, сына Рахама, нерушимо так же! Ни я, ни мои воины не тронут твоих женщин, и они будут вольны покинуть Арсанис, когда захотят. Также я говорю, что хозяин этого дома не будет обвинён в предательстве султана, а также в нарушении клятвы, данной тебе именем Тёмноокого! И не будь я Садиром, сыном Рахама, если отступлю от сказанного!

— Да будет так, Садир. — Спокойно и весомо ответил Джастер, и я поняла, что договор заключён.

Бахира опустила саберон и обернулась, глядя на нас с болью и горечью.

— Джасир...

— Всё будет хорошо, ами, — спокойно ответил Шут на языке маджан. — Оставайся в этом доме и жди нас. Проследи, чтобы всё было готово к дороге.

— Джасир... — Бахира кончиками пальцев промокнула уголки глаз. — Зачем...

— Верь мне, ами, — Джастер снова нашёл плечо Бахиры и легко сжал пальцы. — Верь мне, как верила всегда.

Сновидица промокнула уголки глаз и кивнула, нежно накрыв ладонь Шута своей.

— Я верю тебе, сын мой.

— Отун, дай мне тал-лисам и посох, — спокойно попросил Шут, и я только сейчас поняла, что так и стою, сжимая Живой меч и не веря происходящему.

— Яния.

— Д-да.

Я торопливо убрала Живой меч в кожаные полуножны, незаметно вытирая взмокшую от волнения ладонь о бедро. Бахира в это время помогла Джастеру повязать синий тал-лисам. Она словно не замечала за своей спиной вооружённых воинов.

— Вот. — Я подняла посох с ковров и вложила в ладонь Шута.

Джастер взял посох и закрыл лицо концом тал-лисама.

— Не забудь про парн, Яния. И пойдём.

— Хорошо.

Я кивнула и взяла парн, который принесла мне Бахира, краем глаза уловив внимательный взгляд чёрных глаз Садира. Бывший хази, — надо бы спросить у Джастера, что это значит, — смотрел на меня так, что мне показалось: он жалеет о данном слове. В отличие от Бахиры, в его глазах я была красивой женщиной, а не воином. Да и его воины откровенно разглядывали нас, наверняка тоже жалея о слове своего господина.

Подумать только, всего две луны назад, в начале лета, я была бы польщена таким вниманием, но сейчас оно мне было неприятно. К счастью, Бахира помогла мне скрыться от этих взглядов за плотной тканью.

Взяв Джастера под руку, я вдруг ощутила, что моё волнение улеглось, а вместо неё пришла уверенность, что всё будет как надо.

С этой уверенностью, вместе с Джастером я спокойно пошла мимо расступившихся воинов и вышла из комнаты. Бедняга Назараид, серый как тень, сполз по стене вниз и дрожащими губами пытался молиться Тёмноокому Сурту.

Садир и в самом деле привёл с собой много воинов. Дом Назараида был окружён и во дворе нас тоже встретили вооружённые люди. Слуги и невольники попрятались кто куда, не рискуя вызвать гнев стражников. Но мне показалось, что невидимые наблюдатели испытали облегчение, не увидев своего хозяина и господина пленником.

Начальник городской стражи, гордый и торжествующий, возглавил наше шествие во дворец эмира. Сам Шут спокойно шёл, едва слышно постукивая посохом о камни, и не выказывал ни капли беспокойства. Я же старалась не обращать внимания на плотные ряды вооружённых мужчин вокруг нас с Джастером, и думала о том, что произошло.

В отличие от Эрикии, в Сурае Джастер не прятался в «тени». Он был не просто известен, а успел прославиться так, что его имя и... прозвища гремели на всю страну. Его знали не только как Ашу Сирая, прогневавшего Тёмноокого Сурта своей дерзостью и неповиновением, но и как вождя народа маджан, который сумел победить войско султана в битве на каком-то Раймадане...

Безликий Ашу Сирай внушал людям ужас своей волшебной силой. А вот Безумная Смерть... Даже представлять не хочу, что это была за битва, из-за которой ему дали такое страшное прозвище! Я невольно вздрогнула и тут же ощутила, что Джастер чуть крепче прижал мою руку к себе, словно говоря «не бойся, ведьма, всё будет хорошо...»

Я тихонько вздохнула, не сбивая шаг, и в который раз чувствуя себя юной и неопытной девчонкой рядом с матёрым воином.

Не носит бороды, чтобы походить на юношу... Ох, как часто я, и не только я, обманывалась этим сходством! Разбойники говорили, что Ашу Сирай пропал в пустыне много лет назад. Неведомая мне битва на берегах Раймадана тоже была сколько-то лет назад. Битва, в которой Бахира потеряла своих родных, отца и мужа... А Джастер спас её дочь, помог её народу обрести свободу и новую родину. А потом оставил маджан, чтобы... чтобы прийти в Эрикию и продолжить свои поиски.

И вот теперь Джастер встретился со своим старым врагом, и идёт на суд эмира, где...

«Взывающие рассматривают вопросы нарушения закона вместе с обычными судьями... мне с ними лучше не встречаться».

От внезапного озарения, что нас наверняка ждёт встреча с Взывающими, я едва не споткнулась, но Джастер снова неуловимым движением прижал мой локоть к себе и я справилась, ничем не выдав своего замешательства.

Я вновь украдкой покосилась на Шута. Синяя ткань тал-лисама скрывала лицо, но лунные глаза были полны покоя и безмятежности.

Знал он нашу судьбу или нет, и чтобы он ни задумал, Джастер не сомневался и не боялся будущего.

И эта его вера придавала сил и мне.

Дорога к дворцу эмира заняла не так много времени. Люди при виде нашего отряда разбегались в стороны, но я не слышала, что они говорили, если говорили — слишком далеко, да и шумно было вокруг.

Уже скоро мы вышли на широкую улицу, вымощенную камнем, а по ней на широкую площадь, где я увидела высокую стену с закрытыми воротами. Из-за стены виднелись голубые купола с золотыми звёздами. А вот шпилей чёрного храма я не заметила.

Может, этот суд обойдётся без служителей Сурта? Ведь Джастер не хочет, чтобы тайна Ашу Сирая была раскрыта, а любой Взывающий сразу поймёт, кто перед ним, так он

сказал...

В следующий миг мне стало не до размышлений.

Огромные ворота приоткрылись, и нам навстречу выехал вооружённый всадник в богатой одежде. Садир поднял руку, останавливая своих воинов и дожидаясь всадника. Я остановилась, и Шут едва склонил голову, давая понять, что он меня слушает. Я тихо прошептала Джастеру о том, что происходит. Он едва заметно кивнул. Наша охрана косилась, но никто ничего не сказал. Похоже, в парне я куда больше походила на поводыря слепого калеки, чем на женщину маджан, умеющую сражаться не хуже мужчин.

— Что происходит, Садир? — громко спросил всадник, гарцуя на своём скакуне. — Неужели ты решил вспомнить своё прошлое и взять дворец эмира штурмом? Не слишком ли мало у тебя воинов для этого?

Садир громко рассмеялся незатейливой шутке, и наши стражники подхватили смех.

— О нет, досточтимый Касим! У меня есть то, что обрадует нашего повелителя!

Всадник посмотрел вверх голов окруживших нас воинов и снова рассмеялся.

— Я вижу, ты привёл слепого «духа пустыни» и его дикую кошку, о которых говорят на улицах? Воистину, Тёмноокий благоволил тебе сегодня, Садир! Эмир будет рад этому развлечению!

С этими словами всадник развернул коня и поскакал обратно к воротам. Садир махнул рукой, подавая знак, и мы с Джастером пошли навстречу нашей судьбе.

Если бы не тревожные мысли и дни, проведённые в «тени», наверное, я бы застыла на месте с открытым ртом, как деревенская девчонка, поражённая размерами и великолепной отделкой дворца эмира.

Однако я уже успела многое увидеть, и давно поняла, что здесь было принято украшать дома внутри намного богаче и искуснее, чем они выглядели снаружи. Впрочем, даже вновь поднявшаяся тревога за нашу судьбу не мешала мне поражаться размерами, богатством и красотой отделки дворца.

Дворец был огромен. Мы прошли через широкий, с целую площадь, двор, украшенный цветами и деревьями, затем вошли под своды широкой и высокой галереи, каменные колонны которой были выточены из голубого и белого камня, а арки и стены покрыты искусными узорами.

Наших охранников сменила дворцовая стража во главе с тем самым Касимом, и только торжествующий Садир всё также шёл вместе с нами. Каменный узорный пол приятно охлаждал ноги через подошвы сапог, а посох Джастера мерно и негромко постукивал, словно мы мирно прогуливались, а не шли на суд эмира.

Мы миновали огромный пустой зал, в котором высокий потолок подпирали множество тонких колонн из полированного дерева, и вошли в другой зал, двери которого охраняла стража.

Там нас уже ждали.

Сам зал был не так велик, как предыдущий, — в длину и ширину он не превышал пятидесяти шагов, — зато очень богато украшен. Пол, потолок, стены — всё было в изящных цветочных узорах, золотые светильники были на стенах и стояли в нишах, высокие арочные окна завешаны тонкими прозрачными тканями. Напротив входа — возвышение, к которому вели три ступени, на них — золотой трон, усыпанный драгоценными камнями. На троне восседал сам эмир — пухлый человек, в одежде, чью цену я не смогла бы назвать даже

приблизительно, потому что ткань была заткана серебром и золотом, и расшита драгоценными камнями. На голове эмира красовался огромный белоснежный тал-лисам, украшенный алым камнем и ярким, красивым пером какой-то птицы.

У ступеней трона с каждой стороны сидели несколько мужчин в богатых одеждах. Когда мы вошли и двери за нами закрылись, один из мужчин поднялся и с поклоном обратился к эмиру.

Советник долго и витиевато распинаялся о преступлениях презренного сына песка и ветра, обвиняя Джастера в том, что он провозгласил себя элрари и вёл непростительные речи про султана и эмира. Эмир лениво зевал, делая вид, что слушает, задумчиво поглаживая жидкую бороду, и оживился только к концу речи, когда советник предложил устроить суд и казнь немедленно.

Всё это время Садир украдкой бросал торжествующие взгляды на Шута, но тот по-прежнему не высказывал ни малейшего следа страха или тревоги. Я же поняла, что начальник городской стражи не раскрыл своему эмиру, кто такой Джастер на самом деле. Выходит, своё прозвище Садир получил не зря и намеревался после казни получить награду султана за голову Машнун-Маюты единолично...

— Что ж, мудрейший Ингумах, нам всё понятно, — эмир сел. — Какую казнь ты предлагаешь для этого преступника?

Советник не успел ничего сказать.

— Есть ли здесь Взывающий к Тёмноокому? — внезапно и громко спросил Шут.

— Зачем он тебе, слепец? — эмир удивился настолько, что жестом остановил нашу охрану. — Мы судим тебя за твои преступления перед лицом нашего султана.

— Я слышал, что по приказу султана на любом суде должен быть служитель Сурта, — спокойно ответил Джастер. — Иначе приговор не считается законным.

Лицо эмира недовольно скривилось, но он всё же махнул рукой, подзывая слугу.

— Скажи мудрейшему Байрузу, что мы желаем видеть его на этом суде. И пусть поспешит, приближается обед, а этот злодей и преступник ещё не осуждён.

Взывающий явился довольно скоро. В чёрной мантии, с полумесяцем на груди, капюшон не скрывал молодое надменное лицо. Всем своим видом он выражал недовольство и высокомерие.

— Эмир благодарит почтенного Байруза за то, что он почтил своим визитом этот суд, — сказал ему Ингумах. — Мы судим этого «духа пустыни», преступника, провозгласившего себя элрари, за его лживые и непочтительные речи.

Я же смотрела на фигуру в чёрном и не могла понять, почему это служитель Сурта так спокойно и пренебрежительно смотрит на Джастера. Шут же говорил, что любой Взывающий сразу поймёт, что он Ашу Сирай...

Но ничего спросить, как и шепнуть Джастеру о своих наблюдениях я не могла.

— Мой повелитель, Взывающий к Тёмноокому здесь, — тем временем продолжил советник. — Теперь приговор будет законен. Желает ли ты что-то сказать в своё оправдание, презренный сын песка и ветра?

— Желаяю, — ответил Шут и тут же продолжил: — Кто из почтенного суда будет отрицать, что Сурт Тёмноокий имеет божественных мать и отца? Кто будет отрицать, что Тёмноокий — почтительный сын своих родителей? Кто будет отрицать, что за беспристрастное следование своему долгу он стал Повелителем жизни и смерти людей?

— Никто не станет этого отрицать, слепец! — раздражённо воскликнул Взывающий. — Зачем ты говоришь нам то, что известно любому разумному человеку?!

— Верно ли я понял, что никто не станет отрицать, что Великая Мать Мира является матерью Тёмноокого Сурта и он получил свою силу из её рук? — невозмутимо продолжил Шут.

— К чему ты клонишь? — напрягся и Садир, чуя подвох. Точёные ноздри расширились, а чёрные глаза горели огнём. — Уж не желаешь ли ты стать служителем Тёмноокого, надеясь избежать заслуженной смерти? Разве у тебя есть дар, чтобы служить ему?

Я снова покосилась на Шута. Он же говорил, что не станет прятать свой дар! Тогда почему...

— Народ маджан почитает Великую Мать и Небесного Отца, и уважает их детей, но не служит им, — спокойно ответил Шут. — Я служу Великой Матери, и я покинул земли маджан, исполняя её волю.

Лица Садира и Взывающего слегка потемнели, и я поняла, что эти двое уже догадались, куда клонит Джастер.

— Воля Великой матери — закон для её детей. Тёмноокий не станет мешать тому, кто исполняет волю его матери, но безжалостно покарает тех, кто препятствует этому исполнению. Поэтому я хочу спросить мудрейшего эмира, готов ли он и все, здесь присутствующие, заплатить такую цену?

— Ты... ты лжёшь, Безумный Джасир! Ты хитрее любого лиса! — вскричал Садир. — Ты играешь словами и прячешься за богов, чтобы избежать возмездия за свои дела!

— Здесь есть тот, кто может подтвердить или опровергнуть мои слова, — спокойно ответил Шут. — Разве не за этим здесь Взывающий?

Советники стали переглядываться и один из них что-то зашептал на ухо эмиру. Эмир согласно закивал.

— Мы думаем, что ты тянешь время, ничтожный сын песка и ветра, однако, в твоих словах есть истина! Скажи же нам волю Тёмноокого, о мудрейший Байруз! Как нам покарать этого презренного лжеца за его слова? — провозгласил повелитель Арсаниса.

— Пусть принесут жертву для Тёмноокого! — торжественно сказал Байруз.

По знаку эмира слуги внесли в зал треножник, на котором стояла жаровня с углями. Ещё двое слуг принесли чёрного петуха. Петух вращал глазами, но не вырывался, так как крылья и лапы у него были крепко связаны.

Байруз достал из своей одежды кожаный мешочек, зачерпнул из него горсть какого-то порошка и бросил в огонь, что-то неразборчиво шепча. Уголья полыхнули, вверх поднялись струйки густого белого дыма, скрывшие от меня Взывающего. Чёрный петух исчез в протянутой руке Взывающего, а затем уголья зашипели, когда на них плеснула кровь. Чёрная обезглавленная тушка упала на украшенный узорами пол.

— Тёмноокий соблаговолил выслушать нас, — громогласно и грозно сообщил Байруз. — Дай свою руку, презренный. Твоя кровь станет жертвой Тёмноокому. Он явит мне знаки, и я оглашу его волю.

— Да будет так, — спокойно сказал Шут, но мне почудилась в его голосе улыбка.

Великие боги... Неужели он...

Джастер протянул руку, сверкнул нож, и на угли плеснуло алым и... золотым. Я не успела подумать, что это было: удивительная кровь Джастера или случайные искры, когда в жаровне загудело, и вверх взметнулся столб пламени, увенчанный чёрным дымом. Байруз,

советники и даже наша охрана отшатнулись прочь и, судя по страху и недоумению на лицах, это был совсем не тот знак, которого они ждали.

Джастер же зажал ладонью рану на запястье, и стоял спокойно и невозмутимо, только лунные зрачки отливали серебром. А я второй раз в жизни видела, как чёрный дым складывается в фигуру огромного наймара с витым рогом во лбу. Вокруг разливалось ощущение огромной и грозной мощи.

Поражённые невиданным доселе зрелищем, люди, бледные и испуганные, стояли, застыв как столбы. Не знаю, к какой воле тёмного бога они привыкли, но точно не ожидали, что он явится во дворце эмира во плоти.

— ПОВЕРИТЬ НЕ МОГУ, НЕУЖЕЛИ ТЫ, НАКОНЕЦ, НАУЧИЛСЯ ВЕЖЛИВО АШУ СИРАЙ? — прогремел густой голос Сурта. — ЗАЧЕМ ТЫ СНОВА ПОБЕСПОКОИ МЕНЯ?

Огромный наймар утвердился дымными копытами на каменному полу, нависая над мной и Шутом.

— В этот раз не я побеспокоил тебя, а твои преданные, — невозмутимо ответил Джастер, подняв невидящий взор навстречу наймару и ничем не выдав своих мыслей по поводу имени, раскрывшего его тайну. — Эти люди хотят казнить меня и решили узнать твоё мнение об этом. Где-то здесь должен быть твой преданный, который принёс мою кровь тебе в жертву.

— ЧТО-О?! — искренне изумился наймар. — КАЗНИТЬ ТЕБЯ?! ВОПРЕКИ МОЕЙ ВОЛЕ?! ПОЧЕМУ ГОВОРЯЩАЯ С МАТЕРЬЮ НЕ...

Джастер слегка развёл руками, прерывая Сурта и еле заметно улыбнулся.

— Думаю, в этом городе люди несколько... растеряли свою веру, — сказал он. — Я мог бы объяснить им сам, но решил, что это... будет не правильно. Они всё же твои преданные, а не мои.

На мгновение мне показалось, что в этих словах мелькнула едва уловимая насмешка и что я уже слышала что-то похожее, но вокруг мгновенно потемнело — наймар гневно вскинул голову, и туманная грива накрыла сумраком зал. Испуганные стражники побросали оружие и попадали на колени, закрывая головы руками. Советники не отставали и даже эмир сполз со своего трона и упал на ступеньки, не считая зазорным поклониться разгневанному богу. Кончик витого рога прошёлся по росписи потолка, осыпая на них куски цветной штукатурки, огненные глаза налились густым вишнёвым пламенем, чёрное копыто ударило в пол, разбивая каменные узоры на огромную паутину трещин.

— РАСТЕРЯЛИ ВЕРУ, ГОВОРИШЬ?! ДА, Я ВИЖУ! ЭТО НЕ МОЙ ХРАМ!

Новый удар копыта обрушился на каменный пол, и дворец содрогнулся от мощи гнева, которую излучал Сурт. Тонкий хвост взвился и плетью хлестнул по стенам, вызвав дождь из осколков плитки, каменной крошки и настенных светильников.

— КТО ЗДЕСЬ ОСМЕЛИЛСЯ ОСКОРБИТЬ МЕНЯ И НАРУШИТЬ МОЮ ВОЛЮ?! ПРОВЁЛ ЭТОТ ОБРЯД?!

— Й...йа... — испуганно прохрипело где-то за жаровней, которая просто чудом не опрокинулась. — Мой повелите...

Огромная морда в один миг оказалась над Взывающим, который распластался на полу, закрыв голову руками.

— ТЫ НЕ ПРОХОДИЛ ПОСВЯЩЕНИЯ. — Огромные ноздри шумно выдохнули воздух, отчего одежда Взывающего затрепетала тряпкой. — И ТЫ НЕ СМОЖЕШЬ ЕГО ПРОЙТИ!

ТЫ ДАЖЕ НЕ ВИДИШЬ ВЕЛИКИЙ ДАР ТЕХ, КОГО ПО НЕДОМЫСЛИЮ СОБРА СУДИТЬ! НО ТЫ ПОСМЕЛ НАДЕТЬ МОЙ ЗНАК! КТО ТЫ? ОТКУДА ТЫ ЗНАИ РИТУАЛ ПРИЗЫВА?!

— Йа-аа Б-Байруз, о мой повелитель! — испуганно залепетал несчастный, ударяясь лбом о каменный пол. — Я всего лишь послушник! Клянусь, о Повелитель Жизни и смерти я не хотел ничего плохого! Настоятель Фарид сильно болен, он отправил послание в Онферин, Верховному Взывающему Ёзефу, но пока ответа не было, и эмир приказал мне...

— ИЗОБРАЖАТЬ ТОГО, КЕМ ТЫ НЕ ЯВЛЯЕШЬСЯ, ЧТОБЫ ВЫДАВАТЬ СВ ПРИКАЗЫ ЗА МОЮ ВОЛЮ?! — Разгневанный наймар поднял голову, и вишнёвые глаза двумя лучами впились в сжавшуюся у ступеней трона пухлую фигурку. — ТАК ВОТ КТО ЗАБЫЛ СВОЁ МЕСТО И ВОЗОМНИЛ СЕБЯ ВЫШЕ МЕНЯ И МОЕГО ГОЛС НИЧТОЖЕСТВО!

Эмир затрясся и попытался отползти за трон, но огромное копыто опустилось и поднялось, с влажным хрустом оставив на полу золотую лепёшку, из-под которой растекалось кровавое пятно. Тёмноокий безжалостно карал тех, кто нарушал его законы.

— А ТЫ, БЕСПОЛЕЗНЫЙ ЧЕРВЯК, ПОСМЕЛ НАЗВАТЬ СЕБЯ МОИМ ВЗЫВАЮЩ И ПРОВЕСТИ СВЯЩЕННЫЙ ОБРЯД ВНЕ ХРАМА?!

Огромная морда наймара вновь обратилась к послушнику и бедняга, бледный как молоко, тряпкой осел на пол, лишившись чувств и сознания.

— Я рад, что ты наводишь порядок среди своих преданных, о Повелитель жизни и смерти, — неожиданно вмешался Джастер прежде, чем огромное копыто успело опуститься на бесчувственного Байруза и раздавить его. — Но время не ждёт. Я должен идти, чтобы исполнить обещанное.

Наймар покосился вишнёвым глазом на дымящуюся жаровню, беднягу послушника и кивнул. Значит, всё это время Джастер подпитывал этот крохотный алтарь своей силой.

— ИДИ И ИСПОЛНИ ЧТО ОБЕЩАЛ, АШУ СИРАЙ! МЫ ЖДЁМ! — прогремело сводами полуразрушенного зала в последний раз, и Тёмноокий исчез.

Вместе с этим зал снова наполнился солнечным светом. Стражники и советники осторожно поднимали головы, не веря, что гнев Тёмноокого миновал их.

Шут поддёрнул рукав, скрывая свежий порез на запястье, едва затянутый корочкой. Вокруг нас люди поднимались и оглядывались, поражённые до глубины души не только явлением Сурта, но и его безжалостной расправой над эмиром. Чёрный, словно выжженный в камне, отпечаток копыта вокруг раздавленного тела не оставлял никаких сомнений в божественной каре.

И я вдруг подумала, что очень много лет они верили в существование Сурта как... в сказку, детскую страшилку, и никак не ожидали, что сказка вдруг станет ужасной былью у них на глазах

— Идём, отун, — негромко сказал Джастер, беря в руку посох.

Я кивнула, но не успели мы развернуться и сделать пару шагов к выходу, как нам заступил дорогу Садир с мечом в руке.

— Стой, Машнун-Мают! — Его чёрные глаза горели нездоровым огнём. — Стража! Взять этого преступника! Он убил эмира!

Стражники уже поднялись с колен, но мрачно и хмуро переглядывались и не спешили выполнять приказ. Однако Садира это ничуть не смущало.

— Ты не уйдёшь от моего справедливого возмездия, Машнун-Мают! — Он

торжествующе рассмеялся. — И все твои хитрости тебе не помогут! Подумать только, ты — ещё и Ашу Сирай! О, султан дважды щедро наградит меня за твою поимку! Я буду величайшим хази в истории!

Джастер не успел ничего ответить, как двери распахнулись и в зал ворвались вооружённые люди во главе с молодым мужчиной в богатой одежде. Увидев разрушения и то, что осталось от эмира, они потрясённо замерли.

— Отец... — предводитель новых стражников медленно подошёл к разрушенному трону, побледнел и отвернулся, зажав рот и явно сдерживая позывы желудка.

— Мой принц... — робко обратился к нему кто-то из приближённых погибшего эмира, но больше ничего не успел сказать.

— Это всё он, мой принц! — закричал вдруг Садир, указывая острием меча на Шута. — Это Машнун-Мают, Ашу Сирай! Это из-за него погиб ваш отец!

— Ашу-Сирай?! — Брови принца изумлённо взлетели вверх, пока он разглядывал наряд Джастера. — Машнун-Мают?!

— Да, мой повелитель! — Садир едва ли не смеялся от радости. — Тот самый негодяй, за голову которого султан снова сделает меня своим любимым хази! Я поймал его и привёл на суд к вашему отцу, нашему повелителю, но этот мерзавец...

— Люди забыли, что богов нужно не только чтить, но и исполнять их волю, — невозмутимо перебил Шут. — Садир, сын Рахама, начальник городской стражи, не послушал меня и нарушил волю Сурта. Слеплённый жаждой мести и желанием славы, мечтая единолично получить награду из рук султана, он не сказал эмиру, кто я, и навлёк божественный гнев на эмира. Тёмноокий явился и покарал тех, кто забыл о своём долге. И на вашем месте я не стал бы испытывать его терпение ещё раз. Как и моё.

Принц покосился на то, что осталось от трона, и по его жесту стража окружила нас вместе с довольно ухмыляющимся Садиром.

И снова я не успела ничего сказать, потому что принц склонился и выслушивал одного из советников, который что-то торопливо шептал ему на ухо. Взгляд принца падал то на погасшую жаровню, то на Байруза, всё его не пришедшего в себя, то скользил по разрушенному залу и мрачным стражникам. Темные брови сошлись к переносице и весь вид наследника не сулил ничего хорошего.

— Стража! — Принц дослушал советника, выпрямился и повелительным жестом указал на нас. — Схватить Садира и заковать в кандалы! Он обвиняется в смерти моего отца!

— Ч-что? — Садир недоуменно уставился на нацеленные на него со всех сторон копья. — Мой повелитель! Это ошибка! Я ни в чём не виноват! Это все Машнун-Мают, он обманывает вас! Он хитёр, как тысяча степных лисиц! Вы должны казнить его! Это он разгневал Тёмноокого!

— Тёмноокий запретил трогать того, кто носит имя Ашу Сирай, — едва дрогнувшим голосом произнёс принц. — Это знает даже ребёнок. А ты нарушил его волю, и навлёк гнев Повелителя жизни и смерти на моего отца! Я приговариваю тебя к пыткам и казни через четвертование завтра на рассвете!

Острия копий упёрлись в ошеломлённого таким поворотом Садира и он безропотно позволил забрать у себя оружие.

— Уходи, Ашу Сирай, — дрогнувшим голосом приказал принц. — Ты вестник бед и несчастий! Уходи, а я буду молить Тёмноокого, чтобы твоя нога никогда больше не ступала на улицы моего города!

— Мир скоро изменится и никто не останется в стороне от этого, — громко и внушительно произнёс Джастер в ответ. — Людям придётся вспомнить многое из того, что было забыто. Многие падут, многие возвысятся, и этот выбор будет в руках каждого.

Под потрясённое молчание он еле заметно потянул меня за руку, и я пошла к распахнутым дверям, стараясь не слушать отчаянные вопли и крики Садира, проклинавшего Шута, себя, Тёмноокого и этот день, пока стражники волокли бывшего начальника в темницу.

Стоит ли говорить, что мы беспрепятственно покинули дворец эмира?

На площади перед дворцом было пусто, и я остановилась, вдруг поняв, что не знаю, куда идти дальше. Сюда нас привели стражники, а я была слишком взволнована и занята своими мыслями, чтобы запоминать дорогу.

Спросить путь у прохожих я тоже не могла, чтобы не нарушить глупые законы этой страны. Хватит с меня правосудия на сегодня.

— Янига? — негромко спросил Джастер. — Что случилось?

— Я не знаю дороги обратно, — ответила я, крепче прижимаясь к его локтю. — И ещё... Мне страшно, Джастер.

— Не бойся, — он легко сжал мою руку. — Всё будет хорошо. Идём. Я помню дорогу. Просто смотри вокруг, чтобы мы не столкнулись с другими людьми.

Ошеломлённая таким заявлением я молча кивнула, и мы пошли по широкой улице прочь от дворца.

До дома Назараида мы, в самом деле, добрались довольно быстро. Джастер шёл не спеша, иногда останавливаясь, поднимая голову к солнцу и подставляя под лучи то одну щеку, то другую. Затем он говорил повернуть направо или налево. В остальном он по-прежнему проверял дорогу посохом и надеялся на меня, чтобы избежать столкновений с прохожими. Как ни странно, на нас почти не обращали внимания. Иногда я ловила сочувствующие взгляды других женщин и заинтересованные мужчин, но никто не подошёл к нам и не предложил свою помощь. Почему-то никто не заподозрил в Джастере того самого «духа песка», слухи о котором успели разнестись по городу.

А может, все уже знали, что стражники, по приказу эмира, схватили слепого элрари, и никто не ждал увидеть его живым и не спеша прогуливающимся по улицам города?

Что бы там ни было, когда мы оказались перед воротами дома Назараида, слуги уставились на нас, как на вернувшихся с того света. Заслышав их крики, Назараид сам выбежал во двор, и замер как столб, потрясённо глядя на Шута.

Джастер же стоял, подставляя лицо солнцу, и молчал. Очень скоро я поняла, что он ждал. Точнее — кого.

Бахире не было дела до законов чужой страны. Она выбежала из дверей дома, всплеснула руками и кинулась к нам.

— О, Джасир! — руки Сновидицы обняли Шута, из глаз текли слёзы. — Мой сын вернулся...

— Всё хорошо, ами, — улыбнулся в ответ Джастер. — Я же говорил: верь мне.

Бахира подняла на него счастливые глаза, промокнула слёзы кончиками пальцев, и кивнула, ласково погладив лицо Джастера, а затем обернулась ко мне.

— О, Яния!

Радостная и счастливая, она крепко обняла меня, а я опешила, потому что никто и

никогда прежде не радовался так моему возвращению...

— П-почтенный Д-джасир... — бедняга Назараид, пришёл в себя и шагнул к нам. Весь его вид говоорил о том, что он очень растерян и не знает, что сказать. — Я...

— Твоей вины в случившемся нет, добрейший Назараид, — спокойно ответил Джастер. — Всё что случилось — случилось по воле Великой Матери. Но я больше не могу принимать твоё гостеприимство. Мой долг зовёт меня в путь. Поэтому прошу тебя позаботиться о том, чтобы наши кони и вещи были готовы к дороге как можно скорее.

— Конечно, конечно, о мудрейший Джасир! — обрадованно закивал хозяин дома. Слова Шута про волю Датри словно сняли с него груз вины. — Я немедленно распоряджусь!

Он тут же хлопнул в ладоши и слуги, наблюдавшие за разговором, поспешно засуетились, кинувшись кто в дом, а кто в конюшню.

— Могу ли я предложить почтеннейшему элрари завтрак? — робко поинтересовался Назараид, а я вспомнила, что мы с утра так и не поели. В животе тихо забурчало, и я надеялась, что парн приглушит эти некрасивые звуки.

— Боюсь, что не смогу принять твоё предложение, — спокойно ответил Джастер. — Небесный отец уже высоко поднял свой щит. Я должен спешить. Но я буду благодарен, если твои слуги позаботятся не только о наших лошадях, но и о еде для меня и моей семьи в дорогу.

— Непременно! — торопливо воскликнул Назараид. — Непременно!

Пока он отдавал распоряжения и поторапливал слуг, мы так и ждали во дворе, укрывшись от солнца в тени галереи. Джастер не пожелал заходить в дом, и я понимала его нежелание. Бахира сама принесла его меч из комнаты и проследила, чтобы все наши вещи были погружены на мула вместе с запасами овса, еды и воды.

Когда всё было готово, и мы сели верхом, Назараид, который всё это время скрывал своё беспокойство за хлопотами, снова осмелился обратиться к Шуту.

— Да простит элрари мою грубость и непочтение, — он вежливо поклонился, хотя Шут не мог этого видеть, — но могу ли я надеяться на милость и услышать ответы на вопросы, которые мучают меня?

— Тебе ничего не угрожает, добрейший Назараид. — спокойно ответил Джастер. — Ответы на остальные вопросы ты скоро узнаешь. Я же дам тебе совет: оставайся в этом городе и ничего не бойся. Тогда ты не потеряешь то, что имеешь, а приумножишь нажитое.

На лице хозяина дома отразилось недоумение, но он снова поклонился.

— Благодарю тебя за совет, о мудрейший Джасир. Но прошу тебя, скажи, что же мне делать с Кайрой? Я поклялся её отпустить, но она не желает покидать мой дом даже с обещанными двадцатью талантами! Как мне поступить, чтобы не нарушить своей клятвы и не прогневать Тёмноокого?

— Ты не давал клятву его именем в этом, добрейший Назараид, — спокойно сказал Шут. — Раз она не желает быть свободной женщиной, отдай её тому, кто возьмёт её в жёны. Но он должен знать, что она носит под сердцем чужое дитя и должен обещать воспитать его, как своего сына.

Назараид не успел ничего ответить, как в дверях показалась красивая молодая женщина. Точнее, она была бы красивой, если бы не покрасневшие глаза и опухшее от слёз лицо с разводами краски. Не обращая внимания на изумлённого хозяина дома, она отчаянно и решительно кинулась к Огоньку.

Я опять не успела ничего сделать, Бахира опередила меня. Рыжая лошадь взвилась на

дыбы, и женщина испуганно прынула назад, упав на землю. Оточенным движением Пламя опустила передние копыта по обе стороны от упавшей. Кайра испуганно замерла, дрожа под остриём саберона, смотрящего ей в лицо.

Бедный Назараид в который раз за день побледнел, наверняка в очередной раз жалея, что встретил на своём пути «духов пустыни».

— Что случилось, ами?

— Лживая змея хотела прикоснуться к тебе, сын мой, — Бахира гневно смотрела на Кайру, чьи плечи содрогались от плача и страха. — Ей мало того, что она уже получила! Она!..

— Постой, ами. — Джастер повёл рукой, и Бахира послушно отъехала в сторону, открывая рыдающую на земле Кайру.

— Ты наказана за свою злобу, зависть и ложь, — спокойно и холодно сказал Шут, невидяще смотря прямо на жертву моего проклятия. — Когда твоё сердце и мысли станут чисты и правдивы, тогда очистится твой язык, и ты вернёшь себе дар речи.

Кайра подняла голову, в её глазах неверие сменилось злостью, но она тут же снова схватилась ладонями за рот и опустила голову. Её плечи снова затряслись, а в пыль закапали слёзы.

— Мне пора в путь, почтенный Назараид, — Джастер не собирался задерживаться. — Да будут благословенны твои дела Великой Матерью.

— Да будет с тобой милость Тёмноокого, почтеннейший Джасир, — пробормотал нам вслед хозяин дома.

Мы покинули Арсанис на удивление спокойно, хотя город начинал гудеть, как растревоженный улей.

Правда о суде над Ашу Сираем, явлении самого Тёмноокого и смерти эмира успела измениться до неузнаваемости. Я слышала тревожные разговоры о том, что дворец эмира рухнул, а что город и все его жители прокляты. Кто-то кричал о гнев Тёмноокого, кто-то — о божественной каре и конце несправедливых законов эмира, кто-то о проклятии Ашу Сирая...

Стражники пытались навести порядок, а я думала о том, что Шут в который раз оказался прав. Завеса истончалась и мир вокруг действительно менялся.

Я не сомневалась, что всё случившееся очень скоро станет известно по всей Сурайте и Джастер больше не сможет скрываться под безликой маской.

Но, кажется, его это несколько не волновало.

Самоназванный провидец и вестник перемен невозмутимо ехал впереди меня, снова закрыв лицо концом синего, как небо, тал-лисама. Люди прятались и убегали, едва завидев нас, а стражники на воротах укрылись в караульном помещении и ни один не посмел выйти навстречу Джасиру и его спутницам.

«Я посеял ветер, чтобы родился ураган...»

«Мир скоро изменится и никто не останется в стороне от этого...»

Оглянувшись на сверкающие стены потерявшего покой Арсаниса, я вдруг подумала, что Джастер больше не скрывается от людей и очень щедро сеет свой «ветер», поднимая вокруг себя настоящую бурю.

Луна Сильных Гроз — хорошее время, чтобы завершить важные дела, да?

Я покачала головой, впервые начиная понимать, что замысел Шута намного, намного

больше, чем помочь мне разобраться с Вахалой и победить своего врага.

46. Неожиданный разговор

Когда мы выехали за ворота, Джастер негромко сказал найти на дороге развилку и свернуть туда, а заодно попросил пришпорить лошадей.

— Нужно найти спокойное место для ночлега подальше от города, — пояснил он. — Через реку лучше переходить днём, но сегодня мы не успеем добраться до переправы. Если увидишь впереди караван — скажи мне.

— Хорошо, сын мой, — кивнула Сновидица и пришпорила Пламя, переходя с шага на рысь.

Скоро мы ехали по довольно узкой ухабистой дороге среди каменистых пригорков, поросших цепким кустарником и невысокими деревьями. Огонёк, недовольная короткой пробежкой, фыркала и махала хвостом, но Бахира решила, что разумнее поберечь лошадям ноги, а нам шеи, и рыжая лошадь снова перешла на шаг. Джастер больше ничего не говорил, а я смотрела порхающих над кустами мелких белых бабочек, слушала прерывистые резкие трели незнакомых птиц, глядела на облака, и пыталась думать о том, что вечером может пойти дождь.

Думать о том, что случилось в Арсанисе, совсем не хотелось, но случившееся во дворце эмира не выходило у меня из головы.

Джастер снова всех перехитрил.

Вот почему он согласился пойти во дворец эмира. Он знал, что Взывающий непременно скажет эмиру, что перед ним Ашу Сирай, и тот нас отпустит, потому что побоится идти против воли Сурта. И когда Шут не услышал своего прозвища, то вынудил самозванца провести ритуал и сам вызвал тёмного бога.

А разгневанный Сурт не только раскрыл тайну маски Джастера, но и покарал тех, кто нарушил его волю...

«Я мог бы объяснить сам, но это твои преданные...»

Это он пошутил, конечно. Кто бы поверил какому-то «духу пустыни», да ещё и слепому, что он посланец самой Датри? Уж точно не эмир, и его послушная игрушка Байруз, не способный даже увидеть великий дар Ашу Сирая...

«Великий дар тех, кого ты собрался судить...» — внезапно прогремело у меня в голове. — «Говорящая с матерью...»

Дар тех, кого... говорящая с... ма...

Но ведь там был только Шут и... я?! Это у меня великий дар? Это я — говорящая с... с ДАТРИ?!

Ошеломлённая внезапным пониманием, я натянула поводья так резко, что Ласточка чуть не споткнулась и недовольно фыркнула.

— Что случилось, Янига? — спросил Шут, едва повернув голову в мою сторону.

— Джастер... — я сглотнула, набираясь решимости для вопроса. — Это... это правда?!

— Что именно, ведьма? — он приподнял бровь. Бахира за его плечом смотрела на меня с недоумением.

— Что я... что у меня великий дар и я голос Датри?!

Джастер оглянулся, лунные глаза в обрамлении тёмно-синей ткани смерили меня невидящим задумчивым взглядом. Но я не успела ничего сказать.

— Ты только что это поняла? — неожиданно хмуро сказал он в ответ. — Твой дар,

каким бы он ни был, зависит от тебя. Кому много дано — с того много и спросится. Если ты к этому готова — то бери свою жизнь в свои руки, смело иди по своему пути и всё узнаешь сама. Если нет — пеняй на себя.

Он отвернулся, давая понять, что разговор окончен.

Дальше наш путь проходил в молчании. Бахира вела нас вперёд, Джастер молчал, а размышляла о том, как Шут в очередной раз перевернул мой мир.

Конечно, я не думала, что он скажет «твой дар высотой с иву», или «с яблоню», «ты избрана Великой Матерью», но и такого ответа тоже не ожидала.

Изнутри толкнулась ласковая волна силы, а по спине пробежал холодок, и меня в который раз за короткое время накрыло пониманием.

Всё, что было сказано во дворце эмира — правда.

У меня великий дар и я говорящая с Датри...

Я не могла уложить это в голове и в то же время знала, что это так. Джастер мог о многом промолчать или шутить надо мной, но Сурт Тёмноокий не считал тайной ни маску Ашу Сирая, ни мой дар. И у него не было причин скрывать это от... своих преданных.

Боги уважали, берегли и ценили свои Голоса.

«Говорящий с богом или богиней — это особенный человек... он должен быть посвящён в силу и служение своему богу... в моменты призыва он добровольно становится сосудом для своего божества, отдавая свою свободную волю и своё тело в его руки...»

«Датри подсказала тебе ответ».

«Какая сила — такое и посвящение, ведьма...»

«Чем чаще ты обращаешься к ним — тем чаще тебе отвечают...»

Сколько раз я обращалась в своих молитвах к Датри, прося о несбыточном? Сколько раз просила её помочь мне или помочь Джастеру?

И Великая Мать откликалась. Откликалась каждый раз, когда это было действительно важно. И тогда я открывала рот и говорила что-то такое, что остужало гнев Шута, и он соглашался выполнить мою просьбу.

«Жаль, что ты не служишь мне...»

«Я служу Великой Матери...»

Но он никогда, ни разу, не...

В один миг я вдруг вспомнила, как Шут вставал и уходил в лес играть по ночам, когда на небе была полная луна. Как рассказывал мне о Великих Богах и знакомил с их силой на берегу лесного озера. Как пел людям песни про сотворение мира и Божественную Пару. Как смотрел в небо и словно прислушивался к кому-то. Как играл на берегу моря, а мне казалось тогда, что Датри улыбается одинокому музыканту...

Он делал и говорил всё это на моих глазах, но мне и в голову не приходило назвать это служением Матери Мира!

И он никогда не спорил, когда я открывала рот и говорила неожиданные для себя вещи. Он умел слышать голос Датри в моих словах, даже когда я сама подозревала этого.

Великие боги, как много я не понимала! Точнее, не хотела понимать, принимая все его слова и действия как... как сказку, как отговорку, как просто слова, не желая вникать в суть...

'Когда ты понял, что это серьёзно?

— Когда Датри через тебя сказала, что я знаю, что должен делать...'

Он ведь этого не скрывал. Никогда не скрывал, а я... Я не слышала и не видела того, что

было у меня прямо под носом.

Судьбы наши связаны иначе...

Вот почему он со мной. Вот почему не прогнал, терпел все мои выходки и согласился помогать во всех делах.

Я — Голос Датри, которой он служит.

Он принял меня, так же как принял Бахиру, только из-за воли Великой Матери.

Ох, глупая ты Янига, глупая...

Мне стало горько, больно и обидно. Слезы сами потекли по щекам, но под парном этого не видно, да я и не хотела, чтобы это заметили. Я поспешно вытерла глаза кончиками пальцев, чтобы не размазать краску.

Хватит реветь. Я не маленькая девочка, а взрослая ведьма.

«Бери свою жизнь в свои руки и смело иди по своему пути...»

Никогда прежде он не говорил таких слов.

Бери свою жизнь в свои руки... А разве сейчас это не так? Разве моя жизнь не зависит от меня?

«А разве зависит, ведьма?» — тут же услышала я в голове насмешливый голос.

Вопрос прозвучал так явно, что я вздрогнула и посмотрела на Шута. Но Джастер ехал впереди, и, судя по всему, был глубоко погружён в свои мысли. Ему и без меня есть над чем подумать.

Бери жизнь в свои руки... Хмм... А в чьих руках моя жизнь сейчас?

«А кому ты её отдала, ведьма?» — снова спросил ехидный голос, и я опять дёрнула поводья Ласточки от неожиданности. Лошадь фыркнула, Бахира оглянулась, но я покачала головой, давая понять, что всё в порядке и она снова обратила внимание на дорогу. Джастер даже ухом не повёл, настолько глубоко задумался.

А я ехала следом за ним, потрясённо открыв рот от осознания, что и в самом деле вручила Шуту свою жизнь. Точнее, очень хотела это сделать и никак не понимала, почему он отказывается принять меня как...

Как обузу.

Он сам решал, что и как будет делать, сам выбирал себе друзей, сам спорил с правителями и богами, и сам принимал их гнев, не подставляя за себя других. Даже потеряв зрение, он не стал слабее духом. Наоборот, даже нуждаясь в нашей помощи, Джастер оставался... вождём нашего крохотного отряда. В безвыходной ситуации он сумел не только защитить нас с Бахирой, но и победить своего врага. Он знал, куда и зачем идёт, и не сомневался в том, что сможет исполнить задуманное.

А я... Я по-прежнему не хотела решать за себя сама. Я была готова делать, как он скажет, быть ему самозваной сестрой, любовницей, кем угодно, лишь бы быть рядом с ним. За его спиной, под его защитой, с его заботой.

Я пыталась отдать свою жизнь в его руки, но Шут желал видеть рядом с собой...

Нет, не сестру и не мать. Мы с Бахирой играли эти роли лишь потому, что он их выбрал для своего плана. Бахира искренне могла считать его своим «сыном», но сам Джастер видел в ней не мать, а Сновидицу и одну из Лунного Круга. Он принял Бахиру, только подчиняясь воле Датри.

И уж точно он не желал видеть рядом с собой глупую ведьму, которая при каждом шорохе бежит к нему за помощью и защитой, как маленькая девочка к отцу. Да и любовница из меня, положила руку на сердце...

Ашу Сирай мог завести себе целый харем из красавиц куда опытнее и умнее меня, обученных не только любовным утехам, но и танцам, музыке и разным наукам. Машнун-Мают был вождём маджан, спас целый народ, и наверняка покорила сердца многих девушек этого племени. Бахира точно любила его.

Да и без того красавец-музыкант не остался бы без женской ласки, стоило ему взять лютню в руки и улыбнуться.

Но Шуту всё это было не нужно.

«Сын великой Матери открыл своё сердце людям, но не желает открыть его человеческим дочерям...»

Потому что где-то была та, что отвергла его любовь и выбрала другого мужчину. Женщина, которая взяла свою судьбу в свои руки и смело пошла по своему пути.

А он теперь шёл по своему. Исполнять волю Датри.

Каждый из них сделал свой выбор.

А я... Я всё это время так хотела получить Джастера, хотела вручить ему свою жизнь, но даже не думала, что могла дать ему в ответ? Постель? Любовь?

Но он всё это легко мог получить от любой другой женщины, если бы захотел.

«Верь в меня» — вдруг вспомнилось мне. — «Верь в меня, как верила всегда».

«Неужели ты по-прежнему мне не веришь, ведьма?»

«Янига сомневается во мне, ами...»

Ошеломлённая очередным озарением я вновь натянула поводья недовольно фыркнувшей Ласточки и посмотрела на широкую спину Джастера.

Верить. Он просил просто верить в него.

Шут верил мне и Бахире, и он ждал от нас такой же веры.

В неведомой мне Игре, Джастер уже потерял не только свою маску Ашу Сирая, но и зрение, а ведь он только вступил на этот путь.

«Верь в меня...»

Я... я верю тебе, Джастер. Верю, что в твоих руках моя жизнь была бы... в безопасности. Потому что ты себя не пожалеешь, чтобы защитить меня или Бахиру. И простых людей ты тоже будешь защищать от любого зла до последней капли крови.

Но я не хочу, чтобы ты погиб из-за глупой ведьмы, не пожелавшей взять свою жизнь в свои руки! Потому что Бахира... Она верила тебе и верила в себя. Она могла за себя постоять и была готова пожертвовать собой, защищая меня и своего названного «сына». Её жизнь была в её руках.

Но как мне поверить в себя?

Как взять свою жизнь в свои руки? Ведь не от умения владеть оружием это зависит...

Ответов на эти вопросы я не знала.

Солнце перевалило за полдень, когда Джастер решил сделать привал. Ещё немного и я сама попросила бы его об этом, так как живот все громче напоминал о себе. Бахира нашла небольшую ложбинку между холмистыми пригорками, и мы свернули с дороги.

Лошади и мул жевали невысокую траву, а мы ели мягкие лепёшки со свежими фруктами, запивая водой. Джастер привычно молчал, но от его утренней безмятежности не осталось и следа. Наоборот, он выглядел таким мрачным, каким я его не видела уже давно. Бахира кидала на нас внимательные и заинтересованные взгляды, и когда Шут отряхнул руки, она решила спросить.

— Что случилось во дворце эмира, сын мой?

Джастер вздохнул, отпил воды и вытер губы.

— Тёмноокий явился и покарал эмира за ложь и обман. Садир тоже заплатит за всё, завтра его казнят за смерть эмира. Нас никто не станет преследовать, не волнуйся.

— Вот как, — Бахира опустила голову и стиснула руки. — Надеюсь, его смерть будет мучительной.

— Каждый получит то, что заслуживает, ами, — хмуро ответил Джастер. — Это непреложный закон мира, которому подчиняются даже боги.

— А разве ты заслужил свою слепоту?! — я не успела прикусить язык и под укоризненным взглядом Бахиры виновато опустила голову. — Прости...

— Не за что, ведьма. — Джастер, как и я, перешёл на язык Эрикии. — Я уже всё сказал по этому поводу, повторять не буду.

Он не смотрел на меня, но голос... Голос принадлежал Ашу Сираю. И хотя белой маски не было, я очень хорошо представила, как сверкнули бы изумрудным узкие прорезы глаз.

Только вот носить удивительную маску Джастеру больше не придётся. Не в Сурае точно.

— Если ты недоволен тем, что Сурт всем открыл твою тайну, я-то тут причём? — тихо пробурчала я себе под нос. — Мог бы его и не вызывать...

— А ты предпочла бы отплатить бедняге Назараиду кровью за его гостеприимство?

Шут повернул голову в мою сторону, и я невольно вздрогнула, потому что его глаза были черны и холодны, как осенняя вода. Даже лунное отражение зрачков не смягчало, а только подчёркивало внезапный холод.

— Или ты жаждала утопить город в крови, пробиваясь к воротам?

Он вдруг подался вперёд, и его лицо исказилось от внезапного гнева.

— Хочешь увидеть реки крови?! Хочешь пройти по трупам, убивая всех подряд?! Сколько людей ты убила, ведьма, напости-ка мне?! Сама, своими руками, а не с помощью своих проклятий! Сколько людей умерло на твоих руках?! Сколько друзей ты похоронила, ведьма?! Сколько?! Что важного ты теряла в своей жизни?! Ну?! Скажи, ведьма!

Я испуганно отшатнулась, не понимая его внезапной вспышки ярости. А вот Бахира нахмурилась, подошла к Шуту, села рядом и неожиданно обняла его за плечи, притягивая к себе.

— Успокойся, сын мой, — она прижала его к себе и гладила по плечам и голове. — Я понимаю твою боль и гнев. Но ты сам учил нас, что пески времени легко утекают сквозь пальцы и ветер стирает старые письма, чтобы написать новые. Прошлое — прошло, и ветер перемен давно перелистнул те страницы.

— Но я всё помню, ами, — неожиданно тихо ответил Джастер, пока я ошеломлённо смотрела на невиданное зрелище. — Помню, словно это было вчера.

— Я скорблю по ушедшим вместе с тобой, Джасир. — По щеке Бахиры прокатилась слеза, но она не перестала ласково обнимать мужчину и гладить широкую спину. — Но они по доброй воле согласились пойти с тобой. Для них было честью отдать свою жизнь ради спасения нашего народа. Ты исполнил свой долг, как и они.

— Я знаю, ами.

Джастер осторожно повёл плечом, освобождаясь от объятий. Ярость с его лица исчезла и сейчас я впервые видела на нём глубокую скорбь.

— Но какой ценой...

— Ты спас мой народ, Джасир, — Бахира ласково погладила его по руке. — И каждый из них знал, за что сражался и умирал. Мы помним каждого и почитаем их подвиг. Ты сам говорил, что они стали хранителями нашего народа.

Воин кивнул и несколько минут они просто сидели молча: хмурый и мрачный Шут, опустивший голову, и Сновидица народа маджан, с печальной и в то же время удивительно ласковой улыбкой, бережно держащая грозного Ашу Сирая за руку, как мать ребёнка.

Я не смела нарушить это молчание, впервые поняв, что в Арсанисе за внешним спокойствием и безмятежностью Джастер скрывал очень тяжёлые воспоминания. Победа на неведомом мне Раймадане отнюдь не была лёгкой расправой «ведьминого пса» над разбойниками, а давняя битва объединила Шута и Бахиру куда сильнее, чем путешествие с одной ведьмой, пусть даже она была Голосом Датри.

И сколько же сил ему потребовалось, чтобы не выдать этому Садиру всё то, что до сих пор болело у него в душе...

— Не сердись на Янию, сын мой, — Бахира посмотрела на меня. — Она ещё юна, её сердце и мысли чисты. Она не хотела причинить тебе боль.

Джастер кивнул, знакомым жестом потеряв лицо.

— Да, ами. Ты права. Извини, Янига. Ты ни в чём не виновата. Я... я сам. Это тебя не касается.

Я только молча и потрясённо кивнула в ответ, а Бахира мягко улыбнулась мне, подбадривая и давая понять, что неожиданная гроза миновала.

— Куда теперь лежит наш путь, Джасир? — спросила она. — По какой тропе мы пойдём?

Шут поднял лицо к солнцу, задумчиво сощурился, подставляя лучам то одну, то другую щёку. Хмурое выражение сменялось на обычное, спокойное.

— Ничего не поменялось, ами. Мы идём в Эрикию. Я верну все свои долги.

— Но ведь мы так и не нашли караван, — негромко сказала я, настороженно косясь в его сторону: вдруг опять вспылит? — И играть тебе тоже не на чем...

К моему облегчению, Джастер спокойно кивнул в ответ.

— Да, ты права. Всё идёт не так, как я думал. Что ж, значит так нужно. Скажи, ами, как далеко мы от Белой реки?

Сновидица поднялась, и, прикрыв глаза, глубоко вздохнула, медленно поворачивая голову из стороны в сторону.

— Небесный отец опустит свой щит на пол-локтя прежде, чем мы достигнем берега, — ответила она. — Но земля под ногами наших лошадей суха, как камень, а тропа неровная и избита. Она не похожа на дорогу, излюбленную путниками, сын мой.

Джастер согласно кивал, слушая ответ.

— Так и должно быть. Это караванная тропа, которая ведёт к мосту на тот берег Белой реки, — сказал он. — Пойдём по ней, перейдём мост и окажемся в стране Яниги.

— Ты уверен? — Я недоверчиво посмотрела на дорогу, которую он выбрал. — Это не похоже на дорогу для каравана, сплошные кочки, ямы и камни. Здесь даже две лошади рядом с трудом идут, а телега никогда не проедет.

— Поэтому телеги здесь и не ездят, — усмехнулся в ответ Джастер, беря в руки посох и поднимаясь на ноги. — Они остаются на той стороне. Когда ты увидишь мост, то поймёшь сама. Мы заночуем недалеко от него.

До самого вечера Шут больше не разговаривал. Бахира привычно ехала впереди и тоже молчала, а я опять замыкала наш отряд и поговорить могла только с мулом, идущим в поводу следом за Ласточкой.

Но говорить не хотелось. Небо стало пасмурным, хотя не капало, но настроение и без того было испорчено. Как я не старалась, но не могла выкинуть из головы скорбное лицо Джастера и то, как Бахира, совершенно по-матерински, утешала его.

Мой мир, не успев утвердиться в открывшихся истинах, снова перевернулся.

Машнун-Мают, Безумная Смерть, Безликий Ашу Сирай вовсе не был настолько хладнокровным убийцей, как я думала до сих пор. Сколько раз я удивлялась его словам и поступкам, когда он всего лишь пугал других людей, даже разбойников, хотя легко мог убить их?

Теперь я получила ответ на эту загадку. После битвы на берегах Раймадана Джастер не хотел убивать. Даже разбойников он щадил, когда мог. Руки он марать не хочет, как же... Чистоплюй...

Хочу ли я увидеть реки крови...

Нет, спасибо, мне Гнилушки хватило. Даже вспоминать не хочу.

Сколько я убила своими руками...

Ни одного. Ни одного человека я не убила сама. Моё проклятие не в счёт, Джастер прав. Тогда я была глупой и перепуганной до смерти ведьмой, которая от страха ничего не соображала и хотела только одного: покарать насильников. Я не отдавала себе отчёта в том, что говорю, и какие последствия будут от моих слов.

А вот Джастер всегда знал, что делал. Он сначала пугал и предупреждал, и только потом убивал, но уже без жалости и без пощады.

Сколько умерло у меня на руках...

Тоже ни одного. А вот у Джастера... Я вдруг вспомнила, как он колдовал, спасая бездыханную Фелисию, как выносил ребятишек из сгоревших домов в Чернецах, и наверняка тоже колдовал, возвращая им жизнь и наплевав на опасность быть обнаруженным трёхглазым чудищем. Он не хотел, чтобы дети умерли у него на руках, потому что знал, как это бывает.

«...это было важнее...»

Чужая жизнь для него важнее собственной.

'- Они исполнили свой долг...

— Но какой ценой...'

Какой, Джастер? Что там произошло, что сам Ашу Сирай, безжалостно расправляющийся с разбойниками, до их пор не может это забыть?!

Сколько друзей я похоронила...

" — Кто тебя так назвал?

— Один давний друг...'

«Друг у меня был из домэров...»

Я вздрогнула, представив как это должно быть страшно — когда у тебя на руках умирает дорогой для тебя человек, а ты ничего не можешь сделать, даже будь ты хоть трижды Взывающим Тёмноокого, потому что каждая жизнь однажды заканчивается. И тебе остаётся только похоронить того, кто был тебе другом и близким человеком.

«Никогда не прощу за своего отца и своего мужа...»

Бахира тоже пережила подобное. И не только она.

«Моя девочка была чёрненькая...»

«Отец?.. Матушка?...»

«Как нету Чернецов? У меня там сестра...»

Я никогда не хоронила ни друзей, ни родных. И даже не представляла, как это тяжело. Великие Боги, да я даже за Джастера не особо переживала, когда он умирал на поляне от моего кинжала! Только о себе и думала, самовлюблённая девчонка...

Что важного я теряла в жизни, да? Х-ха...

Я покачала головой, отвечая сама себе.

Ничего я не теряла, кроме своего самомнения, гордыни и глупости. Эрдорик потерял жену и дочь. Абрациус — любимую, Михай — родителей и всю свою деревню. Бахира — отца и мужа.

Джастер...

Он потерял всё, кроме жизни. И даже её он был готов отдать за других. Потому что...

Поставил на кон больше, чем жизнь. И зрение было лишь незначительной частью этой неведомой ставки.

Да как вообще можно жить с таким грузом?! Как можно улыбаться, шутить, радоваться жизни, изображать дурачка госпожи ведьмы и петь похабные песенки, когда на душе такие раны?! Откуда он находил в себе силы...

А ведь ещё была женщина, которая его отвергла. И об этой ране он молчал также упрямо, как обо всех остальных.

Ох, Янига-Янига... Какой самонадеянной и глупой я была, когда решила что смогу легко и просто исцелить его сердце!

Но что же случилось тогда, много лет назад, на берегах Раймадана, что Джастер до сих пор не может это забыть? За что его прозвали Безумной Смертью?

Широкие плечи, скрытые плащом, даже не дрогнули от моего взгляда. Шут ехал впереди, но мыслями наверняка снова был где-то там, в прошлом, о котором я ничего не знала, но хотела узнать.

Не только ради него, но и ради себя.

Место для ночлега Бахира стала искать, когда солнце своим краем почти касалось макушек холмов. Караванная тропа пересекала узкие ручейки, петляла между каменистых склонов, поросших густым кустарником с мелкими жёсткими листьями, и невысоким разнотравьем. Все растения были мне незнакомы, но спрашивать у Джастера, есть ли среди них полезные для моих зелий, я не решилась. А он сам явно был занят совсем другими мыслями.

Лагерь мы разбили в стороне от дороги, укрывшись от поднявшегося ветра за склоном холма. Дождь так и не пошёл, хотя небо оставалось затянутым тучами. Глядя на них, я вспомнила грозу, которую вызвал Шут, когда мы впервые с ним поругались.

Значит, с обеда его настроение ничуть не улучшилось...

Пока я собирала хворост для костра, Бахира стреножила лошадей и мула, а затем мы с ней принесли воды. Джастер сидел у огня, обняв колени. В лунных зрачках плясали отблески пламени. Время от времени длинные пальцы вздрагивали, и мне казалось, что Джастер очень хотел бы сейчас снова вырезать игрушки из веточек...

Короткий ужин прошёл в молчании. У Шута явно не было настроения разговаривать, и после еды он сразу лёг спать, завернувшись в свой плащ.

Мы же с Бахирой постелили на землю свёрнутый шатёр и взяли покрывала, чтобы было теплее и мягче.

Я лежала с закрытыми глазами и пыталась уснуть, когда услышала, как Бахира встала и подошла к Джастеру.

Осторожно приоткрыв глаза, я увидела, что Шут сидит, обняв колени и закутавшись в плащ. Костёр ещё не потух и Сновидица подбросила туда веток, а затем села рядом с Джастром и заглянула в хмурое лицо. Синий тал-лисам лежал на земле и короткие тёмные волосы Шута непривычно топорщились.

— Что тебя тревожит, сын мой? — донёсся до меня тихий голос. — Почему ты не спишь?

— Скажи, ами, среди той еды, что дал в дорогу Назараид, есть вино?

— Вино? Почему...

— Дай мне. Хотя нет. От того вина толку не будет. Где моя торба? Она должна быть где-то здесь...

Шут шарил рукой вокруг себя, а у меня сердце обливалось кровью от того, насколько беспомощным он стал.

— Вот, она, Джасир. — Бахира подала Джастеру его торбу.

Шут кивнул в благодарность и выудил из полупустой торбы тёмную бутылку. Зубами он выдернул пробку и под неодобрительный взгляд Бахиры приложился к горлышку.

— Что случилось, сын мой? — Бахира дождалась, пока Джастер оторвался от выпивки.

Вместо ответа Шут вытер губы и поболтал бутылку, прислушиваясь к бульканью. Над поляной разливался резкий запах. Он был похож на запах «огненной воды», но в то же время приятнее.

— Я хочу всё забыть, — сказал Джастер, не дожидаясь нового вопроса. — И ни о чём не думать. Хотя бы сейчас.

Он снова приложился к бутылке, а когда оторвался, судя по всему, содержимого оставалось на доньшке.

— Ветер времени стирает...

— Я помню всё, Бахира. — негромко ответил Джастер. — Помню, словно это было вчера.

— Джасир...

— Я устал, ами, — тихо ответил Шут. — Очень устал.

— Сон вернёт силы моему сыну. Утром...

— Нет, ты не понимаешь! — внезапно перебил Джастер. — С того дня, как я... ослеп, всё... всё пошло не так! Я... я знаю, что узор складывается как должно, и всё же... Шакрасс ат пша! — внезапно выругался он на незнакомом языке. — Я чувствую себя сломанной веткой, которую несёт бурная река! Я как беспомощный младенец, который сам не может ничего сделать! Это невыносимо!

Бутылка с размаху опустилась на землю, и стекло глухо звякнуло о мелкие камешки в траве.

Джастер снова прошипел ругательство, встряхнул уцелевшую бутылку и в один присест допил остатки.

— Джасир...

— Ты не понимаешь, ами, — снова заговорил он, пока Бахира встревоженно смотрела на него. — Ты ничего не знаешь. Никто из вас ничего не знает! Датри не открыла вам

правды и, демоны меня побери, я ей за это благодарен! И слава ей и Шанаку, что Сурт тоже держит свой болтливый язык за зубами, даже от своего ненаглядного Ёзефа... Хотя что-то хорошее в этой жизни...

Я слушала, затаив дыхание. Что на него нашло? О чём он хочет забыть? Какую правду нам не открыла Датри? О чём молчит даже Сурт?

Джастер неожиданно глухо рассмеялся, но этот смех не был весёлым. Наоборот, он был... горьким.

— Вы, люди, живёте в таком неведении... — он оставил бутылку и снова обхватил колени. — Вы забываете всё хорошее, но и плохое тоже... Вы даже не понимаете, как вам с этим повезло...

Бахира смотрела на Шута и явно ничего не понимала, как и я.

— О чём ты говоришь, Джасир? — осторожноспросила она. — Я не понимаю тебя.

— Неважно, ами, — отмахнулся Джастер. — Неважно. Я просто хочу ненадолго всё забыть.

Он протянул руку к торбе, пошарил в ней, хмурясь и что-то невнятное бормоча под нос, а затем выудил ещё одну бутылку, на этот раз глиняную.

— Вот ведь шкссса... — пробормотал он, пытаясь наощупь снять печать с горлышка. — Ничего не вижу... Как же меня это бесит...

— Думаю, Джасиру не стоит...

— Я не ребёнок! — грозно рыкнул Шут. — Не указывай мне!

— Ты разбудишь Янию, Джасир, — ответила Бахира, явно обескураженная такой резкостью.

Шут досадливо цокнул языком и зажал глиняную бутылку между ног. В его руках появился нож, и он наощупь начал срезать печать с горлышка.

— Неужели, мы настолько в тягость тебе, Джасир? — с неожиданной горечью тихо сказала Бахира. — Мы с Янией рады помочь тебе, но ты...

Джастер вздохнул и удачно подковырнул печать кончиком ножа. Звонко чпокнув, она упала в траву. До меня донёлся пряный запах, словно от свежего сена.

— Ты не понимаешь, ами. — Шут убрал нож, но пить не спешил. — Дело не в вас. Вы с Янигой ничего не знаете обо мне, и никто не знает. И я не хочу, чтобы вы это знали.

— Почему, Джасир? — Бахира осторожно коснулась его руки. — Ты попросил стать тебе матерью, и я приняла тебя своим сыном, а между матерью и её детьми нет тайн и недомолвок. Яния любит тебя. Неужели она настолько неприятна тебе...

Джастер криво ухмыльнулся и приложился к глиняному горлышку.

— Ты так и не оставила свою мечту женить меня? — усмехнулся он, опустив бутылку. — Думаешь, я откажусь от своих слов?

Что? Женить его? На ком?! Я еле сдержалась, чтобы не вскочить и не спросить, что это ещё за история с женитьбой.

Тихо, Янига, спокойно. Ты уже опытная ведьма, лежи в «тени» и слушай внимательно! Когда ещё Джастер так разоткровенничается...

Бахира только вздохнула, огорчённо покачивая головой.

— Неужели на всём свете нет женщины, способной разжечь твоё сердце, Джасир?

Шут криво усмехнулся.

— Я не желаю говорить на эту тему, Бахира. Это понятно?

Он снова приложился к выпивке, а Сновидица тяжело вздохнула.

— Джасир безжалостен к любящим его сердцам, словно они его враги, — грустно сказала она. — Ты учил нас, что каждый получает то, что заслуживает и в этом есть высшая справедливость, ибо этому закону подчиняются даже боги. Ответь мне, сын мой, чем же Яния заслужила своё разбитое сердце? Почему твоё милосердие щадит людей, забывших законы Матери, но отворачивается от любви той, что служит ей?

Шут замер, а затем опустил руку с бутылью. Я же затаила дыхание в ожидании его ответа.

Наконец-то я узнаю, почему он всё время отталкивает меня.

— Потому что у Яниги своя судьба, а у меня — своя, — негромко сказал Джастер, глядя куда-то перед собой. — И она об этом знает. Я её не обманываю и не обманывал, Бахира. Не моя вина, что она придумывает себе то, чего нет, и обманывает сама себя. Я не разбиваю ей сердце, это её заблуждения разбиваются о реальность. Я обещал ей только то, что могу дать, не больше.

Безжалостен к любящим его сердцам... Вот уж точно! Никогда он моих чувств не щадил! И даже сейчас не пожалел, хоть и не знает, что я всё слышу!

Мои заблуждения разбиваются о реальность... Сама себе придумываю то, чего нет... И опять он эту свою судьбу приплёл! Хоть бы уж рассказал, что у меня там за судьба такая, что он от меня, как от заразы какой, отмахивается...

Но Шут ещё не закончил.

— Не волнуйся за неё, ами. Вы обе служите Датри, и она вас не оставит без своего покровительства. У тебя и у неё всё будет хорошо. А я... — он снова криво усмехнулся и взболтал остатки вина. — Я ей должен. И не только ей. И должен столько, что...

Он резко замолчал и махнул рукой.

— Это вас не касается. Забудь.

Джастер снова приложился к бутылки, пока Бахира молчала и задумчиво хмурила брови, глядя на Шута. И я в вдруг поняла, что такой откровенный разговор у них состоялся впервые, не смотря на всё, что их связывало. Джастер и в самом деле никому ничего не говорил о своём прошлом.

Только прошлое его не отпускало, и дело здесь было явно не в любовной истории. Не служит Датри, а должен ей... И не только ей...

«Не хочу, чтобы вы об этом знали»...

«Ты думаешь, кто-то из нас способен забыть, что ты натворил, Ашу Сирай?!» — вдруг вспомнились мне слова Сурта. — «Иди и исполни, что обещал!»

По спине прокатилась настоящая волна холода от внезапного понимания. Джастер действительно должен не только Датри, но и Сурту. А может и не только им, но и другим богам.

До этого момента я не осознавала, насколько всё серьёзно на самом деле. Моя любовь и желание быть рядом с Джастером настолько затмили мне глаза, что Вахала и неизвестный враг Шута казались самыми страшными преградами на пути к моему счастью.

На самом деле, для Джастера всё намного сложнее, чем я думала.

Что бы он ни скрывал, это наверняка была очень тёмная и страшная история. Оказаться должником у богов — я даже не знаю, что такое нужно натворить, чтобы...

Чтобы Датри потребовала от него невозможное: вернуть в мир магию.

Великие боги! Неужели Джастер умудрился прогневать богов в той самой битве при Раймадане, о которой я ничего не знаю?!

Поэтому он и не хочет ничего говорить Бахире? Чтобы она не считала себя виноватой в этом его долге?

— Джасир... — Бахира осмелилась нарушить затянувшееся молчание. — Ты можешь довериться мне...

Шут покачал головой, прерывая Сновидицу.

— Нет, ами. — он снова был мрачен и хмур. — Это мой личный долг, вас он не касается. Достаточно того, что вы здесь, а я беспомощен и полностью завишу от вас обоих. Это и так невыносимо. Не делай мою жизнь ещё тяжелее.

Он снова пригубил вино, а Бахира протянула руку, но не коснулась его плеча. Джастер явно был не в том настроении, чтобы принять её сочувствие.

Невыносимо быть зависимым от нас... Горько-то как такое слышать. Словно мы с Бахирой виновны в том, что случилось...

Безжалостен к любящим... Ещё бы. Когда от тебя боги требуют невозможного, где уж тут любовные истории заводить...

— Янига считает, что я силён... — неожиданно заговорил Шут. — Но это не так. Совсем не так. Я слаб и беспомощен, как никогда прежде. Я не могу исцелять свои раны, не могу избавиться от этой слепоты, не могу использовать свою силу, не могу... Скашрассаа! Да я ничего не могу сделать, как раньше! Я связан, скован, заточён в этих проклятых ограничениях, как в крохотной клетке! От моей прежней силы остались жалкие капли! А теперь ещё и ослеп! Это я то! Я?! — он негромко и горько рассмеялся. — Видят боги, если бы он узнал — вот бы посмеялся надо мной! Хотя он не умеет...

Он? Кто такой — он? Тот самый враг Шута?

— Я — жалкая тень себя прежнего. — Джастер потряс пустой бутылкой и горько скривился. — Я пуст, как этот кувшин. Я совершенно бессилён, ами. Просто жалкое ничтожество.

Я закусила кулак, чтобы не выдать себя ни звуком. Что бы Джастер не пил, это вино явно на него подействовало, раз он так с Бахирой разоткровенничался и решил поделиться с ней своими переживаниями. Мне бы такого он и даже на пьяную голову не сказал...

Жалкая тень себя настоящего... жалкое ничтожество...

Это он-то? Он?! Который в храм самого Сурта с ноги заходит, с Тёмным богом на равных спорит, а его прислужника-лича, как сухую траву, чуть не спалил? Про всякую болотную нечисть и лесных разбойников с ведьмами я уже даже не заикаюсь...

Великие боги, это какая же сила у него была, что он сейчас себя младенцем чувствует? С гору?!

И как же сильно он переживает своё увечье на самом деле...

— Садир, эта мразь... — Джастер сжал кулак на глиняном горлышке. — Видит Шанак, будь я в силе, от этого жалкого самонадеянного червя и мокрого места не осталось бы! И ничего этого не было бы...

Он раздражённо махнул рукой, приложился к горлышку, и в очередной раз прошипев какие-то ругательство отбросил пустую бутылку.

Бахира кончиками пальцев вытирала бегущие по щекам слёзы.

— Всё идёт не совсем так, как я планировал, но... Не знаю, кто из вас молился Датри, но это помогло. Вы остались невредимы. Невинные не погибли. А цена... что ж, оно того стоило, наверное.

Я поражённо молчала, поняв, что удивительное спокойствие Джастера было навеяно

исполнением воли Великой Матери. Выходит, мои молитвы о помощи снова были услышаны...

— Джасир... — Бахира осторожно коснулась его руки. — Скажи мне, какую цену ты заплатил за смерть Гадюки? Что произошло во дворце эмира?

— Всего лишь позволил людям увидеть лицо Ашу Сирая. — Джастер мрачно смотрел в огонь невидящим взглядом. — Позволил своим врагам узнать о своём... своей слабости, — он провёл ладонью перед глазами. Позволил людям слышать то, что их не касалось. Я больше не смогу появляться в Сурае под этим именем и спокойно заниматься своими делами, и меня это не радует. А Янига... Янига узнала, что она Голос Датри.

«Ты поставил больше, чем свою жизнь, Ашу Сирай...»

В неведомой Игре сошлось куда больше концов, чем я думала.

Джастер уже заплатил зрением, заплатил своей репутацией и тайной Ашу Сирая, которые тщательно берёт. А ведь с момента разговора в храме Сурта прошло всего несколько дней...

Ох, Датри, я не знаю, чем Джастер тебя прогневал, но прошу: не сердись на него больше и помоги всем нам. Я верю, что он исполнит свой долг, но умоляю тебя — не увеличивай его ношу новыми страданиями...

— Яния — голос Великой Матери? — ахнула Бахира. — Как такое возможно, Джасир?!

Шут пожал плечами, нашарил торбу и под укоризненным взглядом Сновидицы достал новую бутылку.

— Спроси Великую Мать, Бахира. Она выбрала эту ведьму и наградила таким даром не я. — криво усмехнулся он. — Я только знаю, что Датри надоело ждать, и она решила больше не оставлять меня без присмотра. Вот и послала сначала её, а потом и тебя. А чтобы наверняка никуда от вас не сбежал, устроила мне это...

Он снова покачал перед лицом ладонью с растопыренными пальцами и горько рассмеялся.

— Знаешь, сколько раз я надеялся, что избавлюсь от этой ведьмы, а, Бахира? Трижды! Или четырежды? Тьфу ты, сбился со счёта... А, неважно! Она каждый раз снова за мной увязывалась! Тьма побери, пару раз я даже надеялся, что Датри настолько надоело ждать, что она послала эту ведьму меня убить! Я ей даже не мешал! Но нет... Всё не так...

Я только тихо дышала в покрывало и молча вытирала слёзы. Не мешал он... Я в первый раз чуть со страху не померла, вся измучилась, как ему в глаза смотреть буду, а он... Избавится от меня хотел. Да и сейчас бы избавился, если бы мог.

Это я, глупая, про любовь грезил и мечтала. А на самом деле была и осталась для него чужой, ведьмой-посланницей Датри. И какая разница, что я до вчерашнего дня и не подозревала о своём высоком статусе в глазах богов?

Для Джастера это было очевидно с момента нашего разговора в Пеггивилле. А может и раньше. Он же много раз говорил, что у меня особенный дар. А про эту самую судьбу вообще сразу сказал...

«Таких, как ты, мир не видел очень давно».

Вот, увидел. Знать бы ещё, что с этим даром делать. Пока всё, что я могу, просить Датри о помощи и надеяться, что она откликнется на мои просьбы.

Убить его меня послали. Скажет ведь тоже, шут...

Джастер снова горько рассмеялся.

— Твой народ называл меня пардом пустыни... Но я больше не пард, Бахира. Я слабый

слепой кутёнок, который только и может что жалко мявкать, призывая на помощь свою мать...

— Джасир... — Сновидица скорбно вскинула брови. — Как ты можешь так говорить?! Мы с Янией искренне любим тебя и хотим помочь!

— Я знаю, ами, — Джастер протянул руку и наощупь нашёл ладонь Сновидицы. — Я знаю. Прости, я наговорил всякого и обидел тебя. Я... я очень благодарен вам за всё. Я... я сам виноват, что так случилось. Слишком долго не хотел делать то, что должен. Вот у Датри и кончилось терпение. Но, демоны меня побери, как же эта слепота мне мешает! И ведь ничего с этим не поделатъ...

Что?! Как это: ничего не поделатъ?! Неужели... неужели он останется таким навсегда?! Шанак, Датри, не верю... Он же говорил, что его глаза можно вылечить?!

— Джасир...

— У меня не осталось выбора, ами. Как не было его на берегу Раймадана, так нет его и сейчас. Но тогда я был уверен в победе. А сейчас... Я не знаю, чем всё закончится, от меня это скрыто. Я могу только идти до конца и постараться сделать всё, что от меня зависит, чтобы вы не пострадали в той буре, которая очень скоро поднимется вокруг нас. К сожалению, защитник из меня сейчас... чуть больше, чем ничего.

Бахира вздохнула, а затем грустно улыбнулась.

— Сын Великой Матери настолько силён и горд, что отказывается принимать помощь в своих делах, — негромко сказала она. — Наши мужчины тоже были сильны и гордились своей силой. Джасир сказал, что помнит всё, словно это было вчера. Тогда он должен помнить те слова, что сказал моему народу на берегу Раймадана.

Шут, который до этого нахмурил брови, расслабился и понимающе хмыкнул.

— Помню, ами. Я сказал, что только глупец отказывается принять руку помощи, которую ему протягивают боги через других людей. А ещё сказал, что принятие своей слабости — первый шаг на пути обретения своей истинной силы. Благодарю, что вернула мне эти слова.

— Ты открыл своё сердце для людей, но держишь его закрытым для любви женщины, — Сновидица подвинулась ближе к Шуту, который снова нахмурился. — Ты боишься, что твой долг и правда о твоём прошлом оттолкнёт от тебя тех, кто тебя любит, и потому держишь нас с Янией за недругов. Твоя скорбь и увечье пошатнули твой дух и твою веру, Джасир

— Я не...

— Не перебивай меня, сын!

Бахира повелительно вскинула руку, и Джастер послушно замолчал, хоть и не мог видеть этого жеста.

— Я не знаю, что хранили о тебе страницы песков времён. Но я знаю, что ветер давно стёр те письма, и то прошлое — осталось в прошлом. Я не знаю, кем ты был и что делал до того, как пришёл к моему народу по воле Великой Матери. Но я знаю, что Джасир — пард пустыни, перед чьим именем трепетали наши враги, и никто не сравнится с ним в уме, доблести и смелости. Ты спас мою дочь, ты спас мой народ. Чтобы ты не решил и куда бы не лежал твой путь, моё сердце и мои мысли всегда будут с тобой, сын мой. Я в тебя верю, Джасир. Ты справишься, как справлялся всегда. Ноша, что досталась тебе по воле Великой матери, очень велика, и ты не можешь разделить её с другими. Ты устал, твои глаза не служат тебе, как прежде, и потому ты сомневаешься в себе и видишь себя слабым. Но это не так. Кара Великой Матери не сломила тебя. Твой дух всё также силён и неукротим. Ты учил

нас верить в себя и не сдаваться перед лицом опасности. Ты говорил нам, что все испытания даются по силам. Теперь я возвращаю тебе эти слова тоже. Ты спас нас от Гадюки, ты идёшь к своей цели, ты намерен сразиться со своим врагом и помочь Янии, не смотря ни на что. Даже не видя, ты сражаешься, как прекрасный воин. Ты всё также умён, хитёр и силён, Джасир. Я, Бахира, дочь Малуны, руютон маджан, верю в тебя, сын мой. Мать Матерей верит в тебя. Яния верит в тебя. И ты поверь в себя и поверь во всех нас.

Я тихонько вытерла мокрые глаза, поражаясь этим словам, тронувшим меня до глубины души. Бахира не переставала меня удивлять.

— Спасибо, ами, — Шут грустно и благодарно улыбнулся. — Спасибо за твою мудрую речь. Айшу должна гордиться такой матерью.

— Позволь мне сейчас побыть матерью и для тебя, Джасир. — Бахира ласково коснулась его лица ладонью. — Хочешь, я спою тебе колыбельную?

К моему удивлению, Шут кивнул и лёг, положив голову на колени Бахире. А она тихонько запела, успокаивающе поглаживая его по плечу.

Я не могла разобрать слов, но это была другая песня, не та, что она пела мне и своей настоящей дочери. Спокойная и ласковая мелодия сплеталась с потрескиванием веток в костре. Я слушала напев, и даже не заметила, как мои тревога и беспокойство сменились тихим умиротворением.

Песня затихла. Джастер спал, а Бахира осторожно и ласково гладила тёмные короткие волосы.

Я закрыла глаза, чтобы не видеть эту сцену нежности. Сновидица народа маджан легко и просто делала то, что я никогда не позволяла себе. Сколько раз в такие непростые моменты мне хотелось также подойти к Джастеру и просто обнять его, побыть рядом, провести рукой по мягким непокорным волосам... Но я всегда боялась, что это рассердит его ещё больше. А Бахира...

В который раз она поразила меня своей удивительной мудростью. Она недаром была одной из Матерей Лунного круга. Она нашла нужные слова, чтобы успокоить и поддержать Шута. Мне же не хватало для этого ни опыта, ни понимания...

Ох, Янига, Янига... Сколько всего успела узнать и увидеть, а вот понять, что у Джастера на душе — не смогла. Он сказал, что всё нормально, а я и поверила. Ещё бы он на меня, глупую, смотрел.

Бойтся, что правда о его прошлом заставит отвернуться тех, кто его любит... А ещё его долг богам... Вот почему он никого к себе не подпускает.

Потому что уже терял близких и любимых. Любимая женщина выбрала другого. Друг... Это я решила, что друг из домеров у него на руках умер. А теперь не знаю, что и думать...

Всё у нас с Бахирой будет хорошо. А у него самого? Почему он не думает о себе? Неужели он всё-таки знает, чем всё закончится, просто нам говорит другое, чтобы не волновались?

Ох, Матушка, прошу тебя, пусть Джастер останется жив! Ты же веришь в него, поэтому помогаешь, хотя он и не всегда тебя слушает, правда?!

Бахира же в него верит. И я... верю. Это он сам в себе засомневался ненадолго. Хотя любой на его месте засомневался бы, потеряв зрение и оказавшись лицом к лицу со старым врагом...

Ох, Джастер, сколько же всего ты скрываешь и насколько тяжёл груз в твоей душе, что даже тебе хочется хоть немного облегчить свою ношу и поделиться своими переживаниями

хоть с кем-то, кому ты доверяешь...

И пусть этот кто-то не я, а Бахира, так ведь и связывает вас намного больше, чем...

Рядом раздались мягкие шаги и тихий голос произнёс:

— Мы с Джасиром разбудили тебя, Яния?

Я вздохнула и открыла глаза. Бесплезно притворятся, да и стоит ли?

Сновидица смотрела на меня с беспокойством. Джастер спал, подложив руку под голову. Сверху его укрывал плащ, накинутый заботливыми руками Бахиры. Две пустые бутылки — стеклянная и глиняная, — лежали в стороне от костра. Третья так и осталась нетронутой.

— Спеть тебе, Яния? — Бахира ласково улыбнулась, но я села и покачала головой.

— Ами... — я посмотрела на спящего Шуга, лицо которого даже во сне отражало глубокую усталость, и решила задать вопрос, который тревожил меня весь день.

— Расскажи мне что случилось на Раймадане?

47. Битва при Раймадане

С губ Бахиры сошла улыбка. Она тоже посмотрела на Джастера и её лицо отразило внутреннюю скорбь. Я успела пожалеть о своей просьбе, но она села на землю рядом со мной и взглянула мне в глаза.

— Хорошо, Яния. — Сновидица народа маджан взяла мои ладони в свои. — Мне понятно твоё любопытство и нежелание Джасира вспоминать случившееся. Но я приняла тебя как свою дочь, а Великая Мать выбрала тебя своим голосом. Я расскажу тебе, как мой народ отстоял свою свободу, и какую цену мы заплатили за это.

Я только кивнула, с ожиданием и интересом смотря в светлые глаза Бахиры. Впервые я смогу узнать о прошлом Джастера не из своих догадок и его случайных оговорок, а от того, кто был с ним рядом много лет назад.

Бахира же отпустила мои ладони и села у костра, по обычаю маджан подобрав ноги под себя.

— Знает ли Яния о землях, которые Тёмный Сын Великой Матери называет своими?

Я покачала головой, а Бахира понимающе кивнула.

— Очень давно, так давно, что никто из людей не помнит тех времён, боги прогневались на наш мир. В те древние дни небо и земля смешались между собой, а люди утратили дары богов. Маджаны жили очень далеко отсюда, и земля наших предков была щедра и богата настолько, что через каждые шесть полных лун мы собирали новый урожай. Но потом гнев богов опалил нашу землю и превратил её в мёртвую пустыню. Многие погибли в том чудовищном огне, многие умерли от голода и жажды. В страхе и ужасе, полные отчаяния, много дней мы молились Матери Матерей, и она откликнулась на наши молитвы. Через сны наших женщин она стала указывать нам путь и наставлять нас, и так мы выбрались из ужасной пустыни.

Я слушала и невольно вспоминала рассказ Джастера о его родине. Значит, народ Бахиры тоже пришёл из Проклятых земель... Вот почему у них похожее отношение к женщинам.

— Но наши скитания только начались, — продолжала рассказ Бахира, не замечая моей задумчивости. Светлые глаза смотрели в огонь, в зрачках отражались язычки пламени.

— Прежний мир обратился в хаос, люди обратились против людей и прочих удивительных созданий Великого Отца и Матери Матерей. Но наши женщины неустанно молились Великой Матери, и она продолжала дарить им сны о грядущем. Долгие годы длились наши скитания, и многих бед удалось нам избежать прежде, чем мы пришли в дом Небесного Отца.

— Дом Небесного Отца? — не сдержала я удивления. — Разве Сурайя — это не владения Сурта?

— Так и есть, — спокойно кивнула Бахира. — Его земли богаты и щедры на берегу солёных вод Лона Матери и Белой Реки, но бедны вдалеке от них. Огромные поля жёсткой сухой травы хороши для диких лошадей, лёгконогих тауров и выносливых гаминов, но непригодны для того, чтобы возделывать их. На много дней пути тянутся эти безводные степи, а за ними лежит Бейту-Абельсаи, Дом Небесного Отца, ставший домом и нам, ибо никто из людей не осмеливался поселиться на этих землях прежде.

— И... какой он?

— Там песок и ветер, небо и солнце, — Бахира мечтательно и печально улыбнулась,

вспоминая свою родину. — Как вода и ночь — суть и милость Великой Матери, так день и солнце — суть и милость Небесного отца. Почитающие Тёмного Сына Великой Матери называют это место пустыней, и боятся её, но она не пустынна.

Я внимательно слушала, пытаясь представить место, где есть только песок и небо. Вот что такое пустыня, значит...

Ашу Сирай давно сгинул в пустыне... Сын песка и ветра...

— Хотя лишь редкие дожди и глубокие колодцы поят пески, там живут гамины и парды, рогатые алзабу и песчаные зайцы ускуру, быстрые ящерицы, змеи и мыши, птицы и гады. Бейту-Абельсаи полна жизни для тех, кто смел и силён духом, — продолжила Бахира. — На границах Бейту-Абельсаи и поселился мой народ. Наши мужчины охотились и разводили лошадей и гаминов, водили караваны через пески, защищали нас от разбойников. Люди, почитающие Тёмного Сына Великой Матери не смели заступать нам дорогу. Они прятались от солнца и ветра за высокими стенами и воевали с другими, но не с нами. За годы странствий наши мужчины сумели прославить себя как воины, и имя маджан, детей песка и звёзд, внушало страх нашим врагам. Чужие правители пытались заманить наших мужчин на службу, обещая в награду золото, но дети песка и звёзд не продают свою честь и свободу.

— А Раймадан? Где это? — напомнила я Бахире о главном.

Сновидица народа маджан снова взглянула на спящего Шута и негромко вздохнула.

— Раймадан — это слёзы Великой Матери, что она пролила скорбь от того, что случилось между её божественными детьми и людьми. Он течёт в сердце Бейту-Абельсаи, его воды горьки, и бурлят, словно кипяток в котелке, забытом на костре. Земля вокруг тверда, как камень, покрыта трещинами и солью, и бесплодна на несколько дней пути. Пески, что окружают земли Раймадана — поют печальную песнь обо всех погибших в этом мире. В тех водах нет жизни и никто не селится на его берегах. Таким он был, когда мы пришли на его берега. Воистину это место, где Мать и Отец скорбели о своих погибших детях. Рядом с этими землями даже Бейту-Абельсаи казался цветущим садом, ведь в его песках есть вода и жизнь.

Я невольно вздрогнула и обхватила себя руками, не в силах представить настолько ужасное место. Слёзы Великой Матери...

— Что там случилось?

Бахира тяжело вздохнула.

— Владения Небесного Отца опасны для тех, кто не умеет различать голоса песка и ветра. Есть места, где песок живой и ступивший на него, тонет, словно в воде. Однажды моя Айшу пасла гаминов и один детёныш убежал из стада. Айшу отправилась искать его и попала в ловушку живого песка. Некому было услышать крики слабого ребёнка, и она бы погибла, но Мать Матерей послала к ней Джасира. Айшу говорила мне, что он появился перед ней как дух пустыни, как воплощение Небесного Отца. Джасир прошёл по живому песку, как по твёрдому камню, и спас Айшу.

Бахира с непередаваемой нежностью и благодарностью посмотрела на спящего Шута и промокнула уголки глаз кончиками пальцев.

— Он вернул её домой, назвал себя певцом и сказителем, и сказал, что пришёл помочь нам по воле Великой Матери. Никто ему не поверил, но он спас мою дочь и ему позволили остаться, потому что ему некуда было идти. Несколько лун Джасир жил с нами, но успел прославить своё имя среди мужчин как охотник и как воин. — Бахира посмотрела на меня и едва заметно улыбнулась. — Я не знаю, откуда Джасир пришёл и куда лежал его путь, когда

он покинул нас, не спрашивай меня об этом, Яния. Но я знаю, что Мать Матерей воистину благословила нас, прислав Джасира в самое тёмное время для моего народа.

— В самое тёмное время? — удивилась я.

— Верно, — Бахира печально кивнула. — Те, кто почитает Тёмного Сына Великой Матери, решили отобрать у нас наши земли и нашу свободу. Правитель этих недостойных людей отправил к нам Садира, который сказал, что его султан хочет заключить с нами большой договор об охране караванов, а для этого желает устроить испытание нашим лучшим воинам. Наши мужчины поверили Садиру, и не послушали Джасира, который отговаривал их. Они отправились с Садиром и были жестоко убиты. Мой муж, Алмет, и мой отец были среди них.

Я молчала, не зная, что сказать. Бахира тоже замолчала, печально глядя в огонь.

— По... почему они не послушались его, ами? — осмелилась я нарушить молчание.

— Нам не хватило веры, Яния. — печально улыбнулась Бахира. — Джасир — не кровь от крови маджан, а я не была Сновидицей. Лунный Круг не вмешивался в дела мужчин, никому из маджан Великая Мать не посылала знаков, потому они приняли такое решение.

Я понимающе кивнула. Конечно, спасение ребёнка — это хорошее дело, но это не повод верить словам того, кто был для племени чужим...

— День, когда кони вернулись с изуродованными телами наших мужчин, я никогда не забуду, — тихо продолжила Бахира, а её глаза сверкнули гневом. — Надеюсь, Гадюка сполна заплатит своими мучениями за тот обман!

Я осторожно коснулась её руки пальцами, желая утешить и поддержать. Сновидица народа маджан вздрогнула и благодарно мне улыбнулась.

— Вместе с телами убитых мужчин Садир прислал дерзкое письмо. Он предлагал нам стать подданными его правителя или угрожал уничтожить наш народ. Наши воины подтвердили угрозу: они видели войско во много раз больше, чем было у нас мужчин, женщин и детей.

— И что вы сделали? — я слушала, затаив дыхание.

— Лунный круг собрал всех взрослых мужчин и женщин. Было сказано много слов, и Лунный круг принял решение уходить на другую сторону Бейту-Абельсаи. Мы надеялись, что войска султана не осмелятся отправиться за нами так далеко, и люди, забывшие законы богов, оставят нас в покое.

— А Джастер? Он согласился с этим?

Бахира покачала головой.

— Джасир сказал, что нам не удастся сбежать от судьбы, и наш путь лежит к берегам Раймадана. Но наши умы и сердца были полны горя и гнева, а его слова о земле скорби и горя вызвали лишь новый гнев и недовольство. Мы вновь не услышали его.

— И что случилось потом? — тихо спросила я.

— Джасир оказался прав. — Бахира печально вздохнула. — Путь к спасению, что мы избрали, преградила песчаная буря, каких мы прежде не видели. Небо вокруг нас почернело, а затем исчезло в тучах песка, поднятого ветром. Сила же его была такова, что песок рассекал плотные шкуры, спасавшие нас прежде, ранил гаминов и лошадей, и никто не мог свободно дышать, даже укрывшись пологом шатров. Нам казалось, что древние легенды стала явью и небо вновь смешалось с землёй. Даже самые упрямые поняли, что Отец и Мать гневаются на нас. Тогда Лунный круг вспомнил слова Джасира, и решил последовать его совету: идти на берега Раймадана. Когда это решение было принято, буря утихла, словно её

не было. Больше никто не сомневался в истинности слов Джасира.

Я только качала головой, поражаясь услышанному и невольно вспоминая одну глупую ведьму. Небеса почернели и небо смешалось с землёй... Уж не знаю, в самом ли деле Шанак и Датри так гневались на маджан, или это гнев Шута обрушился на тех, кто пошёл против судьбы...

Говорить Сновидице о своих подозрениях я не собиралась, но Бахире сейчас было не до меня и моих мыслей. Она погрузилась в воспоминания.

— Наш путь был долог, — продолжала она, глядя в огонь. — Джасир вёл нас через пески в самое сердце Бейту-Абельсаи. Никогда мы не заходили так далеко, и наверняка погибли бы, но Джасир вёл нас от источника к источнику, и мы не знали жажды и голода. Многим казалось, что мы можем укрыться в песках от врагов, но наши воины неизменно приносили вести о том, что армия султана идёт по нашим следам. Так мы поняли, что Джасир вновь оказался прав, и сбежать от битвы не удастся. Но никто из нас не понимал замысла Джасира, а сам он сказал, что мы должны верить словам Великой Матери, даже если не слышим её в своих сердцах.

Когда под нашими ногами застонали пески, это напугало нас, но Джасир сказал, что наши страдания скоро закончатся, и велел запастись водой на несколько дней. Мы послушались его, и скоро под нашими ногами оказалась мёртвая земля. Воды Раймадана кипели и бурлили перед нами, и мы поняли, что наш путь закончен. Джасир указал нам место на берегу, где велел остановиться старикам, женщинам и детям, и попросил Лунный круг собрать всех взрослых мужчин.

— Ты была на этом собрании, ами?

Бахира покачала головой.

— Нет, Яния. Там был мой сын, Ируз. Он рассказал мне, что Джасир позвал с собой и битву сотню воинов, готовых умереть за свой народ, и сказал, что пойдёт с ним, чтобы отомстить за своего отца и деда. Все остальные должны были ждать.

— Сотню против многих тысяч?! Это же безумие!

Бахира вновь кивнула.

— Верно, Яния. Все так считали и потому Гадюка наверняка уже праздновал победу, увидев, куда завела нас судьба. Однако Джасир открыл Лунному кругу, что в его власти заставить павших в битве вновь сражаться против живых. Ещё он сказал, что все, кто пойдут с ним, останутся на поле битвы, но это наш единственный шанс спастись и обрести свой дом. Такова цена, которую мы должны заплатить за новую жизнь, иначе народ маджан бесславно погибнет на этой мёртвой земле. Отец и Мать благословляют на жизнь сильных и смелых людей, с верой и любовью в сердце умеющих защищать то, что им дорого, и не станут помогать тем, кто бежит от своей судьбы.

Я едва слышно охнула, испуганно прикрыв рот ладонью от внезапного понимания.

'- Я помню всё, ами...

— Они по доброй воле пошли с тобой... Они исполнили свой долг.

— Но какой ценой...'

«Ту войну начали люди. Благодаря мне она закончилась»

«Только с помощью злых духов ты одержал победу!..»

«Я не все. Мне не нужна сила Сурта»...

Великие боги... Так вот что он сделал... Поднял всех убитых и заставил сражаться против живых... А ещё заставил служить себе в этой битве тех, кто верил в Сурта. Ещё бы

тот на Шута не гневался...

— И вы...

— Мой сын пошёл с Джасиром, — Бахира коснулась уголков глаз кончиками пальцев, промокая слёзы, — как и те, кого Джасир выбрал из желающих защитить свой народ. Остальные остались ждать и молиться, и это было тяжелее всего.

— Значит, ты не видела, что там было? — осторожно спросила я, уже зная ответ.

Сновидица вздрогнула и обхватила себя руками.

— О нет, Яния, — она снова посмотрела на спящего Шута, и отвела взгляд. — Мы все видели и слышали это, хоть и были далеко от самой битвы. Буря, что преградила нам путь к бегству, показалась бы ласковым детёнышем рядом с разгневанной матерью, что изливала свою ярость над поющими песками! Всё вокруг было чернее безлунной ночи, земля под ногами гудела, словно стадо из множества обезумевших гаминов, огненные стрелы обрушивались с неба, и пески не стонали, а ревели на тысячи голосов... Воистину, там творилось нечто ужасное... Мы в страхе молились Отцу и Матери, прося их защиты и милосердия, ибо бежать нам было некуда.

Я молчала, потрясённая её рассказом, и даже боясь представить, что творилось в той битве. Теперь понятно, почему Джастер не хотел говорить об этом.

Реки крови... х-ха... Он тогда видел не реки, а, наверное, целое море крови... Идти по трупам, убивая всех подряд... и поднимая убитых, чтобы заставить сражаться против живых.

Великие боги, у меня мороз по коже от одних мыслей... Я-то думала, он преувеличивает, потому что на меня злится, а он...

Ашу Сирай, Машнун-Мают, Безумный Джасир никогда не шутил на тему смерти.

Бахира тоже молчала, погружившись в тяжёлые воспоминания.

— Что случилось потом, ами? — решила я нарушить затянувшееся молчание.

Сновидица вздрогнула и подбросила ветку в почти потухший костёр.

— Джасир велел нам похоронить всех наших воинов вопреки обычаю: не отдавая тела песку, а предав их огню, — негромко заговорила она. — Он велел жечь погребальные костры три дня и три ночи, и никто не осмелился нарушить его приказ. Сам он читал молитвы на языке, неизвестном нам, не прерываясь на сон, еду или отдых.

«Сколько друзей ты похоронила, ведьма?! Что важного ты теряла в жизни?!»

Ох, матушка, как же стыдно за свою глупость...

Но я не успела погрузиться в сожаления, Бахира продолжила рассказ.

— Когда потух последний костёр, Джасир сказал, что души наших погибших воинов стали хранителями всех маджан. Также велел нам оставаться в этих землях, сказав, что теперь это наш дом по праву чести и крови, так решили Отец и Мать.

— Но ведь там же нельзя было жить?! Как вы...

— Верно, — кивнула Бахира, не сводя задумчивого взгляда со спящего Шута. — Но Джасир вновь оказался прав. Мы стали свидетелями истинного чуда: воды Раймадана успокоились и очистились от соли, вода полилась с неба, омыла прежде мёртвые земли, и они покрылись свежей травой. Джасир научил нас возделывать землю и ловить рыбу, что появилась в водах Раймадана. Он показал нам, как добывать золото и прекрасные камни со дна реки, чтобы наши мужчины могли снова создавать прекрасные украшения. Затем он покинул нас, сказав, что исполнил всё, что должен был исполнить по воле Великой Матери. Мы не хотели отпускать его, множество слов было сказано и множество девичьих слёз пролито, но Джасир был непреклонен в своём решении и оставил нас, велел слушать сны,

через которые Мать Матерей будет говорить с нами. После его ухода я впервые увидела такой сон и стала новой руютон маджан за много лет. Так мы обрели новую жизнь, новый дом и новую веру.

«Пришло время вернуть мой долг и долг народа маджан»...

Теперь понятно, почему Бахира готова идти за Джастером куда угодно.

А Джастер... Любой другой на его месте наслаждался бы заслуженной славой и почестями, купался бы в золоте и женских ласках, а он...

Он встал и ушёл, как делал всегда. Ему не было дела до награды и почестей. И он никогда не хвалился своими делами.

Слаб он и бессилён, да? С сотней воинов выйти против настоящей армии? В должниках у самой Датри ходить? С ноги в храм самого Сурта войти? С Тёмным богом на равных разговаривать?

Это он тенью себя прежнего называет?

Бахира поворошила угли веткой.

— Скажи, ами... — Я посмотрела на Сновидицу. Её профиль казался вырезанным из листа бронзы, и угли бросали на него багровые отсветы. Светлые глаза ярко выделялись под чёрными бровями.

— Джасте... Джасир... Что ты знаешь о его прошлом? До того, как он пришёл к вам?

Бахира покосилась на меня и покачала головой.

— Ветер каждый день стирает письма с песков времени и никому не ведомо, что скрыто на страницах прошлого. Великая Мать привела Джасира к нам, когда мы больше всего нуждались в таком человеке. И он покинул мой народ, едва мы устроились на своей новой земле. Никому не удалось уговорить его остаться, и Мать Матерей не послала мне ни единого сна, чтобы я могла остановить его. Я ничего не знаю о жизни Джасира до его прихода к нам, Яния. Признаюсь, я не думала, что смогу однажды снова его увидеть.

— Значит, он не служит Матери Мира? — удивилась я. — Это всё неправда?

Бахира печально улыбнулась.

— Джасир, без сомнения, глубоко почитает и уважает Великую Мать и её земных дочерей. И без сомнения, он исполняет её волю. Но он никогда не служил ей так, как служат наши мужчины.

«Вы ей служите, а я ей должен...»

И долг такой, что он готов отдать больше, чем собственная жизнь. Ох, Джастер... Чем же ты так прогневал саму Датри, что...

— Яния услышала историю моего народа, — прервала мои мысли Бахира. — Могу ли я попросить тебя утолить и моё любопытство?

— Да, конечно! — торопливо кивнула я.

— Расскажи мне о своей родине, Яния. Я ничего не знаю о ней. Какие люди в вашей стране, какие у вас обычаи?

Я кивнула, понимая, что настоящий вопрос она не задала из вежливости, и начала рассказывать свою историю.

Бахира слушала внимательно и не перебивая, заметно удивляясь тому, что для меня было привычным. Когда я закончила рассказ нашей с ней встречей, она некоторое время молчала, кутаясь в покрывало и задумчиво глядя на тлеющие угли костра.

— Вот как... Мать Матерей выбрала тебя своим голосом, но не открыла тебе этого, — она покачала головой. — А Джасир снова выполняет её волю, помогая тебе...

Я кивнула, чувствуя неожиданную грусть от этих слов. Исполняет волю Датри... Пока Бахира этого не сказала, я продолжала надеяться, что нас с Джастером связывает что-то большее, чем просто его долг.

— Не печалься, Яния, — Бахира ласково погладила меня по плечу. — Давай спать, дочка. Сегодня был очень долгий день, и ночь уже подошла к своей середине. Нам всем нужно хорошо отдохнуть. Утром мы поговорим с Джасиром.

Я кивнула, и мы стали устраиваться на ночь.

Бахира уснула быстро, а я, впечатлѐнная всеми разговорами, долго не могла уснуть.

В который раз получив ответ на один вопрос, я сразу натыкалась на множество новых. Джастер не переставал меня удивлять и поражать воображение. Его настоящая история была намного трагичнее и глубже, чем любовь обычного трубадура к богатой девушке, как я когда-то придумала.

Несчастливая любовь.

Женщина, которая его отвергла.

Долг перед самой Датри.

Ссоры с Тёмнооким Суртом и его Взывающими.

Битвы и сражения, которые я даже представить себе боялась.

Неизвестные мне друзья, которых он похоронил.

Помощь чужим для него людям, потому что «по судьбе».

И... странствия по дорогам в поисках того, кто может исполнить любое желание.

Ох, Джастер... Будь я на твоём месте, даже не знаю, чтобы я просила у Игрока...

Мои молитвы Датри не избавят тебя от долга перед ней, и твою любимую к тебе не вернут, это я уже понимаю. Как же жаль, что ты не доверяешь мне, и я ничего не знаю о твоём прошлом, и не знаю, чем тебе помочь...

Погружѐнная в эти печальные мысли, я не заметила, как оказалась на какой-то тропе, а всё вокруг окутано туманом. Тропа не пугала, а манила меня, и я бездумно шла дальше и дальше, краем сознания удивляясь такому необычному сну.

Спустя какое-то время я увидела пол из каменных плит, а за туманом угадывались не то колонны, не то стены высокого зала, чей потолок тоже скрывался в сером, словно пасмурный день, мареве. Пока я оглядывалась, из тумана показался высокий мужчина в длинной одежде вишнёвого цвета, которая напомнила одежду Ашу Сирая. Когда он подошёл ближе, я увидела что широкие обшлага и подол украшала вышивка в виде языков огня, пояс был золотым и усыпан драгоценными камнями, а на груди мужчины красовалось длинное золотое ожерелье с крупным алым камнем в центре звезды.

Длинные чѐрные волосы незнакомца красиво падали на широкие плечи, подчѐркивая тонкие черты лица и золотой загар. Несмотря на отсутствие усов и бороды, я вдруг поняла, что он далеко не так молод, как выглядел. Мужчина был необычно красив, я никогда не видела настолько правильных лиц, но эта красота меня больше пугала, чем притягивала. В его мягкой неторопливой походке чувствовалась сила и грация уверенного в себе хищника.

Мужчина остановился в паре шагов передо мной, улыбнулся одними губами, и я замерла под взглядом продолговатых золотых глаз, чувствуя себя пойманной бабочкой, за которой с любопытством наблюдает кто-то очень могущественный...

— Моё почтение, прекрасная госпожа Янига, — произнёс мужчина завораживающим глубоким голосом, выводя меня из оцепенения. — Рад с вами познакомиться. Зовите меня

Люисом.

— Очень приятно, — скомкано пробормотала я, не зная как себя вести. Пристальный взгляд необычных глаз пугал настолько, что хотелось поскорее проснуться.

Только странный сон меня не отпускал.

Люис в ответ на мою скованность добродушно улыбнулся, и пристальное внимание ослабло.

— Я старый друг вашего... хмм... близкого друга, — сказал он. — Разве он не рассказывал вам обо мне?

Друг моего близкого... Он старый друг Джастера?! Ох, великие боги, я, правда, вижу удивительный сон!

Люис слегка поморщился и взглянул куда-то вверх, а затем снова обратил взгляд на меня.

— О, неужели, он всё такой же грубиян и молчун, и ничем с вами не делится? — чёрные брови вопросительно поднялись. — Он ничуть не изменился?

Я покачала головой, понимая, что страх уступает место любопытству. Не иначе как Датри смилостивилась надо мной и послала этот сон, чтобы через этого удивительного человека рассказать то, что Шут так тщательно от всех скрывал!

— Да, вы правы, — ответила я, внезапно понимая, что скованность и робость куда-то испарились. И чего я боялась, спрашивается? Вот глупая ведьма! — Он ничуть не изменился.

Красавец Люис смотрел на меня так сочувственно и с таким пониманием, что я внезапно захотела поделиться с ним своей болью. Что я теряю? Кто, как не он способен открыть мне тайны прошлого Шута?

— Он совсем со мной не разговаривает, и ничего о себе не рассказывает! Считает меня за врага! А я ведь хочу ему помочь! Почему он такой, я не понимаю!

Люис сочувственно кивал на каждое моё слово.

— О да, он совсем не изменился. Как я вижу, его характер стал ещё хуже, чем был! Обижать недоверием такую прекрасную чистую и искреннюю девушку с дивным даром и считать вас своим врагом... Это очень грубо с его стороны! Подумать только, совсем разучился себя вести, как подобает с прекрасными женщинами! Вы же настоящий бриллиант, а он вас совсем не ценит!

Щёки у меня загорели от смущения, но слушать было очень приятно!

Вот почему Джастер так со мной не разговаривает? Всё «ведьма» да «ведьма», как будто у меня имени нет! И ни разу красивой не назвал...

И совсем меня не ценит! Только и думает, как от меня избавиться...

Люис осуждающе поцокал языком, а меня затопило горячей благодарностью за понимание.

— Быть может, я смогу вам чем-то помочь, госпожа Янига? — очаровательно улыбнулся Люис. — Расскажите мне, что вас беспокоит.

Я вдруг поняла, что он вежливо и бережно держит меня под руку, а колонны за туманом словно скользят мимо нас, хотя я не двигала ногами, а стояла на месте.

Внутри появилось чувство беспокойства, но туман по-прежнему скрывал всё вокруг. Я уж было решила, что мне просто показалось, когда следующая фраза удивительного гостя заставила меня забыть обо всём.

— Возможно, у вас есть вопросы, на которые я смогу ответить? Я буду рад помочь такой прекрасной девушке, как вы, госпожа Янига.

Есть ли у меня вопросы?! Да у меня целое море вопросов!

— А взамен я попрошу об одной маленькой услуге. Вы же не откажете мне, не так ли?

Я не успела открыть рот и сказать хоть слово, как внезапно что-то отшвырнуло меня в сторону. В следующий миг между мной и Люисом появился Джастер. Точнее, разъярённый Ашу Сирай.

Только вот без маски звериный оскал и горящие алым глаза Шута выглядели ещё страшнее, чем когда он казнил душу разбойника за воровство...

Люис изумлённо вздёрнул брови, а в следующий миг Ашу Сирай сгрёб его за грудки и оглушительно рявкнул прямо в лицо:

— НЕ СМЕЙ ВМЕШИВАТЬСЯ В МОЮ ИГРУ!

От этого рыка длинные чёрные пряди Люиса взметнулись вверх, у меня подкосились ноги, а клочья тумана разлетелись в стороны, открывая бесчисленные высокие колонны из тёмного камня, уходившие куда-то высоко и далеко. Под ногами показались тёмные плиты, на которые я и села, не в силах устоять от испуга и неожиданности.

Двое мужчин смотрели друг другу в глаза, и золотые явно не желали злить алые ещё больше.

— Брат... — Люис с натянутой улыбкой осторожно покосился на кулаки Шута, стиснувшие его одежду. — Не горячись! Я же просто хотел поговорить с...

— Ещё раз сунешься, рога потшибаю! — намного тише, но от этого ещё страшнее прорычал Шут, слегка встряхнув Люиса. — Ты меня понял?

— Понял, понял, отпусти уже, — слегка побледневший Люис осторожно двумя пальцами взял запястья Джастера, и Шут разжал руки.

— Ты мне наряд чуть не испортил, что про меня дама подумает...

Я молчала, до глубины души потрясённая удивительным сном.

Шут сложил руки на груди и недовольно и хмуро смотрел на Люиса. Тот досадливо цокая языком, снова уложил пряди на плечи, тщательно пригладил волосы и придирчиво разглаживал помятую на груди ткань.

Звериный оскал Джастера исчез, но глаза по-прежнему горели алым.

— Я вижу, ты всё такой же горячий, — Люис довольно улыбнулся, как ни в чём не бывало. — Что ж, я тоже искренне рад тебя видеть после нашей долгой разлуки. И раз уж ты, наконец, зашёл ко мне в гости, давай кое-то обсудим. У меня как раз есть отличное...

Я не успела ничего сказать или сделать, как в мою сторону сверкнуло алым и в следующий миг меня выкинуло из удивительного зала в реальность, как если бы из толщи воды за шкуру вытащили на поверхность одним мощным движением.

Ошеломлённая таким пробуждением, я села и глотала холодный сумрачный воздух. Перед глазами всё плыло, и я не могла понять: это ещё остатки сна или сейчас едва светает и вокруг настоящий туман с реки?

Не знаю, сколько я так сидела, пытаюсь прийти в себя и понять, что это вообще было. Даже утренний промозглый холод и умывание росой не помогли принести ясность в мысли.

Никогда прежде я не видела таких снов. Положа руку на сердце, я вообще никогда не помнила, что мне снилось, а в последнее время, кажется, вообще спала без всяких сновидений. Но то, что я увидела сейчас, было... ошеломляющим, удивительным и очень необычным.

Такое чувство, что все было не во сне, а... на самом деле.

От этой мысли меня вдруг прошиб такой озноб, что я обхватила себя за плечи, чтобы не

застучать зубами от наконец-то добравшегося до меня холода, и торопливо нырнула обратно под полог.

Бахира рядом только вздохнула и повернулась на другой бок, натягивая покрывало повыше. Пытаясь согреться, я вспомнила, как было тепло под плащом Джастера, и в первый раз после пробуждения посмотрела в сторону потухшего кострища.

Шут спал по ту сторону костра, с головой укрывшись чёрным плащом, блестящим от серебристых мелких капелек. Из-под плаща торчали мокрые сапоги. Три бутылки — две стеклянные и одна глиняная, — лежали в невысокой траве и поблёскивали влажными от росы боками. Торбы было не видно, наверно, Джастер подложил её вместо подушки, как иногда делал.

Я закрыла глаза, покачав укоризненно головой. Ох, Янига, Янига, уже взрослая ведьма, сколько всего повидала и узнать успела, а всё ещё впечатлительная, как дитя малое! Вот он, спит, как ни в чём не бывало! А я опять себе всякое придумала, чего нет и быть не может! Наслушалась Бахиру, надумала себе всякого, вот и приснилось такое.

Друг Шута, Люис... Ответит на мои вопросы... Расскажет тайну прошлого Джастера.. Ну надо же...

И всё-таки, жаль, что это был сон. Хотя... Я бы наверняка опять что-то придумала, чего нет, и не было на самом деле. Сколько раз уже он надо мной смеялся из-за этого.

Тем не менее, мне очень хотелось поделиться таким удивительным видением, но я только прикусила язык. Конечно, Бахира — Сновидица, и наверняка много знает про сны. Только вот сны, которые посылает Датри, точно совсем не такие, что я сейчас видела. Не будет Мать Матерей являться в виде черноволосого красавца и называться другом Шута, чтобы раскрыть мне его тайны. Во сне я могла такое подумать, но сейчас понимала, что это глупость. И мне совсем не хотелось, чтобы руютон маджан из-за этого сна смотрела на меня с жалостью, как на влюблённую дурочку.

Джастеру я бы рассказала. Только он опять предложит научиться на лютне играть и сказки рассказывать. Всё равно нам сейчас придётся как-то деньги на дорогу и еду зарабатывать. Танцевать я так и не научилась, зелья продавать как ведьма, пока не могу, вот и буду... трубадуркой.

Я представила себя тренькающей на лютне и рассказывающей сказку в каком-нибудь трактире — и даже фыркнула от смеха, до того нелепая картинка получалась.

Нет уж, Янига, ты ведьма, а не трубадур и не бродячая актриса, на публике выступать. Вот и думай, как можно денег заработать, пока будем до Вахалы добираться. Это же из-за неё Шут прятаться решил, и пока я с ней не разберусь, рыжей ведьме Яниге и её спутникам на дорогах будет очень небезопасно...

Вот о чём нужно с Джастером обязательно поговорить, а не о всяких глупых снах. И поговорить нужно, как он проснётся. Сам же сказал, что сегодня мы реку перейдём и в Эрикии будем.

Мысли о насущном окончательно вернули меня с небес на землю, я наконец-то согрелась под пологом и покрывалом, и снова уснула.

Больше книг на сайте - Knigoed.net